

THE LIBRARY OF CONGRESS

Лит. В. Прохорова.

Zurna

ЗУРНА,

ЗАКАВКАЗСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.

ИЗДАНІЕ

Е. А. Вердеревскаго.

ТИФЛИСЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАНЦЕЛЯРІИ НАМѢСТНИКА КАВКАЗСКАГО.

1855.

X

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Тифлисъ, 28-го Февраля 1855 года.

Цензоръ *А. Эбелингъ.*

Цензоръ *И. Кайтмазовъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Зурною въ Грузіи собственно называется духовой инструментъ, играющій господствующую роль въ туземномъ грузинскомъ оркестрѣ; но какъ во всѣхъ языкахъ *цѣлое*—часто получаетъ названіе отъ одной изъ своихъ *частей*, то и грузинскій народный оркестръ получилъ названіе отъ господствующаго въ немъ инструмента, — и сказать *зурна*, — въ Грузіи значитъ назвать цѣлый оркестръ, употребляемый туземцами при всѣхъ торжественныхъ процессіяхъ (*), при всякомъ маломъ и большомъ, домашнемъ и общественномъ праздникѣ. Этотъ оркестръ составляется изъ коротенькихъ рожковъ, на подобіе кларнетовъ, (собственно—*зурна*), изъ *дайры* — бубна, *димплипито* — барабановъ, *чонгури* или *чіанури* — скрипки, *ствири*, дудки и т. д.

Первый закавказскій альманахъ названъ *Зурною* не потому, чтобы въ этомъ литературномъ оркестрѣ преобладалъ *исключительно* элементъ туземный, какъ зурна въ туземной музыкѣ: по многимъ причинамъ нельзя было допустить исключи-

---

(*) См. заглавную картинку.

тельности въ этомъ отношеніи. Но назвать *Зурною* первый закавказскій литературный сборникъ казалось приличнымъ въ особенности потому, что можно допустить нѣкоторое сходство между грузинскою зурною и первымъ литературнымъ сборникомъ, издаваемымъ въ Грузіи: и зурна, и нашъ альманахъ — дѣти Азіи. Кромѣ того, какъ отъ азіятской зурны нельзя ожидать полной музыкальной стройности, такъ и отъ перваго закавказскаго альманаха несправедливо было-бы требовать совершенной стройности въ литературномъ отношеніи. По этому-то самая искреняя скромность побуждаетъ издателя заранѣе просить снисхожденія критики и читателей, если настоящій тифлисскій литературный оркестръ на первый разъ покажется имъ нѣсколько *зурноватъ*...

Е. В.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТИФЛИССКІЙ МУША.

ТИФЛИССКІЙ МУША.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ, съ прологомъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Въ прологѣ:

ЗУРАБЪ, муша (*).

ПОГОСЪ, тоже.

ПЕПАНЪ АСЛАНОВЪ, конторщикъ торговаго дома.

Въ піесѣ:

ДЯДЯ ЗУРАБЪ, муша.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ, богачъ, почетный гражданинъ.

ЛЕВАНЪ БЕКШІЕВЪ.

ГРАФЪ СТАНИСЛАВЪ ФРАНТІЕВСКІЙ.

КНЯЗЬ ДЗЕНДЗИДЗЕВЪ.

ТАРАБАРОВЪ.

БЕРМЕРИДЗЕВЪ.

Двое слугъ Погососшвердова.

ПРАВДИНЪ, слѣдственный Приставъ.

НИНА АСЛАНОВА.

КЕКЕЛА, дочь Погососшвердова.

РОЗА КАРЛОВНА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ, повивальная бабка.

КЕТЕВАНА, **МАРІАММА**, **ГЛАФИРА**, — молодыя сосѣдки Нины.

ХАНУМА, служанка Кекелы.

ФАННИ, служанка Г-жи Гелдлиберинъ.

Полицейскіе служители, солдаты, слуги, гости.

Дѣйствіе происходитъ въ Тифлисѣ.

(*) Муша — переносчикъ тяжестей. Люди этого сословія въ Тифлисѣ почти всѣ изъ Имеретинъ и отличаются необыкновеннымъ трудолюбіемъ и честностью, — добродѣтелями, послужившими однимъ изъ основаній для настоящей драмы.

ПРОЛОГЪ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Театръ представляетъ часть города, называемую Пески, на берегу рѣки Куры. На задней декораціи рядъ строеній, по противоположному берегу воздвигнутыхъ. Зимняя ночь. Луна проглядываетъ сквозь облака.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

ПОГОСЪ, потомъ **ЗУРАБЪ**.

ПОГОСЪ, *(сидитъ на камнѣ, на право отъ зрителей; подлѣ него новая годори (*), куртани (**), рголи (***) и фонарь).*

Такъ... рѣшено... довольно страдать, мучиться... Нищета, рубище... куртани... веревки... всѣ эти принадлежности новаго моего ремесла мнѣ надоѣли... Гадко... Гнусно на нихъ смотрѣть. Никогда къ нимъ не привыкну. Лучше... во сто разъ лучше умереть. *(Съ презрѣніемъ отталкиваетъ ногою всѣ принадлежности ремесла своего).*

ЗУРАБЪ *(за кулисами, поётъ).*

Лотебо! нетави чвена (****)
Дгесъ могвеца швеба лхена
Аріарали, таріарали!..

(*) *Годори* — корзина.

(**) *Куртани* — родъ подушки, которую муши носятъ на спинѣ.

(***) *Рголи* — большое желѣзное кольцо на ремнѣ, служащее для удобнѣйшей связки переносимыхъ тяжестей.

(****) т. е. «Эй гуляки, намъ благо сего-дня!
«Мы свободны, кутнёмъ, погуляемъ,
«Ой люли и пр.

(Идетъ вдоль рѣки, съ мѣшкомъ на спинѣ, въ изорванномъ рубищѣ, въ нетрезвомъ видѣ). Странно и смѣшно, право! Говорятъ, что стаканъ вина поддерживаетъ человѣка... гмъ!.. вздоръ... врутъ. Я выпилъ ихъ до тридцати, а едва на ногахъ держусь. Тьфу, пропасть! Ребенокъ меня съ ногъ сшибетъ. Нѣтъ, вѣрно я еще мало пилъ.

ПОГОСЪ. Нечего медлить... всему конецъ! *(подходитъ къ рѣкѣ и хочетъ въ неё броситься).*

ЗУРАБЪ *(встрѣчаясь съ Погосомъ, удерживаетъ его).* Что ты, что ты, товарищъ! Куда это?

ПОГОСЪ. Въ воду.

ЗУРАБЪ. Въ воду! Это что? Господь съ тобою! Человѣкъ, братъ, не утка!

ПОГОСЪ. Оставь меня... Жизнь мнѣ надоѣла! Лучше разомъ съ нею разсчитаться, чѣмъ каждый день умирать съ голода.

ЗУРАБЪ. Съ голода! Помилуй братъ! Кто съ голода умираетъ? Отъ жажды,—такъ согласенъ, не спорю; но я не дамъ тебѣ умереть и отъ жажды... Пойдемъ-ка, выпьемъ.

ПОГОСЪ *(стараясь вырваться).* Оставь меня, говорю тебѣ,—нѣтъ силъ болѣе страдать и мучиться.

ЗУРАБЪ *(отводитъ его отъ рѣки и приводитъ на авансцену).* Нѣтъ, товарищъ, стара штука! Муша не допуститъ своего брата сдѣлать глупость. Что тебя огорчаетъ? Нищета? Эва! Есть о чемъ тужить! Я тебя утѣшу, вылечу отъ всѣхъ страданій; но ужъ не водою,—а виномъ. *(поётъ):*

Авантотъ минисъ парани (*)
Ведзеботъ гвинисъ марани!
Аріарали, таріарали!..

Будь покоенъ! Есть надежда тебя вылечить. Ты не бѣшеный: это ясно видно изъ того, что хотѣлъ броситься въ воду; промѣняй же эту жидкость на другую—и ты спасенъ. Садись-ка сюда и потолкуемъ *(оба садятся на каменья).* Когда насъ грызетъ печаль, надобно ее разгонять виномъ. Средство

(*) т. е. «Дай, зажжемъ мы стеклянный фонарь,
«И поищемъ вина въ погребу! и т. д.

это удивительное! Я его испыталъ не разъ. Вѣдь я, братъ, и самъ не родился мушою. Помнится, когда-то я былъ богатъ, жилъ славно, да все къ чорту пошло, все... все... все! Что же? не утопился, не зарѣзался,—а прибѣгнулъ къ напитку, праотцемъ нашимъ Ноемъ изобрѣтенному, и утѣшился. Какъ выпью, такъ счастливѣй и веселѣй сардара персидскаго. А не на что выпить,—что же?—плечами природа одарила славными,—спина не треснетъ хоть подъ какими тяжестями. Вотъ вчера еще съ Эриванской площади на Салалаки перенесъ одинъ, на спинѣ, всѣ пожитки богатаго Армянина. Наградилъ онъ меня,—нечего сказать, дай Богъ ему здоровье; а главное за то наградитъ его Богъ, что не далеко было итти: у него же въ духанѣ все и прозюзилъ. *(всматривается въ куртани Погоса).* Что это, братецъ, новенькая куртани, съ иголочки, какъ говорятъ, а ты еще жалуешься. Чего же тебѣ не достаетъ? Ужъ не хочешь ли серебрянную годори, али можетъ быть и золотую; да шелковыхъ веревокъ, да бархатную куртани? А что же мнѣ-то дѣлать: у меня одинъ мѣшокъ, да и тотъ прорванъ; ты, я вижу, неблагодарное животное... Послушай-ка меня! Послѣдуй моему примѣру!—Не хочешь чихиря, маджара (*), что же? и хорошее кахетинское, слава Богу, не такъ дорого: на абазъ (**) вдоволь напьемся. Я, какъ осушу тунгу (***), двѣ, такъ мнѣ самъ чортъ не братъ; съ презрѣніемъ смотрю на все и на всѣхъ, пляшу, пою...

Гвино ро тавши брцкинавдесъ,
Тугиндъ замтари кинамдесъ (****)...

ПОГОСЪ. Это тоже самоубійство; но мой способъ вѣрнѣе и скорѣе ведетъ къ цѣли; скорѣе утоплюсь, чѣмъ стану пьянствовать... *(подходитъ къ рѣкѣ).*

(*) *Маджара* — молодое вино.
(**) *Абазъ* — серебрянная монета въ 20 коп. сер.
(***) *Тунга* — мѣра жидкостей, въ пять бутылокъ.
(****) т. е. «Когда вино въ головѣ,
«Что нужды, что на дворѣ морозитъ!

ЗУРАБЪ. *(удерживая его).* Упрямецъ! Умереть! Вѣдь войдетъ же такой вздоръ въ голову! Лишить себя жизни! Да развѣ ты не знаешь, что это запрещено законами Божіими и людскими?

ПОГОСЪ. *(въ сторону).* Вотъ привязался, проклятый! — *(вслухъ).* Да отстанешь ли отъ меня? Надоѣлъ!

ЗУРАБЪ. Утопиться! Эка выдумка-то славная! — Да ты братъ, видно, давно въ церкви не бывалъ. Послушалъ-бы, что на дняхъ говорилъ отецъ Давыдъ о самоубійствѣ. Что бишь онъ говорилъ? Дай Богъ память! Да, вотъ что: «Самоубійство есть величайшее преступленіе противъ закона Божія; это порожденіе гордости и лѣни. Убить самого себя хуже, чѣмъ зарѣзать другаго... потому хуже, что тотъ, кто убиваетъ себя, не подвергается никакому отвѣту передъ законами... это трусъ... солдатъ, бѣжавшій во время сраженія... это духанщикъ»... Нѣтъ, дядя Давыдъ не говорилъ этого... «это купецъ, который ложно объявляетъ себя банкротомъ... это... это»... и пошелъ, и пошелъ... А? что? задумался?.. То-то товарищъ, грѣшно, скверно, глупо... Однако я такъ много говорилъ, что въ горлѣ засохло... пойду выпью *(собирается итти).* Если же ты все-таки непремѣнно хочешь утопиться, такъ оставь мнѣ свою куртань въ наслѣдство *(поётъ).*

Веръ шегвашиносъ сицивемъ (*)
Ту тавши гвино брцкинавдесъ... *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

ПОГОСЪ. Вотъ сужденія людей! — Стыдно, гнусно сложить съ себя несносную тяжесть жизни... Такъ нѣтъ же, — не утоплюсь, да и пить не стану... Умру другою смертію; умру отъ руки палача... и горе, горе не мнѣ одному, а многимъ... многимъ!.. *(смотритъ въ лѣвую сторону).* Кто-то идетъ!....

(*) т. е. «Не бояться же намъ холода,
«Когда вино въ головѣ.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

ПОГОСЪ, АСЛАНОВЪ.

АСЛАНОВЪ. Какъ я запоздалъ! Надо поспѣшить. Хоть ничего случиться не можетъ, а все какъ-то страшно итти въ эту пору, съ такою значительною при себѣ суммою денегъ.

ПОГОСЪ. Деньги... деньги... рѣшено!.. *(подходитъ къ Асланову и, вооружась рголи, наноситъ ему ударъ по головѣ).*

АСЛАНОВЪ *(падаетъ).* помогите!.. помогите!..

ПОГОСЪ *(бросается на Асланова и вынимаетъ изъ его кармановъ мѣшокъ съ золотомъ и бумажникъ съ деньгами; Аслановъ защищается послѣдними силами, продолжая призывать на помощь).*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

ТѢ-ЖЕ и ЗУРАБЪ.

ЗУРАБЪ. Что тамъ за шумъ... *(видя борьбу, бросаетъ мѣшокъ свой и подбѣгаетъ).* Ахъ ты разбойникъ! Ахъ подлецъ!.. Караулъ! Караулъ!

ПОГОСЪ, Молчи, негодяй, молчи! *(схватываетъ Зураба, и сильнымъ ударомъ опрокидываетъ на землю, подлѣ Асланова).*

ЗУРАБЪ. Мошенникъ! Обезчестилъ мирное ремесло мушей!

ПОГОСЪ *(поспѣшно обираетъ Асланова).* Теперь есть чѣмъ жить, — и жить буду... *(убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

АСЛАНОВЪ, ЗУРАБЪ.

ЗУРАБЪ *(вставая).* Тьфу пропасть! Какой ударъ! Совсѣмъ протрезвилъ меня.

АСЛАНОВЪ *(умирающимъ голосомъ).* Боже милосердый! Жена... Дочь...

ЗУРАБЪ *(подходитъ къ нему).* Несчастный! У тебя жена, дочь... Успокойся, другъ мой! Я... я, бѣдный муша... не оставлю ихъ. Какъ тебя зовутъ?

АСЛАНОВЪ. Пепанъ Аслановъ... вотъ тутъ написано... не успѣлъ отнять... возьми... *(отдаетъ ему бумажникъ и умираетъ).*

ЗУРАБЪ. Умеръ!.. Боже всемогущій!.. О люди, люди! Вы хуже звѣрей: другъ друга пожираете!.. Нужно же мнѣ было помѣшать ему утопиться, чтобы онъ убилъ другаго!.. Вотъ что значитъ быть пьянымъ! Я не былъ бы лишенъ силъ помочь этому несчастному... Вотъ что я надѣлалъ... Всему виноватъ я... Пускай тотъ-бы утонился; а этотъ, отецъ семейства, остался бы живъ.... Проклятое вино!.. Нѣтъ, кончено; пить больше не стану. Клянусь въ томъ на трупѣ этого несчастнаго!.. Однакоже уйти мнѣ отсюда; а то нагрянетъ обходъ, и пожалуй меня схватятъ... *(беретъ оставленную Погосомъ куртань).* И съ такою куртанью разбойничать!.. Негодяй! Ну, смотри, не попадайся мнѣ... *(уходитъ).*

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ I.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

(20 лѣтъ спустя).

Театръ представляетъ внутренность бѣдной грузинской сакли (*); сцена раздѣлена пополамъ продольною перегородкою; въ лѣвой отъ зрителей сторонѣ — жилище Зураба; низенькія тахты (**); на полкахъ тарелки, битые горшки и всѣ принадлежности скуднаго хозяйства; на правой половинѣ — комнатка Нины; тоже скудное, но болѣе опрятное убранство: на полу мангалъ съ углемъ; по правую сторону отъ зрителей, къ авансценѣ, занавѣска, отдѣляющая уголъ, въ которомъ спальня Нины. Въ обоихъ отдѣленіяхъ заднія двери.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

НИНА, *(въ самой простой грузинской одеждѣ, сидитъ на тахтѣ и, при свѣтѣ сальнаго огарка, шьетъ пунцовую бархатную катибу (***).* **ЗУРАБЪ**, *въ своей половинѣ, спитъ, завернувшись въ бурку. По поднятіи занавѣса, слышенъ бой городскихъ часовъ).*

НИНА. Одинадцать часовъ. Глаза мои смыкаются; руки онѣмѣли; не могутъ держать иголки. Боже мой, какъ грустно! Слезы такъ и вырываются изъ глазъ; а работать должно: катиба эта должна быть готова къ утру. Свѣча догораетъ; лампа тухнетъ; темно, холодно... Боже мой! Какъ мертвымъ должно быть холодно въ землѣ! Нѣтъ,

---

(*) *Сакля* — землянка.

(**) *Тахти* — широкая скамья.

(***) *Катиба* — женскій нарядъ, въ родѣ душегрѣйки.

имъ лучше, чѣмъ мнѣ на бѣломъ свѣтѣ... О! почему я не умерла, подобно моимъ бѣднымъ родителямъ... Къ чему мнѣ жизнь?.. Я одна, одна въ цѣломъ мірѣ... Труды, нищета — вотъ мой удѣлъ! Несносная катиба! никакъ не могу её кончить... Ахъ! если-бы подлѣ меня сидѣла моя добрая мать! Веселѣе-бы шла у меня работа... Ея поцѣлуи утромъ и вечеромъ ободряли меня, придавали силы заработывать хлѣбъ, который мы ѣли вдвоёмъ; а теперь... Съ кѣмъ мнѣ его дѣлить? Къ чему всё это ведетъ? Что меня ожидаетъ? Вѣчные труды, утомленіе, скука, голодъ, холодъ, а тамъ... могила. Ну, слава Богу! катиба кончена. Примѣримъ-ка её *(надѣваетъ катибу и смотрится въ обломокъ зеркала, съ видимымъ удовольствіемъ)*. Какъ счастлива та, которая будетъ носить этотъ нарядъ... ей удовольствіе; мнѣ труды... А вѣдь онъ мнѣ къ лицу... Ну, право, я въ немъ не дурна... Если зеркало не лжетъ, то бархатъ, золото и всѣ эти украшенія чудо какъ пристали ко мнѣ! *(вздыхаетъ)*. Но къ чему это все для меня? Кто меня замѣтитъ? *(продолжаетъ смотрѣться)*. А хорошо-бы пощеголять! Чего-бы еще нужно къ этому наряду? Тавсакрави (*), унизанные жемчугомъ, кружевную лечаки (**), брильянтовыя серьги, кольца бирюзовыя и изумрудныя... а тамъ прогулки, пляски, веселости; а тамъ замѣтитъ меня молодой человѣкъ... Я ему нравлюсь... Мы пляшемъ лезгинку... Онъ открывается мнѣ въ любви... Я выхожу за него за̀-мужъ; и живемъ мы долго, долго въ счастіи *(вздыхаетъ)*. Но нѣтъ! Не бывать всему этому! *(за кулисами слышны пѣсни, звуки зурны)*. Послѣдніе дни масляницы! Вездѣ радость, вездѣ веселье... А мнѣ тоска и слезы... *(смотритъ въ зеркало и вздыхаетъ)*.

(*) *Тавсакрави* — головной уборъ, принадлежность костюма Грузинокъ.
(**) *Лечаки* — вуаль.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

НИНА, КЕТЕВАНА, МАРІАММА, ГЛАФИРА. *(Онѣ разряжены и держатъ въ рукахъ маски).*

ГЛАФИРА. Здраствуй сосѣдка! Ба! да ты совсѣмъ одѣта!

МАРІАММА. Наконецъ-то ты рѣшилась, по примѣру нашему, погулять и повеселиться.

КЕТЕВАНА. Ужъ не хотѣла ли ты итти гулять безъ насъ?

МАРІАММА. Не предупредить насъ! Не хорошо, Нина, не хорошо!

НИНА *(стыдливо)*. О нѣтъ! Я примѣряла эту катибу; я её только что кончила.

ГЛАФИРА. Такъ что же? Она на тебѣ,—оставайся въ ней и пойдемъ.

МАРІАММА. И какъ славно на тебѣ сидитъ!

КЕТЕВАНА. Чудо, какъ пристала!

НИНА. Но, говорю вамъ, что она не моя.

ГЛАФИРА. Ну что же такое? Одинъ разъ можно пощеголять.

МАРІАММА. Теперь масляница: всё позволено.

КЕТЕВАНА. Конечно, конечно. — Постъ настанетъ и прощай тогда всѣ веселости! Слышишь музыку?

НИНА. Нѣтъ, ни за что не пойду.

ГЛАФИРА. А я тебѣ говорю, что пойдешь. Ночь чудесная, луна такъ и блеститъ; вездѣ пляски, пѣсни, тамаши; толпы масокъ бродятъ по улицамъ. Погуляемъ; а тамъ пойдемъ къ моему пріятелю и поужинаемъ.

НИНА. Нѣтъ, сосѣдки, не соблазняйте меня.

МАРІАММА. Полно упрямиться. Отчего не повеселиться одинъ разъ? Ты проводишь жизнь въ вѣчныхъ трудахъ, скукѣ; мы хотимъ тебя разсѣять. Погуляемъ, да и приведемъ домой. Ну, рѣшайся!

НИНА. Но я право боюсь.

КЕТЕВАНА. Чего бояться? Пойдемъ!

НИНА. Но къ этому наряду нуженъ головной уборъ; а у меня ничего нѣтъ.

МАРІАММА. Постой, мы это все устроимъ. Тутъ лоскутки бархата, атласа; въ мигъ сдѣлаемъ тавсакрави... Примемся же всѣ за работу.

КЕТЕВАНА. Дружнѣе, дружнѣе! Уберёмъ тебя какъ куколку! *(Всѣ суетятся около Нины, убираютъ её и поютъ).*

Цецхли моэдосъ (*)
Винцъ ромъ эндосъ
Ламазса калса —
Швенебитъ срулса,
Моказмулса,
Сатрпобладъ мзаса;
Танадъ ламазса,
Цкнаръ мавалса,—
Дзріелъ ламазса,
Охрвитъ гастанджавсъ,
Да дастанджавсъ
Гонебитъ брмаса!

ГЛАФИРА. Кончено! Смотрите, какъ она хороша!

КЕТЕВАНА. Всѣхъ насъ затмитъ.

МАРІАММА. Пойдемъ же, пойдемъ скорѣе. Золотое время уходитъ.

НИНА. Боже мой! Что я дѣлаю! Что со мною будетъ?

ГЛАФИРА. Ну, Ну, не бойся! Пойдемъ! *(Уводятъ Нину, поютъ и пляшутъ).*

(*) т. е. Тотъ сгоритъ огнемъ,
Кто довѣрится
Красной дѣвицѣ —
Раскрасавицѣ,
Разукрашенной,
Страстью дышущей,
Милой пò-росту,
Скромной поступью, —
Распрелестницѣ!..
Изведётъ она,
Грустью высушитъ
Неразумнаго!..

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

ЗУРАБЪ *(пробуждаясь отъ шума и звуковъ зурны).* Ге—ге! Какъ тамъ кутятъ! Видно, что послѣдніе дни масляницы; спѣшатъ навеселиться. Пойду-ка и я! только не на веселье, а на работу. Авось какая нибудь найдётся *(берётъ куртань).* Вотъ мой нарядъ. Немного поизносился; да вотъ ужъ 20-ть лѣтъ, какъ онъ мнѣ служитъ: съ того самаго дня, какъ я обѣщалъ бѣдному Асланову призрѣть его дочь *(подходитъ къ стѣнѣ, отдѣляющей его каморку отъ комнаты Нины).* Гей! Добрая сосѣдушка!.. Она вѣрно спитъ! Невинное, доброе созданіе! Прощай, прощай, покойная ночь. *(Уходитъ).*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Богато убранная комната въ квартирѣ Графа Станислава Франтіевскаго; смѣсь европейскаго вкуса съ азіятскимъ; каминъ; турецкіе диваны; столъ, накрытый къ ужину; **ЛЕВАНЪ БЕКШІЕВЪ** *(въ партикулярномъ платьѣ)* **КНЯЗЬ ДЗЕНДЗИДЗЕВЪ, ТАРАБАРОВЪ, БЕРМЕРИДЗЕВЪ** *(въ маскарадныхъ костюмахъ);* **ГРАФЪ ФРАНТІЕВСКІЙ** *(въ богатомъ архалукѣ и широкихъ атласныхъ шароварахъ; ермолка на головѣ).*

ГР. ФРАНТІЕВСКІЙ. А маскерадный балъ въ театрѣ шелъ не дурно! Нечего сказать, хорошо придумали ввести эти маскерады въ Тифлисѣ. Спасибо Дирекціи!..

КН. ДЗЕНДЗИДЗЕВЪ. Давно я столько не хохоталъ, какъ сегодня. Что за маски и что за женщины! Чудо, да и только!

ТАРАБАРОВЪ. А аллегри! я насилу могъ пробраться, чтобы достать билеты; вмигъ расхватали всѣ. И что же бы вы думали я выигралъ-то? Розовыя тавсакрави!

КН. ДЗЕНДЗИДЗЕВЪ. Нѣтъ, мнѣ—такъ посчастливилось! Я выигралъ двѣ бутылки шампанскаго.

БЕРМЕРИДЗЕВЪ. Что же? Гдѣ онѣ? Давай сюда; выпьемъ алаверды (*) масляницѣ и всѣмъ ея забавамъ. Скорѣй давайте ѣсть и пить.

(*) *Алаверды* — заздравный тостъ.

ГР. ФРАНТІЕВСКІЙ. Нѣтъ, постойте; я жду гостей: будутъ женщины, да сатаръ (*) съ музыкою; а покуда займёмся картами.

КН. ДЗЕНДЗИДЗЕВЪ. Дѣло, дѣло! *(всѣ суетятся около карточнаго стола и закуриваютъ сигары).* Ну, а ты, Леванъ, не играешь?

БЕКШІЕВЪ. Нѣтъ.

ТАРАБАРОВЪ. Да что съ тобою? Что за постная физіономія? Вѣдь, теперь, братъ, масляница.

БЕКШІЕВЪ. Мнѣ скучно!

КН. ДЗЕНДЗИДЗЕВЪ. Скучно! Что это такое? Скучно, когда намъ всѣмъ весело!.. Это, братъ, даже невѣжливо!

ГР. ФРАНТІЕВСКІЙ. Да какъ ему не скучать? Вѣдь онъ собирается жениться!

ТАРАБАРОВЪ. Ха... ха... ха! Такъ что же? Когда женится, тогда и успѣетъ нахмуриться; а теперь, покуда, да здраствуетъ веселье!..

БЕКШІЕВЪ. То, что васъ забавляетъ, на меня наводитъ тоску. Я не нахожу удовольствія на вашихъ тамашахъ, пирахъ, балахъ!..

КН. ДЗЕНДЗИДЗЕВЪ. Если такъ, то ступай, братъ, въ монастырь.

БЕКШІЕВЪ. Да, всё мнѣ надоѣло, всё опротивѣло. Что ваши балы? Это ярмарки, базары, на которые дѣвушки собираются для покупки себѣ мужей; мужчины-же торгуютъ мишурнымъ своимъ значеніемъ въ свѣтѣ и, презрѣвъ истинныя достоинства ума и сердца дѣвушекъ, толпятся около той, которая наиболѣе обѣщаетъ имъ средствъ къ удовлетворенію своей расточительности, или жажды къ почестямъ. Любезность, веселость, красота, всё продажное! Аукціонъ, на которомъ цѣнится лишь общественный блескъ; а умъ высокій, пылкій; а сердце чистое, непорочное; а скромныя доблести семьянина, — всё это ставится ни во-что; а...

(*) *Сатаръ* — персидскій пѣвецъ.

БЕРМЕРИДЗЕВЪ. Ну... ну... пошолъ писать! Къ чему намъ твои нравственныя выходки? Пожалуй, постомъ будемъ собираться ихъ слушать; а теперь...

ТАРАБАРОВЪ. Да скажи пожалуста, Леванъ, что это на тебя напало? Тебѣ ли хандрить? Чего у тебя нѣтъ? Золота — полные карманы; ты молодъ, ты баловень счастья, любимецъ женщинъ.

БЕКШІЕВЪ. Да... у меня—всё и ничего; я жилъ пышно, роскошно, по милости моего опекуна, который предоставилъ мнѣ полную свободу въ моихъ дѣйствіяхъ. Я бросился рыскать по бѣлому свѣту. Гдѣ я не перебывалъ? Гонялся за счастіемъ, за любовью... и жестоко обманывался... Минутныя наслажденія я принималъ за счастіе; сладострастіе — за любовь. Женщины, вино, игра,—я всё испыталъ и всё мнѣ надоѣло. Наконецъ мнѣ стало совѣстно утопать въ праздности; видѣть, что я одинъ остаюсь безполезнымъ членомъ общества; разказы о геройскихъ подвигахъ нашихъ молодцовъ кавказцевъ меня воспламенили. Война ведетъ насъ къ познанію самой трудной науки: къ познанію самого себя. Я рѣшился испытать себя, проникнуть въ тайные изгибы своего сердца; вступилъ въ ряды храбрыхъ нашихъ милиціонеровъ, и въ 1845 году, въ виду самого Главнокомандующаго, въ первый разъ, на Анчемирской горѣ, услышалъ свистъ непріятельской пули. Я не дрогнулъ, — напротивъ, я почувствовалъ какое-то неизъяснимое наслажденіе: я былъ доволенъ собою!.. А когда, въ незабвенный день 6-го Іюля, при вступленіи въ Дарго, Главнокомандующій приказалъ милиціонерамъ спуститься въ оврагъ и выгнать оттуда непріятеля, который мѣткими ружейными выстрѣлами, изъ-за-деревьевъ и камней, затруднялъ шествіе нашихъ колоннъ; когда, съ горстью нашихъ храбрецовъ, мы вмигъ исполнили это приказаніе и обратили въ бѣгство толпы горцевъ; тогда... о, тогда я былъ вполнѣ счастливъ! Не стану разсказывать дальнѣйшихъ нашихъ подвиговъ; ихъ незабудетъ никто изъ находившихся въ томъ походѣ...

Не надолго то, что мило!
Жизнь для счастья коротка;
Но вздыхать о томъ что было —
Сердцу сладкая тоска!

Экспедиція кончилась, мы возвратились въ Тифлисъ, и мною вновь овладѣла тоска. Въ слѣдующіе годы мнѣ уже не удавалось участвовать въ походахъ и снова я осужденъ влачить пустую, праздную жизнь, среди суетъ, мнимыхъ наслажденій и обмановъ. Напрасно ищу я сердца, которое бы сочувствовало моему сердцу. Меня томитъ, такъ сказать, голодъ, жажда любви, любви чистой, непорочной.

ТАРАБАРОВЪ. Эге, братъ, да ты въ поэзію пустился! Голодъ! Жажда! — Ха... ха... ха... Постой, постой, мы тебя, насытимъ, утолимъ. Плотно поужинаемъ; а тамъ, какъ азарпешъ (*) разъ десять, пятнадцать, обойдетъ около стола, повѣрь, хоть какая жажда угомонится.

БЕКШІЕВЪ. Я умеръ для всякаго рода удовольствій и наслажденій. Одно лишь дастъ мнѣ новую жизнь: это любовь; но любовь для насъ болѣе не существуетъ! Нѣтъ уже для насъ женщины, которая насъ полюбила бы для насъ самихъ; которая бы намъ отдалась... а не продалась. Не на балахъ, покрайней мѣрѣ, найдешь её.

КН. ДЗЕНДЗИДЗЕВЪ. Э! братъ Леванъ! послѣдуй моему примѣру: для меня вино лучше всѣхъ женщинъ на свѣтѣ.

БЕРМЕРИДЗЕВЪ. А трухменскій или карабахскій жеребецъ... а тамаши... а джигитовки (**)... а соколиная охота? А? Что скажешь? Пока всё это у меня есть, — я счастливѣй, веселѣй всѣхъ вельможъ могучихъ.

ГР. ФРАНТІЕВСКІЙ. Да скажи пожалуста, Бекшіевъ, развѣ ты не любишь богатую свою невѣсту, Кекелу Погосошвердову?

БЕКШІЕВЪ. Она меня купила, и я на ней женюсь... Мнѣ не нравится эта гордая, величавая красавица, хоть я и понимаю

(*) *Азарпешъ* — серебрянный ковшъ.
(**) *Джигитовка* — скачка.

чувство любви, которое ты, Франтіевскій, говорятъ, къ ней питаешь. Не ревнуй же меня, Станиславъ... Меня женятъ на деньгахъ. На деньгахъ теперь должна сосредоточиться вся моя дѣятельность. Я вступаю въ долю съ будущимъ тестемъ по подрядамъ, откупамъ, счетамъ и разсчетамъ. На людей стану смотрѣть какъ на цифры, какъ на средства добывать золото... Золото! Вотъ мой новый кумиръ!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

ТѢ-ЖЕ и **НИНА,** *(въ маскѣ)* **ГЛАФИРА, КЕТЕВАНА, МАРІАММА,** Сатаръ съ музыкою.

(При входѣ дѣвушекъ всѣ, кромѣ **БЕКШІЕВА**, *вскрикиваютъ).* Ну, насилу-то вы пришли! Здраствуйте, здраствуйте, скорѣе за столъ. *(Всѣ усаживаются, суетятся, Сатаръ поётъ; во время его пѣнія, ѣдятъ и пьютъ).*

КН. ДЗЕНДЗИДЗЕВЪ. Алаверды прекрасному полу!..

ДѢВУШКИ, *(исключая Нины, которая во все время не снимаетъ маски и сидитъ у стола, въ задумчивости).* Алаверды молодцамъ, насъ угощающимъ!

ГЛАФИРА. Что это, Бекшіевъ, ты такъ пасмуренъ; али потому, что женился и покидаешь насъ? Что же ты молчишь? Аль заживо похороненъ? Что, любезный, видно жаль жизни холостой? *(Нинѣ)* Да и ты, голубушка, что-то не въ духѣ.

НИНА. Оставь меня; мнѣ здѣсь страшно... Этотъ блескъ, шумъ этотъ — меня пугаютъ.

БЕРМЕРИДЗЕВЪ. Кто эта прелестная незнакомка?

КН. ДЗЕНДЗИДЗЕВЪ. Она не ѣстъ ничего!

ТАРАБАРОВЪ. Да и ничего не пьетъ!

ГУ. ФРАНТІЕВСКІЙ. Да и слова не вымолвитъ. Между нашими пріятельницами это такая рѣдкость, что стоитъ съ нею познакомиться. Красавица! нельзя ли снять маску?

ВСѢ кромѣ **БЕКШІЕВА.** Да, да, долой маску!

ГР. ФРАНТІЕВСКІЙ. Это какой-то истуканъ; мраморная статуя, ожидающая, чтобы мы её оживили.

БЕКШІЕВЪ. Дѣвушка эта вѣрно грустна отъ того, что судьбою занесена посреди васъ, что должна быть свидѣтельницею вашихъ нелѣпостей... Она боится васъ.

ГР. ФРАНТІЕВСКІЙ. Боится?—О! такъ мы её успокоимъ. Я берусь просвѣтить эту дикую красотку *(подходитъ къ ней)*. Славная талія... ножка... шейка; да и головка очень стройная! Посмотримъ-ка на личико *(срываетъ съ нея маску)*.

НИНА. Боже мой! Гдѣ я! *(Поспѣшно встаетъ и закрываетъ лице руками)*.

ГР. ФРАНТІЕВСКІЙ. Э! да это кровная красавица. Настоящей арабской породы. *(Всѣ хохочутъ)*.

БЕКШІЕВЪ. Графъ! Вы унижаете свое достоинство... Вы забываете свое званіе!

ГР. ФРАНТІЕВСКІЙ. Что ты, что ты, братъ? Ужъ не хочешь ли сдѣлаться рыцаремъ этой таинственной красавицы? Да мнѣ до этого нѣтъ дѣла *(хочетъ поцѣловать Нину)*.

БЕКШІЕВЪ. Стыдитесь, Графъ, оскорблять беззащитную женщину. Вспомните, что ваша мать, ваша сестра — женщины. Оставьте эту дѣвушку! Я вамъ приказываю!

ГР. ФРАНТІЕВСКІЙ. По какому праву? Какъ ты осмѣлился?.. *(Бекшіевъ, защищая Нину въ борьбѣ съ Франтіевскимъ, нечаянно обливаетъ виномъ и разрываетъ ея катибу)*.

НИНА. Боже мой! Что я надѣлала? Я погибла! *(хочетъ уйти)*.

ВСѢ ДѢВУШКИ. Нина, Нина, постой!

НИНА. Оставьте меня! Вы меня погубили! *(убѣгаетъ)*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ **НИНЫ**.

БЕКШІЕВЪ. Довольны ли вы, ваше Сіятельство? Вы обратили въ бѣгство беззащитную женщину. Знаете ли, что это подло, низко...

ГР. ФРАНТІЕВСКІЙ *(въ сторону)*. Настала, наконецъ, давно желанная минута мщенія... *(вслухъ)* Леванъ Бекшіевъ! я полагаю, что вы не рѣшитесь повторить сказанныя вами слова.

БЕКШІЕВЪ. Я никогда не отказываюсь повторять то, что сказалъ.

ГР. ФРАНТІЕВСКІЙ. Если такъ... то вы понимаете, какія могутъ быть послѣдствія оскорбленія, вами мнѣ нанесеннаго.

БЕКШІЕВЪ. Я къ вашимъ услугамъ.

Гр. Франтіевскій *(отводитъ его въ сторону и говоритъ въ полголоса).* Чрезъ нѣсколько часовъ мы ѣдемъ вдвоёмъ по кахетинской дорогѣ, на охоту. Вы меня понимаете?

Бекшіевъ. Совершенно. *(уходитъ).*

Тарабаровъ. Полноте, полноте, господа, ссориться изъ за незнакомой дѣвчёнки? Это непростительно. Чортъ съ нею!

Кн. Дзеидзидзевъ и **Бермеридзевъ.** Именно, чортъ съ нею!

Глафира. Досаднѣе всего то, что веселая наша пирушка должна кончиться.

Гр. Франтіевскій. Ничуть не бывало! Напротивъ! Безъ этого мрачнаго проповѣдника, Бекшіева, намъ будетъ веселѣе. *(Продолжаетъ пить. Сатаръ поётъ, потомъ пляшутъ лезгинку, занавѣсъ опускается).*

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

(Декорація второй картины).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Г-жа Гелдлиберинъ *(входитъ въ комнату Нины съ накрытою корзинкою въ рукахъ и смотритъ во всѣ стороны).* Никого нѣтъ! Тѣмъ лучше: не съ кѣмъ дѣлиться! *(Кладетъ корзинку въ уголъ, отдѣленный занавѣской, гдѣ спальня Нины, и ищетъ чего-то по карманамъ)* Ай, ай, гдѣ же они?! Mein Gott! wo sind sie doch! *(въ отчаяніи ищетъ по комнатѣ).* Вѣрно выронила за дверью, побѣгу искать *(поспѣшно уходитъ, но видя входящую Нину, прячется, и потомъ выходитъ незамѣченною).*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Нина *(вбѣгаетъ въ отчаяніи; катиба на ней изорвана, волосы въ безпорядкѣ)* Боже всемогущій! Что за ночь! Что за сонъ! И что за жестокое пробужденіе! Изорванная, испачканная катиба! Чѣмъ я за неё заплачу? Все, что имѣю, не достанетъ мнѣ на это!.. *(снимаетъ катибу).* Что я надѣлала! Погибла на всегда! Что меня ожидаетъ? Стыдъ, позоръ, безчестіе... Я воровка! Меня ведутъ въ тюрьму! Нѣтъ... Лучше умереть. Какимъ урокомъ мнѣ послужила эта гибельная ночь! Я видѣла, во

всемъ ея страшномъ объёмѣ, пропасть, въ которую меня хотѣли сбросить... А этотъ благородный юноша, защитившій меня отъ прикосновеній извергов! Что онъ обо мнѣ подумаетъ? Зачѣмъ я тамъ была? Стыдъ... срамъ... не перенесу я этого. Умру... Соединюсь съ моей матерью, пока я еще того достойна... Возвращу ей кольцо, единственное достояніе, отъ нея оставшееся. Прощусь съ моимъ благодѣтелемъ, принявшимъ меня подъ свой покровъ, послѣ смерти моей матери, *(беретъ листъ бумаги и пишетъ)*. «Прощай, почтенный Зурабъ! Довольно страдать! Я рѣшилась промѣнять нищету... позоръ... безчестіе — на миръ и тишину могилы. Прошу тебя продать все мое имущество, въ уплату за изорванную катибу и похоронить меня подлѣ моей матери. Прощай еще разъ! Моли Бога, да проститъ мнѣ!» *(относитъ записку къ Зурабу)*.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

БЕКШІЕВЪ. *(входитъ, осматриваетъ саклю и узнаётъ катибу, брошенную на тахти)*. Такъ, это здѣсь... Она возвратилась! Я слѣдовалъ за нею, самъ не зная по какому влеченію. Подождёмъ! *(садится)*. Странно! Я никогда не былъ въ такомъ волненіи! Не отъ поединка, нѣтъ, быть не можетъ; я не въ первый разъ буду драться. Что-же это такое? Неужто любовь? Нѣтъ, я ей уже не вѣрю! Да и гдѣ же я видѣлъ эту дѣвушку? Въ какомъ обществѣ? Въ аду не встрѣтишь ангела... Она... она тоже самое, что и всѣ другія!

НИНА *(положивъ записку въ сундукъ Зураба, возвращается къ себѣ)*. Что это? Кто-то ко мнѣ пришелъ.

БЕКШІЕВЪ *(робко)*. Это я... Я видѣлъ васъ въ такомъ волненіи, въ такомъ испугѣ, что рѣшился послѣдовать за вами. Прошу извинить меня и принять вознагражденіе за испорченный моею неловкостью нарядъ вашъ.

НИНА. Покорно благодарю! Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Прошу меня оставить.

БЕКШІЕВЪ *(кладетъ на тахти кошелекъ съ золотомъ)*. Я ухожу.

НИНА. Постойте, постойте; вы забыли свой кошелёкъ *(отдаетъ ему)*.

БЕКШІЕВЪ *(у двери стоитъ въ остолбенѣніи)*. Что это!.. Что со мною дѣлается? Какъ бьётся сердце мое!.. Теперь я начинаю бояться дуэли... Если не буду убитъ, то возвращусь сюда. *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

НИНА *(затворяетъ дверь)*. Пора, пора кончить. *(Дѣлаетъ всѣ приготовленія къ самоубійству посредствомъ угара: убираетъ комнату, складываетъ катибу, пришпиливаетъ къ ней какую-то записку; тщательно затыкаетъ замочныя скважины, ставитъ мангалъ съ углемъ на авансцену, раздуваетъ его и становится передъ нимъ на колѣни. Въ тоже время входитъ* **ЗУРАБЪ** *въ свою коморку и, въ продолженіе нѣмой игры Нины, освобождается отъ куртани и проч., ставитъ фонарь на полъ и зажигаетъ свѣчу)*. Ну, насмотрѣлся же я всякой всячины. Что за шумъ! Что за толкотня около этой кеенобы (*)! Какъ всѣ на перерывъ спѣшатъ побѣситься напослѣдяхъ. Настанетъ завтра,—и все утихнетъ, опустѣетъ, помертвѣетъ. Поужинаемъ. *(Беретъ хлѣбъ и кувшинъ съ водою)*. Нечего сказать! Славное житье нашему брату мушѣ. Заботъ никакихъ; хлѣбъ всегда будетъ, пока здоровъ и силы есть. Услужить можешь всѣмъ; раздѣлишь радость съ однимъ, горе съ другимъ; однимъ словомъ, муша другъ и пріятель цѣлому Тифлису; безъ муши жить нельзя; для него же все трынъ-трава. Пусть весь свѣтъ суетится: одни гоняются за золотомъ, другіе чортъ знаетъ за-чѣмъ, —муша довольствуется *царіели пуритъ* (**) да нѣсколькими глотками воды изъ Куры *(поётъ)*.

Лукма пури ту мкондесъ (***)
Гули разе мигондесъ;
Гвино ту аръ мамива
Мтквари садга цамива. *(Ложится на тахту)*.

(*) *Кеенoба* — шумный и характерный народный праздникъ, обыкновенно совершающійся въ Грузіи въ Чистый Понедѣльникъ т. е. въ первый день послѣ масляницы.

(**) т. е. однимъ хлѣбомъ.

(***) т. е. «Если хлѣба есть кусокъ,
«Такъ зачѣмъ ныть сердцу?
«Коль вина нельзя достать,
«Такъ Кура вѣдь не утечетъ.

НИНА. *(Стоитъ на колѣнахъ надъ чадным мангаломъ).* Матушка! Прими меня къ себѣ! Я скоро, скоро соединюсь съ тобою! Боже милосердый! Прости меня!.. *(голова ея начинаетъ тяжелѣть; слышенъ крикъ).* Что это? Чей-то крикъ!.. *(Подходитъ къ своей спальнѣ и находитъ корзину съ лежащимъ въ ней ребёнкомъ).* Боже мой! Ребёнокъ! У меня?.. Онъ живъ!.. Кто же это рѣшился покинуть свое дитя? Ему холодно! *(покрываетъ его и согрѣваетъ).* Онъ стонетъ! Ахъ, вѣрно отъ угара! Воздуха, воздуха!.. *(подбѣгаетъ къ окну, разбиваетъ стекла, заливаетъ пылающій уголь водою).* Боже мой! Что я надѣлала! Чуть-чуть не умертвила его вмѣстѣ съ собою! Отецъ мой! Мать! Самъ Богъ не захотѣлъ допустить меня совершить преступленіе. Онъ велитъ мнѣ жить, налагая на меня священную обязанность заботиться объ этомъ младенцѣ. Благодарю тебя Господи! Я исполню Твое велѣніе! Несчастный ребенокъ! Для тебя возвратятся мнѣ силы жить. Нѣтъ болѣе для меня ни отчаянія, ни усталости. Дни и ночи стану проводить за работой; а если труды истощатъ меня, то такого рода самоубійство заслужитъ мнѣ помилованіе Творца... *(садится на тахту, кладетъ ребенка подлѣ себя и усердно принимается работать).*

ЗУРАБЪ *(пробуждается).* Что за чудо! Только-что задремалъ, чортъ знаетъ что приснилось: тамаши да пляски, да драки, да всякая всячина... *(встаётъ).* Ну, братъ Зурабъ, не спится тебѣ; видно, мало еще умаялся. Переберемъ-ка корзину... Чего-то я туда набросалъ?.. Лоскутья... Черепки... Подкова... Гвоздь... Все пригодится... А это что за пакетъ? Я его поднялъ почти у самой двери своей *(развертываетъ пакетъ).* Что это? Деньги?.. Быть не можетъ!.. Не съ ума-ли я сошелъ?.. *(протираетъ себѣ глаза).* Нѣтъ, точно деньги *(считаетъ)* тысяча, двѣ, три... Три тысячи рублей серебромъ! Кто бы это могъ ихъ потерять? Что я стану съ ними дѣлать? Надобно объявить Полиціи, и если нашедшему дана будетъ награда, то куплю себѣ новую куртани. А между тѣмъ вѣдь страшно имѣть у себя столько денегъ. Дрожь пробѣгаетъ по всѣму тѣлу! Поневолѣ придетъ на умъ страшная ночь на Пескахъ, тридцать

лѣтъ тому назадъ. Положу-ка ихъ покуда въ свой сундукъ, въ тотъ самый бумажникъ, который мнѣ оставилъ несчастный Аслановъ *(кладетъ деньги въ сундукъ и находитъ письмо Нины)*. Это что еще? *(читаетъ письмо)*. Боже мой! Нина! Что ты! Умереть? Нѣтъ, нѣтъ, не умирай, постой, постой... Мы теперь богаты! *(бѣжитъ къ Нинѣ)*.

Нина. Кто-то идетъ? Не за ребёнкомъ ли? Нѣтъ, не отдамъ, не отдамъ ни за что на свѣтѣ!

Зурабъ *(входитъ къ Нинѣ и увидѣвъ подлѣ нея младенца, останавливается въ оцѣпенѣніи)*. Ребёнокъ! Теперь понимаю слова: стыдъ, позоръ, безчестіе... Боже мой! Этого еще не доставало!..

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ II.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Богато-убранная комната въ домѣ Погосошвердова; позади сцены, а также направо и налѣво отъ зрителей, двери.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

КЕКЕЛА, ПОГОСОШВЕРДОВЪ.

КЕКЕЛА *(блѣдная и задумчивая, сидитъ подлѣ стола налѣво;* **ПОГОСОШВЕРДОВЪ,** *на правой сторонѣ, разсматриваетъ бумаги и пишетъ).*

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Ну слава Богу! Эти счеты по опекѣ приходятъ къ концу; все въ порядкѣ! Скоро, скоро, Кекела, я надѣюсь, совершится мое послѣднее желаніе; ты будешь женою Левана Бекшіева.

КЕКЕЛА *(со вздохомъ).* Боже мой!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Сватьба эта слишкомъ давно объявлена... Всѣ эти отлагательства мнѣ надоѣли; они меня пугаютъ. Я начинаю страшиться, чтобы Леванъ не раздумалъ!

КЕКЕЛА *(радостно)* Какъ?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Да! Вотъ уже мѣсяцъ съ того дня, какъ совершилось несчастное приключеніе съ сопровождавшимъ его на охоту... *(Кекела закрываетъ лице руками).* Леванъ совсѣмъ перемѣнился: онъ начинаетъ остепеняться, покинулъ собранія, пирушки; пересталъ мотать деньги на лошадей и на всякіе вздоры. Но это-то меня и безпокоитъ. Онъ, который не занимался никогда ничѣмъ дѣльнымъ, ни о чемъ не заботился, не заглядывалъ въ опекунскіе мои отчеты,—вдругъ дѣлается человѣкомъ порядочнымъ. Тутъ что-то кроется, что-то есть похожее на сердечную страстишку.

4

КЕКЕЛА *(въ сторону, радостно).* Неужели я избавлюсь отъ ненавистнаго брака! *(вслухъ)* Любовь, говорите вы?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Да; я собиралъ о немъ справки; онъ влюбленъ въ какую-то швею.

КЕКЕЛА. Въ швею? *(радость ея исчезаетъ).*

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Въ швею; и кажется въ ту, которая на тебя работаетъ. Холодность твоя, вѣчныя отлагательства—всему этому причина; надобно принять мѣры, чтобы пресѣчь эту связь. Дѣвочка эта тѣмъ опаснѣе, что добродѣтельна; онъ её ни-чѣмъ не соблазнитъ. Леванъ въ состояніи сдѣлать всякую глупость. И такъ, скорѣе, какъ можно скорѣе должна состояться твоя сватьба.

КЕКЕЛА *(въ сторону).* Я умру отъ отчаянія!..

(Входитъ Ханума, служанка Кекелы). Батоно (*), швея ваша пришла.

КЕКЕЛА. Позови её сюда.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

ТѢ-ЖЕ и НИНА.

НИНА *(робко).* Извините, батоно, что я васъ безпокою. Я принесла заказанную вами работу. Вотъ она... Не знаю какъ вамъ объяснить... Вы всегда были ко мнѣ такъ милостивы, не смотря на вину мою, испорченную катибу.

КЕКЕЛА. Что же? Говори.

НИНА. Я осмѣлюсь попросить нѣсколько денегъ впередъ.

КЕКЕЛА. Изволь... Но для чего тебѣ онѣ понадобились?

НИНА. Ахъ, батоно, вѣдь я теперь не одна.

КЕКЕЛА. Какъ не одна?

НИНА. Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ у меня на рукахъ ребёнокъ.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(въ сторону)* Ребёнокъ!

КЕКЕЛА. Какъ, Нина, у тебя ребёнокъ?

(*) т. е. сударыня или сударь, господинъ, госпожа, monsieur, madame.

НИНА. Да, батоно, ребёнокъ; я нашла его у себя въ комнатѣ, въ ночь на 12 Февраля. *(Кекела и Погосошвердовъ поражены удивленіемъ, смотрятъ другъ на друга).*

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Въ ночь на 12 Февраля?

НИНА. Да, батоно, на масляницѣ; возвратясь... съ прогулки домой, я нашла у себя въ корзинѣ ребёнка, завернутаго въ салфетку, отъ которой отрѣзанъ былъ уголъ... Вотъ съ тѣхъ поръ этотъ ребёнокъ и остаётся у меня.

КЕКЕЛА *(едва можетъ устоять на ногахъ).* Боже мой, что я слышу!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Кекела! *(подходитъ къ ней).*

НИНА. Что съ вами, батоно?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Ничего, ничего. И съ тѣхъ поръ ребёнокъ этотъ у тебя?

НИНА. Да, батоно; и онъ мнѣ стоитъ пять рублей въ мѣсяцъ на кормилицу. Денегъ у меня не стало и потому я осмѣлилась просить.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ Ребёнокъ, найденный у тебя! Что это за басня? Вздоръ, я этому не повѣрю! Ты во зло употребляешь участіе, которое я въ тебѣ принималъ въ память отца твоего, умершаго на службѣ, въ квартирѣ Бекшіева. — Ступай, воспитывай своего ребёнка, какъ знаешь. Я помогаю бѣднымъ, но не поощряю порока и разврата.

НИНА *(обращаясь къ Кекелѣ).* Батоно, умоляю васъ, вступитесь за меня.

КЕКЕЛА *(умоляющимъ голосомъ).* Батюшка!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(Нинѣ.)* Вонъ отсюда, негодная!

НИНА *(въ сторону).* Въ крайности у меня осталось кольцо моей матери *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

ТѢ-ЖЕ кромѣ **НИНЫ.**

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Твердость духа! Не покидай меня! Я, кажется, смутился...

КЕКЕЛА. Я задыхаюсь! Ради Бога, отворите окно.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Смущеніе твое чуть-чуть не обнаружило тайны. Къ счастію, я былъ тутъ. *(отворяетъ окно и садится за письменный столъ).*

КЕКЕЛА. Батюшка! Вы меня обманули: вы увѣрили, что онъ умеръ... Скажите, ради самого Создателя, живъ-ли онъ?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(пишетъ).* Незнаю! *(въ сторону)* Негодная! Она меня самого обманула *(звонитъ).*

КЕКЕЛА *(подходитъ къ отцу).* Онъ живъ... Я хочу его видѣть.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Безразсудная! Чего ты требуешь!

КЕКЕЛА. Я хочу его видѣть, говорю вамъ; хочу помочь ему. *(входитъ слуга).*

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Молчи, безумная! *(слугѣ)* отнеси эту записку проворнѣе, по принадлежности *(Кекелѣ).* Подождёмъ, пока узнаемъ истину. Можетъ быть, нѣтъ никакого соотношенія между этими двумя происшествіями.—Посмотримъ. Во всякомъ случаѣ, Кекела, медлить нечего; готовься какъ можно скорѣе подъ вѣнецъ.

КЕКЕЛА *(въ слезахъ).* Боже мой! Но вѣдь вы знаете, что я его ненавижу.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. А я боюсь его! Бракъ этотъ необходимъ!

КЕКЕЛА. Но онъ убійца того, котораго я любила. Вы сами говорили, что разсказъ о нечаянномъ случаѣ на охотѣ—выдумка.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Да, хоть этого никакъ нельзя было доказать, но ясно, что они стрѣлялись, и стрѣлялись изъ-за женщины.

КИКЕЛА. Но почему-же вы не позволили мнѣ выйти за избраннаго моимъ сердцемъ?..

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Почему?

КЕКЕЛА. Да, да, почему?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. О! Не спрашивай меня! Да останется это навсегда для тебя тайною. Ты должна знать только то, что бракъ твой съ Бекшіевымъ необходимъ, неизбѣженъ. Когда ты меня умоляла выдать тебя за Графа Фран-

тіевскаго, Богъ свидѣтель мнѣ, что я согласился-бы, еслибы могъ; но увы, это было невозможно!

КЕКЕЛА. А мнѣ невозможно быть женою другаго. Торжественно вамъ объявляю, что я несогласна.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(въ полголоса)*. Кекела, другъ мой, это необходимо! Отъ этого брака зависитъ наше состояніе... честь... самая жизнь.

КЕКЕЛА. Какъ!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Да, самая жизнь.

КЕКЕЛА. Нѣтъ, нѣтъ; вы меня обманываете, опять обманываете. Я вамъ не вѣрю; я не выйду за Левана.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(вполголоса и нерѣшительно)*. Такъ выслушай же... Выслушай ужасную тайну, извѣстную одному Богу и мнѣ; тайну, которая должна была сойти со мною въ могилу.

КЕКЕЛА. Боже мой! Какая тайна?.. Я вся дрожу!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Такъ узнай же, если ты этого непремѣнно хочешь, узнай... и содрагайся. Юность буйная, развратная, низвергла меня изъ роскоши въ нищету, — нищету, слышишь ли ты, въ крайнюю нищету! Эта новая жизнь стала мнѣ невыносима послѣ первой... Я хотѣлъ во что-бы ни стало избавиться отъ нея.

КЕКЕЛА. Боже милосердый!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. И я избавился... убійствомъ.

КЕКЕЛА *(въ испугѣ)*. Батюшка! Не договаривайте!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Настала минута моей казни! Я сдѣлался предметомъ омерзенія для своей дочери и для самого себя... Такъ, Кекела, я преступникъ, я убійца! Помощію золота, добытаго кровію, я поступилъ подъ вымышленнымъ именемъ въ торговый домъ отца Левана Бекшіева, раззореннаго... мною-же. Онъ принялъ меня въ товарищи; вскорѣ я сдѣлался его другомъ и наконецъ опекуномъ его сына. Я надѣялся, что первое мое преступленіе будетъ и послѣднимъ; но нѣтъ! Одно злодѣйство порождаетъ тысячи. Необходимо было для меня, чтобы питомецъ мой сдѣлался моимъ зятемъ; чтобы чрезъ это слилась его судьба съ моею,

для избѣжанія всякихъ преслѣдованій, въ случаѣ если-бы преступленіе мое открылось. Угрызенія совѣсти можно подавить; но страхъ—никогда!.. Чтобы привести моего будущаго зятя къ желанной цѣли, я старался его развратить; я далъ ему полную свободу вкусить всѣхъ наслажденій, отъ которыхъ гибнутъ состояніе, здоровье, нравственность, честь и самый разсудокъ. Я по себѣ зналъ, къ чему они ведутъ... Словомъ, я старался въ немъ заглушить чувство высокаго, благороднаго...

КЕКЕЛА. Нѣтъ болѣе надежды...

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Наконецъ къ достиженію моей цѣли оставалась только одна преграда: любовь твоя къ безмозглому графу, и проклятый плодъ этой любви. Мнѣ оставалось разрушить и эти преграды, какъ всѣ прочія: необходимо было разбить твое сердце, несчастная дочь моя, принести тебя въ жертву той же роковой неизбѣжности... Понимаешь ли ты теперь всю необходимость твоего брака съ Леваномъ Бекшіевымъ?

КЕКЕЛА. Господи! Молю тебя, дай мнѣ умереть!..

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Самому Богу не былъ угоденъ тотъ бракъ: покорись же этому... Я тебѣ его предлагаю для спасенія насъ обоихъ. Ты, какъ и я, имѣешь свою тайну, роковую тайну, которую надо скрыть подъ брачнымъ покрываломъ, и горе, горе тебѣ, если не скроешь! Берегись-же: моя жертва не существуетъ, а твоя въ живыхъ... А соблазнитель твой убитъ... *(садится въ изнеможеніи).*

КЕКЕЛА. О несчастная! Ты обладаешь всѣмъ, что пріобрѣсти можно золотомъ: наряды, приданое, тысячи, брилліанты, жемчугъ,—все твое, все, исключая собственнаго твоего сердца! Люби того, кого ненавидишь! Глотай свои слезы, улыбайся, когда грусть пожираетъ твое сердце! Въ сто разъ счастливѣе меня бѣдная швея, сей-часъ здѣсь бывшая! Боже всесильный, отними у меня все! Я буду довольствоваться укромною саклею, грубымъ рубищемъ, чурекомъ, пріобрѣтеннымъ трудами рукъ моихъ, лишь-бы при мнѣ оставалась свобода сердца. Батюшка! Я вамъ повинуюсь, но я умру отъ печали. *(Уходитъ въ дверь на-лѣво).*

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(одинъ).* Вотъ они... Вотъ плоды перваго злодѣянія. Жизнь моя ничто иное, какъ длинная цѣпь преступленій, несносное бремя, тяготѣющее надо мною и моей дочерью! *(встаётъ).* Вѣчно обманывать! Вѣчно итти ощупью по пути крови и слезъ, пока не дойдешь до воротъ ада! Богатство, роскошь, почести! Вы, ненасытные кумиры, которымъ приноситъ человѣкъ въ жертву, сперва другихъ, а потомъ и самого себя! Когда я предпочелъ убійство саморазрушенію, я думалъ спасти себя, быть счастливымъ; я мечталъ искупить преступленіе благотворительностію. Жестоко я обманулся! Къ чему мнѣ золото, когда я лишенъ покоя? Почести,—когда я самъ себя презираю? Къ чему мнѣ дочь,—когда она сдѣлалась моею соучастницей? Что въ жизни,—когда мертво сердце?.. Я одинъ, одинъ среди могильнаго мрака... Я—трупъ бездушный, бродящій среди гнусной суетности свѣта... Господи! Господи! Сжалься надо мною! *(Стучатся у задней двери; Погосошвердовъ отпираетъ её и впускаетъ Г-жу Гелдлиберинъ).*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ и Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(тщательно затворивъ всѣ двери.)* Это ты, Роза Карловна?

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Къ вашимъ услугамъ, сударь. Вы за мною посылали?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Роза Карловна, ты не выполнила своего обѣщанія: тебѣ велѣно было умертвить ребёнка.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ *(запинаясь).* Но... но...

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Повторяю: условіе было, чтобы ребёнокъ погибъ...

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Ахъ, сударь, простите мнѣ... Сознаюсь, я виновата. У меня не стало духа на такое злодѣйство... Но всё равно, порученіе ваше исполнено: я оставила его у одной бѣдной дѣвушки. Увѣряю васъ, что онъ никогда не отыщет-

ся, *(съ грустiю)* какъ не отыщутся и деньги, потерянныя мною въ ту-же роковую ночь...

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Ты потеряла деньги, полученныя отъ меня за умерщвленiе ребёнка? Лжешь, негодная! Я тебѣ не вѣрю и требую, чтобы ты мнѣ возвратила эти деньги.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Увѣряю васъ, сударь, что ихъ уже нѣтъ у меня.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(подумавъ нѣсколько).* И ты говоришь правду?

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ *(съ грустью).* Увы, сударь! Совершенную истину. Погибли мои три тысячи...

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Такъ слушай-же! Я ихъ замѣню другими; это будетъ зависѣть отъ тебя.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Что-же я должна дѣлать?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. То самое, за что взялась ты, но не исполнила.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Но...

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Ты отказываешься? Деньги у тебя!

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, сударь, клянусь, что нѣтъ!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Такъ соглашайся; иначе ожидаетъ тебя тюрьма. Вѣдь я много проказъ знаю за тобой, голубушка! Одно мое слово,—и тебя схватятъ, какъ преступницу. Такъ выбирай-же одно изъ двухъ: или деньги или тюрьма.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Вы этого непремѣнно требуете... извольте. Но скоро-ли я получу эти деньги?..

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Когда хочешь. Только смотри, чтобы на этотъ разъ все было кончено.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Приказанiе ваше въ точности исполнится.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Послѣ того ты немедленно оставишь Тифлисъ.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Тифлисъ... Грузiю... Кавказъ. Если прикажете, отправлюсь въ Персiю.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Такъ ступай *(выпускаетъ её).* Теперь очередь той девчёнки...

(Занавѣсъ опускается).

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

(Декорація второй картины. — Мѣсяцъ спустя).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

НИНА *(ищетъ въ сундукѣ кольцо матери).* Съ этимъ кольцомъ я не хотѣла разставаться до гроба;—но теперь единственное это наслѣдство моей матери—я должна продать, чтобы заплатить кормилицѣ... *(подходитъ къ ребенку).* Милое дитя! Какъ сладко спитъ!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

НИНА и ЗУРАБЪ.

ЗУРАБЪ *(стучится у двери.)* Нина, Нина, отопри!

НИНА *(отворяетъ дверь.)* Это ты, дядя Зурабъ?

ЗУРАБЪ *(радостно.)* Я прибѣжалъ къ тебѣ съ доброю вѣстью. Отыскался хозяинъ найденныхъ мною денегъ.

НИНА. Ну, слава Богу!

ЗУРАБЪ. Сего дня, таскаясь по Тифлисскимъ улицамъ, и перенося разныя тяжести вмѣстѣ съ нашею братьей мушами, вдругъ узнаю, что одна повивальная бабка, какая-то Гелдлибернъ, живущая въ колоніи, выронила въ ночь на 12-е Февраля пакетъ съ тремя тысячами руб. серебромъ, кредитными билетами, и что приличная награда обѣщана тому, кто доставитъ ей этотъ пакетъ.

НИНА. Какъ я рада!

ЗУРАБЪ. И у меня словно гора съ плечь свалилась.

НИНА *(продолжая искать).* Куда же это дѣвалось кольцо?

ЗУРАБЪ. Знаешь что̀, Нина! Теперь одного недостаётъ для нашего счастія: чтобы отыскался хозяинъ и этого ребёнка.

НИНА. О! это совсѣмъ другое дѣло, дядя Зурабъ. Онъ не потерянъ, а подкинутъ. Самъ Богъ велитъ мнѣ о немъ заботиться.

ЗУРАБЪ. Такъ... Но ты уморишь себя, работая на него день и ночь.

НИНА. Напротивъ, другъ мой, ему-то я и обязана жизнію.

ЗУРАБЪ. Ну, такъ, опять то-же! Ему ты обязана жизнію! Не скажешь ли еще, что онъ тебя кормитъ, поитъ, одѣваетъ, раззоряется для тебя? А гдѣ всѣ твои платья, твои пожитки? Багдадскій платокъ, единственный твой нарядъ въ праздничные дни? А? Гдѣ это?.. Куда это все пошло?.. Да погоди, погоди, присядь-ка... У меня есть кое о чемъ съ тобою потолковать.

НИНА *(находитъ кольцо).* Ну, слава Богу, вотъ оно! Что же скажешь еще, дядя Зурабъ? *(оба садятся).*

ЗУРАБЪ. А вотъ что, дочка моя названная! Ты дѣлаешь добро, жертвуешь собою для другихъ, работаешь, изнуряешься; а люди, вѣдь, не умѣютъ этого цѣнить. Сказать ли тебѣ что̀ я слышалъ на счетъ этого ребёнка?

НИНА. Пусть говорятъ, что хотятъ. Мнѣ бояться нечего: совѣсть моя чиста.

ЗУРАБЪ *(нерѣшительно).* Это не все еще, другъ мой! Прости мнѣ, не сердись на своего старика, но... какъ бы это сказать? Съ нѣкоторыхъ поръ ты стала задумчива; гм... гм... Къ тебѣ ходитъ одинъ молодой человѣкъ, такой красивый, статный... Конечно, обращеніе его съ тобою самое почтительное; но, но, ребёнокъ съ одной стороны, молодой человѣкъ съ другой... Нельзя запретить злымъ языкамъ молоть всякій вздоръ. Да это,—сама ты знаешь,—у насъ въ Грузіи и не въ обычаѣ; и... и какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы и младенецъ и добрый молодецъ—были отданы по принадлежности, какъ отдадутся мои кредитные лоскутки бумаги.

НИНА. Дядя Зурабъ! Я ни въ чемъ не могу себя упрекнуть. Самъ Богъ, и покойная мать моя, на небеси тому свидѣтелями! Встрѣчаясь иногда съ этимъ молодымъ человѣкомъ, я не полагала, что-бы наши встрѣчи были предосудительны; но если ты такъ думаешь, то я никогда болѣе съ нимъ не

увижусь. Что же касается до ребёнка, то я не могу съ нимъ разстаться, да и ты самъ не захочешь погубить его.

ЗУРАБЪ. Эхъ, другъ мой! Ребёнокъ этотъ лишній на свѣтѣ! Зачѣмъ размножать породу нашей братьи, нищихъ? Ей-ей и такъ насъ довольно. Заботься-же побольше о себѣ и поменьше о другихъ. Пусть всякій самъ о себѣ печется!

НИНА. Можешь ли ты такъ говорить, дядя Зурабъ? Развѣ ты никого не любилъ на свѣтѣ? Развѣ у тебя не было отца и матери? Ахъ, другъ мой! Кто любилъ старуху мать свою, тотъ вѣрно любитъ и дѣтей. Если-бы ты зналъ, какое это сладостное чувство: быть къ кому нибудь привязаннымъ! Но если ты такъ ко всему равнодушенъ, скажи, почему-же во мнѣ ты принимаешь участіе?

ЗУРАБЪ (*съ живостью*). Почему? Почему?

НИНА. Да, скажи, почему?

ЗУРАБЪ. А вотъ почему. Слушай! Я помню, какъ сквозь сонъ, ребяческіе дни мои; я ни въ чемъ не нуждался, меня лелѣяли, воспитывали въ довольствѣ, благочестіи и страхѣ Божіемъ. Всё это было въ счастливой Имеретіи, а сколько времени продолжалось, — не знаю; не знаю и того, какъ и почему я вдругъ очутился посреди тифлисскихъ улицъ; но съ тѣхъ поръ я ихъ никогда не покидалъ; скитаюсь, брожу и тамъ и сямъ; заработываю, какъ могу, насущный хлѣбъ свой, и такъ буду скитаться и бродить пока смерть, этотъ вѣчный муша, не снесетъ меня туда, куда будутъ снесены и богачи и бѣдняки. Друзей у меня никого не было. Собесѣдки мои—улицы, да прохожіе... да небо... да луна... да звѣзды...

НИНА. Бѣдный Зурабъ!

ЗУРАБЪ. Я не помню ни отца ни матери; не было у меня ни жены ни дѣтей. Никто въ мірѣ не любилъ меня, и я самъ никого не любилъ. Я слишкомъ былъ бѣденъ, чтобы завестись семействомъ и потому остался одинъ, одинъ на бѣломъ свѣтѣ. Эхъ, если-бы ты знала, Нина, какъ грустно, возвратясь послѣ трудовъ къ себѣ въ саклю, не встрѣтить ни одного живаго существа, съ кѣмъ-бы раздѣлить и горе и радость!

Я помню, какъ-то одинъ разъ я пожелалъ, чтобы меня посадили въ Метехъ (*), чтобы только не быть одному. Надоѣло мнѣ мое одиночество. Я познакомился съ виномъ. Я слѣлался пьяницею отъ скуки, отъ тоски. Какъ напьюсь, бывало, такъ и все горе ни-почёмъ! Пьяный-то я, знаешь, какъ будто ужъ и не одинъ; тутъ мнѣ и жена и дѣти представляются, и всё такое пріятное грезится. Вотъ я и пилъ, пилъ, пилъ, какъ говорятъ, мертвую чашу. Но въ одну ночь... ночь ужасную!.. Смерть человѣка, погибшаго отъ того, что я былъ пьянъ!.. Смерть отца семейства, которому я не въ состояніи былъ подать помощь, — образумила, протрезвила меня. Я поклялся на трупѣ этого несчастнаго: болѣе не пить и призрѣть его дитя. Я сдержалъ свое слово. Видѣла ли ты меня когда нибудь въ нетрезвомъ видѣ? А въ старые годы, если-бы, кажется, хоть одинъ день прошелъ у меня безъ вина, я умеръ-бы; теперь-же я бы умеръ, если-бы день одинъ не видѣлъ тебя, моя Нина, дочь моя!

НИНА. Другъ мой! Я счастлива твоей привязанностью!

ЗУРАБЪ. Когда я на тебя гляжу, смотрю какъ прилежно ты работаешь, какъ усердно молишься Богу, съ какою любовью ты печешься объ этомъ ребёнкѣ... тогда я счастливъ, вполнѣ счастливъ! А какъ ты скажешь своимъ сладенькимъ голоскомъ: «дядя Зурабъ»—тогда сердце у меня такъ вотъ и запрыгаетъ отъ радости. Мнѣ кажется, что я и въ самомъ дѣлѣ твой дядя. Я отдалъ-бы тунгу (**) крови моей, чтобы ты никогда не имѣла причины пролить хоть слезинку, и готовъ плакать всю жизнь, чтобы только ты вѣчно смѣялась...

НИНА. Зурабъ! Другъ мой! Ты плачешь!

ЗУРАБЪ (*плачетъ и смѣется въ тоже время*). Да, Нино! Да, дитя мое! Но это слёзы радости, которою я обязанъ тебѣ: ты первая пробудила бѣдное, мертвое мое сердце. Пока я тебя не зналъ,—не зналъ я что и бьётся оно. Когда я смотрю

(*) т. е. въ тифлисскую крѣпость.

(**) *Тунга* — мѣра, вмѣщающая въ себѣ 5 бутылокъ жидкости.

на тебя, на твои глазки, полные ангельской доброты; на твои розовыя щечки; на цвѣтущія твои губки, — мнѣ кажется, что я въ раю; а когда, какъ теперь, я могу посидѣть возлѣ тебя, потолковать съ тобою, подержать въ своихъ огрубѣлыхъ, изнуренныхъ, изсохшихъ рукахъ твои бѣленькія ручки, — то я... я пьянъ отъ восторга! Мнѣ кажется, что и меня призналъ Богъ достойнымъ испытать сладости семейной жизни. Вотъ, Нина, вотъ почему я принимаю въ тебѣ участіе.

НИНА. Добрый дядя Зурабъ! *(Бросается къ нему на шею и обнимаетъ).*

ЗУРАБЪ *(въ восторгѣ).* Нина, Нинуцца! Я умру отъ радости!

НИНА. Вотъ видишь-ли другъ мой: какъ ты любишь меня, такъ я люблю это дитя. Пойду же достану денегъ на его пропитаніе *(приноситъ ребёнка).* Онъ проснулся; полюбуйся-же на него; какой миленькій!

ЗУРАБЪ. Да, ничего, не дуренъ.

НИНА. Окажи же мнѣ услугу, дядя Зурабъ! Попяньчай его пока я ворочусь *(отдаетъ ему младенца и убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

ЗУРАБЪ. Нина, Нина, куда ты? Постой! Вотъ тебѣ разъ! Ушла! Ну, нечего дѣлать! Пришлось пяньчиться съ нимъ. Ремесло для меня совершенно новое! Что будешь дѣлать? Плутишка! Онъ и въ самомъ дѣлѣ миленькій... *(ходитъ съ нимъ по комнатѣ и качаетъ его).* Жаль только, что не могу накормить его! Ну такъ спою ему пѣсенку, чтобы убаюкать... Да вотъ бѣда: давно не пѣлъ; голосъ поохрипъ немного. Попробую. *(Поётъ).* «Лотебо!..

Лотебо! Нетави чвена
Дгесъ могвеца швеба лхепа...

Нѣтъ, не то; что я? Этому и безъ меня выучится. Другое что нибудь:

Іавъ-нана, вардо-нана (*)
Мзевъ шинъ шемоди-о

(*) т. е. Фіялки бай, розы бай!
Войди сюда солнышко!

Амасъ дзилши моупинетъ
Мзевъ шинъ шемоди-о.[1]

Ну братъ Зурабъ, радуйся! Ты не только дядя, но еще и дѣдушка. А! Вотъ мой внучекъ заснулъ; положу его потихоньку на тахти и пойду къ себѣ покурить, пока возвратится Нина. Оставлю дверь отпертою: не-равно закричитъ мой внучекъ, такъ я и услышу. *(Уходитъ къ себѣ и закуриваетъ трубку).*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ *(осторожно входитъ, озираясь во всѣ стороны).* Её нѣтъ! Наконецъ-то мнѣ удаётся исполнить свое порученіе! *(беретъ ребенка и поспѣшно уходитъ съ нимъ).*

ЗУРАБЪ *(въ своей половинѣ, куритъ трубку).* Кажется я слышалъ какъ будто кто-то вошелъ къ Нинѣ. Ужъ не она ли вернулась? Если меня не застанетъ, побранитъ. *(переходитъ къ Нинѣ).*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

ЗУРАБЪ У НИНЫ потомъ **БЕКШІЕВЪ**.

ЗУРАБЪ. Никого нѣтъ! Что же это мнѣ послышалось. — А, вотъ она! Нѣтъ, это тотъ молодой человѣкъ.

БЕКШІЕВЪ *(входитъ.)* Нина Асланова дома?

ЗУРАБЪ. Нѣтъ; но она скоро должна возвратиться.

БЕКШІЕВЪ. Я дождусь её. Здѣсь такъ хорошо! Все дышетъ чистотою; все говоритъ сердцу. Здѣсь только я нахожу то, чего давно ищу по свѣту: спокойствіе духа, уваженіе къ самому себѣ, любовь, счастіе.

ЗУРАБЪ *(въ сторону.)* Это не должно такъ продолжаться; рѣшусь съ нимъ поговорить. *(вслухъ)* Вы, батоно, вѣрно Леванъ Бекшіевъ, о которомъ мы давича говорили съ Ниною?

БЕКШІЕВЪ. А ты, безъ сомнѣнія, дядя Зурабъ, о которомъ она столько разъ мнѣ твердила, какъ о лучшемъ своемъ другѣ?

---

[1] Его во-снѣ обсыпьте!
Войди, войди солнышко!

ЗУРАБЪ. Она сказала правду. — Я точно другъ ея, и потому осмѣлюсь спросить васъ: чего вы отъ нея хотите?

БЕКШІЕВЪ. Я видѣлъ Нину въ первый разъ... случайно... у одного свѣтскаго человѣка. Я полюбилъ её, дрался за неё на поединкѣ, отомстилъ смертію ея оскорбителю. Я не могу жить безъ Нины и для нея отказываюсь отъ выгоднаго брака.

ЗУРАБЪ. Чтобы женится на ней?

БЕКШІЕВЪ. Нѣтъ... Это невозможно... Но я люблю её и для нея готовъ на всевозможныя пожертвованія. Я устрою судьбу ея на всю жизнь.

ЗУРАБЪ. Это довольно ясно; понимаю. Остается узнать, что на это скажетъ Нина.

БЕКШІЕВЪ. За этимъ-то я и пришелъ. Я потребую отъ нея рѣшительнаго отвѣта. До сихъ поръ всѣ мои искательства оставались тщетными. Она отвергала всѣ мои предложенія.

ЗУРАБЪ. Я въ этомъ увѣренъ.

БЕКШІЕВЪ. Она не соглашается продать себя; а можетъ быть цѣнитъ себя выше того, что я могу ей дать.

ЗУРАБЪ *(гнѣвно)*. Ара! ошибаетесь, батоно! (*) Да; и позвольте мнѣ, бѣдному человѣку, высказать мои мысли... Вы не хотите, чтобы она была вашею женою; вы не женитесь на ней, хотя и любите; вы хотите погубить её, какъ погубили многихъ другихъ. Но, батоно, подумайте! Вы богаты, у васъ каменныя палаты, — а у насъ холодныя сакли безъ крыши; вы ѣздите въ экипажахъ, — а у насъ нѣтъ и каламани (**), въ чемъ ходить; вы можете прокормить десять женщинъ, — а у насъ нѣтъ и хлѣба насущнаго; — словомъ, вы имѣете все, — мы — ничего; такъ не отнимайте же у насъ послѣдняго: нашей доброй славы!.. Довольно въ Тифлисѣ женщинъ, которыя съ радостію примутъ ваше предложеніе; оставьте же насъ въ покоѣ. — Я знаю, что вашей братьѣ нравится всегда именно та, которая вамъ противится; ну, а

(*) т. е. Нѣтъ! ошибаетесь, сударь!

(**) *Каламани* — лапти.

какъ сдѣлается вашею на день, на мѣсяцъ, на годъ, — такъ и надоѣстъ вамъ: прогóните; пусть убирается къ чорту! Ара, батоно! этому не бывать! — Нина не можетъ быть вашею женою, — любовницею не будетъ! Я не допущу этого. Да она и сама не захочетъ.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

ТѢ-ЖЕ и НИНА.

НИНА *(вбѣгая)*. Зурабъ! Дядя Зурабъ! Я принесла деньги; продала кольцо моей матери *(увидѣвъ Бекшіева)*. А! Вы здѣсь...

ЗУРАБЪ *(въ сторону)*. Я теперь лишній тутъ! Пойду къ себѣ, покурить, и подслушаю разговоръ; не пророню ни слова. *(уходитъ)*.

БЕКШІЕВЪ *(беретъ руку Нины)*. Я тебя ожидалъ, моя Нина! Я хочу съ тобою объясниться рѣшительно. Я люблю тебя; ты это знаешь: люблю, какъ никогда никого еще не любилъ. Любовь меня совершенно переродила. Я покинулъ всѣ тѣ удовольствія, безъ которыхъ прежде жить не могъ. Всѣмъ для тебя пожертвовалъ и готовъ еще принести тебѣ въ жертву выгодный бракъ.

НИНА *(съ удивленіемъ)*. Возможно-ли! Для чего-же это?

БЕКШІЕВЪ. Я буду съ тобою откровененъ, Нина, и требую отъ тебя откровенности. Я тебѣ обязанъ новою жизнію, — и эта жизнь принадлежитъ тебѣ; отъ твоего отвѣта зависитъ моя участь и наша общая будущность. Для тебя я разорву всѣ свои связи. Но... къ несчастію, Нина Асланова не можетъ быть моею женою... Клянусь, что не женюсь никогда на другой. Нинѣ одной будутъ принадлежать мое состояніе, жизнь сердце. Но надо, чтобы и Нина была моею. Вотъ мое твердое намѣреніе! Говори! Согласна ли ты?

НИНА. Леванъ! Я никогда не буду твоею!

БЕКШІЕВЪ *(въ изступленіи)*. Почему? Говори! Ты меня ненавидишь?

НИНА. Ты знаешь, что... я люблю тебя...

БЕКШІЕВЪ. Ты любишь другаго.

НИНА. Нѣтъ, нѣтъ!

БЕКШІЕВЪ. Такъ почему-же отвергаешь меня?

НИНА. Ты самъ даешь мнѣ чувствовать, что между нами разстояніе слишкомъ велико, что бракъ для насъ невозможенъ... А я не могу...

БЕКШІЕВЪ. Не договаривай, понимаю. *(въ отчаяніи)* Она, подобно старику, мечтаетъ о невозможномъ. Такъ я обманулся, говоря ей о любви, о счастіи. Ей недостаточны жертвы, которыя я ей приношу. Желанія ея простираются далѣе; разсчеты, одни разсчеты у нея въ головѣ и сердцѣ! *(ей)* Ты отвергаешь мои предложенія только потому, что хочешь быть моей женою.

НИНА *(въ слезахъ).* Леванъ! Леванъ! Ужели ты такъ обо мнѣ думаешь?

БЕКШІЕВЪ. Я въ этомъ увѣренъ.

НИНА *(съ живостью).* Увѣренъ?

БЕКШІЕВЪ. Да, да!

НИНА. Увѣренъ! Боже мой! Если такъ, Леванъ,—я твоя! Да проститъ мнѣ Богъ! Не нужно мнѣ ни имени твоего... ни золота, ничего... ничего, кромѣ одного тебя.

ЗУРАБЪ *(за перегородкой, роняетъ изъ рукъ трубку и внимательнѣе прислушивается).*

БЕКШІЕВЪ. Что ты говоришь, Нина?

НИНА. Я говорю, что люблю тебя, тебя одного; люблю Левана, собственно Левана, и не хочу ничего знать ни о его богатствѣ, ни о значеніи, ничего! Боже милосердый! Прости мнѣ! Прости, что я предпочла его любовь моей чести... *(Падаетъ на колѣни, закрывая лице руками).*

БЕКШІЕВЪ *(въ восторгѣ, обнимаетъ её).* Благородное существо! Ты возвратила мнѣ жизнь. Такъ нѣтъ-же, Нина, ты будешь моей женою, законною женою. Отдавъ мнѣ права надъ собою, ты наложила на меня священнѣйшія обязанности. Я буду умѣть возвысить свое сердце въ уровень съ твоимъ. Я любилъ въ тебѣ красоту; теперь уважаю въ тебѣ добродѣтель. Нѣтъ, никто на свѣтѣ, кромѣ тебя, не назовётся моей женою. Обожаемый Ангелъ! Возвращаю тебѣ честь, принесен-

ную мнѣ въ жертву. Отецъ мой, мать моя — не могутъ съ высотъ небесныхъ не благословить этого брака!

ЗУРАБЪ *радостно вбѣгаетъ въ комнату Нины).* И я васъ благословляю! *(Бекшіевъ протягиваетъ руку Зурабу, обнимаетъ Нину и уходитъ).*

НИНА. Господи! Благодарю тебя! Чѣмъ я заслужила столько блаженства! Дядя Зурабъ, обними меня! Я съ ума сойду отъ восторга! Однако, посмотримъ, что дѣлаетъ ребёнокъ; любовь на мигъ изгладила его изъ моей памяти. Снесёмъ его къ кормилицѣ... *(подходитъ къ чулану, и не найдя младенца, вскрикиваетъ)* Дитя мое! Дитя! Дядя Зурабъ! Гдѣ онъ?

ЗУРАБЪ *(остолбенѣвъ).* Какъ! Его нѣтъ!?..

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

ТѢ-ЖЕ и ПОЛИЦЕЙСКІЙ ЧИНОВНИКЪ съ СОЛДАТАМИ.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ ЧИНОВНИКЪ. Нина Асланова! Ты обвинена въ дѣтоубійствѣ.

НИНА. Я!

ПОЛИЦЕЙСКІЙ ЧИНОВНИКЪ. Ребёнокъ твой найденъ мертвымъ въ сололакской канавѣ.

НИНА. Боже мой! *(падаетъ въ обморокъ).*

ЗУРАБЪ *(поднимаетъ её).* Дочь моя!

ПОЛИЦЕЙСКІЙ ЧИНОВНИКЪ. *(Даётъ знакъ солдатамъ; они схватываютъ и уносятъ Нину).*

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ III.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

(Комната у Г-жи Гелдлиберинъ).

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ, ФАННИ, *потомъ* **ЗУРАБЪ.**

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ, *(сидитъ у стола и считаетъ деньги, полученныя ею отъ Погосошвердова).* Три тысячи рублей серебромъ; приберёмъ-же ихъ хорошенько, чтобы опять не потерять какъ прежде. *(кладетъ деньги въ коммодъ).* Въ эту ночь я видѣла во-снѣ паука, а паукъ, видѣнный во-снѣ, значитъ прибыль. Ну, какъ найдутся и тѣ три тысячи,—это будетъ шесть тысячь; по четыре процента,—двѣсти сорокъ рублей серебромъ въ годъ... *(входитъ Фанни)*

ФАННИ. Роза Карловна, васъ спрашиваетъ какой-то человѣкъ.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Кто это? Пусть войдетъ. *(Фанни вводитъ Зураба, грустнаго, безпокойнаго).*

ЗУРАБЪ. Не здѣсь-ли живетъ Гелдлиберинъ, повивальная бабка?

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Я сама...

ЗУРАБЪ. Я хочу кое-что сказать тебѣ на-единѣ. *(Г-жа Гелдлиберинъ дѣлаетъ знакъ Фанни; она уходитъ; Зурабъ тщательно осматриваетъ комнату).*

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Мы одни. Что тебѣ нужно отъ меня?

ЗУРАБЪ. Я пришелъ не у тебя просить, а тебѣ оказать услугу.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Мнѣ?

ЗУРАБЪ. Да, тебѣ...

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ *(въ сторону, радостно).* Ужъ не деньги-ли мои отыскались?

ЗУРАБЪ. Не потеряла-ли ты чего?

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Да, пакетъ съ тремя тысячами рублей серебромъ, кредитными билетами; ты ихъ нашелъ? Давай-же скорѣе.

ЗУРАБЪ. Постой, погоди.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Да вѣдь ты нашелъ эти деньги, говори...

ЗУРАБЪ. Да, нашелъ.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Gott sey Dank! Сонъ въ руку! Паукъ ты мой голубчикъ!

ЗУРАБЪ *(вынимаетъ деньги изъ бумажника Асланова).* Вотъ онѣ!

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Такъ, такъ, это онѣ, мои ненаглядныя. Давай-же ихъ скорѣе.

ЗУРАБЪ. Постой, говорю я, погоди!

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Да вѣдь онѣ мои! Я заслужила ихъ своими трудами. А, понимаю! Ты хочешь увѣриться, что онѣ дѣйствительно мои. Изволь: я потеряла ихъ, какъ сказано въ поданномъ мною объявленіи, въ ночь на 12 Февраля, на Авлабарѣ.

ЗУРАБЪ. Точно, такъ.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Такъ отдавай-же! Ахъ, правда! Я въ радости забыла, что обѣщала награду.

ЗУРАБЪ. И я надѣюсь её получить; но только не деньгами.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ *(въ удивленіи).* А чѣмъ-же?

ЗУРАБЪ. Роза Карловна, мы здѣсь одни! Ты мнѣ сказала, гдѣ и какъ потеряла эти деньги, теперь скажешь, гдѣ и какъ ихъ пріобрѣла.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. На что тебѣ это знать?

ЗУРАБЪ. А на то, что если ты мнѣ этого не скажешь, то я денегъ не отдамъ.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Я ихъ заслужила своими трудами.

ЗУРАБЪ. Не правда! Ты потеряла эти три тысячи рублей въ ночь на 12-е Февраля, на Авлабарѣ?

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Ну, да.

ЗУРАБЪ. Около 3-хъ часовъ пополуночи?

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Такъ.

ЗУРАБЪ. Что тебя завело въ эту пору на Авлабаръ, съ такою суммою денегъ въ карманѣ?

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Я... Я возвращалась изъ Приказа, гдѣ только-что ихъ получила.

ЗУРАБЪ. Въ три часа ночи изъ Приказа деньги не выдаются; въ это время повивальныя бабки не бѣгаютъ по улицамъ съ карманами, полными денегъ. Тутъ что-то не такъ. Я хочу знать правду, а не то — не видать тебѣ своихъ денегъ. Слышишь-ли?..

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. А кто тебѣ далъ право меня допрашивать? Эти деньги мои и ты долженъ мнѣ ихъ отдать. Не то побѣгу, призову Полицію.

ЗУРАБЪ. А я брошу билетики въ огонь. *(подходитъ къ камину).*

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Что ты? Что ты? Съ ума сошелъ!

ЗУРАБЪ. Тутъ шесть пачекъ, по 500 рублей въ каждой. Вотъ одна... *(бросаетъ въ огонь).*

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Разбойникъ! Что ты дѣлаешь?

ЗУРАБЪ. Если не отвѣтишь на мой вопросъ, такъ брошу и другую пачку. Смотри! *(бросаетъ въ каминъ).*

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ *(поспѣшно подбѣгаетъ къ камину, чтобы вытащить деньги, но безполезно обжигаетъ себѣ пальцы).* Ахъ, мошенникъ! Разбойникъ! Негодяй! Деньги, деньги, которыя я заработала съ такимъ трудомъ! Возможно-ли? — Эй! Кто тамъ есть?! Караулъ! Помогите! *(подходитъ къ двери.)*

ЗУРАБЪ *(останавливаетъ её).* Если сдѣлаешь хоть шагъ, брошу всѣ...

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ *(падаетъ въ кресло.)* Mein Gott! Mein Gott!

ЗУРАБЪ. Рѣшайся, говори; а не то *(готовится бросить всѣ остальныя деньги).*

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Постой, постой...

ЗУРАБЪ. Такъ говори-же.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Ну, дѣлать нечего! Подѣлимся!

ЗУРАБЪ. Нѣтъ; все или ничего.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Какъ! Ты мнѣ отдашь всѣ? Всѣ остальныя двѣ тысячи? *(въ сторону)* Для чего этотъ человѣкъ меня допрашиваетъ? *(подумавъ немного, вслухъ)* А, понимаю! Какъ же это я не догадалась! Ты хочешь получить болѣе, гораздо

болѣе? Не такъ-ли?.. Узнавъ отъ меня тайну, ты надѣешься выручить за неё вдесятеро, во-сто разъ болѣе. Такъ-ли?

ЗУРАБЪ. Совершенно такъ!

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Ну, голубчикъ, хитро придумано! Но послушай, условимся. Ты понимаешь, что маловато двухъ тысячь рублей за секретъ, который стоитъ десяти тысячь. Такъ обѣщай мнѣ, что мы подѣлимся.

ЗУРАБЪ. Согласенъ.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Но могу-ли я быть увѣрена, что ты сдержишь свое обѣщаніе?

ЗУРАБЪ. Пепелъ сожженныхъ пачекъ тебѣ ручается въ томъ, что я твердъ въ своемъ словѣ.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Такъ слушай... Но смотри, не выдавай меня...

ЗУРАБЪ. Будь покойна. Съ этой минуты мы съ тобою союзники.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Вотъ онъ, этотъ секретъ, который можетъ обогатить и тебя и меня. На прошедшей масляницѣ, въ ночь на 12 Февраля, я взялась умертвить одного ребёнка, и за это получила три тысячи рублей. Самъ посуди, вѣдь надо-же чѣмъ нибудь жить. Но не стало у меня духа. Я хотѣла спасти ребёнка; подкинула его одной бѣдной швеѣ, которая слыла за добрую и сердобольную дѣвушку. Я хотѣла дать этой дѣвушкѣ денегъ; Богъ свидѣтель, хотѣла; но не застала её дома.

ЗУРАБЪ. Хорошо; теперь объяви мнѣ имена поручившихъ тебѣ это дѣло.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Кекела Погосошвердова — мать ребёнка. Швея, которой онъ былъ подкинутъ—Нина Асланова.

ЗУРАБЪ. Ну, теперь разскажи, какой былъ конецъ всему этому?

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ *(запинаясь).* Какъ какой конецъ?

ЗУРАБЪ. Ребёнокъ, мѣсяцъ тому назадъ спасенный тобою, сегодня найденъ мертвымъ.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Тсъ!

ЗУРАБЪ. Ты его умертви...

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Тише, тише...

ЗУРАБЪ. Видишь, что я отгадалъ. Доставь-же всему этому доказательство.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Какъ! Какое?

ЗУРАБЪ. Ты понимаешь, что безъ ясныхъ доказательствъ я дѣйствовать не могу.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Правда, правда... *(отпираетъ шкатулку и вынимаетъ оттуда записку).* Вотъ оно: *(читаетъ)* «12 Февраля. Роза «Карловна! Не знаю какія были съ вами заключены условія «относительно ребёнка, вамъ врученнаго; но если вамъ обѣ-«щана награда за его погибель, то я вамъ обѣщаю гораздо «болѣе за его спасеніе, прошу васъ его беречь и лелѣять до «востребованія. Такая услуга не останется безъ возмездія. «К. П.» Это писала дочь Погососшвердова, Кекела. *(отдаетъ записку Зурабу).*

ЗУРАБЪ. Хорошо; вотъ твои деньги. *(отдаетъ ихъ ей).*

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ *(пересчитавъ ихъ).* Увы, только двѣ тысячи! *(Зурабу).* Смотри-же, незабудь, что эта записка стоитъ груды золота, и что ты мнѣ обѣщалъ половину всей прибыли...

ЗУРАБЪ. Будь покойна... *(уходитъ).*

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ *(провожая его)* Съ нетерпѣніемъ ожидаю тебя. *(одна)* Если даже и не удастся его предпріятіе, всё-таки у меня еще останется пять тысячь рублей. Продамъ всѣ свои пожитки и уѣду изъ Тифлиса...

(Занавѣсъ опускается).

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

Богато-убранная и освѣщенная столовая у Погосошвердова. Задняя и двѣ боковыя двери. — Великолѣпно-накрытый столъ.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ, СЛУГА, потомъ **КЕКЕЛА.**

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(входитъ изъ дверей на-лѣво)*. Странно! Семь часовъ, а еще никого нѣтъ!

СЛУГА *(входитъ изъ задней двери и вручаетъ ему записку.)* Письмо отъ Левана Бекшіева.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(прочитавъ записку)*. Не будутъ! *(слугѣ)* Ступай! *(Кекела входитъ изъ двери на-право)* Кекела! Не даромъ я безпокоился: Леванъ не будетъ! Вотъ его письмо! Онъ отказывается отъ женитьбы и требуетъ отчета по опекѣ. Къ счастію, все готово и ясно: онъ совершенно раззоренъ; а швея схвачена и посажена въ метехскій замокъ.

КЕКЕЛА. Какъ! За что?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Ребёнокъ ея не существуетъ.

КЕКЕЛА. Ахъ! *(съ ней дѣлается дурно.)*

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(поддерживаетъ её.)* Кекела! Образумься! Боже мой! Какая блѣдность! Ну, если она умретъ! Умретъ въ ту самую минуту, когда мы торжествуемъ!

КЕКЕЛА *(приходя въ себя.)* И вы осмѣлились обвинить эту несчастную! Нѣтъ, это уже слишкомъ!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Не бойся, не бойся! Я её спасу. Это было необходимо для достиженія нашей главной цѣли: брака твоего съ Леваномъ.

КЕКЕЛА. О! Я не доживу до этого! Если не умру, то потеряю разсудокъ. Во мнѣ нѣтъ болѣе ни силы, ни воли, ничего, кромѣ угрызеній совѣсти. Если вы, батюшка, стараетесь скрыть отъ другихъ наши преступленія, то отъ меня самой они не скроются. Я не похожа на васъ; я буду

умѣть побороть страхъ; но заглушить совѣсть, — нѣтъ, не могу.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Успокойся, говорю тебѣ. Я её спасу. Нельзя-же мнѣ было поступить иначе. Я долженъ былъ её обвинить; теперь долженъ употребить всѣ усилія, чтобы она была найдена дѣйствительно виновною; это одно средство отторгнуть отъ нея Левана. Повторяю: отъ этого зависитъ наше состояніе, честь и самая жизнь... А тамъ я спасу и её...

КЕКЕЛА. А до того времени я надѣюсь быть въ могилѣ.

СЛУГА *(входитъ.)* Какой-то человѣкъ васъ спрашиваетъ, батоно.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Что ему нужно! Меня нѣтъ дома. *(слуга уходитъ).* Я отвѣчу Левану, что онъ раззоренъ, что Нина преступница. Противъ такихъ доводовъ, каковы нищета и позоръ, никакая любовь не устоитъ. Бракъ твой состоится, непремѣнно состоится.

СЛУГА *(возвращается.)* Человѣкъ этотъ говоритъ, что онъ присланъ Розою Карловною Гелдлибернъ.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(въ сторону.)* Что это значитъ? *(слугѣ)* Пусть войдетъ. *(Кекелѣ)* Оставь насъ.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ и ЗУРАБЪ.

ЗУРАБЪ *(входитъ растрепанный и изнеможенный отъ усталости).* Батоно Погосошвердовъ, я долженъ сообщить вамъ тайну.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Говори; мы здѣсь одни.

ЗУРАБЪ *(въ сторону).* Зурабъ, другъ мой, смотри, будь остороженъ... *(вглядываются другъ въ друга)*

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(въ сторону.)* Лице этого человѣка какъ будто мнѣ знакомо. Чего ему отъ меня надобно?

ЗУРАБЪ *(въ сторону.)* Какъ онъ въ меня всматривается.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Чего ты хочешь?

ЗУРАБЪ *(дрожа отъ гнѣва и усталости.)* Во-первыхъ, позволенія сѣсть. *(садится)*

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(въ сторону.)* Этотъ голосъ!

ЗУРАБЪ. Во-вторыхъ, поговорить съ вами.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(въ сторону.)* Боже мой! Не онъ-ли это? *(вслухъ.)* Сперва скажи: кто ты такой?

ЗУРАБЪ *(въ сторону.)* Я гдѣ-то слышалъ этотъ голосъ!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Проворнѣе говори: кто ты?

ЗУРАБЪ. Я Зурабъ, простой муша; откуда? Не знаю; кажется изъ Имеретіи (*); живу въ Тифлисѣ.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(въ сторону.)* Это онъ! Зачѣмъ онъ сюда пришелъ? *(вслухъ)* Чего же ты хочешь?

ЗУРАБЪ. Я пришелъ поговорить съ вами объ одной бѣдной дѣвушкѣ, арестованной по обвиненію въ дѣтоубійствѣ.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Какъ? Что?

ЗУРАБЪ. Не притворяйтесь незнающимъ, батоно...

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Боже мой! Ужъ не знаетъ-ли онъ чего нибудь! *(вслухъ.)* Что же? Развѣ она дочь твоя?

ЗУРАБЪ. Нѣтъ... Но если меня зовутъ дядей Зурабомъ, то долженъ же я и въ самомъ дѣлѣ быть чьимъ нибудь роднымъ... хотя-бы напримѣръ той, у кого нѣтъ родныхъ...

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Чѣмъ же я могу помочь въ этомъ обвиненіи?

ЗУРАБЪ. Многимъ!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Говори же, что я долженъ дѣлать?

ЗУРАБЪ *(встаетъ грозно.)* Вы знаете лучше меня, что вамъ должно дѣлать для раскрытія истины.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(въ сторону.)* Онъ что-то знаетъ. *(вслухъ)* Ты ошибаешься другъ мой: я не судья.

ЗУРАБЪ. Нѣтъ; но ты богатъ, ты силенъ, ты знаешь, что Нина Асланова невинна, что она спасла ребёнка, въ убійствѣ котораго её обвиняютъ. Довольно-ли этого для тебя?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(вздрагивая, въ сторону.)* Онъ не хочетъ высказать, что знаетъ... *(вслухъ)* Конечно этого довольно, чтобы...что-

---

(*) Всѣ тифлисскіе муши — преимущественно Имеретины.

бы возбудить къ ней состраданіе; но, не имѣя никакихъ ясныхъ доказательствъ въ ея невинности...

ЗУРАБЪ. Доказательствъ... Достаточно объявить то, что вы знаете.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(въ сторону.)* Боже мой! тайна эта ему извѣстна! Но какъ? Кто ему открылъ?.. Онъ мнѣ это скажетъ, непремѣнно скажетъ.

ЗУРАБЪ. Сегодня, не далѣе какъ сегодня, вы объявите всё, что вамъ извѣстно. Именемъ дочери вашей, батоно, умоляю васъ, спасите Нину.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Понимаю, мой любезнѣйшій, твое участіе въ судьбѣ этой несчастной. Мы вмѣстѣ съ тобою займемся пріисканіемъ средствъ къ ея спасенію. Подожди меня здѣсь... Я вмигъ ворочусь; у меня одно важное дѣло; я его окончу и приду къ тебѣ. *(въ сторону)* Я знаю, какъ его заставить во всемъ мнѣ сознаться. Онъ проговорится, непремѣнно проговорится... *(уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

ЗУРАБЪ, одинъ.

ЗУРАБЪ. Какое гнусное лице!.. Я гдѣ-то видѣлъ его! Вѣрно гдѣ нибудь встрѣчался. А эта блѣдная дѣвушка, которая вышла отсюда когда меня впустили, это вѣрно мать ребёнка! Безсовѣстная! Покинуть свое дитя! Возможно-ли это? О люди, люди! Вы хуже животныхъ! Чѣмъ болѣе на свѣтѣ живешь, тѣмъ болѣе научаешься васъ презирать! Бѣдная моя Нина! Что-то она дѣлаетъ теперь, моя голубушка? Удастся-ли мнѣ её выручить? Освободится-ли она? О! Непремѣнно! Богъ правосуденъ: Онъ оправдаетъ её и возвратитъ мнѣ этого ангела, безъ котораго не могу жить. *(осматриваетъ комнату)* Какое богатство, роскошь, блескъ, накрытый столъ, серебряныя, золотыя кулы (*), вина всѣхъ сортовъ!..

(*) *Кула* — кувшинъ для питья вина.

(ходитъ по комнатѣ) Тьфу! Какъ жарко, душно мнѣ!.. Да что же онъ нейдетъ? Долго-ли еще мнѣ дожидаться?

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

ЗУРАБЪ, СЛУГА, потомъ другой **СЛУГА** и **ПОГОСОШВЕРДОВЪ.**

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(вводитъ слугу и остается за дверью, подслушивая разговоръ въ продолженіе слѣдующаго явленія).*

СЛУГА. Хозяинъ сейчасъ вернётся; онъ проситъ тебя подождать еще немного и сѣсть покамѣстъ за столъ.

ЗУРАБЪ. Какъ! Мнѣ сѣсть за столъ? *(въ сторону)* Онъ хочетъ меня задобрить; можетъ быть и денегъ предложитъ. Да нѣтъ, братъ! Они думаютъ, что деньгами могутъ дѣлать всё, что ни захотятъ: купить сердце, совѣсть бѣдняка, подобнаго мнѣ... Нѣтъ, ошибаются. Меня ничѣмъ несоблазнишь.

СЛУГА Ну, садись что-ли, пріятель!

ЗУРАБЪ. Спасибо, мнѣ ѣсть не хочется.

СЛУГА *(беретъ кулу).* Такъ не хочешь-ли выпить. *(Зурабъ отходитъ отъ стола.)* Чего-же ты испугался? Ты усталъ, весь въ поту; выпей-ка глотокъ; это тебя освѣжитъ.

ЗУРАБЪ. Въ самомъ дѣлѣ; мнѣ ужасно жарко; дай-ка мнѣ воды напиться.

СЛУГА. Воды! Помилуй, братъ, чтобъ заболѣть что-ли!.. Вина — дѣло другое.

ЗУРАБЪ. Развѣ одну каплю только...

СЛУГА. Сколько хочешь! *(наливаетъ вина въ азарпешъ).*

ЗУРАБЪ. Довольно. *(добавляетъ водою).*

СЛУГА. Что, братъ, каково винцо?

ЗУРАБЪ *(допивая.)* Я никогда такого не пивалъ.

СЛУГА. Это настоящее бархатное! Ну-ка... еще...

ЗУРАБЪ. Нѣтъ, нѣтъ, довольно. Я не привыкъ много пить.

СЛУГА. Правда; вашей братьѣ рѣдко достается такое вино. Пей-же, пока есть случай!

ЗУРАБЪ. Ну, такъ и быть... еще глотокъ.

СЛУГА. Одинъ только глотокъ, но ужъ безъ воды.

ЗУРАБЪ. Ну, такъ и быть! *(пьётъ)*.

СЛУГА. Что? Каково?

ЗУРАБЪ. Оно гораздо лучше безъ воды.

СЛУГА. Теперь *аллаверды!*

ЗУРАБЪ. *Яхши-йолъ!* (*) *(пьётъ)* Ну, довольно, больше не пью. Да что же нейдётъ твой батоно? *(Погосошвердовъ дѣлаетъ знакъ слугѣ)* Сходи же за нимъ.

СЛУГА. Сей-часъ пойду. Да сперва выпьемъ остатокъ этого вина.

ЗУРАБЪ. Ну, давай, только приведи проворнѣй хозяина. *(пьётъ)* Странно, какъ мнѣ сегодня пить хочется; вѣрно отъ того что жарко, что я утомился, взбѣшонъ, раздосадованъ. А что? Нѣтъ болѣе бархатнаго?

СЛУГА. А вотъ есть другое! Этого ты вѣрно съ роду не пивалъ. Это шампанское.

ЗУРАБЪ. Шампанское! Это что за напитокъ?

СЛУГА *(наливаетъ два стакана.)* А вотъ, попробуй.

ЗУРАБЪ *(пьётъ)*. Ухъ! Да какое славное! — Но... рѣшительно довольно! Мнѣ нуженъ разсудокъ; я еще долженъ говорить о дѣлѣ.

СЛУГА. Э! Да отъ этого вина не опьянѣешь; напротивъ: оно тебѣ придастъ смѣлости.

ЗУРАБЪ. И то правда. *(пьётъ)* Я теперь какъ-то смѣлѣе, чѣмъ давича, когда пришелъ сюда; давай же еще! *(пьётъ)*.

СЛУГА. Ага! Что, братъ, нравится? Что же ты мнѣ говорилъ, что никогда не пьёшь?

ЗУРАБЪ. Ахъ, пріятель! Пивалъ я прежде, и много пивалъ; да съ того времени прошло двадцать лѣтъ. Поустарѣлъ я... *(пьётъ)* Ты правду говоришь, вино это удивительно какъ придаётъ смѣлости! *(пьётъ)* Пусть-ка придетъ теперь хозяинъ, я съ нимъ поговорю! *(другой слуга входитъ и обращается къ первому.)* Поди, тебя зоветъ батоно; я пока здѣсь останусь. *(первый слуга уходитъ)*.

(*) *Аллаверды* и *яхши-йолъ* — заздравные тосты, которыми въ Грузіи обыкновенно обмѣниваются пьющіе.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

ЗУРАБЪ *(на-веселѣ).* Ага, другой товарищъ! Гамаръ-джоба бичо! (*) Твое здоровье! *(наливаетъ ему вина).*

СЛУГА. Нѣтъ, спасибо.

ЗУРАБЪ. Чего же ты боишься? Я прощаю!

СЛУГА. Говорю тебѣ, что я не пью вина. Водку—дѣло другое.

ЗУРАБЪ. Водки! Давай, давай.

СЛУГА *(берётъ бутылку и наливаетъ.)* Вотъ, напримѣръ, этой;—вѣдь это тридцати-лѣтняя водочка! Попробуй.

ЗУРАБЪ *(выпивъ, щелкаетъ языкомъ.)* Ай-да водка! Ай-да голубушка! Давай еще! Водочка-душечка! Давно я тебя не отвѣдывалъ! *(пьётъ)* Да здравствуетъ веселье!.. *(пьётъ)* Да здравствуетъ вино!.. *(пьётъ)* Да здравствуетъ водка! Что отгоняетъ печаль? Вино! Что украшаетъ жизнь? Водка. Что меня согрѣвало, когда околѣвалъ я отъ холода и голода? Вино. Что излечало, когда бывалъ боленъ? Водка! *(поётъ).*

Важкацно, модитъ, давліотъ (**)
Сджобсъ роме гвино давліотъ;
Омамдинъ сисхлатъ икцева
Мерме брдзолаши давтхіотъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

ТѢ-ЖЕ И ПОГОСОШВЕРДОВЪ.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(входя, въ сторону).* Пора мнѣ показаться... *(слугѣ)* Оставь насъ. *(Зурабу)* Извини, что заставилъ тебя дожидаться.

ЗУРАБЪ. Кто ты такой? Чего тебѣ надо?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Я пришелъ съ тобою поговорить о твоемъ дѣлѣ.

(*) *Гамаръ-джоба бичо*—здравствуй братъ или, еще точнѣе, здравствуй *хлопецъ.*

(**) т. е. Бравые молодцы, давайте-ка выпьемъ.
Лучше попить намъ винца!
Вѣдь до войны оно въ кровь превратится
А ужъ кровь мы въ бою и прольемъ.

ЗУРАБЪ. Какое дѣло? А! а!.. Помню, помню, *(встаетъ, шатаясь)*.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Ты говорилъ, что имѣешь у себя доказательство.

ЗУРАБЪ *(живо, скороговоркою.)* Да, да, братъ; да не увертывайся. Я все знаю... все, слышишь-ли! Ты обвинилъ Нину Асланову въ дѣтоубійствѣ; такъ ступай... ступай, да проворнѣй, объяви, что не правда... Ребенокъ твой; то есть дочери твоей; а ты подослалъ убить его. Доказательство у меня.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Какое доказательство? Ты лжешь!

ЗУРАБЪ. Иги... ги... ги... братъ! У меня письмо; письмо твоей дочери къ повивальной бабкѣ.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(въ сторону)*. Безразсудная!

ЗУРАБЪ. Вотъ оно, письмецо-то! *(показываетъ письмо)*.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(радостно, въ сторону)*. Добился я своей цѣли! Вино въ немъ заговорило. Ты хочешь отъ меня денегъ? Изволь. Сколько?

ЗУРАБЪ. Что? Что? *(кладетъ письмо въ карманъ)*.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Отдай мнѣ письмо; а я, въ замѣнъ его, обогащу тебя.

ЗУРАБЪ. Обогащу! *(хохочетъ)* Ха... ха... ха! Нѣтъ, братъ; на кой чортъ мнѣ твое богатство? Чтобы на тебя похожимъ сдѣлаться, что-ли? Ха, ха, ха! Ничего мнѣ твоего не нужно... да и самой рожи твоей не надо... Нѣтъ, мнѣ не то надо. Пойдемъ-ка въ судъ... въ су-дъ, и больше ничего. *(подходитъ къ Погососшвердову, шатаясь, и хочетъ его увести)*.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(борется съ нимъ)*. Отдай, не то возьму насильно.

ЗУРАБЪ *(не въ состояніи защищаться)*. Эй, помогите! Караулъ!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(схвативъ его за горло)*. Молчи, молчи негодяй! *(опрокидываетъ его на землю)*.

ЗУРАБЪ *(вскрикиваетъ.)* Ай! Тотъ же толчёкъ, который сшибъ меня съ ногъ на Пескахъ, двадцать лѣтъ тому назадъ. *(борется съ Погососшвердовымъ, который вырываетъ у него бумажникъ и вынимаетъ оттуда письмо)*. Мошенникъ! Разбойникъ! Онъ обокралъ меня. Письмо, отдай мнѣ письмо!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(сжигаетъ письмо на свѣчѣ; потомъ, взглянувъ на бумажникъ)* Что я вижу! Пепанъ Аслановъ. *(кладетъ бумажникъ за пазуху Зурабу).*

ЗУРАБЪ *(на полу, не можетъ встать).* Разбой! Разбой! Онъ сжегъ мое письмо...

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Эй! Люди! Сюда!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

ТѢ-ЖЕ и СЛУГИ.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Схватите этого человѣка! Онъ убійца Пепана Асланова! *(уходитъ.)*

ЗУРАБЪ *(котораго слуги подняли, въ бѣшенствѣ).* Какъ? Что? Пьянъ? Убійца? Кто это сказалъ? *(беретъ бутылку, и угрожаетъ ею слугамъ, которые отступаютъ).* Ну-ка! Подойди-ка ко мнѣ! Голова моя горитъ! Они влили въ меня огонь!—Подлецы... Мерзавцы... Напоили, отравили меня. *(въ изступленіи)* Проклятое вино! *(ищетъ письма.)* Гдѣ оно? Пески... Аслановъ... Нина... Вино... Ненавижу тебя. Гдѣ оно... Чтобъ я его уничтожилъ. *(опрокидываетъ столъ, бутылки, приборы и поётъ).*

Давесхнатъ цоднисъ дзебнаса (*)
Гвино сджобсъ ковелсъ мцнебаса
Брдзени сулъ сиквдилса пикробсъ
Да лоти гамарджвебаса.

(Слуги его уносятъ).

(Занавѣсъ опускается).

(*) т. е. Перестанемъ искать знанія;
Вино лучше всякаго завѣта.
Мудрецъ все о смерти думаетъ,
А гуляка о побѣдѣ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

Внутренность тюрьмы.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

НИНА, потомъ **БЕКШІЕВЪ**.

БЕКШІЕВЪ. Нина, другъ мой, я прибѣжалъ тебя навѣстить.

НИНА *(въ слезахъ)*. Леванъ! Клянусь тебѣ, я невинна.

БЕКШІЕВЪ. Ты? Можешь-ли ты быть преступна, дорогая моя Нина! Ты—олицетворенная добродѣтель! Ты чиста, непорочна, какъ ангелы на небеси.

НИНА. Благодарю тебя, благодарю за утѣшительныя эти рѣчи... Но увы, Леванъ, я ужъ недостойна любви твоей, я, несчастная, обвиненная, опозоренная, и въ эту минуту, можетъ быть, осужденная!

БЕКШІЕВЪ. Нѣтъ, Нина, нѣтъ, этого быть не можетъ! Ты будешь оправдана, и тогда Нина Асланова изъ тюрьмы пойдетъ подъ вѣнецъ; промѣняетъ имя, которое хотѣли опозорить, на негромкое но честное имя—Бекшіева. Предъ всею вселенною я докажу, что вѣрую въ тебя. Ты не можешь себѣ представить, что во мнѣ происходило, когда въ отвѣтъ на письмо мое къ Пogocошвердову, въ которомъ я отказывался отъ женитьбы на его дочери и требовалъ отчета въ опекѣ надъ моимъ имѣніемъ, я получилъ вотъ эту записку: *(читаетъ)* «Любезный Леванъ. «Ты непремѣнно измѣнишь своему намѣренію, когда узнаешь, «что дѣвушка, которой ты хочешь принести въ жертву Ке-«келу, арестована по обвиненію въ дѣтоубійствѣ.»

НИНА *(съ живостію)*. Не правда, Богъ свидѣтель, не правда! Ребёнокъ былъ ко мнѣ подкинутъ; я его берегла, воспиты-

вала; его у меня украли, убили, — пока я ходила добывать средства для его прокормленія. Клянусь тебѣ — это истина!

БЕКШІЕВЪ. Не оправдывайся предо мною, святая, благородная дѣвушка! Развѣ не знаю я твоего сердца? Это святыня, въ которой хранятся всѣ добродѣтели.

НИНА *(радостно)*. О! Если ты такъ думаешь, то нѣтъ на свѣтѣ существа счастливѣе меня.

БЕКШІЕВЪ. Но я, Нина, я теперь сдѣлался недостойнымъ тебя: чѣмъ я вознагражу тебя за всѣ сокровища ангельской души твоей? У меня уже ничего нѣтъ, ничего, кромѣ пламенной любви моей.

НИНА *(радостно)*. Какъ? Что это значитъ?

БЕКШІЕВЪ. Да, Нина. Я теперь бѣденъ, — какъ и ты. Этимъ, покрайней мѣрѣ, я сдѣлался равенъ съ тобою! Вотъ продолженіе письма Погосошвердова: *(читаетъ)* «Что-же касается до «твоего состоянія, то ты его промоталъ, чему служатъ доказа-«тельствомъ приложенные при семъ отчеты. Я ожидаю тебя «сегодня, чтобы или получить отъ тебя квитанцію, или вру-«чить тебѣ богатое приданое. Выбирай: съ одной стороны «нищета и позоръ; съ другой — милліонъ.»

НИНА. Бѣдный Леванъ!

БЕКШІЕВЪ. Будь покойна! Я буду жить трудами, но буду жить вмѣстѣ съ тобою; у меня осталась голова, сердце, руки; я выучусь какому нибудь ремеслу, я поступлю вновь на служ-бу...

НИНА. Боже мой, какое счастіе!

БЕКШІЕВЪ. Счастіе, любовь, независимость — вотъ наши сокровища: мы богаты. Мой выборъ сдѣланъ!.. До свиданья, возлюбленная моя! Скоро, скоро мы отсюда перейдемъ въ наше скромное жилище; оно будетъ для меня раемъ; въ немъ будетъ обитать Ангелъ... *(цѣлуетъ её, удаляется, потомъ опять возвращается и цѣлуетъ)*. До свиданія!..

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

НИНА одна.

Какія сладкія рѣчи! Не сонъ-ли это? Какъ я счастлива! Слишкомъ счастлива! *(становится на колѣни и молится)* Милосердый Боже! Прими мое моленье, содѣлай меня достойною блаженства, Тобою на меня ниспосылаемаго!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

НИНА и ПОГОСОШВЕРДОВЪ.

НИНА *(съ удивленіемъ)*. Погосошвердовъ! Что это значитъ? Зачѣмъ онъ здѣсь?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Нина, я пришелъ сюда—тебя видѣть, помочь тебѣ.

НИНА. Помочь! Вы?!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Спасти тебя.

НИНА *(радостно)*. Возможно-ли?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Да, Нина; если чистосердечное раскаяніе, сознаніе въ твоемъ проступкѣ...

НИНА *(съ гордостію)*. Батоно! Я невинна!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Къ несчастію, Нина, всѣ обстоятельства свидѣтельствуютъ противъ тебя: твоя бѣдность, твоя связь; наконецъ и самая жертва... Берегись, законъ неумолимъ!

НИНА. Боже мой!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Но успокойся! Повторяю тебѣ, что чистосердечное раскаяніе, добровольное признаніе, могутъ спасти тебя, искупить тебѣ жизнь, свободу.

НИНА. Цѣною моей чести?.. Никогда!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Я не требую отъ тебя признанія на допросѣ, нѣтъ, признайся одному только человѣку.

НИНА. Кому-же?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Моему питомцу, Левану Бекиіеву. — Ему одному.

НИНА. Да вѣдь онъ одинъ—для меня всё. Уваженіе его дороже мнѣ самой жизни. Пусть всѣ люди меня осудятъ, — лишь-бы онъ одинъ не презиралъ меня!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Нина! Если ты его такъ любишь, что согласна скорѣе умереть, чѣмъ лишиться его уваженія,—то сдѣлай это признаніе для того, чтобы спасти его.

НИНА. Спасти! Его спасти? Что это значитъ? Я не понимаю...

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Онъ раззоренъ, онъ погибъ, если ты его не спасешь. Онъ расточилъ все свое состояніе и не имѣетъ ничего ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Оставалась ему одна надежда, одно средство поправить свое положеніе—это богатая женитьба; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ тебя, онъ отвергаетъ это средство и ты, Нина,—ты, для которой онъ жертвуетъ собою, ты его увлекаешь въ бездну нищеты и мученій.

НИНА. Боже мой! Возможно-ли это?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Выслушай меня, Нина. Я воспитывалъ Левана, какъ собственнаго моего сына; можешь, слѣдовательно, посудить, дорогъ ли онъ моему сердцу. Онъ тебя любитъ, клянется тебѣ въ вѣчной любви, вѣрности, постоянствѣ. Но положимъ, что ты выйдешь изъ тюрьмы оправданною, что́ весьма сомнительно, потому что обвиненіе слишкомъ сильное и подтверждается доказательствами слишкомъ ясными; но положимъ, говорю, что ты оправдаешься, выйдешь за мужъ за Левана и вы будете счастливы; но неужели ты думаешь, что это счастіе будетъ вѣчное? Нѣтъ, другъ мой; по прошествіи какого-нибудь одного года, двухъ, положимъ, десяти лѣтъ, Леванъ вспомнитъ объ утраченномъ богатствѣ, о потерянномъ значеніи въ свѣтѣ, объ обманутыхъ надеждахъ, о выгодномъ бракѣ, которому предпочелъ онъ заблужденіе безумной любви. Возможно-ли будетъ ему, рожденному среди роскоши, пышности, привыкнуть къ трудамъ, работѣ, лишеніямъ всякаго рода? Тогда, повѣрь мнѣ, тогда онъ вздохнетъ, тяжело вздохнетъ, и разочаруется. Тогда родится въ немъ раскаяніе, а любовь превратится въ ненависть. Тогда мужъ твой упрекнетъ тебя въ жертвѣ, имъ для тебя принесенной, и принесенной въ замѣнъ минутной любви, вѣчной нищеты, имени, опозореннаго страшнымъ обвиненіемъ.

НИНА *(закрываетъ лице руками).* Господи! Что я слышу!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Такъ если ты любишь Левана, — спаси его. Ты одна можешь его спасти.

НИНА. Я спасу его... Благодарю васъ... Вы открыли мнѣ глаза. Я спасу Левана... Я откажусь отъ него.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Этого недостаточно, Нина. Любовь его ослѣпляетъ; онъ готовъ всѣмъ пренебречь для тебя. Будь еще великодушнѣе его: заставь его самого отказаться отъ тебя. Рѣшись объявить себя преступницею на одинъ только часъ, пока совершится бракъ Левана; а тамъ—мы найдемъ средство спасти и тебя.

НИНА *(съ твердостію).* Рѣшено! Я готова... Я преступница... Леванъ женится на вашей дочери; а я... Я готова итти хоть на смерть: жить безъ Левана не хочу, не могу!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(въ сторону.)* Торжествую!

(Занавѣсъ опускается).

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ.

Внутренность Полицейскаго Присутствія. На столѣ зерцало, нѣсколько томовъ Свода Законовъ и всѣ принадлежности для письма; на лѣво отъ зрителей другой столъ, за которымъ сидитъ чиновникъ и пишетъ.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

ЗУРАБЪ, *(котораго вводятъ двое солдатъ.)*

ЗУРАБЪ *(въ отчаяніи).* Негодяй я! Пьяница я! Подлецъ я! Что я надѣлалъ! Пока она страдала, томилась, я напился какъ животное! Ничто меня не проучило: ни смерть Асланова, ни заключеніе Нины! Я неизлечимъ. Что она обо мнѣ скажетъ, если узнаетъ? Проклятое вино! У меня въ рукахъ было доказательство невинности моей дочери, и я... я... промѣнялъ её на вино! Я погубилъ отца и дочь; а за то вотъ и самъ схваченъ, какъ преступникъ! Да мнѣ по дѣломъ, пусть меня казнятъ: я этого заслуживаю; а Нина! Этотъ Ангелъ! Боже мой! Спаси её! Что мнѣ теперь придумать? Что можетъ бѣдный муша противъ богатаго, сильнаго почетнаго гражданина Погосошвердова?.. Но нѣтъ, не возможно! Богъ милостивъ, правосуденъ, Онъ не допуститъ казни невинныхъ...

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

ТѢ-ЖЕ И ПРАВДИНЪ.

ПРАВДИНЪ *(войдя, отдаетъ бумаги чиновнику).*

ЗУРАБЪ. Г. Приставъ, Г. Приставъ!

ПРАВДИНЪ. Молчи, когда будутъ тебя спрашивать, тогда говорить можешь.

ЗУРАБЪ. Г. Приставъ! Вчера арестована невинная дѣвушка, Нина Асланова.

ПРАВДИНЪ. Не объ ней дѣло. Отвѣчай за самого себя. Ты обвиненъ въ убіеніи, 20 лѣтъ тому назадъ, на Пескахъ, Непана Асланова, конторщика въ торговомъ домѣ Давыда Бекшіева.

ЗУРАБЪ. Клянусь всѣми святыми, что Нина невинна.

ПРАВДИНЪ. Никто тебя объ этомъ не спрашиваетъ. Дѣло идетъ о тебѣ самомъ! Что-же ты скажешь въ свое оправданіе?

ЗУРАБЪ. Она невинна...

ПРАВДИНЪ. Отвѣчай на мои вопросы; я говорю, что самъ ты обвиненъ въ убійствѣ.

ЗУРАБЪ. Знаю, знаю; но я оправдаюсь и послѣ. Главное теперь: спасти её, спасти мою Нину!

ПРАВДИНЪ *(съ гнѣвомъ).* Ты выводишь меня изъ терпѣнія.

ЗУРАБЪ. Виноватъ, батоно, простите; но посудите сами, её хотятъ погубить; меня обвиняютъ для того, чтобы отъ нея отвлечь... Вотъ уже цѣлые сутки, вѣчность цѣлая, что она въ тюрьмѣ, что я не видѣлъ ея. Она дитя мое, — мое единственное сокровище! Если я не спасу ея, такъ зачѣмъ и жить мнѣ, шестидесяти-лѣтнему старику! Если не спасу ея, такъ и себя готовъ обвинить во всѣхъ преступленіяхъ, какія угодно, во всѣхъ злодѣяніяхъ, совершенныхъ отъ сотворенія міра, —тогда дѣлайте со мною что хотите, казните, сошлите, сожгите живаго, я на все готовъ.

ПРАВДИНЪ *(въ сторону).* Поневолѣ растрогалъ меня этотъ человѣкъ! *(вслухъ.)* Но какъ-же ты можешь утверждать, что Нина Асланова не преступница, когда она сама въ томъ созналась.

ЗУРАБЪ. Какъ! Созналась!?..

ПРАВДИНЪ. Вотъ ея письменное показаніе.

ЗУРАБЪ. Не правда, не правда! Её принудили, заставили объявить небывалое. Неправда, говорю я. Тутъ что-то кроется! — Я знаю виновныхъ, я имѣлъ тому доказательства, — но у меня ихъ похитили. Я самъ въ этомъ виноватъ, меня напоили... *(подумавъ нѣсколько.)* Постойте, постой-

те!.. Какая мысль! Самъ Богъ мнѣ её внушилъ! Я нашелъ средство доказать, уличить настоящихъ преступниковъ.

ПРАВДИНЪ *(встаетъ, съ участіемъ)* Какое? Говори...

ЗУРАБЪ. Дайте мнѣ десять тысячь рублей.

ПРАВДИНЪ *(удивленный).* Какъ десять тысячь! Что ты! Съ ума сошелъ?

ЗУРАБЪ. О нѣтъ, нѣтъ; я въ полномъ разсудкѣ! Дайте мнѣ эти деньги.

ПРАВДИНЪ. Шутишь ты, что-ли, со мною?

ЗУРАБЪ. Какія шутки, батоно! Какъ я смѣю? Я говорю не шутя, что мнѣ нужны десять тысячь, чтобы спасти Нину.

ПРАВДИНЪ. Но для чего тебѣ эти деньги?

ЗУРАБЪ. Это моя тайна! Самъ Богъ меня вразумилъ. Пошлите кого нибудь со мною; пусть деньги будутъ у него; я ихъ и трогать не буду, лишь бы мнѣ позволено было говорить и дѣйствовать какъ захочу.

ПРАВДИНЪ *(въ сторону).* Это рѣшительно уловка, чтобы выиграть время... *(солдатамъ)* Ведите его въ тюрьму.

ЗУРАБЪ *(бросается на колѣни и говоритъ умоляющимъ голосомъ).* Батоно, батоно, ради Бога, выслушайте меня! Умоляю! Вспомните, что вы будете отвѣчать предъ Судомъ Божіимъ за казнь невинныхъ.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

ТѢ-ЖЕ и БЕКШІЕВЪ.

ЗУРАБЪ. А! батоно Бекшіевъ! Самъ Богъ его послалъ! Она спасена! Можете-ли вы мнѣ одолжить десять тысячь рублей?

БЕКШІЕВЪ. Для чего?

ЗУРАБЪ. Любите-ли вы Нину по прежнему?

БЕКШІЕВЪ. Я ей прощаю!

ЗУРАБЪ. Такъ вы почитаете её виновною!

БЕКШІЕВЪ. Увы!..

ЗУРАБЪ *(съ видомъ отвращенія.)* И онъ! Онъ тоже самое, что другіе! Любовь подобна правосудію! Я одинъ остался ей вѣренъ!.. Хотите-ли по-крайней мѣрѣ спасти её?

БЕКШІЕВЪ. Чистосердечное ея признаніе искупаетъ ей помилованіе. *(Правдину)* Я пришелъ поговорить съ вами о ней... Вы, своей прямотою, прозорливостію, доказанными во многихъ изслѣдованіяхъ, заслужили всеобщее уваженіе. Вы не откажетесь и въ этомъ случаѣ употребить всѣ усилія, чтобы проникнуть въ глубину этой тайны. Не смотря на показаніе Нины, я все еще сомнѣваюсь... Бѣдная Нина! Она, вѣроятно, въ помѣшательствѣ себя оклеветала. Не могу вѣрить, чтобы она дѣйствительно была преступна! Этого быть не можетъ. Тутъ что-то кроется. Я долженъ её видѣть, говорить съ нею. Она чиста, чиста какъ день ясный... Старикъ этотъ правъ; онъ одинъ её любитъ, какъ она того достойна... Прости мнѣ Нина, прости мнѣ мое минутное сомнѣніе! Дядя Зурабъ, спасибо тебѣ, спасибо; ты возвратилъ мнѣ вѣру, любовь и надежду.

ЗУРАБЪ. Да, да... она Ангелъ, и я это докажу, не смотря на собственное ея показаніе.

БЕКШІЕВЪ. Но какъ-же ты этого достигнешь?

ЗУРАБЪ. Говорю вамъ, достаньте мнѣ на одинъ только часъ десять тысячь рублей и позвольте мнѣ итти, въ сопровожденіи кого-бы то ни было, куда я думаю...

БЕКШІЕВЪ. Если нужны только деньги, то я ихъ достану безъ затрудненія.

ЗУРАБЪ. При томъ нужна еще и осторожность. Продолжайте казаться печальнымъ и дѣлать всѣ приготовленія къ женитьбѣ, такъ, чтобы никто не могъ догадаться,—и завтра же вамъ будетъ возвращена Нина.

ПРАВДИНЪ *(въ сторону)*. Не надо отвергать ни одного средства, могущаго повести къ раскрытію истины. Испытаемъ же и то, что предлагаетъ старикъ *(вслухъ)*. Я согласенъ, и самъ, переодѣтый, пойду съ тобою.

ЗУРАБЪ. Богъ да наградитъ васъ!..

ПРАВДИНЪ. Теперь отведите его.

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ V.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ.

(**Декорація третьяго дѣйствія**).

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ, *(сидитъ за столомъ и разбираетъ бумаги)*. Дѣла мои приводятся мало-по-малу въ порядокъ! Черезъ нѣсколько дней я надѣюсь быть совершенно готова къ выѣзду изъ Тифлиса. Что-же касается до другаго дѣла, то о немъ что-то и не слыхать. Или оно не удалось, или этотъ мошенникъ муша меня обманулъ.

ФАННИ, *(входитъ)*. Роза Карловна! Муша Зурабъ желаетъ съ вами видѣться.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. А! Легокъ на поминѣ! Зови, зови его скорѣе.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ, ЗУРАБЪ, ПРАВДИНЪ *(переодѣтый)*.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ *(идетъ на встрѣчу Зурабу, но видя съ нимъ посторонняго человѣка, пріостанавливается)*. Что вамъ угодно?

ЗУРАБЪ. Мы пришли по твоему дѣлу. Видишь, какъ я умѣю держать свое слово.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. По какому дѣлу?

ЗУРАБЪ. Небойся, небойся! *(указывая на Правдина)*. Онъ изъ нашихъ; онъ все знаетъ и во всемъ намъ помогалъ.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Да въ чемъ? Что такое? Какое дѣло?

ЗУРАБЪ. Небойся, говорю, мы принесли тебѣ твою часть.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Какую часть? Чего?

ЗУРАБЪ. Экая боязливая! Не хочешь? Ну, тѣмъ лучше; я не виноватъ; намъ достанется все... *(Правдину).* Пойдемъ дѣлиться, товарищъ. *(уходитъ).*

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Постойте, постойте. Почему-же я могла знать!.. Надо было меня предупредить, что ты будешь дѣйствовать не одинъ.

ЗУРАБЪ. Что-же дѣлать? Я и самъ не зналъ; а какъ принялся за дѣло, такъ и смекнулъ, что одному нельзя. Куда мнѣ было соваться въ этомъ пищенскомъ платьи! Вотъ я и подговорилъ себѣ товарища, человѣка порядочнаго. Онъ-то все и устроилъ.

ПРАВДИНЪ *(показываетъ бумажникъ).* Вотъ и деньги здѣсь. Мы пришли съ вами, Роза Карловна, дѣлиться. Я было сперва и не хотѣлъ; намъ съ нимъ больше досталось бы; да онъ непремѣнно требовалъ; говоритъ, что далъ слово, — такъ, вишь, нельзя.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Какое счастіе! А я было потеряла надежду. Не угодно ли освѣжиться?.. *(ставитъ на столъ кувшинъ съ виномъ и стаканы).* Ну, а какъ велика добыча?

ЗУРАБЪ. Добыча изрядная; но вѣдь насъ трое и дележъ долженъ быть сдѣланъ по-ровну.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ *(наливаетъ вино въ стаканы).* Ну разумѣется... А сколько же на мою долю достанется?

ЗУРАБЪ Мы сорвали съ Погосошвердова двадцать такихъ пачекъ, какія ты отъ него получила. *(беретъ стаканъ вина, но, отвернувшись, выливаетъ на полъ).*

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Двадцать пачекъ по пяти-сотъ; это только десять тысячь рублей серебромъ. Не можетъ быть! Вы меня обманываете. Я вѣдь тебѣ говорила, отдавая записку, что она стоила сотни тысячь, милліонъ.

ЗУРАБЪ. Помилуй, Роза Карловна, за кого-же ты насъ принимаешь! Сама подумай: могли бы мы и всѣ деньги себѣ оставить; не такъ-ли? А вѣдь пришли-же дѣлиться, — значитъ, мы люди честные.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Ну, хорошо; такъ мнѣ приходится получить половину: пять тысячь рублей, то-есть десять пачекъ.

ЗУРАБЪ. Какъ пять тысячь рублей? Да вѣдь насъ трое.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. А мнѣ какое дѣло? Я условилась получить половину. Зачѣмъ ты взялъ себѣ товарища? Тѣмъ хуже для тебя... Я тебѣ отдала письмо за половину вырученной суммы, а не за треть; такъ и отдай мнѣ половину; а тамъ вѣдайтесь между собою, какъ знаете.

ЗУРАБЪ. Да что-же намъ-то останется?

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Говорю тебѣ, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Зачѣмъ вы такъ мало у него выманили? Не умѣли взяться?

ЗУРАБЪ *(перемигиваясь съ Правдинымъ).* Не умѣли взяться! А ты сама вѣдь только три тысячи получила за умерщвленіе ребёнка.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Тсъ!..

ЗУРАБЪ. Ну, дѣлать нечего! Не будемъ ссориться; еще когда нибудь другъ другу пригодимся. Что условлено, то должно быть выполнено. Получай-же половину. *(беретъ отъ Правдина деньги и отдаетъ Г-жѣ Гелдлиберинъ).*

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Ну, слава Богу! *(считаетъ)* Приложу къ тѣмъ, которые я было потеряла.

ЗУРАБЪ. Но которые я нашелъ и честно тебѣ возвратилъ. Не правда-ли?

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Правда-то правда; но *(со вздохомъ)* за чѣмъ было сжечь одну тысячу? Ну, ужъ ихъ не воротишь!.. Два да пять,—это семь... *(кладетъ деньги въ ящикъ).* Хорошо, да все мало!

ЗУРАБЪ. Дѣлать нечего. Письмо мы отдали въ замѣнъ денегъ, и дѣло кончено!

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Жаль, очень жаль! *(подумавъ).* Ай, какая мысль! У меня вѣдь еще въ запасѣ есть средство выжать изъ него денежки. Погосошвердовъ приказалъ мнѣ отрѣзать уголъ отъ салфетки, въ которой завернутъ былъ ребёнокъ. *(ищетъ въ коммодѣ).*

ЗУРАБЪ. У! Славно, славно! Хватимъ еще десять тысячь!

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Вотъ онъ! Посмотри! Крупными буквами намѣчено: *Погосошвердовъ. № четвертый.*

ЗУРАБЪ. Давай, давай...

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Постой!.. Уговоръ лучше денегъ. Мнѣ слѣдовать будетъ половина.

ЗУРАБЪ. Экая вѣдь какая! Да насъ не двое, а трое. *(Правдину)*. Не правда-ли, товарищъ?

ПРАВДИНЪ *(громко)*. Повивальная бабка Гелдлиберинъ, я тебя арестую, какъ виновную въ убійствѣ ребёнка и соучастницу гражданина Погосошвердова. *(подходитъ къ двери и призываетъ солдатъ.)*

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ. Что! Что такое? Не правда, не правда.

ПРАВДИНЪ. Не шуми: ты сама во всёмъ созналась. Теперь въ судѣ разбирается это дѣло. Пойдемъ.

Г-ЖА ГЕЛДЛИБЕРИНЪ *(Зурабу)*. Тебѣ, разбойникъ, я этимъ обязана!..

ЗУРАБЪ. Точно-такъ, моя красавица. *(её уводятъ)*.

КАРТИНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Театръ представляетъ богато-убранный и великолѣпно-освѣщенный залъ.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

КЕКЕЛА *въ подвѣнечномъ платьи.* **ПОГОСОШВЕРДОВЪ.**

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Наконецъ-то насталъ давно-желанный день! Поспѣшай, Кекела, одѣваться: скоро будутъ съѣзжаться гости. Мнѣ же надобно итти по одному дѣлу; но я вмигъ ворочусь.

КЕКЕЛА. Батюшка, не оставляйте меня. Не знаю отъ чего, мнѣ страшно; я вся дрожу.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Успокойся, Кекела! Побѣда наша; мы торжествуемъ; мы спасены! Письмо твое сожжено; дѣвушка созналась въ преступленіи и, къ довершенію всего, мы имѣемъ въ рукахъ доказательство въ преступленіи ея защитника, Зураба.

КЕКЕЛА. Боже мой! Неужели еще одна жертва?

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Это будетъ послѣдняя...

КЕКЕЛА. Батюшка! Довольно!.. Не могу я быть соучастницею въ новомъ злодѣйствѣ! Это свыше силъ моихъ. Пощадите меня: не снесу, не могу снести такого бремени...

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Это необходимо! Или они, или мы должны погибнуть. Но этимъ все кончится, увѣряю тебя... Такъ одѣвайся-же, а я пойду удостовѣрюсь въ отъѣздѣ повивальной бабки. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

КЕКЕЛА, потомъ **ХАНУМА** и другая служанка.

КЕКЕЛА. И такъ мы спасены... Но какой цѣною, Боже мой! Сколько жертвъ!.. И послѣдняя жертва—я сама... Я несчастная, которую сегодня поведутъ къ олтарю. Не смѣю на себя смотрѣть; мнѣ страшно самой себя... Я блѣдна какъ смерть... *(Ханумѣ, вошедшей съ другою служанкою)*. Одѣвайте меня скорѣе *(въ сторону)*. Мнѣ кажется, что тайна моя начертана на лицѣ моемъ... *(Ханумѣ)* Накинь на меня пирбаде (*). Ахъ! Это что такое на немъ? Это кажется кровавое пятно!

ХАНУМА. Пятно?

КЕКЕЛА. Да, да, тутъ... тутъ, посмотрите.

ХАНУМА. Ничего нѣтъ.

КЕКЕЛА. Хорошо; оставьте меня... *(служанки уходятъ)*. Что я сдѣлала! Что онѣ обо мнѣ подумаютъ? Голова моя теряется! Эта тайна, роковая тайна, безпрестанно вырывается изъ груди моей. Вездѣ, вездѣ я его вижу; вездѣ слышу голосъ моего ребёнка. О Боже мой! Онъ кричитъ... требуетъ колыбели... могилы... Нѣтъ! Нѣтъ! Прочь отъ меня эти призраки! Мужество, терпѣніе до конца! Чего мнѣ бояться! Тайна эта подъ землею; никто не знаетъ, не узнаетъ никогда... Преступники не мы, — другіе; а мы... мы спасены.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

КЕКЕЛА, СЛУГИ, СЛУЖАНКИ; потомъ **ГОСТИ,** потомъ **ПРАВДИНЪ, ПОЛИЦЕЙСКІЕ СЛУЖИТЕЛИ** и наконецъ **ЗУРАБЪ, НИНА** и **БЕКШІЕВЪ.**

СЛУГА *(входитъ)*. Батоно, васъ ожидаютъ; всѣ гости съѣхались.

КЕКЕЛА *(идетъ, на встрѣчу ей вбѣгаетъ Ханума)*. Батоно, сюда идетъ Полиція.

КЕКЕЛА. Сюда? За чѣмъ?

(*) *Пирбаде* — брачное покрывало.

ПРАВДИНЪ *(входя, говоритъ полицейскимъ служителямъ)*. Чтобы никто отсюда не выходилъ и не могъ предупредить хозяина, по его возвращеніи. *(Кекелѣ)*. Простите мнѣ, сударыня, мое нечаянное посѣщеніе; но меня привела обязанность, тяжкая обязанность допросить вашего батюшку, по дѣлу обвиненнаго имъ человѣка.

КЕКЕЛА. Прошу покорно подождать его, онъ сей часъ придетъ. *(Хочетъ итти)*.

ПРАВДИНЪ. Останьтесь, сударыня. Я долженъ допросить васъ и вашего батюшку порознь, и потомъ свести на очную ставку. Извините, сударыня: этого требуетъ законъ!

КЕКЕЛА. Но отца моего нѣтъ дома и...

ЗУРАБЪ *(внезапно показывается)*. Отецъ вашъ арестованъ.

КЕКЕЛА. Арестованъ!.. *(видя появляющихся Нину и Бекшіева.)* Боже мой!

ЗУРАБЪ *(грозно)*. Ты насъ не ожидала; ты шла подъ вѣнецъ; все у тебя готово: наряды, подвѣнечное платье, пирбаде, все, все,—исключая права носить ихъ. *(Правдину)* Ваше высокоблагородіе! Эта дѣвица имѣетъ ребёнка; эта дѣвица умертвила своего ребёнка и обвинила въ этомъ злодѣяніи мою названную дочь.

КЕКЕЛА. Господи! Господи! Умилосердись надо мною!

ЗУРАБЪ. Предъ Богомъ всевѣдущимъ и передъ людьми, ты, Кекела, не имѣешь права надѣть этотъ пирбаде; пусть послужитъ онъ пелёнками, или нѣтъ,—саваномъ для твоего ребёнка.

КЕКЕЛА *(въ отчаяніи)*. Позоръ, безчестіе... Нѣтъ, это свыше силъ моихъ!.. Совѣсть терзаетъ, сожигаетъ меня... Г. Приставъ, облегчите мое страданіе, выслушайте мое признаніе.

ПРАВДИНЪ. Говорите.

КЕКЕЛА. Я преступница. Я нарушила всѣ чувства, всѣ законы природы; я всѣмъ пожертвовала страху огласки и неуваженія свѣта. Я любила... Отецъ не хотѣлъ меня выдать за избраннаго сердцемъ моимъ... Я сдѣлалась любовницею и вскорѣ... матерью. Я хотѣла воспитать мое дитя, разстаться съ нимъ лишь до того времени, когда сдѣлался-бы возможнымъ бракъ мой съ отцомъ его,—но увы! Отецъ этого ребёнка умеръ. Мнѣ уже не чѣмъ было загладить свой престу-

покъ въ глазахъ людей, и тогда... чтобы скрыть его, я сдѣлалась преступницею. Я погубила свое дитя, чтобы спасти честь свою. *(Бекшіеву, умирающимъ голосомъ).* Да, Леванъ, ей одной, твоей Нинѣ, принадлежатъ эти брачные наряды; я ихъ не достойна; они жгутъ, стѣсняютъ меня. Пусть надѣнетъ она этотъ пирбаде, эти цвѣты, вѣнокъ *(всё съ себя снимаетъ и бросаетъ къ ногамъ Нины).* Ей жизнь, любовь, счастіе; мнѣ—смерть, безмолвіе могилы.

НИНА. Господи! Даруй ей прощеніе!

ЗУРАБЪ *(отирая слезу).* Что это? Неужто и я ей прощаю?

КЕКЕЛА. Спасибо, спасибо Зурабъ. Мнѣ теперь легче умереть. Слезы твои затушатъ для меня огни ада.

ЗУРАБЪ *(смотритъ на-лѣво).* Вотъ идетъ и Погосошвердовъ.

КЕКЕЛА. Уведите, уведите меня; я умираю... *(Ханума и другія служанки уводятъ её).*

ЗУРАБЪ *(Правдину).* Теперь очередь дошла до главнѣйшаго преступника. Вы мнѣ позволили дѣйствовать по моему внушенію... Такъ сдѣлайте милость, скройтесь всѣ за дверями. *(Всѣ скрываются, исключая Зураба).*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ, ЗУРАБЪ.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(не видя Зураба).* Я не засталъ ея; она вѣрно уѣхала. Слава Богу! Все кончено, и мнѣ уже нечего опасаться... Пойду къ гостямъ. *(хочетъ итти).*

ЗУРАБЪ. Постой!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(съ удивленіемъ отступаетъ).* Муша! Здѣсь?

ЗУРАБЪ. Точно-такъ, батоно, почетный гражданинъ...

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Здѣсь? Зачѣмъ?

ЗУРАБЪ. А вотъ узнаешь.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Ты бѣжалъ изъ тюрьмы?

ЗУРАБЪ. Всё объясню! Дочь твоя арестована!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Кекела? Дочь моя?

ЗУРАБЪ. Арестована и допрошена!

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Ты лжешь, мошенникъ! *(звонитъ и зовётъ)* Эй! Кто нибудь!

ЗУРАБЪ. Звони, кричи! Никто не придетъ.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. *(въ страхѣ)* Какъ никто?

ЗУРАБЪ. Никто не отвѣтитъ тебѣ, кромѣ меня,—и я здѣсь не даромъ.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(въ сторону).* Что значитъ всё это? Мнѣ становится страшно...

ЗУРАБЪ. Я здѣсь для того, чтобы предать тебя въ руки правосудія. *(Погосошвердовъ хочетъ итти, но Зурабъ останавливаетъ его)* Постой! У насъ съ тобою есть особый счетъ. *(показываетъ ему рголи)* Узнаёшь-ли ты это орудіе? На немъ еще не стёрта кровь Непапа Асланова.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(отталкиваетъ его).* Прочь, негодяй!

ЗУРАБЪ. Нѣтъ, братъ, теперь-то я съ тобой слажу. Я не пьянъ, какъ былъ вчера,—какъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ, на Пескахъ, ночью, когда насъ тамъ было двое мушей: ты да я.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Врёшь! Я почетный гражданинъ Погосошвердовъ.

ЗУРАБЪ. Ты муша, говорю я, муша, — какъ и я... Ты убилъ Асланова; ты убилъ ребёнка своей дочери. Первое преступленіе породило второе, а это послѣднее послужитъ уликою въ первомъ. Повивальная бабка во всемъ созналась; все открыто, и тѣ, которые арестовали твою дочь, придутъ и за тобою.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Они найдутъ одинъ трупъ мой!

ЗУРАБЪ. Нѣтъ, я не хочу тебя погубить, не выдамъ тебя; знаешь-ли что? Я помогу тебѣ бѣжать.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ. Какъ! Ты захотѣлъ-бы меня спасти?

ЗУРАБЪ. Нѣтъ, не спасти, а наказать тебя. Смерть слишкомъ легкое для тебя наказаніе: тебѣ она нипочёмъ; ты доказалъ это тѣмъ, что хотѣлъ утопиться. Нѣтъ, ты будешь жить, но жить въ нищетѣ, какъ жилъ прежде, какъ живу я! — Возьми вотъ эти куртани, рголи, годори, — всѣ эти принад-

лежности нашего ремесла. Ступай, подъ рубищемъ муши не узнаютъ милліонера Погосошвердова.

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(послѣ нѣкотораго молчанія, рѣшается).* Ну, хорошо, давай; еще не исчезла во мнѣ надежда. *(хочетъ итти, но въ дверяхъ появляются: Правдинъ съ полицейскими служителями, Нина, Бекшіевъ и проч.)*

ЗУРАБЪ. Уличенъ! Уличенъ!..

ПОГОСОШВЕРДОВЪ *(въ отчаяніи).* О! Всё кончено!.. Такъ пускай-же однимъ ударомъ кончится и это длинное, ежедневное, ежечасное самоубійство!.. Тѣмъ лучше: конецъ моимъ страданіямъ... Онѣ мнѣ стали нестерпимы... *(обращаясь къ присутствующимъ:)* Такъ, я не Погосошвердовъ; я муша Погосъ; я убилъ Асланова. Теперь,—какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ,—лучше, во-сто разъ лучше смерть, чѣмъ нищета!..

(его уводятъ).

ЗУРАБЪ *(отдавая деньги Бекшіеву).* Ну что? Не говорилъ-ли я, что все откроется!.. Вотъ твои деньги.

БЕКШІЕВЪ. Дядя Зурабъ, ты благодѣтель нашъ; оставь себѣ эти десять тысячь; да и все, что у насъ есть—твое.

ЗУРАБЪ. Она счастлива,—такъ мнѣ больше ничего и не нужно. Нѣтъ, виноватъ,—одно мнѣ нужно...

БЕКШІЕВЪ. Что? Что? Говори...

ЗУРАБЪ. Новый куртани... *(Нина становится на колѣни предъ Зурабомъ. Зурабъ возводитъ взоръ къ Небу).* Пепанъ Аслановъ! Я исполнилъ обѣтъ, данный тебѣ въ торжественную минуту твоей смерти!

М. Щ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М. Ф. Л.

Встрѣчалъ я рѣдко въ жизни васъ,
Но и къ чему встрѣчаться чаще?
Хорошаго свиданья часъ
По мнѣ отраднѣе и слаще,
Чѣмъ ежедневный разговоръ
О мелочахъ большаго свѣта,
Гдѣ чувству всё на перекоръ,
И рѣчь душою не согрѣта.

Я въ свѣтѣ рѣдко видѣлъ васъ,
Но видѣлъ что-то въ васъ родное:
Какъ будто гдѣ-то ужъ для насъ
Знакомство было доземное...
На васъ глядѣлъ я самъ не свой,
Томимый странною истóмой,
Не то, чтобы совсѣмъ чужой,
Не то, чтобы совсѣмъ знакомый...

Вотъ почему, хотя темнó,
Хотя въ неясномъ ожиданьи,
Къ вамъ сердце такъ привлечено
При каждомъ памятномъ свиданьи...
Оно не можетъ позабыть,
Иль сознаётъ, что не забудетъ
Того, что *было*, можетъ быть, —
Иль, можетъ быть, того,—что *будетъ!..*

М. П. КОЛЮБАКИНУ.

(При посылкѣ чернильницы.)

Примите сей презентъ, у Гютиха добытый;
Подарокъ не казистъ ни видомъ ни цѣной,
Но тайный онъ родникъ, колодезь онъ закрытый
Всей мудрости земной.

Источникъ онъ наукъ и писанныхъ законовъ;
Онъ рѣчи плоть даётъ, и,—вѣстникомъ молвы, —
Гремящій онъ языкъ газетныхъ тѣхъ трезвоновъ,
Что любите такъ вы.

Онъ ключъ добра и зла, ключъ вѣщаго познанья;
Хоть черные подъ-часъ родятся въ немъ грѣхи,
За то находятъ въ нёмъ: любовь—свои признанья,
Поэзія—стихи.

Значеніемъ ничто сравниться съ нимъ не можетъ!
Отрада и пріютъ взыскательныхъ сердецъ,—
Онъ счастье замѣнитъ, разлуку уничтожитъ,
Онъ славѣ дастъ вѣнецъ...

И такъ мой даръ богатъ, хотя не для показа;
Взгляните-же въ него, особенно тогда,
Когда историка тревожнаго Кавказа
Не будетъ здѣсь слѣда.

Рѣшившись на письмо въ угоду нашей дружбы,
Мою чернильницу возьмите за бока,
И тихо молвите: «А что-же, почемужъ-бы
«Не вспомнить старика?»

Графъ В. Соллогубъ.

8 Ноября, 1854.
Тифлисъ.

К. Ф. М.

Вы уѣзжаете далёко,
Къ своей семьѣ, къ себѣ, домой,
Къ той жизни тихой и глубокой,
Которой смыслъ забытъ ужъ мной;

А я, межъ-тѣмъ, больной и хилый,
Останусь здѣсь пока, — а тамъ
Поѣду вдаль — о свѣжихъ силахъ
Молиться чуждымъ небесамъ...

И много, можетъ быть, межъ нами
Преградъ иныхъ положено,
И знаетъ Богъ, когда-то съ вами
Опять сойтись мнѣ суждено!..

Позвольте-жъ мнѣ, за всё участье
И встрѣчь отрадныхъ благодать,
Вамъ на прощанье много счастья
Добра и мира пожелать...

И васъ, съ молитвою не гласной,
Съ поклономъ грустнымъ проводить,
И жизни путь, вашъ путь прекрасный
Рукой больной благословить...

А—ВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

БРЮЛОВѢ.

ВОСПОМИНАНІЯ О БРЮЛОВѢ.

Вѣсть о кончинѣ Брюлова поразила всѣхъ цѣнителей его дарованія, всѣхъ болѣе или менѣе знавшихъ его лично, всѣхъ имѣвшихъ случай сблизиться съ рѣзкими особенностями ума его—какъ человѣка, генія его—какъ живописца... И въ моей душѣ это печальное извѣстіе отозвалось тяжкимъ, болѣзненнымъ потрясеніемъ... Оно пробудило въ моей памяти цѣлый рядъ грустныхъ и веселыхъ воспоминаній о минувшей моей молодости, о первыхъ моихъ впечатлѣніяхъ и попыткахъ на трудномъ поприщѣ искусства...

Я не составлю теперь ни біографіи Брюлова, ни полнаго отчета о его произведеніяхъ, а наброшу лишь нѣсколько строкъ въ память нашего знакомства. Мнѣ кажется, что я имѣю на то право, потому что я, можетъ быть, изъ числа тѣхъ не многихъ, которые постигли и душевно уважали не только рѣдкія достоинства великаго *художника*, но и замѣчательныя достоинства *человѣка*, менѣе извѣстныя, чѣмъ неправильности и увлеченія, за которыя уцѣпляется молва съ такимъ ядовитымъ удовольствіемъ.

Я познакомился съ Брюловымъ въ Римѣ, въ 1822 или 23-мъ году. Живо помню, какъ однажды, по случаю семейнаго у насъ праздника, родители мои придумали устроить домашній спектакль. — Такъ какъ братъ мой и я не имѣли почти случая упражняться въ отечественномъ нашемъ языкѣ, — то положено было сыграть піесу русскую и именно *Недоросля* Фонъ-Визина.

Въ то время находилось въ Римѣ нѣсколько русскихъ художниковъ, пріобрѣвшихъ въ послѣдствіи громкую извѣстность. Оба брата Брюловы, Тоннъ, Басинъ, Щедринъ, Гальбергъ, Габерцетель приняли участіе въ нашемъ семейномъ торжествѣ и распредѣлили между собою роли комедіи.

Тѣ, кому случалось играть на домашнихъ театрахъ, знаютъ, что главное при томъ удовольствіе заключается въ приготовленіяхъ.

Мнѣ было тогда 12 лѣтъ и я съ восторгомъ готовился къ представленію; но такъ какъ, по неизмѣнному правилу, уроки наши шли своимъ постояннымъ чередомъ, и слѣдовательно днемъ мы были заняты, то я вставалъ тремя часами ранѣе обыкновеннаго, высѣкалъ огня, зажигалъ свѣчи, и вмѣстѣ съ братомъ расписывалъ декораціи, для которыхъ ловкій камердинеръ моего отца заготовлялъ намъ нужные матеріялы.

Я долженъ сознаться, что хотя общій эффектъ моего произведенія и не казался мнѣ вполнѣ удовлетворительнымъ, однакожъ нѣкоторыя, болѣе удавшіяся частности должны были, какъ я думалъ, искупить недостатки цѣлаго. Въ особенности же мнѣ нравилась одна кисейная занавѣска, которая, какъ мнѣ казалось, должна была произвести нѣкоторое впечатлѣніе.—Но, увы! моему самолюбію готовился сильный ударъ.—Декорацію поставили для одной репетиціи и я долженъ сознаться, что она не только не возбудила восторга, но что тутъ же было положено её передѣлать. Холстъ растянули на полу и Брюловъ принялся за работу. Конечно, сначала мнѣ было немного досадно. Но какъ только Брюловъ набросалъ свой эскизъ, я понялъ всю пошлость моего произведенія и всю художественность его мысли. — Онъ изобразилъ небольшую пріёмную деревенскаго помѣщичьяго дома временъ Екатерининскихъ. Въ этой веселенькой, такъ сказать, *гармонической* комнаткѣ всё было въ характерѣ тогдашней эпохи и тогдашняго быта: на стѣнахъ портреты домовладѣльца и его супруги, писанные по модѣ и во вкусѣ того времени; кукушка съ гирями, ширмы, картина, изображающая различ-

ные плоды, между коими красовался большой варёный морской ракъ.—Въ углубленіи, сквозь окна и двери, вырѣзанныя въ холстѣ, выказывался помѣщичій русскій дворъ, украшенный неизбѣжной голубятней и хлѣвомъ для свиней, которымъ такъ справедливо гордится *Тарасъ Скотининъ*. Все это было въ полномъ свѣтѣ и оттѣнялось кое-гдѣ мастерскими полу-тонами и отблесками. Такихъ декорацій на театрахъ не бываетъ. Тутъ изобразилась цѣлая характеристическая картина,—стройная, остроумная и насмѣшливая, какъ повѣсть Гоголя.

Въ исполненіи своей роли Брюловъ отличился не менѣе какъ и въ созданіи обстановки. — Къ сожалѣнію, зрителей было не много, да и не откуда было ихъ набрать. Русскій посланникъ, Италинскій, человѣкъ лѣтъ преклонныхъ, но уважаемый всѣми за умъ и познанія, почти одинъ замѣнялъ то отборное общество, которому слѣдовало-бы присутствовать при представленіи, чтобы вполнѣ оцѣнить ту истинную художественность, съ какою была передана геніальная комедія Фонъ-Визина.

Сколько мнѣ помнится, я исполнилъ роль Митрофанушки менѣе чѣмъ посредственно; за то всѣ прочіе играли истинно-мастерски. — Комедія была представлена съ одушевленіемъ, съ оттѣнками, съ истиной и съ согласіемъ, какихъ могутъ достигнуть только настоящіе артисты, люди съ тонкимъ умомъ и художественнымъ чувствомъ.—Но Брюловъ перещеголялъ всѣхъ...

Брюловъ, какъ и прочіе, мною поименованные художники, находился тогда въ Римѣ, въ качествѣ пенсіонера нашей Академіи, для совершенствованія своего таланта и для изученія тѣхъ великихъ образцовъ, которыми изобилуетъ вѣчный городъ.

И точно, никто не усвоилъ ихъ себѣ лучше Брюлова, при чемъ однако онъ не утратилъ своей оригинальности, личнаго своего характера.

Все, чего онъ достигалъ изученіемъ, какъ-бы добавлялось имъ къ своему собственному достоянію, но никогда не мѣнялъ онъ собственныхъ мыслей на пріобрѣтенныя. Такъ какъ я буду еще имѣть случай говорить о свойствахъ его дарованія,—то я теперь-же скажу объ обстоятельствахъ, положившихъ начало моимъ о нёмъ заключеніямъ.

Отецъ мой былъ извѣстнымъ любителемъ искусствъ и опытнымъ знатокомъ. Онъ душевно полюбилъ Брюлова и обращался съ нимъ какъ отецъ съ сыномъ, не забывая и отцовской власти. Онъ принималъ участіе во всѣхъ подробностяхъ его быта и журилъ его за всѣ промахи, какъ въ живописи, такъ и въ частной его жизни. Брюловъ, при своей гордости и заносчивости, не вынесъ-бы ни отъ кого подобныхъ выговоровъ и критическихъ замѣчаній; но отъ отца моего онъ ихъ принималъ съ послушаніемъ и благодарностію, какъ доказательства истиннаго участія.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Отецъ мой уже давно замѣнилъ Г. Италинскаго въ качествѣ посланника. Въ то время Брюловъ сдѣлался невольною причиной одного печальнаго и трагическаго событія... Шумъ поднялся ужасный и общая молва укоряла Брюлова. Мы отправлялись тогда въ Гротта-Феррата. Чтобы выпутать несчастнаго виновника печальной исторіи изъ затруднительнаго положенія, мы увезли Брюлова на дачу. Онъ чувствовалъ, что уединеніе посреди чудесъ природы и тихой, правильной жизни уважаемаго всѣми семейства, успокоитъ смятеніе его духа и возстановитъ его добрую славу въ общественномъ мнѣніи.

Гротта-Феррата, въ 20-ти миляхъ отъ Рима, замокъ среднихъ вѣковъ, съ большими квадратными и зубчатыми башнями; къ замку прислоняется монастырь базиліанскихъ монаховъ, совершающихъ Богослуженіе на греческомъ языкѣ, котораго, однакожъ, сами не понимаютъ. Тутъ находится церковь, къ которой примыкаетъ знаменитая капелла, украшенная фресками Domenico Zampieri, прозваннаго Доминикиномъ. Я описывать её не стану. Любители великихъ произведеній зна-

ютъ её наизустъ, прочіе же только найдутъ, что я отдаляюсь отъ своего предмета. Замокъ, обложенный снаружи мрачнымъ тёсанымъ камнемъ, внутри отдѣланъ со всѣми удобствами современнаго быта и совершенно отдѣленъ отъ монастыря.

У входа въ замокъ тянется двойной рядъ огромныхъ чинаръ, осѣняющихъ фонтанъ или водохранилище съ нѣсколькими бассейнами, къ которымъ сходятся красавицы крестьянки, величаво придерживающія надъ головою выпуклые, изъ красной мѣди, сосуды (амфоры).

За этой аллеей входишь въ густой лѣсокъ, изобилующій земляникой; черезъ него лежитъ путь къ Фраскати и ко всѣмъ великолѣпнымъ вилламъ, столь извѣстнымъ туристамъ. Удаляясь отъ замка, по другому направленію доходишь до Тускулумъ, до Марино, до Кастель-Гандольфо, до Альбано, до Риміа, до Монте-Каво, до Рокка-ди-Папа, и до многихъ другихъ мѣстъ, столь поразительныхъ своей красотой, что они обращаютъ эту мѣстность въ обитель благословенную, въ рай земной, такъ, что и одно воспоминаніе о нихъ вѣчно свѣтится въ душѣ, отрадно озаряя самыя мрачныя минуты жизни... Не слишкомъ удаляясь отъ замка, а слѣдуя вдоль монастырскихъ садовъ и прекрасныхъ разсадниковъ оливковыхъ деревьевъ, можно спуститься въ глубокій оврагъ, по которому журчитъ и вьется свѣтлое теченіе рѣчки Мараны. Сколько разъ, взявъ съ собою краски и складные стулья, ходили мы вмѣстѣ съ Брюловымъ вдоль прозрачно-бѣгущей зыби, — и тутъ мы останавливались и выбирали предметомъ для изученія — онъ какъ профессоръ, я какъ ученикъ, — то старую хату, то Мадонну, врѣзанную въ стволѣ стараго дуба, или-же тѣ прекрасные широкіе листья, въ видѣ зонтиковъ, которые наклонялись надъ Мараною. Иной разъ мы останавливались передъ красивымъ водопадомъ у вдавшагося въ берегъ залива: небольшой истокъ, окруженный густою растительностью быстро нёсся и распадался бѣлою пѣной и, сверкая серебристой пылью, низвергался съ утёса на мелкій прибрежный гравій, обсаженный чудными, живучими

растеніями. Во время знойныхъ лѣтнихъ дней это мѣсто такъ и манило къ купанью. Воображеніе Брюлова, еще полное недавнихъ академическихъ этюдовъ, вызывало повсюду Нимфъ и пастуховъ Ѳеокрита. Я слѣдилъ за нимъ съ трудомъ, такъ-какъ познанія мои по этой части ограничивались одними Selecta ad usum Delphini...

Но во время этихъ прогулокъ онъ посвящалъ меня въ тайны красокъ и колорита; онъ объяснялъ мнѣ то, что я видѣлъ не понимая, что я чувствовалъ и не могъ себѣ объяснить. — Однажды, срисовывая цѣлую группу тѣхъ прекрасныхъ листьевъ, которые распускаются надъ водой, онъ опредѣлилъ такъ вѣрно, и рѣчью и кистью, цвѣта, тѣни, отблески, прозрачность и всѣ тысячи мелкихъ прелестей природы, онъ все такъ осязательно объяснилъ какъ физикъ, живописецъ и поэтъ, что этотъ урокъ былъ для меня настоящимъ откровеніемъ. Съ того времени я понялъ, что въ очарованіи, внушенномъ природой, таится не одно только безсознательное впечатлѣніе, но что оно заключаетъ въ себѣ еще много поучительнаго для ума. При этомъ случаѣ онъ мнѣ разсказалъ, что когда онъ былъ въ Петербургской Академіи, назначено было задачей для состязанія изображеніе Нарциса, глядящагося въ воду. Состязатели видѣли въ подобной задачѣ только случай для анатомическаго этюда и тѣмъ довольствовались. Но Брюловъ чувствовалъ потребность вникнуть глубже въ свой предметъ. До того времени онъ не видывалъ еще мѣстоположенія, привлекательнѣе Строгановскаго сада на Черной рѣчкѣ. Частенько отправлялся онъ туда помечтать подъ тѣнью вѣтвистыхъ деревьевъ, кое-гдѣ проникнутыхъ солнечными лучами и отраженныхъ въ водѣ. Тутъ угадывалъ онъ ту нѣгу, которою упоёнъ воздухъ южныхъ климатовъ; тутъ онъ постигалъ и первобытную Грецію, и удивленіе юноши пораженнаго и восхищеннаго собственнымъ своимъ изображеніемъ, и всю языческую прелесть его превращенія. Эти мечтанія отразились и въ картинѣ. Художникъ показалъ отливы солнечныхъ лучей между листьями, всю разнообразную игру свѣта

и тѣни (clair-obscur) и прозрачность отблесковъ въ тѣни, на тѣлѣ молодаго красавца. Слетѣвшій съ дерева листокъ держался надъ гладкой поверхностью воды, не возмущая ея яснаго зеркала.

Такое уразумѣніе своего предмета въ наше время было-бы вовсе не изумительно; но въ 1819 или 1820 г. оно было истинно-геніальной чертой,—такъ, что пораженные и нѣсколько даже ошеломленные профессора просто ничего не поняли. Тонкое и вѣрное художественное чутьё показалось имъ предосудительной самонадѣянностью, оскорбляющей ихъ почтенныя привычки. Но такъ какъ, при томъ, достоинство рисунка было несомнѣнно, то они назначили Брюлову, прозванному ими маленькимъ Наполеономъ, (названіе, въ то время совсѣмъ не лестное!) если не ошибаюсь, третій призъ. Желающіе прослѣдить всѣ произведенія Брюлова въ теченіе цѣлой его жизни, замѣтятъ во многихъ изъ нихъ слѣды его размышленій въ Строгановскомъ саду.

Въ 1829 г. я отправился въ Парижъ и былъ причисленъ, вмѣстѣ съ братомъ, къ тамошнему Посольству.

Въ 1830 г. отецъ нашъ пріѣхалъ за нами и снова привезъ насъ въ Римъ, чтобы избавить отъ вліянія Іюльской революціи. Но въ Парижѣ меня занимала не политика, а романтическое движеніе искусствъ и литературы, бывшее тогда въ полномъ разгарѣ. Въ Римѣ я опять встрѣтилъ Брюлова и съ наступленіемъ лѣта мы опять стали жить въ прелестной Grotta-Ferrata.

Страсть моя къ рисунку и живописи возрасла еще болѣе вслѣдствіе пріобрѣтенныхъ мною понятій; это я старался высказать передъ Брюловымъ, и его дѣйствительно поразила новость моихъ композицій. Онъ смѣялся надъ моею неопытностью и смѣлостью въ предпріятіяхъ, но уважалъ мое рвеніе, и по вечерамъ, когда, по обычаю, нашъ семейный кружокъ группировался за круглымъ столомъ, загроможденнымъ бумагой, красками, кистями и карандашами, онъ вдругъ принимался развивать мои помыслы и дѣлалъ изъ нихъ чудеса. Въ игривости

воображенія онъ былъ неподражаемъ, и потому каждый вечеръ у нашего круглаго стола создавалось или одно большое, или нѣсколько мелкихъ артистическихъ произведеній. Въ нихъ заключались то впечатлѣнія прогулки, то фантазіи разнаго рода: романтическія или классическія, смотря по настроенію души; или-же иллюстрація прочтеннаго, воспоминаніе о Россіи, имѣвшей поэтическую прелесть отдаленности, воспоминаніе дѣтства, или просто проба новаго способа отдѣлки. Часто лицо, нарисованное безъ мысли, вело въ смѣлой импровизаціи, гдѣ являлось множество лицъ и принадлежностей, самимъ художникомъ неожиданныхъ. Вдругъ, напримѣръ, посреди отдѣлки пейзажа выходитъ изъ подъ карандаша какой нибудь франтикъ, хвастливый, отпускающій остроты,—и все это необыкновенно быстро и вѣрно.

Чудны были тѣ вечера! Чудно было то время!

Днёмъ—искусство принимало серьёзный характеръ: вмѣсто фантазій являлись этюды. Въ портретистикѣ преимущественно Брюловъ былъ силенъ и сталъ на ряду съ первѣйшими художниками. Уже своими этюдами, рисованными въ С.-Петербургской Академіи, онъ показалъ себя опытнымъ рисовальщикомъ; онъ зналъ превосходно анатомію костей и мускуловъ, и потому карандашъ его сознательно и смѣло владѣлъ, такъ сказать, человѣческимъ тѣломъ; изгибы, сокращенія и всякаго рода трудности были ему нипочёмъ; вѣрность рисунка давала самымъ фантазіямъ его тотъ характеръ простоты, который принадлежитъ этюдамъ, снятымъ съ натуры. Между тѣмъ, по внутреннему настроенію своему, онъ былъ колористъ. Любимые его художники были: Тиціанъ, Поль-Веронезъ, Веласкецъ, Мурилло, Ванъ-Дикъ, Рембрандтъ и Рубенсъ. По мнѣнію Торвальдсена, послѣ Рубенса первый колористъ—Брюловъ. Если его занимало какое нибудь лицо, то въ немъ рождалось непреодолимое желаніе срисовать его, и онъ предлагалъ портреты: кому *веласкецовскій*, кому *тиціановскій*, — и выполнялъ обѣщаніе; когда же писалъ серьёзно, то обѣщалъ *брюловскій*.

Основательность его таланта, проницательный умъ, хотя не развитый воспитаніемъ, но созрѣвшій размышленіемъ и чте-

ніемъ, даютъ характеръ исключительности его генію, опередившему свою эпоху. Всѣ сознавали его превосходство. Завистниковъ и соревнователей было много, но если на него нападали, то эти нападенія не касались сущности, а сводились къ какимъ-нибудь принадлежностямъ внѣшнимъ, посторонимъ самому искусству.

Въ то время Брюловъ написалъ много портретовъ, изъ которыхъ самые замѣчательные: портретъ моей матери съ тремя меньшими братьями, портретъ графа М. Ю. Вьельгорскаго, и много другихъ; также нѣсколько граціозныхъ картинъ изъ итальянской жизни, множество альбомныхъ акварелей, (страсть къ альбомамъ была всеобщая); въ томъ числѣ замѣчательны: мечта невѣсты, мечта новиціатки въ монастырѣ, и еще нѣсколько видоизмѣненій той-же идеи.—Въ этомъ послѣднемъ родѣ, доведенномъ Брюловымъ до мелочной миніатюрной отчетливости, онъ лучше всего выказывалъ свой характеръ, свою фантазію.

Но самая знаменитость, такъ-же какъ и благородство, налагаетъ нѣкоторыя обязанности. Не сомнѣваясь въ достоинствѣ своего таланта и въ сочувствіи немногихъ истинныхъ любителей искусства, онъ захотѣлъ подѣйствовать также и на массы публики и сдѣлаться извѣстнымъ, громкимъ. Зная, что размѣры картины—обстоятельство важное въ глазахъ большинства, что картина саженная предпочтется аршинной и вершковой, онъ рѣшился написать большую картину. Стоило только приготовить большой холстъ, избрать обширный сюжетъ,—въ остальномъ затрудненія не было. Поѣздка его къ Помпеѣ и опера Паччини «Послѣдній день Помпеи», (l'ultimo giorno di Pompei), бывшая тогда въ большомъ ходу въ Италіи, и впослѣдствіи затерянная, кромѣ одного дуэта, уцѣлѣвшаго въ репертуарѣ любителей музыки, — доставили ему эффектный сюжетъ, который онъ вздумалъ представить не такъ, какъ онъ представлялся на театральной сценѣ.

По тогдашнимъ понятіямъ, необходимо было для *важныхъ* картинъ избирать предметы, посвященные авторитетомъ Библіи

или древней исторіи.—Въ этомъ смыслѣ Помпея не много противорѣчила общепринятымъ понятіямъ; но она имѣла большое преимущество предъ другими древними сценами: несомнѣнную дѣйствительность, о которой свидѣтельствуютъ улицы и памятники, сохранившіеся доселѣ въ такомъ совершенномъ видѣ, какъ будто они представляются намъ сейчасъ-же послѣ страшнаго происшествія, или же нарочно были закупорены весьма тщательно, чтобы передать отдаленному потомству вѣрнѣйшія свѣдѣнія о языческой образованности. — Сюжетъ Помпеи соединялъ фантазіи новой романтической школы со строгими этюдами почтеннаго классицизма; въ немъ можно было выказать себя и колористомъ и рисовальщикомъ; противоположность яркаго вулканическаго пламени и блѣднаго свѣта молніи обѣщала новый восхитительный эффектъ.

Въ восторгѣ отъ своего сюжета, Брюловъ смѣло приступилъ къ дѣлу и вскорѣ готовъ былъ планъ композиціи. Но, по мѣрѣ того, какъ дѣло подвигалось впередъ, щекотливость художника и человѣка съ хорошимъ вкусомъ все болѣе и болѣе его безпокоила. Онъ вполнѣ чувствовалъ, что сильные контрасты и кризисы хотя и будутъ имѣть вѣрнѣйшій успѣхъ у народа, но что люди утонченнаго вкуса упрекнутъ его за то, что оставляя центръ, — сферу настоящаго искусства, онъ бросился въ периферію,—сферу діорамы и декораціи, и, между прочимъ, за то, что въ цѣломъ нѣтъ единства.—Интересъ, возбуждаемый всеобщимъ бѣдствіемъ, представленнымъ въ малыхъ размѣрахъ картины Мартеня,—очень понятенъ: здѣсь представляется только общій эффектъ происшествія, не стѣсняя свободы зрителей создавать и угадывать подробности; но, въ огромныхъ размѣрахъ картины Брюлова, надо было окупить недостатокъ единства особеннымъ интересомъ множества отдѣльныхъ сценъ, связанныхъ общею опасностію при засыпающемъ ихъ пеплѣ, и слабою надеждою на спасеніе. Надо было подобрать разнообразные и трогательные эпизоды, понятные съ перваго взгляда; словомъ, надо было, какъ сказалъ Вальтеръ-Скоттъ, сдѣлать больше, чѣмъ картину:

сдѣлать поэму, писанную кистью и не требующую никакихъ объясненій. И, въ самомъ дѣлѣ, всякій пойметъ съ перваго раза эту длинную улицу, раздѣляющую всю картину на двѣ различныя массы... Мчащаяся колесница роняетъ по дорогѣ свои обломки: ось сломалась и опрокинутый человѣкъ силится удержать напуганныхъ лошадей; тутъ-же молодая женщина, упавшая безъ чувствъ на мостовую, и при ней прекрасный ребёнокъ, вызывающій глубокое чувство состраданія. Двое другихъ людей бѣгутъ въ противную сторону, скрываясь подъ однимъ плащемъ отъ жгучаго пепельнаго дождя; ихъ задерживаетъ испугъ дѣтей. Группа матери и двухъ дочерей, стоящихъ на колѣняхъ и остолбенѣлыхъ отъ страха, взята съ вырытыхъ въ Помпеѣ трехъ скелетовъ, найденныхъ именно въ позѣ, представленной на картинѣ. Христіанинъ, съ кадиломъ и свѣточемъ, показанъ дѣятельнымъ и отважнымъ, между тѣмъ какъ лицо жреца языческаго выражаетъ испугъ и недоумѣніе. Группа на лѣстницѣ и въ дверяхъ дома содержитъ тонкія красоты: изъ нихъ главная—молодая дѣвушка, въ изнеможеніи роняющая сосудъ съ головы; рядомъ видѣнъ прекраснѣйшій этюдъ спины. Скупой, собирающій въ эту минуту свое золото, можетъ быть, нѣсколько утрированъ. Но живописецъ съ ящикомъ красокъ, занятый необыкновеннымъ зрѣлищемъ, вѣрно представляетъ артиста. На правой сторонѣ видна сцена сыновней любви: двое юношей тащатъ стараго, безсильнаго отца; всѣ три лица поражаютъ и силою рисунка, и смѣлостію колорита. Рядомъ съ ними Плиній младшій (описавшій изображенное Брюловымъ происшествіе), умоляетъ изнемогающую мать сдѣлать еще послѣднее усиліе для своего спасенія. Въ глазахъ и жестахъ матери читается желаніе видѣть спасеннымъ сына и безпокойство о томъ, что она затрудняетъ его бѣгство.

Нельзя не замѣтить старанія Брюлова представить величіе материнскаго самоотверженія. Старуха и юноша составляютъ, безъ сомнѣнія, самую трогательную часть этого большаго произведенія, столь богатаго выразительными эпизодами. Съ дру-

гой стороны, должно сознаться, что группа новобрачныхъ есть неумѣстная придѣлка; конь, взвившійся на дыбы подъ своимъ всадникомъ, вставленъ только для равновѣсія линій въ правой и лѣвой группахъ; что падающія статуи мало увеличиваютъ отчаянность положенія, а между тѣмъ противорѣчатъ вкусу, и что, вообще, картина много-бы выиграла, если-бы закрыть верхній правый уголъ и такимъ образомъ оставить то, что внушила главная идея, безъ тѣхъ принадлежностей, которыя должно счесть плодами утомленнаго духа художника.

Въ самомъ дѣлѣ, для развлеченія и успокоенія себя послѣ сильныхъ впечатлѣній главнаго сюжета, Брюловъ обращался къ предметамъ болѣе граціознымъ, болѣе близкимъ его нѣжной и сладострастной натурѣ. Въ одну изъ такихъ-то минутъ онъ написалъ ту прелестную женщину, съ явными признаками беременности, которая сидитъ у окошка, окруженнаго виноградомъ, подымаетъ пальцами маленькую дѣтскую рубашонку и всматривается въ неё съ выраженіемъ той любви, которая уже готовится для будущаго ребёнка. Въ этомъ восхитительномъ произведеніи Брюловъ выразилъ всѣ прелести своего ума и сердца, а вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ и свое знаніе моделировки и тонкое, неподражаемое искусство въ употребленіи полутоновъ. Это настоящая природа, только природа въ лучшемъ видѣ, блестящая, украшенная искуснѣйшимъ направленіемъ я отраженіемъ свѣта.

Сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ художникъ при жизни не пользовался такою славою, какъ Брюловъ, когда онъ написалъ картину Помпеи.

Въ Италіи она произвела неимовѣрный энтузіазмъ. Во всѣхъ городахъ, гдѣ только картина была выставлена, давали празднества въ честь артиста, писали для него стихи, носили его по улицамъ съ музыкой, букетами цвѣтовъ и факелами. Въ театрѣ la Scala вся публика привѣтствовала его громкими восклицаніями. Вездѣ его принимали и угощали такъ, какъ генія признаннаго, торжествующаго и популярнаго.

На выставкѣ, въ Луврѣ, *Послѣдній день Помпеи* получилъ одобреніе истинныхъ знатоковъ; но такъ какъ въ Парижѣ во всё вмѣшивается политика и у французовъ мнѣніе общественное склонялось въ это время на сторону Польши, то русскому, даже геніальному артисту, тамъ было не мѣсто; оттого французскіе журналы отозвались о Брюловѣ слишкомъ строго и несправедливо.

Съ тѣхъ поръ Брюловъ ненавидѣлъ Францію и французовъ. Будучи тогда въ Петербургѣ, я получилъ во множествѣ экземпляровъ итальянскую брошюру, написанную съ цѣлію показать и объяснить красоты картины Брюлова. Я раздавалъ многимъ эту брошюру; потомъ она была переведена на русскій языкъ и приготовила публику въ отечествѣ артиста къ достойному принятію великаго художественнаго произведенія.

Въ 1835 году я встрѣтилъ Брюлова въ Аѳинахъ. Онъ оставался здѣсь, покинувъ общество нѣсколькихъ литераторовъ и артистовъ, предпринявшихъ-было составленіе живописнаго и ученаго сочиненія о Востокѣ, по приглашенію одного щедраго любителя наукъ и художествъ. Предпріятіе это, однакожъ, почему-то не приводилось въ исполненіе, а впослѣдствіи и совсѣмъ рушилось. Въ то-же время злокачественная желтая лихорадка сильно развилась въ Аѳинахъ и особенно свирѣпствовала между Баварцами, недавно прибывшими съ Королемъ Оттономъ, и еще не свыкшимися съ климатомъ Греціи. Пришельцы умирали какъ мухи, и вскорѣ Брюловъ также едва не сдѣлался жертвою страшной эпидеміи. Въ это время обнаружилъ онъ черту характера, свидѣтельствовавшую, что ему не были чужды чувства признательности. На одрѣ болѣзни сдѣлалъ онъ духовное завѣщаніе, по которому, въ случаѣ смерти, предоставлялъ все свое имущество и всѣ произведенія свои отцу моему. Жестокая болѣзнь, однакоже, не отняла у искусства одного изъ лучшихъ его представителей. Брюловъ выдержалъ болѣзнь и сталъ медленно поправляться. Оставляя въ это время Грецію, я пригла-

силъ его, выздоравливающаго, съ собою на бригъ Θемистоклъ, подъ командою капитана Корнилова (*) отправлявшійся въ Константинополь, и вскорѣ мы вышли въ Архипелагъ. Время было прекрасное, тихое. Тиносъ, Паросъ и другіе очаровательные острова Архипелага приводили насъ въ восхищеніе. Воздухъ, море, небо, впечатлѣнія прекраснѣйшей природы,— все это соединилось вмѣстѣ, чтобы вдохнуть въ нашего художника здоровье и хорошее расположеніе духа. Брюловъ былъ необыкновенно оживленъ и веселъ во все время нашего морскаго путешествія. Здѣсь нарисовалъ онъ свой акварельный портретъ вмѣстѣ съ портретами моимъ, капитана, и всѣхъ офицеровъ брига. Между тѣмъ плаваніе наше значительно замедлилось въ Дарданеллахъ совершенно противнымъ вѣтромъ и противнымъ теченіемъ. Множество судовъ всѣхъ націй неподвижно оставалось въ проливѣ уже цѣлые одиннадцать дней, ожидая вѣтра попутнаго. Это обстоятельство послужило поводомъ къ проявленію новой замѣчательной черты геніальнаго художника: его проницательности. Не имѣя никакого понятія о мореходномъ искусствѣ, но обладая огромной наблюдательностью, Брюловъ замѣтилъ, что въ томъ мѣстѣ Дарданеллъ, гдѣ проливъ дѣлаетъ поворотъ, огибая берегъ,— стремленіе воды, хотя и противное намъ, самою быстротою своею образуетъ на нѣкоторомъ протяженіи обратное теченіе вблизи самаго берега. Кромѣ того онъ замѣтилъ еще, что въ моментъ захожденія солнца, въ проливѣ ежедневно водворяется, минутъ на пять, совершенное безвѣтріе. И вотъ великому художнику пришло въ голову, что для выхода за поворотъ пролива, на попутное теченіе, стоило-бы только нашему бригу попасть на эту узкую прибрежную полосу, и, пользуясь вечернимъ пяти-минутнымъ штилемъ, добраться по этой полосѣ до попутнаго стремленія. Замѣчаніе свое Брюловъ сообщилъ капитану брига. Капитанъ согласился съ возможностію такого манёвра, но въ

(*) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и начальникъ штаба Черноморскаго флота, погибшій геройскою смертью при защитѣ Севастополя.

то-же время не рѣшался привести его въ исполненіе, основательно опасаясь неудачи, послѣдствіемъ которой былъ-бы стыдъ для русскаго экипажа передъ лицемъ многочисленныхъ иноземныхъ свидѣтелей неудачной его попытки. Но Брюловъ настаивалъ и не ослабѣвалъ въ своихъ убѣжденіяхъ и доказательствахъ до тѣхъ поръ, пока не уговорилъ почтеннаго хозяина брига попробовать счастья. Бригъ тронулся по направленію къ берегу, и въ тоже время сотни любопытныхъ глазъ и десятки зрительныхъ трубъ устремились на насъ со всѣхъ судовъ, которыя въ теченіе 11 дней раздѣляли съ нами невольную неподвижность и бездѣйствіе. Очевидно было, что никто не понималъ нашего манёвра, и всѣ почитали его безразсудствомъ. Каково-же было всеобщее изумленіе, когда, попавъ на струю прибрежнаго стремленія, нашъ бригъ весьма легко проскользнулъ по ней до поворота пролива, — и вышелъ на болѣе широкое мѣсто, гдѣ уже могъ по-немногу двигаться впередъ, съ помощію искуснаго лавированія... Громкіе апплодисменты и крики привѣтствовали насъ со всѣхъ кораблей, — и Брюловъ торжественно принялъ на свой счётъ эту почесть, которой впрочемъ никто у него и не оспаривалъ... Тотъ-же манёвръ другимъ судамъ не удался потому, что они пропустили 5-ть минутъ штиля, составлявшаго существенное условіе успѣха.

Разсказанный случай доказываетъ въ Брюловѣ наблюдательность и проницательность необыкновенныя, и эти качества въ немъ были тѣмъ удивительнѣе, что принадлежали человѣку далеко не высшаго образованія.

Плаваніе наше окончилось прибытіемъ въ Буюкъ-Дерѐ, гдѣ мы и поселились. Я расположился не только въ одномъ домѣ, но даже въ одной комнатѣ съ Брюловымъ. Въ это время общество въ Буюкъ-Дерé готовилось къ домашнему спектаклю; разучивали l'Ours et le Pacha. Брюловъ съ радостью принялся за декораціи и такъ ревностно занялся ими, что даже не торопился осмотрѣть Константинополь и дѣйствительно не видѣлъ его до тѣхъ поръ, пока не раздѣлался съ

декораціями. — Одно изъ этихъ случайныхъ и торопливыхъ произведеній кисти великаго художника можетъ назваться торжествомъ (chef-d'œuvre) декораціоннаго искусства, и до сихъ поръ сохраняется въ домѣ Австрійскаго посольства, гдѣ въ то время былъ устроенъ театръ.

Послѣ декорацій—Брюловъ принялся за изученіе Константинополя, въ которомъ всё приводило его въ восхищеніе; въ особенности гречанки и армянки останавливали на себѣ его вниманіе. По цѣлымъ днямъ Брюловъ не оставлялъ Константинопольскихъ улицъ и базаровъ и только поздними вечерами возвращался въ нашу общую комнату. — Тутъ онъ обыкновенно, ложась въ постель, бралъ какую нибудь книгу, но рѣдко читалъ её, а по большей части принимался болтать о томъ и о сёмъ, прихотливо переходя отъ великаго до самаго пошлаго, но во всѣхъ своихъ замѣчаніяхъ оставаясь оригинальнымъ. Часто, говоря о религіи, Брюловъ выказывался пламеннѣйшимъ христіаниномъ, восторгался отъ идеи откровенія, и потомъ вдругъ начиналъ разсуждать о самыхъ грязныхъ сценахъ уличной жизни Константинополя.— По вечерамъ въ это время иногда читалъ онъ Карамзина, и послѣдствіями этого чтенія были сначала многочисленныя разсужденія о возможности существованія русской національной живописи, а потомъ первая идея будущей картины: *Осада Пскова*. Идея этой картины создалась въ его фантазіи мгновенно, вдругъ, и во всей полнотѣ; въ Буюкъ-Дерé разсказывалъ онъ мнѣ всѣ подробности и даже дѣлалъ эскизы картины и еслибы въ это время принялся онъ писать её, — то картина вышла бы изъ рукъ его, какъ нѣкогда Минерва изъ головы Юпитера: въ полномъ величіи. Но впослѣдствіи онъ подвергнулъ первоначальную мысль свою многочисленнымъ измѣненіямъ и потому-то, когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, посѣтилъ я его петербургскую мастерскую,—онъ показалъ мнѣ *Осаду Пскова* не иначе, какъ послѣ множества предварительныхъ и какъ-бы извинительныхъ предисловій и объясненій, будто заранѣе боясь, что я

не узна́ю въ его произведеніи той идеи, зарожденія которой я былъ свидѣтелемъ еще въ Буюкъ-Дере́ (*).

Зиму провели мы въ другомъ Константинопольскомъ предмѣстіи, въ Пе́рѣ, живя по прежнему въ одной общей комнатѣ. Здѣсь Брюловъ видимо скучалъ и тяготился посреди оффиціальнаго дипломатическаго міра; не рѣдко искалъ онъ развлеченія въ шумныхъ удовольствіяхъ, и возвращался домой въ искусственно-развеселенномъ расположеніи духа. Въ такомъ состояніи Брюловъ никогда не былъ въ самомъ дѣлѣ *веселъ*, какъ другіе; напротивъ того, онъ дѣлался строптивъ, угрюмъ, и непріятенъ въ обществѣ.

Вскорѣ пришелъ изъ Россіи вызовъ Брюлова въ Петербургъ, въ званіе Профессора Академіи.

Лестное это назначеніе не вполнѣ, однакожъ, его обрадовало. — Честолюбіе его было, конечно, удовлетворено, — но, въ тоже время, онъ боялся, что профессорскія обязанности будутъ стѣснительны для свободы его творчества; тѣмъ не менѣе — вскорѣ мы проводили его въ Одессу.

Послѣ того я совершенно потерялъ его изъ вида,—и только черезъ нѣсколько лѣтъ, и то на самое короткое время, видѣлъ я великаго художника и его мастерскую, въ Петербургѣ, какъ уже и говорено мною выше. — Но воспоминанія о Брюловѣ никогда не изгладятся изъ моей памяти, а драгоцѣннымъ залогомъ ихъ до сихъ поръ остается у меня около 30 превосходныхъ его рисунковъ, сдѣланныхъ имъ еще въ Гротта-Феррата, въ цвѣтущую эпоху развитія его генія (**).

(*) Измѣна художника первоначальной своей идеѣ — явленіе, къ несчастію, довольно обыкновенное, особенно если идея *общаго* посѣщаетъ художника прежде, чѣмъ онъ изучилъ *подробности*. Въ этомъ случаѣ послѣднія — непремѣнно будутъ мѣшать развитію первой...

(**) Любопытенъ способъ, которымъ знакомые Брюлова пріобрѣтали его рисунки :—«Сдѣлайте мнѣ то-то, или это» — обыкновенно говаривалъ Брюловъ, обращаясь къ кому нибудь съ просьбою,—«а я вамъ за это нарисую что нибудь въ альбомъ.» Разумѣется, что за такую плату всякій старался дѣлать для художника все, что ему было угодно.

Въ дополненіе къ этому простому разсказу объ обстоятельствахъ короткаго моего знакомства съ Брюловымъ, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о точкѣ зрѣнія, съ которой я смотрю на развитіе таланта нашего художника и значеніе его въ русскомъ искусствѣ.

Лучшая эпоха развитія Брюлова—послѣднее время, проведенное имъ въ Италіи, и первое время по прибытіи въ Петербургъ. — Въ эту эпоху стройность, гармонія — отличаютъ всѣ его произведенія. Позднѣе — гармонія уступаетъ мѣсто причудливости, жесткости. Брюловъ дѣлается похожъ на музыканта, который пресытился простыми и натуральными прелестями гармоніи, и доискивается эффектовъ въ диссонансахъ. Чтобы извинить себя въ этомъ, Брюловъ говорилъ, что ему страшно надоѣли эффекты, основанные на контрастахъ свѣта и тѣни, и преувеличенные его подражателями, явившимися между 1830 и 1840 годами (*). — «Я хочу, чтобъ у меня всё было въ свѣту, всё было залито свѣтомъ, какъ у Поля Веронеза», — часто говорилъ онъ въ этотъ періодъ своего развитія, не замѣчая того, что, въ то-же самое время, удаляясь отъ эффектовъ, основанныхъ на рѣзкой противуположности свѣта и тѣни, онъ впадалъ въ нестройныя, противныя гармоніи, соединенія цвѣтовъ. Всѣ произведенія его послѣдней эпохи — запечатлѣны этою нестройностью цвѣтовъ, исключая *Христа во гробѣ* (**), произведенія неподражаемаго, могущаго спорить съ лучшими произведеніями величайшихъ мастеровъ. Я не колеблюсь даже сказать, что эта картина—лучшій памятникъ генія Брюлова.

Кромѣ причудливаго выбора цвѣтовъ, худо между собою согласующихся, еще другой недостатокъ постепенно вкрадывался въ работы Брюлова въ позднѣйшемъ періодѣ его дѣятельности: онъ мало-по-малу утрачивалъ *идею идеала*, и впадалъ въ ограниченный *реализмъ*...

(*) Тыроновымъ и другими, менѣе даровитыми.

(**) Эта картина принадлежитъ гр. Адлербергу.

Что касается до вліянія Брюлова на русскую живопись,— то оно было огромно, но нельзя сказать, чтобы оно было *вполнѣ*—благодѣтельно, и этаго нельзя ставить въ вину нашему великому художнику, потому что въ исторіи искусства не найдется ни одного великаго мастера, который бы не служилъ не только хорошимъ, но и худымъ примѣромъ для своихъ подражателей,—за исключеніемъ только развѣ Рафаэля. Въ доказательство этой истины можно взять Микель-Анджело.—Даже и этотъ величайшій, міровой художникъ не былъ безвреденъ для своихъ подражателей.—Его познанія въ анатоміи, его строгое соблюденіе мускулатуры въ изображеніяхъ человѣческаго тѣла — повлекли за собою *преувеличеніе*, въ произведеніяхъ его подражателей дошедшее до того, что всѣ выпуклости человѣческихъ мускуловъ стали являться въ видѣ рѣзкихъ, неестественныхъ возвышеній, похожихъ на уродливые наросты. (*)

Тоже, только въ другомъ отношеніи, случилось и съ подражателями Брюлова. Такъ-какъ Брюловъ на огромное разстояніе опередилъ въ русской живописи всѣхъ ея представителей *до-брюловскаго* времени, то всѣ они и послѣдовали за нимъ безпрекословно, всѣ приняли его ученіе безъ всякой критики, приняли своего учителя такимъ, каковъ онъ былъ, со всѣми его достоинствами и недостатками.—Такъ подражатели первыхъ произведеній Брюлова, гдѣ такую значительную роль играютъ эффекты, основанные на рефракціи освѣщенія и вообще на сильной противуположности свѣта и тѣни,—довели эти эффекты до такой крайности, которая у французовъ называется *мелочными забавами* (les petits amusements), и которая самому Брюлову впослѣдствіи опротивѣла. Но въ то

(*) Такъ, напримѣръ, извѣстный Бернини, чтобы довести до совершенства въ своемъ родѣ манерность и угловатую прихотливость изгибовъ въ драпировкѣ фигуръ,—одѣвалъ своихъ маннекеновъ въ намоченную бумагу, вмѣсто платья, и копировалъ ея жесткіе, рѣзкіе изгибы. Но Бернини не существовалъ бы, еслибы до него не существовалъ геніальный Микель-Анджело.

же время они вовсе не старались усвоить своимъ подражательнымъ произведеніямъ той мысли, тѣхъ стройныхъ линій, которыя играютъ важнѣйшую роль въ произведеніяхъ Брюлова. Конечно, во всёмъ этомъ упрекать Брюлова нельзя. Но, можетъ быть, позволительно объ этомъ сѣтовать, также какъ и о томъ, что Брюловъ, будучи великимъ художникомъ, не сдѣлался художникомъ *національнымъ*, и даже не далъ русскому искусству національнаго направленія, тогда какъ, при огромномъ вліяніи Брюлова на современныхъ ему художниковъ, одинъ шагъ, сдѣланный имъ къ этой цѣли, принёсъ-бы огромные результаты... Но Брюловъ и не могъ сдѣлать этого шага. Опередивъ, покрайней мѣрѣ тремя вѣками, русское искусство своего времени, онъ поневолѣ потерялъ изъ вида ту нить, которая связывала это искусство съ національными художественными преданіями (*). Въ этомъ отношеніи много дѣлаетъ чести Брюлову уже и то, что онъ понималъ возможность возсозданія искусства съ національнымъ русскимъ характеромъ, а что онъ её понималъ,—тому доказательствомъ служатъ его разсужденія, неоднократно слышанныя мною еще въ Буюкъ-Дере́, когда, по вечерамъ, лёжа на своей постели, принимался онъ за чтеніе Исторіи Карамзина.

Какъ-бы то ни было, но, возвращаясь къ разсмотрѣнію вліянія Брюлова на русское художство и признавая, съ одной стороны, всю великость его художественной заслуги, — съ другой—можно справедливо пожалѣть и о темныхъ сторонахъ этого вліянія: 1) о выше-указанныхъ крайностяхъ, до которыхъ дошли его подражатели, и которыя до сихъ поръ преобладаютъ въ нашей живописи; и 2) объ отсутствіи *самостоятельной идеи* во вліяніи Брюлова на наше искусство, которое поэтому и до сихъ поръ остается безъ само-

---

(*) Что искусство съ національнымъ характеромъ, къ счастію, издревле существовало въ Россіи,—тому доказательствомъ можетъ служить коллекція образцовъ древней русской живописи, собранная въ галлереѣ графа Строганова.

стоятельности. А *идея*, которая всего успѣшнѣе могла-бы привиться къ нашему искусству, какъ въ живописи такъ и въ архитектурѣ, это—*идея національности*, *народности*.

Но, можетъ быть, мнѣ сдѣлаютъ вопросъ: гдѣ-же могъ Брюловъ, гдѣ можемъ теперь мы искать національности для нашего искусства? На этотъ вопросъ можно положительно отвѣчать: въ нашей русской древности, въ исторіи нашего прошедшаго и нашей цивилизаціи, изъ которой и возникала наша національность. Слѣдовательно намъ не нужно ни выдумывать, ни слишкомъ долго отыскивать общую идею для нашего искусства: намъ должно только обратиться къ первоначальнымъ, древнѣйшимъ свидѣтельствамъ нашей жизни: къ памятникамъ греческимъ и арабо-монгольскимъ. Между первыми должны мы искать образцовъ для стиля церковнаго, между вторыми—для стиля гражданскаго. Всякій, сколько нибудь знакомый съ послѣдовательностію и взаимною связью искусства у разныхъ народовъ, знаетъ, что греческое и арабо-монгольское искусство, какъ ни далеки они, по видимому, другъ отъ друга, имѣютъ однакоже и общую точку соприкосновенія. Извѣстно, что Арабы подражали Грекамъ въ Константинополѣ. — Прототипомъ для первыхъ арабскихъ мечетей служилъ храмъ Св. Софіи. Впослѣдствіи, когда развилось самобытное просвѣщеніе Арабовъ (въ XII и XIII вѣкахъ) искусство арабское приняло и характеръ болѣе самобытный, національный. Арабы, проникнувъ въ Индію, сообщили свое искусство какъ ей, такъ и Монголамъ, господствовавшимъ тамъ въ свою очередь. Монголы-же во время владычества своего въ Россіи, не могли не внести въ неё своего искусства, заимствованнаго ими въ Индіи отъ Арабовъ и, разумѣется, много переиначеннаго (*).

(*) Если-же не осталось въ Россіи замѣчательныхъ памятниковъ монгольскаго зодчества, то этому удивляться нельзя, потому-что ненависть русскихъ, освободившихся отъ своихъ поработителей, должна была руководить ихъ въ стараніи уничтожить всѣ слѣды господства и даже присутствія Монголовъ въ Россіи.

Доказательствомъ этому всего лучше служатъ наши пятиглавые храмы, имѣющіе столько разительнаго сходства съ Индійскими, хотя многіе и силятся, не признавая этого сходства, объяснить происхожденіе пятикупольныхъ нашихъ храмовъ причинами, имѣющими основаніе въ догматахъ православнаго исповѣданія (*).

Намекнувъ такимъ образомъ на послѣдовательность происхожденія памятниковъ искусства въ Россіи и указавъ общій источникъ, изъ котораго слѣдовало бы намъ нынѣ почерпать національный характеръ для нашихъ произведеній, — перейду къ указаніямъ болѣе частнымъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи — еще весьма не много у насъ сдѣлано. Поверхностное изученіе этого предмета ограничивалось до сихъ поръ лишь московскими памятниками. — Но въ этомъ-то именно и заключалась ошибка, потому что въ Москвѣ итальянскіе зодчіе примѣшали искусство Италіи къ искусству греческому; такъ, напримѣръ, Картезіанскій монастырь въ Павіи, построенный въ томъ-же вѣкѣ, какъ и наши московскіе терема, видимо служилъ образцемъ при построеніи послѣднихъ: въ теремахъ — та-же форма оконъ, тѣже орнаменты, такъ что подражаніе тутъ несомнѣнно. Слѣдовательно подражать зодчеству теремовъ — значитъ подражать Итальянцамъ, или даже подражанію Итальянцевъ, и вносить въ наше искусство итальянскій, совершенно чуждый намъ, элементъ. Для настоящаго же изученія того стиля, какой всего болѣе сроденъ намъ и по историческимъ судьбамъ Россіи и по народному вкусу, и который послужилъ-бы незыблемымъ основаніемъ для самобытнаго національнаго рус-

---

(*) Не мѣсто здѣсь распространяться о послѣдовательности развитія искусства у всѣхъ исчисленныхъ народовъ. Желающіе подробнѣе познакомиться съ этимъ вопросомъ могутъ обратиться къ превосходнымъ сочиненіямъ: Histoire de l'Art monumental, par L. Bâtissier. Paris. 1845. и Histoire de l'Architecture de Th. Hope. Bruxelle. 1839. А также къ сочиненіямъ Charles Téxier et Daniell, (Sur les monuments Mongoles musulmans de l'Inde), Daniel Ramée, Gailhabaud, Couchaud, Coste, Girault de Prangey и проч.

скаго искусства, — для такого изученія слѣдуетъ намъ обратить неутомимое и добросовѣстное вниманіе не на Западъ а на Востокъ.—Въ Индіи нашли бы мы прототипы арабо-монгольскаго искусства, въ Грузіи — встрѣтили-бы многочисленные образцы преданія греческаго. Грузія - обильнѣйшій рудникъ памятниковъ первыхъ временъ греческаго Православія. Кромѣ образцовъ зодчества, древнія церкви Грузіи представляютъ намъ также и образцы живописи. Нужно только *умѣть усвоить* ихъ для подражанія. Дѣло не въ томъ, чтобы рабски копировать ихъ; нѣтъ, нужно проникнуться простодушіемъ ихъ композиціи, вѣрностью экспрессіи и той простотою, которая запечатлѣла собою всѣ художественныя произведенія первыхъ временъ христіанской вѣры. Но при этомъ отнюдь не должно забывать ни объ анатомической правильности рисунка, ни объ истинѣ колорита, — условіяхъ, неизвѣстныхъ первоначальному христіанскому искусству, но составляющихъ достояніе нашего вѣка. Въ самомъ изученіи этихъ древнихъ образцовъ необходимы умѣнье и вкусъ, иначе произведенія наши будутъ безжизненными копіями, подобными и даже уступающими произведеніямъ арзамасскихъ и владимірскихъ нашихъ самоучекъ-живописцевъ, которые уважаются только невѣжественными старовѣрами, и которые такъ мѣтко названы въ нашемъ народѣ *богомазами*. — Они, эти простосердечные самоучки, только копируютъ всё одни и тѣ-же типы, не оживляя ихъ никакою художественной мыслью, между тѣмъ какъ, на взглядъ всякаго образованнаго художника, или даже просто человѣка со вкусомъ, столько глубокой мысли въ этихъ древнихъ образцахъ греческой живописи! Въ нихъ столько чего-то святаго, чего-то простодушно-благочестиваго, что невозможно, взирая на нихъ, не проникнуться благочестіемъ! Но, повторяю, нужно, чтобы художникъ воспроизводилъ ихъ *съ пониманіемъ*, чтобы подъ кистью его не являлись, напримѣръ, фигуры безъ плоти, какъ это иногда встрѣчается въ греческой живописи первыхъ временъ христіанства.

Въ этомъ отношеніи у насъ всё еще въ будущемъ... До

сихъ поръ—мы только еще дошли до сознанія, что у насъ должно и можетъ существовать самобытное, русское искусство; но мы не изучили, какъ слѣдуетъ, источниковъ и преданій, долженствующихъ служить ему основаніемъ. Мы останавливали на нихъ только поверхностный взглядъ.

Должно, впрочемъ, воздать справедливость тѣмъ дѣятелямъ искусства, которые уже обратили свое вниманіе на идею искусства русско-византійскаго. Г. Рихтеръ, говоря о русской архитектурѣ, г. Солнцевъ, изучая памятники нашей Оружейной Палаты, г. Мартыновъ, обратившій вниманіе на древности московскія, много способствовали укорененію въ нашемъ обществѣ и въ художникахъ идеи самобытнаго русскаго искусства. Но, въ заключеніе этого, далеко не вполнѣ выраженнаго и развитаго, но совершенно искренняго моего мнѣнія на счетъ современности и будущихъ судебъ русскаго искусства, почитаю нужнымъ еще разъ повторить, что для образованія въ Россіи русскаго искусства—крайне недостаточно изучать преданія его только по памятникамъ, находящимся въ Россіи; нѣтъ, для этой великой и плодотворной цѣли,—необходимо глубокое изученіе не только византійскаго искусства вообще, но также и всѣхъ его развѣтвленій: арабо-монгольскихъ памятниковъ въ Индіи, и чистаго византійскаго стиля въ Константинополѣ, въ Грузіи, (храмъ Бетанія), въ Арменіи, по сѣверо-восточнымъ берегамъ Чернаго моря (храмъ Пицунда) и т. д. (*).

Г. Г. Г.

(*) Самые извѣстные изъ образцовъ византійскаго стиля, хотя еще мало знакомые не только любителямъ, но и школамъ архитектуры, суть: церковь Св. Софіи въ Константинополѣ, Св. Виталя въ Равеннѣ, церкви Монреаль, Зиска, Марторана въ Палермо, Св. Марка въ Венеціи, церкви Греціи, церкви Ани въ Арменіи и другія, не менѣе знаменитыя, какъ въ Италіи, такъ и въ малой Азіи. . . Но непочатый, хотя и богатѣйшій, родникъ византійскаго искусства находится у насъ, на Кавказѣ. Двое ученыхъ, Гг. Дюбуа-де-Монпере и Броссе пытались, въ сочиненіяхъ своихъ о Закавказскомъ краѣ, дать понятіе о нѣкоторыхъ церквахъ, но, не будучи архитекторами, они не могли передать правилъ строенія этихъ памятниковъ, ни даже самаго характера ихъ, въ рисункахъ, сопровождающихъ ихъ сочиненія, столь любопытныя въ другихъ отношеніяхъ. Гг. Норевъ и Гриммъ, воспитанники Императорской Петербургской Академіи Художествъ, превосходно нарисовали многіе изъ этихъ памятниковъ. Обнародованіе трудовъ Гг. Норева и Гримма должно послужить къ образованію художниковъ и къ развитію общественнаго вкуса по народнымъ нашимъ художественнымъ преданіямъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТВѢТЪ СѢТОВАВШЕМУ
О ДОЛГОВРЕМЕННОМЪ МОЛЧАНІИ
РУССКОЙ МУЗЫ. (*)

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ...
Дельвигъ.

Не требуйте отъ сѣверныхъ морей
Неутомимаго, немолчнаго движенья,
Ни блеска вѣчнаго подъ заревомъ лучей,
Ни постояннаго и звучнаго теченья...

Долго дремлетъ наше море,
Льдами кроется оно;
На большомъ его просторѣ
Снѣговое полотно
Разстилается полгода,
И до срока, до весны,
Ясный день и непогода
Чужды скрывшейся волны.
Но когда весна обниметъ

(*) Сѣтованіе это неумѣстно въ особенности теперь, когда не молчитъ, а заговорила русская Муза вмѣстѣ съ громомъ русскаго оружія... Но стихотвореніе отъ этого не теряетъ своего значенія и получаетъ смыслъ предсказанія или предчувствія.

Землю юной красотой —
Снѣжный саванъ море сниметъ,
И заблещетъ и подниметъ
Пробужденный ропотъ свой...

Не требуйте отъ сѣверныхъ небесъ
Всегдашней ясности, безъ облака и бури;
Не требуйте, чтобъ вѣчно безъ завѣсъ
Онѣ сіяли красотой лазури!

Долго вьюга затмѣваетъ
Солнца лучъ отъ снѣжныхъ странъ,
Долго, долго одѣваетъ
Небо русское туманъ;
И мятель, сгущая тучи,
Кроя ликъ померкшій дня, —
Сыплетъ долго снѣгъ летучій
На заснувшія поля...
Но вернётся день прекрасный
Новыхъ силъ, земли чудесъ, —
Сгинетъ тьма, какъ сонъ ненастный,
И зажжется свѣточъ ясный
Въ сводѣ сѣверныхъ небесъ!..

Не требуйте отъ сѣверныхъ лѣсовъ
Ни вѣчной прелести цвѣтовъ безъ увяданья,
Ни вѣчной музыки трепещущихъ листовъ,
Ни звучнаго вѣтвей подъ вѣтромъ колыханья...

Лѣсъ на сѣверѣ, зимою,
Не кудрявъ и не пушистъ;
Разлетѣлся чередою
Въ нёмъ съ вѣтвей поблёкшій листъ;
Клёнъ и бѣлая берёза
Осыпаютъ свой уборъ;

Подъ ударами мороза
Голъ и пустъ угрюмый боръ.
Звуковъ нѣтъ... Въ глубокомъ снѣгѣ
Вьюга корни занесла;
Молчаливо, въ сонной нѣгѣ,
Онъ продремлетъ на ночлегѣ
До весенняго тепла!..

Не требуйте отъ русскаго пѣвца
Всегда готовой мысли раздраженной;
Въ немъ не всегда найдете вы творца
За дѣломъ творчества, за пѣснью вдохновенной,—

Нѣтъ, какъ русская природа:
Море, небо и лѣса,
Дремлютъ нашего народа
Думы тайной чудеса;
Но пускай печать молчанья
Бардъ полу́ночи хранитъ:
Онъ въ безмолвьи созерцанья
Много свѣжихъ силъ таитъ;
И въ дремо́тѣ полусонной
Не напрасно онъ затихъ,
Нѣтъ, — въ душѣ его бездонной
Созрѣваетъ обновлённый
Въ слово жизни вѣщій стихъ.

ПРОЗРѢНІЕ.

Въ мечтахъ о благахъ невозможныхъ
Извѣдалъ я и рай и адъ;
Для вашихъ прихотей ничтожныхъ
Я жизнью жертвовать былъ радъ...

Предъ вами падалъ я, терялся —
Гадая: «быть или не быть?..»
И, слѣпотствуя, предавался
Блаженству — вѣрить и любить.

Съ какой надеждой безразсудной
Я думалъ: «Всё къ ногамъ ея!
Мой часъ придетъ,—наградой чудной
Воздастъ мнѣ дивная моя!..»

И, подъ вліяньемъ ослѣпленья,
Весь миръ души, весь сердца жаръ,
Всю святость долга, всѣ стремленья,
Всю гордость,—всё принесъ вамъ въ даръ!..

И чтожъ?.. Какъ хитрая Наяда,
Царица бездны водяной, —
Притворнымъ вздохомъ, лаской взгляда
Вы ободряли лепетъ мой:

Какъ будто вы узнать хотѣли
Какая сила вашихъ чаръ?
Должны покорствовать вамъ всѣ-ли,
Кто только молодъ или старъ?..

Но я прозрѣлъ... Упала маска,
Прошло безумство многихъ лѣтъ,
И вижу я, что ваша ласка
Лишь слѣдъ привычки, — не привѣтъ;

Что въ васъ сочувствіе наружно,
Хоть трепетъ страсти вамъ къ лицу;
Что вамъ любви моей не нужно
Какъ слёзъ не нужно мертвецу...

Всему конецъ... Ещё-ль унижу
Мою безгрѣшную любовь!..
Я васъ скорѣй возненавижу,
Чѣмъ преклонюсь предъ вами вновь!..

Съ другими пробуйте отъ скуки
Холодный блескъ своихъ очей:
И пусть вамъ Богъ проститъ всѣ муки
Души униженной моей!..

---

* *
*

Онъ васъ желалъ, какъ вянущій цвѣтокъ
Росы желаетъ... Но мечтѣ его преступной
Вы были далеки и недоступны, —
Такъ далеки,—какъ Богъ отъ насъ далёкъ!

Но вотъ... онъ въ васъ мечту свою достигъ;
И чтожъ?.. Едва вкусилъ онъ гордость обладанья,
Уже въ душѣ его и трепетъ и страданья,
Уже вопросъ въ умѣ его возникъ:

«Что дастъ онъ вамъ, въ замѣну тишины,
За сладкій мигъ преступнаго паденья?
Часами вѣчнаго, безмолвнаго мученья,
Быть можетъ, ваши дни отравлены!»

Такъ дерзкій Магъ, нарушивъ сонъ и миръ
Жильцевъ могилъ, въ тиши ихъ вѣчной сѣни,
И, заклинаньями, послушныя ихъ тѣни
Воззвавъ опять изъ вѣчнаго въ нашъ міръ,—

Страшится самъ толпы гостей своихъ,
Трепещетъ, торжество науки забывая,
И молитъ, ницъ предъ ними упадая,
Простить того, кто миръ нарушилъ ихъ!..

———

ТРИ СЦЕНЫ.

I.

Съ женщиной мужчина, —
Юная чета,
Тихо у камина
Чтеньемъ занята.
Пламя пышетъ ясно,
Женщина — прекрасна.
Полонъ жизнью — онъ.
Молодъ и влюблёнъ.
Громко онъ читаетъ
Повѣсть о любви,
А она внимаетъ
Съ трепетомъ въ крови...
Вдругъ остановились,
Вдругъ, — рука съ рукой, —
Будто вдохновились
Общею мечтой;
И томитъ желаньемъ
Страстная мечта,
И слились лобзаньемъ
Жаркія уста...

—

Измѣнилась сцена:
Крошку-сына мать
На свои колѣна
Клонитъ укачать;
Тихо шепчетъ сказки,
И малютка-сынъ,
Закрывая глазки,
Дремлетъ... А каминъ
Гаснетъ по-немногу,
Разливая тѣнь...
Слава, слава Богу
За счастливый день!
Въ мирѣ да совѣтѣ
Сладко дышетъ грудь...
Неужели въ свѣтѣ
Плачетъ кто нибудь?..

—

Измѣнились сцены:
Грустно я поникъ;
Блѣдный свѣтъ на стѣны
Тускло льётъ ночникъ,
И, мерцая томно,
Гаснетъ, какъ больной;
Пусто, скучно, тёмно, —
Ни души со мной!..
Маятникъ уныло
Стукаетъ въ потьмахъ;
Только девять било
На стѣнныхъ часахъ:
Рано спать ложиться, —
Да когда-бъ и лёгъ, —

Вѣрно не поспится
Отъ дневныхъ тревогъ!
Слухъ мой сталъ такъ тонокъ,
Всё такъ внятно мнѣ:
Вотъ грудной ребёнокъ
Закричалъ во снѣ...
Вотъ, въ тиши молчанья,
Слышны за стѣной
Кашель и стенанья
Матери больной!..
А вдали несётся
Оживленный звукъ:
Кто нибудь смѣётся!
Гдѣ нибудь живётся
Безъ сердечныхъ мукъ!.

ПОКОЙ И СЧАСТЬЕ.

(С. М. Кудрявцеву).

Цѣну жизни узнали мы оба,
Оба мы не торопимся жить,
Знаемъ чтó добродѣтель, чтó злоба,
Знаемъ правду отъ лжи отличить;
Видимъ свѣтъ мы не въ свѣтлую призму,
И не вовсе подъ черной фатóй,
И даемъ уголокъ эгоизму
Въ самой чистой душѣ и святой!
Знаемъ мы изъ людскаго примѣра,
Что всѣ страсти проходятъ какъ сонъ;
Знаемъ мы, что средина и мѣра
Въ каждомъ жизненномъ дѣлѣ законъ...
Да, всё это мы знаемъ, но хочетъ
Сердце встрѣтить отвѣтъ на вопросъ:
Что намъ это познанье пророчитъ?
Больше-ль радостей дастъ, или слёзъ?
И когда мы въ житейской долинѣ
Ближе къ вѣрному счастію? Нынѣ?
Или въ годы протекшіе тѣ,

Какъ взирали на жизнь мы беспечно
И мечтали въ своей слѣпотѣ,
Что любовь будетъ въ насъ безконечна,
Что усталости въ счастіи нѣтъ,
Что въ страстяхъ не нужна бережливость,
Что такъ простъ, незагадоченъ свѣтъ,
Что случайны въ немъ злоба и лживость,
И такъ дальше... Въ какіе-жъ года
Мы полнѣе, счастливѣе жили?
— «Мы *спокойствіе* нынѣ вкусили, —
Но *счастливѣе* были тогда!» —

ПЕССИМИСТУ.

Изъ окружающей среды
Себя извергнувъ своенравно,
Ты всюду видишь зло, бѣды,
И возмущаешься забавно.
Ты въ мірѣ нравовъ и идей,
Повѣрь, не сдѣлаешь открытій:
Неотвратимъ въ судьбахъ людей
Ходъ историческихъ событій...
Прослушай проповѣдь мою:
Зарывъ во глубинѣ душевной
Тревогу тщетную свою,
Смирись, и жизнью повседневной

Наполни жаждущій свой духъ:
Въ ней есть свой смыслъ, и смыслъ громадный...
Иначе, — къ жизни безприкладный, —
Ты будешь нравственный эвнухъ...

Е. Вердеревскій.

РЕВАЗЪ ГОДОБРЕЛИДЗЕ.

РЕВАЗЪ ГОДОБРЕЛИДЗЕ.

(Имерстинская легенда).

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Кударское ущелье, расширяясь на холмистыя пажити Церетелевской волости, даетъ мѣсто бурному Квирилу, шумно и прихотливо извивающемуся по равнинѣ, — тамъ, противъ грозной и неприступной крѣпости *Моди Нахе* (*), отъ которой остаются теперь только развалины,—подъ купою деревьевъ, осѣняющихъ красивый холмъ, и до сихъ поръ еще стоитъ старая усадьба древней дворянской фамиліи Годобрелидзе.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ случилось происшествіе, которое мы разскажемъ нашимъ читателямъ; много воды унесъ бѣшеный Квирилъ въ широкій Ріонъ и много красавицъ утратило свои чудныя прелести; но ежегодно въ день Св. Іоанна Крестителя собираются окрестные жители во храмъ, построенный руками Реваза Годобрелидзе по обѣту, данному имъ Богу за свое чудное избавленіе, и благоговѣйно слушаетъ народъ отъ стариковъ разсказъ объ этомъ чудѣ.

(*) По-грузински значитъ *приди посмотри*; это названіе дано крѣпости по ея неприступности.

Давнымъ-давно, когда Имеретія терпѣливо переносила несчастливое для нея управленіе царя Соломона, когда Турки безнаказанно грабили эту прекрасную страну и уводили въ свои гаремы женъ и дочерей, а сыновей и братьевъ изнуряли тяжелыми работами, жилъ молодой Ревазъ Годобрелидзе, красавецъ и лицемъ и душею. Теперь, можетъ быть, мало найдется такихъ юношей, каковъ былъ Ревазъ! Такія черныя и густыя кудри, каковы были у него, покрываетъ рѣдкій *папаники* (*) и никто не можетъ теперь, отъ восхода лѣтняго солнца до знойнаго полудня, пройти отъ *Моди-Нахе* до Сарапаны, никто не переплыветъ Квирила, Дзирула и Ріона въ полую воду,—а все это было игрушкою для Реваза. Стрѣлокъ и рубака онъ былъ удивительный; отъ удара его шашки въ одно мгновеніе отваливалась отъ туловища самая большая буйволиная голова, а отъ пули падалъ на всемъ скаку олень, пораженный прямо въ сердце.

Не было никого краше молодаго *Годы* и не одно сердце билось и волновало атласную *гулисъ-пири* (**), обшитую богатымъ золотымъ галуномъ, при взглядѣ на его гордую осанку, тонкій станъ и широкія плечи. Чаще другихъ засматривалась на Реваза красавица Мака, дочь старика Беро Кикодзе, *хелосана* (***) Годобрелидзе... Яркимъ заревомъ загорались ея щеки, когда подходилъ къ ней юный господинъ ея и съ любовью смотрѣли на него ея синія, какъ небо, очи. Сердце сердцу вѣсть подаетъ, говоритъ старинная пословица. Ревазъ души не слышалъ въ Макѣ и одного ея слова было довольно, чтобы всякій трудъ и опасность были ни по-

---

(*) Головной уборъ Гурійцевъ и Имеретинъ, а частію и Мингрельцевъ, состоящій изъ суконнаго или стёганнаго на шелковой матеріи кружка, придерживаемаго на головѣ шелковымъ шнуркомъ, завязаннымъ подъ подбородкомъ. Это есть ничто иное какъ праща (fronde) которая съ вѣками измѣнилась и въ формѣ и въ назначеніи и изъ метательнаго орудія сдѣлалась головною покрышкою.

(**) Родъ манишки изъ шелковой матеріи, которую туземныя женщины носятъ на груди при вырѣзномъ спереди платьи.

(***) *Хелосани* буквально значитъ ремесленникъ; но Имеретины это названіе придаютъ сельскому старостѣ, — тоже, что *Нацвалъ* въ Карталиніи.

чёмъ лихому молодцу. Такъ не замѣтно проходили дни за днями, унося съ собою недѣли и мѣсяцы. Старикъ Беро примѣчалъ все, слѣдя съ безпокойствомъ за возрастающею любовью молодыхъ людей, но былъ слишкомъ опытенъ и уменъ, чтобы высказывать явно свое неудовольствіе. Онъ ждалъ удобнаго случая избавиться отъ опаснаго поклонника своей дочери, разсчитывая на необыкновенную смѣлость и отвагу Реваза.

По Имеретіи разнеслась вѣсть о вторженіи Турокъ. Зарева пожаровъ, неистовые крики грабителей и вопли жертвъ, уводимыхъ въ неволю, взволновали все населеніе мирныхъ деревень. Старый и малый вооружались для защиты своихъ семействъ и смѣло шли на битву. Князья Церетели и Абашидзе подняли свои волости и составили дружины, каждую въ 200 хорошо-вооруженныхъ всадниковъ. Къ первой, какъ церетелевскій дворянинъ, примкнулъ и храбрый Ревазъ Годобрелидзе, съ твердымъ намѣреніемъ умереть или побѣдить.

Горестно и продолжительно было прощанье его съ красавицей Макой; много пролила она горючихъ слезъ на широкую грудь Реваза, волновавшуюся мрачнымъ предчувствіемъ предстоящей долгой разлуки; но, какъ мужчина, онъ старался утѣшать свою возлюбленную надеждою скораго возвращенія и радости свиданія. Старикъ Беро смотрѣлъ на это прощанье и втайнѣ утѣшался мыслію, что отважный Ревазъ на бранномъ полѣ навсегда успокоитъ его отцовскія опасенія.

Съ разсвѣтомъ переправилась дружина князя Церетели черезъ Квирилъ, сопровождаемая всѣмъ населеніемъ волости. Много было пролито слёзъ при разставаньи, много было грустныхъ лицъ, но отчаяннѣе другихъ рыдала Мака. Казалось, что она хоронила милаго сердцу и безутѣшно плакала на его свѣжей могилѣ. Наконецъ всадники поднялись на гору и скрылись въ ущельи; осиротѣлыя жены возвратились въ дома, а Мака, на томъ мѣстѣ, гдѣ видѣла въ послѣдній разъ Реваза, гарцовавшаго на лихомъ сѣромъ жеребцѣ, дала обѣтъ:

до возвращенія своего милаго носить на шеѣ одиннадцать камней.

Обѣ дружины сошлись около церкви Св. Николая и двинулись въ Дзаглисъ-Кхеоба, или Хеви, (собачье ущелье). Пройдя тѣснину и переправившись чрезъ потокъ, ратники тщательно завалили проходъ каменьями и срубленными деревьями для загражденія врагамъ пути къ своимъ домамъ и, совершивъ это, пошли далѣе.

Уже солнце ушло за горы и ни одинъ лучъ его не озарялъ вершинъ, густо поросшихъ зеленью; уже звѣзды начали появляться на потемнѣвшемъ небѣ, когда дружины увидѣли берега Дзирула и Квирила. Кони ихъ радостно принялись пить родную воду и не одинъ ратникъ спросилъ у быстрыхъ струй, что̀ дѣлается въ родной саклѣ, только сегодня поутру оставленной... Князья расположились въ развалинахъ древнихъ башень; подъ стѣнами помѣстились дворяне, а слуги, долго хлопотавшіе около лошадей, уснули гдѣ попало.

Сегодня еще спокоенъ сонъ воиновъ, они беспечно могутъ ему предаваться, ихъ защищаютъ родныя рѣки, чрезъ которыя бродъ труденъ и опасенъ, а завтра... Но кто изъ храбрыхъ думаетъ о завтрашнемъ днѣ?.. Спитъ Ревазъ и тяжелые сны вьются надъ его головою. Чудятся ему разныя нелѣпицы: башни, серебрянная парча, цѣлые мѣшки жемчугу и огромныя кисти винограда... Но уже пылаетъ востокъ, сны отлетаютъ далеко и дружина, осѣдлавъ коней, переправляется чрезъ свѣтлыя воды Дзирула и вступаетъ въ лѣса Бѣлогорья. До полудня подвигаются всадники по горамъ. Уже солнце своими яркими лучами обливаетъ землю и только въ густой чащѣ лѣса можно вздохнуть свободнѣе.

Здѣсь все какъ будто замерло подъ небесами: на деревьяхъ не шепчутся листья, ястребъ не кружится надъ лощиной и не ищетъ зоркимъ глазомъ добычи, перепелъ не кричитъ въ густой травѣ; только иногда затрещитъ кузнечикъ и вдругъ замолкнетъ утомленный, не слыша отвѣта. Дружина едва подвигается впередъ, кони всѣ въ пѣнѣ, хра-

пятъ и нехотя передвигаютъ ноги: и они и всадники требуютъ отдыха и пищи. Дружина спустилась на равнину, зажгла костры и въ походныхъ котелкахъ закипѣло *гоми* (*), а изъ дорожныхъ бурдюковъ полились струи вина для подкрѣпленія утомленныхъ всадниковъ. Лошадей пустили въ кусты и, положивъ поближе оружіе, Имеретины усердно принялись за трапезу. Иные вытащили изъ сумъ холодные кукурузные *мчади* (**), другіе сыръ, третьи копченыхъ каплуновъ, однимъ словомъ все, чѣмъ надѣлило ихъ на дорогу скудное ихъ хозяйство. — Весело и беззаботно пировали князья и азарпеша быстро переходила изъ рукъ въ руки.

— «Что не веселъ Ревазъ?», спросилъ Церетели пригорюнившагося Годобрелидзе, — «развѣ не радостно тебѣ биться съ врагами, раззоряющими наши храмы и села? Вернись домой, молодецъ, и не наводи грусти на товарищей своею тоскою.»

— «Нѣтъ, князь, мой батоно (***), я счастливъ, что могу раздѣлить труды и опасности нашей дружины, но мнѣ снились дурные сны и воронъ три раза прокаркалъ надъ моимъ конемъ, когда я выпустилъ его на поляну... Мнѣ кажется, что я не увижу больше роднаго края, не поставлю свѣчи образу Св. Іоанна Крестителя и не принесу въ даръ нашему храму ни добычи, отнятой у врага, ни части своего собственнаго наслѣдія.»

Не было возраженій на эту рѣчь, высказанную съ твердымъ убѣжденіемъ. Встарину, какъ и теперь, Имеретины имѣли тму предразсудковъ, и воронъ, прокричавшій три раза надъ конемъ, не обѣщалъ, по ихъ понятію, ничего добраго всаднику. — Чтобы заглушить непріятное чувство, собесѣдники

(*) Родъ мелкаго проса (du millet) изъ котораго Имеретины варятъ густую кашу.

(**) Лепёшки изъ кукурузной муки, которыя пекутся въ золѣ или между двумя каменными чашками, называемыми *кеци*.

(***) Батоно—господинъ. Титутъ этотъ также принадлежитъ царямъ и владѣтельнымъ особамъ. Батони-швили, царскій братъ или вообще потомокъ царскій.

хлебнули усерднѣе вина, какъ бы желая утопить въ немъ грусть о будущей судьбѣ любимаго товарища.

Но не страхъ томилъ Годобрелидзе; это постыдное чувство было чуждо сердцу отважнаго Реваза; ему жаль было Маку, которая ужъ вѣрно не скоро утѣшится, когда узнаетъ о его смерти, а ежели утѣшится... Но при этой мысли кровь закипала въ жилахъ Реваза и онъ невольно хватался за кинжалъ.

Ночью далекое зарево указало храбрецамъ, гдѣ найти враговъ. Не медля сѣли они на коней и двинулись прямо на пожаръ, кипя желаніемъ отплатить Туркамъ за ихъ жестокости. Только на другой день вечеромъ добрались дружины до Саджаваха и залегли въ оврагъ, выжидая удобной минуты, чтобы налетѣть на враговъ.

Верстахъ въ двухъ отъ оврага и не вдалекѣ отъ только-что сожженной деревни расположились Турки и, собравъ посреди себя плѣнныхъ и добычу, готовились къ вечернему намазу. Множество женщинъ и дѣтей, почти нагихъ, громко рыдали, ломая руки, прощались навсегда съ родимой стороной и съ растерзаннымъ сердцемъ смотрѣли на пепелища, гдѣ они такъ долго жили мирно и счастливо. Мало-по-малу угрозы враговъ и утомленіе заставили умолкнуть эти вопли и на турецкомъ бивуакѣ слышались то тихій плачъ, то сдерживаемыя стенанія... Но мстители были не далеко. Спѣшившись, пробирались Имеретины, какъ шакалы, неслышными шагами и окружали Турокъ, беспечно дремавшихъ послѣ цѣлаго дня грабежей и неистовствъ.

По условленному знаку раздался залпъ изъ ружей и, съ криками мщенія и злобы, храбрыя дружины бросились въ шашки; но увлеченные необузданною смѣлостью, они не разсчитали огромнаго числа враговъ и забыли о своей малочисленности. Долго длился рукопашный бой, много пролилось крови; часть плѣнныхъ, пользуясь общимъ смятеніемъ, успѣла уйти въ лѣсъ, но толпа нападающихъ примѣтно рѣдѣла и напряженные мышцы могучихъ рукъ уставали работать шашкой и кинжа-

ломъ. Однакожъ перевѣсъ всё-таки былъ на сторонѣ Имеретинъ. Турки, неопомнившіеся отъ внезапнаго нападенія, отбивались слабо и падали подъ ударами мстителей; оставшіеся въ живыхъ готовы были просить пощады и сдаться... Вдругъ раздался топотъ... Новые крики огласили воздухъ... Увы! то была свѣжая толпа Турокъ. Спасайтесь Имеретины, вы не выдержите боя съ новыми врагами и хотя духъ вашъ по прежнему бодръ, но тѣлесныя силы истощены; уходите, вамъ знакомы тропинки и овраги, дѣло мести исполнено вами, вы жестоко наказали грабителей, спасайтесь! Еще новый отрядъ не доскакалъ до мѣста битвы, какъ уже пули градомъ посыпались на остатокъ дружины. Медлить было нельзя и всякій, избирая удобнѣйшій путь, поскакалъ въ знакомые лѣса.

Но нигдѣ не видно Реваза; сѣрый конь его не дождется всадника, а Макѣ принесутъ грустную вѣсть, что ея милый положилъ свою голову въ битвѣ.

Не совсѣмъ правду скажутъ бѣдной дѣвушкѣ: Ревазъ не убитъ, но, еще хуже смерти, готовится ему томительная участь. Честная смерть въ бою прославляетъ имя воина, но не она, а унизительная неволя выпала на долю молодаго Годобрелидзе.

Въ ту минуту, когда онъ отважно ворвался въ толпу враговъ, тяжелая сѣкира упала плашмя на его голову; онъ зашатался и безъ чувствъ повалился на землю.

Долго не могъ очнуться Ревазъ и пролетѣло много часовъ съ того времени, когда сильный ударъ опрокинулъ его. Наконецъ онъ открылъ глаза и увидѣлъ надъ собой закоптѣлый потолокъ сакли, а вокругъ—женщинъ и дѣтей. Тутъ припомнилъ онъ всё и смутно началъ понимать, что окружающія его лица, вѣроятно, плѣнники, которыхъ не успѣли избавить его товарищи. Онъ убѣдился въ этой горькой истинѣ, когда нѣсколько Турокъ вошли въ саклю и вывели всѣхъ, бывшихъ въ ней; дошла очередь и до Реваза: его подняли и вынесли на открытый воздухъ, бросили вмѣстѣ съ дѣтьми на арбу и

погнали воловъ, — но куда, этого не понималъ Годобрелидзе: онъ снова впалъ въ безпамятство.

Нѣсколько дней гнали плѣнныхъ до Батума. Только крѣпкому тѣлосложенію своему и попеченію о немъ плѣнницъ обязанъ Ревазъ тѣмъ, что остался живъ, но, Боже праведный! Сколько разъ онъ просилъ смерти, которая-бы избавила его отъ позорнаго плѣна и, можетъ быть, истязаній, готовившихся ему въ странѣ враговъ.

Проходятъ дни, недѣли и мѣсяцы; Годобрелидзе томится въ неволѣ; заставляютъ его нехристи очищать смрадныя городскія канавы, сажаютъ гребцомъ на феллуку или назначаютъ прислужникомъ къ Пашѣ.

Горе и отчаяніе овладѣваютъ сердцемъ храбраго Реваза; краска стыда часто выступаетъ на его блѣдныхъ щекахъ, давно утратившихъ цвѣтъ здоровья и веселья.

Такъ протекло восемь мѣсяцевъ. Въ одно утро его посадили на небольшой корабль вмѣстѣ съ нѣсколькими плѣнными и плѣнницами и повезли въ Стамбулъ. Покидая берега родины, отправляясь въ далекій, безъизвѣстный путь, не зная какое новое испытаніе готовитъ ему судьба, Годобрелидзе пришелъ еще въ сильнѣйшее отчаяніе. Ему казалось, что съ удаленіемъ отъ береговъ, гдѣ онъ хотя и влачилъ позорную жизнь, но гдѣ, покрайней-мѣрѣ, была надежда на бѣгство, душа покидаетъ его тѣло и стремится въ родныя горы. Прошло нѣсколько часовъ въ безпамятствѣ, въ какомъ-то страшномъ, томительномъ забытьи; но онъ очнулся, чтобы нести тяжелое ярмо неволи... Много можетъ человѣкъ перенести душевныхъ страданій, и не скоро разрываются узы, связывающія его съ жизнію.

Причина внезапнаго отправленія плѣнныхъ заключалась въ фирманѣ Султана о наборѣ мамлюковъ. Годобрелидзе, красавцу собой, предстояла завидная участь достигнуть со временемъ высокихъ степеней, почестей и богатства; но какой христіанинъ рѣшится отступить отъ вѣры отцовъ, чтобы

сдѣлаться турецкимъ пашею? Примѣры эти рѣдки и богоотступниковъ презираютъ въ душѣ даже и мусульмане.

Не такой человѣкъ былъ Ревазъ, чтобы польститься на чалму и отдать душу свою за вышитую золотомъ шубу. Въ сердцѣ его крѣпка была вѣра предковъ и онъ не измѣнилъ-бы ей даже за званіе верховнаго Визиря. Нѣсколько разъ море вздымалось волнами, вѣтеръ свисталъ въ снастяхъ корабля и всякій разъ, когда буря грозила потопить утлую фелуку, Ревазъ надѣялся, что Богъ сжалится надъ нимъ и дастъ ему честную смерть. Но пути Господни неисповѣдимы и далеко еще было до конца испытаній, назначенныхъ рабу Его, быть можетъ, для очищенія души и совѣсти.

Чрезъ двѣнадцать дней корабль прибылъ въ Стамбулъ. Плѣнниковъ разобрали по рукамъ и Годобрелидзе назначенъ въ мамлюки. Когда надѣли на него красивое албанское платье, когда заткнули ему за поясъ кинжалъ и пару богатыхъ пистолетовъ,—онъ не узнавалъ самъ себя: такой былъ онъ дивный красавецъ, особливо послѣ рубищъ, въ которыхъ пресмыкался въ Батумѣ. Стройный станъ, сильное сложеніе и прекрасное лицо его бросались въ глаза многимъ вельможамъ Стамбула и всякій изъ нихъ наперерывъ хотѣлъ завладѣть красивымъ мамлюкомъ. Но судьба назначила его Мустафѣ-Агѣ, жестокому и властолюбивому старику, занимавшему при лицѣ Султана высокое мѣсто.

Покоряясь судьбѣ, смиривъ свою гордость, Годобрелидзе рѣшился безропотно нести тяжелый крестъ свой, часто и усердно молясь Богу и на Него одного возлагая свое упованіе. Обязанность турецкаго раба не легка. Часто Ревазъ схватывалъ рукоять кинжала, чтобы отмстить за оскорбленія, сыпавшіяся на него градомъ и отъ господина и отъ нахаловъ-челядинцевъ, но всякій разъ какъ будто невидимая сила останавливала его руку, избавляя такимъ образомъ отъ преступленія и отъ казни, которая немедленно послѣдовала-бы за убійствомъ.

Такъ снова прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Ревазъ влачилъ жизнь въ рабствѣ, не произнося ни одной жалобы, и вотъ, однажды, жена Мустафы-Аги остановила на немъ свои глаза, полные страсти и пылкихъ желаній. Ревазъ, углубленный въ грустную думу, не замѣтилъ этого взора, обѣщавшаго ему блаженство, но соглядатаи донесли грозному господину, что между Ханумъ и молодымъ невольникомъ существуетъ преступная связь. Реваза бросили въ мрачную тюрьму въ ожиданіи, пока приказано будетъ снять голову съ плечь его, а жену Мустафы, невѣрную лишь помысломъ, приняли въ свои нѣдра холодныя волны Босфора.

Ожидая страшной мести безжалостнаго владыки, Ревазъ предался жаркой молитвѣ и, погруженный въ благочестивые помыслы, отрѣшился отъ земнаго...

Прошло нѣсколько дней съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ брошенъ въ отвратительную нору, называемую въ Турціи домашнею тюрьмою. Въ эти дни душа его просвѣтлѣла, но тѣло ослабло отъ недостатка пищи и воздуха. Наконецъ пришелъ канунъ дня Іоанна Крестителя. Годобрелидзе съ новою силою, съ пламеннымъ усердіемъ предался молитвѣ, умоляя угодника Божія принять его подъ святой покровъ свой, и давая обѣтъ: своими собственными руками возобновить храмъ Предтечи, если Господь неисповѣдимыми путями возвратитъ его когда нибудь въ далекія горы Имеретіи.

Безъ усталости, безъ отдыха, съ восхода солнца до поздней ночи, молился благочестивый Ревазъ Годобрелидзе и сами тюремщики, видя его исхудалое и истощенное лицо, удивлялись непонятной силѣ, съ которою христіанскій узникъ возносился духомъ къ невѣдомому ими Богу.

Около полуночи усталость смежила утомленныя вѣжды Реваза и онъ заснулъ глубокимъ сномъ...

Весело сіяло утреннее солнце. Палящіе лучи его озаряли и далекія горы Рачи и лѣсистое ущелье и окрестныя деревни церетелевской волости.

Колокольный звонъ призывалъ благочестивыхъ христіанъ во храмы Божіи и толпы народа спѣшили по дорогѣ къ ветхой церкви Св. Іоанна Крестителя, на храмовый праздникъ.

По тропинкѣ, сбѣгающей съ холма къ шумному Квирилу, одна, безъ провожатыхъ, въ печальномъ черномъ платьи, съ ожерельемъ изъ тяжелыхъ камней на шеѣ, босая, уныло шла молодая дѣвушка, заливаясь горькими слезами.

Никто не узналъ бы въ ней красавицы Маки, дочери хелосана Беро Кикодзе: такъ горесть и слезы измѣнили прекрасное лицо ея. Склонивъ голову на грудь, медленно пробиралась она между колючими кустами, но достигнувъ вершины холма, остановилась перевести духъ. Все вокругъ нея было весело и покойно. Вдали, на большой дорогѣ, слышался веселый говоръ толпы, спѣшившей въ церковь, и грустнѣе стало для Маки одиночество, и крупнѣе покатились слезы изъ ея темносинихъ глазъ.

Однако странный предметъ привлекъ ея вниманіе.

Не вдалекѣ, подъ скудною тѣнью гранатоваго куста, лежалъ человѣкъ въ богатой, но изорванной одеждѣ, какой она никогда не видывала; казалось, что путникъ, или чужеземецъ, погруженъ въ глубокій сонъ и хотя палящіе лучи солнца жгли его голову, осѣненную роскошными черными кудрями, однако онъ не просыпался. Эти кудри также были хороши, какъ у Реваза, — и бѣдная Мака, сама не зная чтò дѣлаетъ, подошла къ спящему... Вопль, въ которомъ звучали радость,

изумленіе, сомнѣніе и испугъ, вырвался изъ груди бѣдной дѣвушки... Предъ нею лежалъ Годобрелидзе, ея ненаглядный Ревазъ, виновникъ ея печали и страданій.

Какъ сумасшедшая, бросилась Мака къ своему милому, покрывая горячими поцѣлуями его изнуренное, худое лице.

Ревазъ открылъ глаза, но ослѣпленный солнцемъ, снова закрылъ ихъ и видно было, что ему жаль пробудиться. Новыя ласки Маки заставили его содрогнуться и снова открыть глаза.

—«Ревазъ! Откуда ты?» спрашивала Мака. «Зачѣмъ не пришелъ домой, зачѣмъ лежишь на дорогѣ?»

—«Домой?» Глухо прошепталъ Годобрелидзе, и глаза его съ изумленіемъ стали вглядываться въ окрестность. Наконецъ онъ остановилъ ихъ на Макѣ и со стономъ повалился на землю, прошептавъ: — «Это сонъ, это сонъ!..»

Долго допытывалась Мака отвѣта, но Ревазъ долго безмолвствовалъ... Ихъ окружили прохожіе, поднялся шумъ, говоръ удивленія, вопросы: откуда и какъ явился Годобрелидзе,—и только тогда увѣрился Ревазъ, что онъ не спитъ и что надъ нимъ совершилось великое чудо.

Блѣдный отъ внутренняго волненія, онъ поднялся на ноги, оглянулся кругомъ и звучнымъ голосомъ сказалъ:

—«Слушайте, люди! Сегодня великій праздникъ Св. Іоанна Крестителя, а вчера до полуночи я былъ въ душной темницѣ Стамбула и умолялъ Св. Угодника спасти меня отъ плѣна и смерти... И вотъ, чрезъ нѣсколько часовъ, я на родинѣ, въ кругу вашемъ... и, слушайте еще, я далъ обѣтъ: по возвращеніи въ родную сторону, своими руками возобновить ветхій храмъ Св. Предтечи, и да накажетъ меня Всевышній, ежели я не исполню обѣщанія!»

Крики изумленія раздались со всѣхъ сторонъ и окружающіе торжественно привели Годобрелидзе ко храму.

Здѣсь, на колѣняхъ у олтаря, излилъ Ревазъ предъ Богомъ душу свою въ пламенной молитвѣ и повторилъ обѣтъ.

Вѣсть о чудѣ пронеслась по ближнимъ и дальнимъ деревнямъ; всѣ окрестные жители стекались посмотрѣть на Реваза Годобрелидзе и всѣ заставали его за усердной работой.

Собственными руками онъ дѣлалъ кирпичи, носилъ съ береговъ Квирила каменья и готовилъ лѣсъ. Тяжелъ былъ трудъ, но, казалось, невѣдомая сила помогала ему. — Семь лѣтъ, не отдыхая днемъ ни часу, исполнялъ свой обѣтъ Ревазъ Годобрелидзе и въ началѣ восьмаго года окончилъ возобновленіе храма.

Не смотря на сопротивленіе стараго хелосана Беро Кикодзе, который, сохраняя старый обычай, не соглашался на неровный бракъ господина съ своею дочерью, предъ вновь-освященнымъ олтаремъ возобновленной церкви благословили союзъ Реваза и Маки. До самой глубокой старости жили они счастливо и умерли оба въ одинъ и тотъ же день. Объ этомъ и нынѣ могутъ засвидѣтельствовать старые и малые въ Имеретіи.

Потомки Реваза и Маки славятся храбростью, радушіемъ, гостепріимствомъ и честностью, какъ-бы желая поддержать собою достоинства своего предка, на котораго самъ милосердый Господь обратилъ свое Божественное око.

Н. Дункель-Велингъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИМЕРЕТИНСКІЯ МЕЛОДІИ.

(Посвящаются Е. А. Вердеревскому).

1.

ПОСЛѢ БУРИ.

Когда стихаетъ всё: и вѣтеръ и гроза,
И умолкаетъ громъ, и въ небѣ таютъ тучи,
И съ мокраго листка, какъ горькая слеза,
Сбѣгаетъ поздній дождь, и клонится лоза,
И вьётся кверху тёрнъ упрямый и колючій;

Когда подъ тёмною нависшею скалой
Стремительный потокъ бѣжитъ, бушуя съ воемъ,
И зыблется тростникъ подъ мутною волной,
И камень падаетъ, оторванный водой,
И илъ на берега ложится сѣрымъ слоемъ;

Когда, блеснувъ межъ отдальнихъ горъ,
Проглянетъ солнце незамѣтно,
И озаряется, сіяя, кругозоръ,
И вся страна, лелѣя, нѣжа взоръ,
Мнѣ улыбается отрадно и привѣтно, —

Мечту завѣтную на сердцѣ я таю,
Проходятъ предо мной всѣ призраки былые:
И вижу я опять и родину мою,
И волны жолтыхъ нивъ, и милую семью,
Поля пустынныя и пажити родныя...

И грустно мнѣ... и я уже готовъ
Всю роскошь дивную плѣнительнаго юга
Потоки и скалы и блескъ его снѣговъ
И зелень пышную развѣсистыхъ дерёвъ
Отдать за звукъ знакомый друга;

А нѣгу сладкую полуденныхъ ночей,
И синій сводъ небесъ, и ясное свѣтило,
И черные глаза, и черный шолкъ кудрей,
И звуки страстные восторженныхъ рѣчей
Отдать за взоръ и слово милой!

2.

СУСАННА.

Пойдемте, скорѣе пойдемте со мною
Вонъ къ этимъ нависшимъ надъ рѣчкой скаламъ:
За тайну я вамъ разскажу и открою
Завѣтныя чувства и помыслы тамъ.

Взгляните, какъ катится ясно и плавно
По сѣрому камню живая вода:
Кустами, по узкой тропинкѣ, недавно
Она приходила украдкой сюда.

И, сѣвъ подъ зеленой, развѣсистой сѣнью,
Очами окинувъ окрестность кругомъ,
Раздѣлась стыдливо, и вся наслажденью
Въ счастливыхъ струяхъ отдавалась... Потомъ

То гибкою ножкой играла съ волною,
То, косы раскинувъ, спокойно плыла;
То, вѣтку гранаты нагнувши рукою,
Цвѣтокъ пурпу́ровый беспечно рвала;

То, рѣзво запутавши косы, и ловко
Надѣвъ на нихъ свѣжій гранатный вѣнокъ,
Глядѣлася въ воду кудрявой головкой —
А волны ласкались у бѣленькихъ ногъ.

Потомъ, наигравшись, на ложѣ зеленомъ
Вотъ этой измятой душистой травы,
Она безмятежно ложилась подъ склономъ
Листовъ серебристыхъ нависшей айвы.

И послѣ, прикрывшися тонкой чадрою,
Надъ чистымъ потокомъ плѣнительно ставъ,
Она любовалась стыдливо собою,
Съ груди свои косы назадъ разметавъ...

О, еслибъ постигнуть могли вы, какъ билось
Тогда мое сердце, прижавшись къ скалѣ!
Какъ душно и тѣсно тогда становилось
Мнѣ жить на прекрасной родимой землѣ!

Зачѣмъ я не птица? — Высо̀ко взвился-бы,
Вспорхнулъ-бы легко я межъ гибкихъ вѣтвей,
И звонкою пѣснію я залился-бы —
И пѣлъ-бы, всё пѣлъ-бы, любуяся ей...

За нею леталъ-бы, за нею слѣдилъ-бы;
Её убаюкавъ вечерней порой,
Я пѣснью любви вновь её пробудилъ-бы
И вновь ей запѣлъ-бы съ румяной зарёй.

Зачѣмъ я не горецъ? — Угрозой досталъ-бы
Её у родныхъ: я пришолъ-бы къ отцу
И только три слова ему я сказалъ-бы, —
И вѣрно Сусанну повелъ-бы къ вѣнцу.

А еслибъ онъ нѐ далъ?... Ползучей змѣёю
Прокрался-бы въ саклю съ винтовкой въ рукѣ,
И въ горы увёлъ-бы её за собою,
И слѣдъ нашъ пропалъ-бы вотъ тутъ-же въ рѣкѣ.

Эхъ, братцы! Зачѣмъ-же не прежніе годы?
Зачѣмъ не роднится богачъ съ бѣднякомъ?
Какъ будто-бы мало у здѣшней природы
Живаго богатства и силы во всёмъ!

Укралъ-бы давно я красотку Сусанну, —
Да знаю, родные насъ съ нею найдутъ;
Отецъ разозлится, пойдетъ къ хелосану, [1]
А тамъ, по порядку, потребуютъ въ судъ.

---

[1] *Хелосанъ* — деревенскій староста — шульцъ.

ЛЕЗГИНКА. [2]

Зной спадаетъ, солнце низко
Опускается, горя;
День проходитъ, вечеръ близко,
Занимается заря;
По скалистому ущелью
Потянулся вѣтерокъ;
Скоро ночь, пора веселью! —
Поглядите на востокъ:
Тамъ ужъ мѣсяцъ изъ-за лѣса
Выплываетъ, серебрясь,
И отъ сѣраго утеса
Тѣнь широко улеглась;
Чуть сіяютъ лентой снѣжной
Отдаленные хребты...
Поскорѣе, другъ мой нѣжной,
Выходи изъ сакли ты.

---

[2] *Лезгинка* — извѣстный за Кавказомъ танецъ. Музыка его въ Россіи знакома всѣмъ, кто помнитъ мотивы Руслана и Людмилы, оперы Глинки. Просимъ читателей настоящаго стихотворенія замѣтить, что всё оно написано въ размѣръ или кадансъ лезгинки, такъ что его можно пропѣть на голосъ этого танца.

Примѣч. Изд.

Выходи: со мной *чунгури*, (3)
Ты *дайру* (4) съ собой неси;
Будемъ пѣть: среди лазури
Есть звѣзда на небеси;
Есть въ лѣсу на вѣткѣ гибкой
Беззаботный соловей...
Подари меня улыбкой
И сіяніемъ очей;
Будь, Нино́, вполнѣ Грузинкой,—
Черноокая моя!
Ты — потѣшь меня лезгинкой,
Пріударю въ струны — я!

* * *

Изъ подъ кровли сакли тёмной
Подъ соломенный навѣсъ
Вышелъ кто-то незнакомой,
Взялъ ружьё на перевѣсъ...
— «Это ты, мама Иване? (5)
— Это ты, бичо Гиго́?.. (6)
«Посылай сюда Шушане (7)
«Радость сердца моего!»
Но, не выждавши призыва,
Выбѣгаетъ, неспросясь,
Раскраснѣвшися стыдливо,
И отца не побоясь...
А Гиго́, — Гиго несчастной
Передъ нею самъ не свой, —

(3) *Чунгури* — родъ балалайки о 3-хъ, 4-хъ, шелковыхъ или проволочныхъ струнахъ.
(4) *Дайра* — бубенъ.
(5) *Ма́ма* — отецъ.
(6) *Бичо* — мальчикъ, малый, молодецъ. *Гиго* — имя: Григорій.
(7) *Шушане* — Сусанна. Въ Имеретіи это имя встрѣчается чаще другихъ.

И любуется прекрасной,
Молодой своей женой... ([8])
А сестра ея другая —
Чернокудрая Нинó —
Рѣзво дайрою играя,
Выбѣгаетъ подъ окно.
— «Ну, бери скорѣй чунгури —
И играй, играй, Гигó!
Завтра выѣдемъ въ Мухури, ([9])
Послѣ скажемъ для чего.» —
— «Что танть! — кричитъ Ивáне,
Подавай сюда вино!
Ты женился на Шушанѣ —
Мы просватали Нино!» —

* *
*

Вотъ вино въ кувшинѣ старомъ, ([10])
Имъ Сусанна достаётъ,
И старикъ, съ привѣтнымъ жаромъ,
Азарпешу ([11]) подаётъ;

([8]) Въ Имеретіи есть обычай, что молодые супруги послѣ вѣнца иногда цѣлый годъ живутъ розно; молодая остается въ домѣ своихъ родителей, — молодой живетъ у отца и ѣздитъ къ женѣ своей въ гости; иногда это продолжается нѣсколько лѣтъ.

([9]) *Мухури* — селеніе въ Рачѣ.

([10]) *въ кувшинѣ старомъ...* За Кавказомъ вино сохраняютъ въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ, врытыхъ въ землю, гдѣ они служатъ иногда до ста лѣтъ, даже болѣе. Старое вино и въ старомъ кувшинѣ сберегается для торжественныхъ случаевъ въ семейной жизни и для почетныхъ гостей.

([11]) *Азарпеша* — широкая плоскодонная чашка съ длинною ручкой, — родъ разливальной ложки. Азарпешами вино достаютъ прямо изъ кувшина и подносятъ гостю. У зажиточныхъ азарпеши бываютъ серебряныя и переходятъ изъ рода въ родъ.

Принесли лепёшку сыру, ([12])
Гоми, мчади и шашлыкъ, ([13])
И зоветъ сосѣдей къ пиру
Разгулявшійся старикъ.
Вотъ подходятъ по немногу
По тропинкамъ земляки;
Вечеръ тёплый, слава Богу!
Разложили огоньки;
Между старыми дубами
Вся ватага собралась;
Зазвенѣлъ Гиго́ струнами —
И лезгинка началась:
И Сусанна, улыбаясь,
На сосѣдей не глядя,
Вышла, плавно колыхаясь,
И руками поводя.
Бьётъ о землю ножкой гибкой,
То оглянется назадъ,
То колышетъ грудью зыбкой,
То бросаетъ страстный взглядъ,
То раскинетъ вдругъ объятья,
Изогнётся дивно такъ!..
Вѣетъ шелковое платье,
Вьётся газовый лечакъ. ([14])
А Гиго́? — Гиго́ играетъ,
Нина дайрою звенитъ, —

([12]) Домашнему сыру въ Имеретіи даютъ форму лепешекъ; это необходимое блюдо Имеретина.

([13]) *Гоми* — родъ проса. Его приготовляютъ вареное на водѣ и подаютъ въ видѣ крутой русской каши, комами; оно замѣняетъ хлѣбъ. *Мчади* — прѣсныя лепёшки изъ кукурузной муки; ихъ пекутъ въ золѣ или на угольяхъ. *Шашлыкъ* — собственно вéртелъ, но всякое мясо, изжаренное на вертелѣ, также зовутъ шашлыкомъ.

([14]) *Лечаки* — родъ вуаля, откинутаго назадъ; необходимая принадлежность женскаго головнаго убора въ Грузіи и Имеретіи.

Вся толпа отъ нѣги таетъ
И ладошами стучитъ. ([15])

* * *

Надъ туманною дорогой
Разсыпая свѣтлый лучъ,
Подымается двурогой
Ясный мѣсяцъ изъ-за тучъ.
Тамъ, надъ сѣрыми скалами,
Есть тропинка,—межъ камней
Пробирается кустами
Подъ навѣсомъ изъ плющей;
И туда-то волны свѣта
Бросилъ мѣсяцъ изъ-за скалъ,
А усталый всадникъ гдѣ-то
Тамъ надъ бездною скакалъ...
Фыркалъ конь, просясь на волю
И прохладою дыша:
Подвигался всадникъ къ полю,
Конь потопывалъ, спѣша:
Отзывалася тропинка
Стуку мѣрному подковъ,
Слышитъ онъ: вдали лезгинка;
Онъ глядитъ: между кустовъ,
Тамъ, внизу, въ долинѣ тёмной,
Гдѣ чернѣетъ старый лѣсъ,
Озаренъ огнями скромный
Сакли низенькой навѣсъ:

([15]) Когда пляшутъ лезгинку, то всѣ присутствующіе принимаютъ участіе въ танцѣ, хлопая мѣрно ладошами, какъ-бы въ дополненіе къ музыкѣ.

Подъ зелеными дубами
Люди добрые шумятъ,
Мѣрно хлопаютъ руками,
Мѣрно дайрою звучатъ...
Онъ вперилъ невольно око
Въ огоньки, заслышавъ гулъ, —
И задумался глубоко,
И глубоко онъ вздохнулъ.

Ѳ. Бобылевъ.

ИДЕАЛЪ КРАСАВИЦЫ

ПО ВОСТОЧНЫМЪ ПОНЯТІЯМЪ.

(буквальный переводъ письма въ стихахъ отъ Моллы-Пенаха, визиря Карабахскаго владѣтеля, къ Вакыфу, приближенному Имеретинскаго царя) (*).

Въ Имеретіи, я знаю, есть много красавицъ,
Но прошу тебя выбрать одну, съ слѣдующими примѣтами:
Тѣло гладкое какъ стекло; ростъ посредственный;
Косы черныя, равняющіяся росту;

Щеки цвѣтущія, какъ весеніе тюльпаны;
Губы розовыя, какъ окраины яхонта;
Словомъ: чтобы вся красавица, какъ не нанизанная еще жемчужина,
Отъ головы до ногъ была чиста и дѣвственна...

(*) Посланіе это написано въ концѣ XVIII или въ первыхъ годахъ XIX столѣтія.

Изд.

Чтобы она любила щеголеватую опрятность;
Чтобы предъ властелиномъ своимъ не хмурилась;
Чтобы, какъ роза, благоухало ея дыханіе,
А отъ волосъ ея чтобы вѣяло жасминомъ или фіалкою.

Чтобы всякое ея слово и всякій поступокъ—были правдивы;
Чтобы не вѣдала она ни каверзъ ни коварства;
Чтобы предстояла очамъ безмолвно-нѣмою, какъ свѣча,
Даже и тогда, еслибы ей сняли голову, какъ съ нагорѣвшей свѣчи свѣтильню...

Чтобы молода была: лѣтъ 14-ти или 15-ти;
Чтобы не имѣла недостатка ни въ бровяхъ ни въ рѣсницахъ;
Чтобы цѣломудріе и умъ выражались на полномъ лицѣ,
А уста и носъ чтобы были тонки, нѣжны и не велики...

Чтобы всякое утро вставала отъ сна пышно, какъ павлинъ,
И спѣшила бы дать своему лицу полное украшеніе;
Чтобы безъ спроса предупреждала желанія сердца,
Понимала намёки и отгадывала чувства.

По мѣрѣ возрастанія чтобы молодѣла и хорошѣла, —
И подъ однимъ своимъ покрываломъ всегда была одинакова;
Чтобы дыханіемъ и произношеніемъ услаждала души
И была-бы достойна похвалы въ бесѣдахъ и угожденіяхъ.

Вакыфъ! Для души нужна только красавица милая!..
(Для чего инаго и трудиться на этомъ свѣтѣ?)
Такая красавица нужна нашему Хану:
Доложи объ этомъ владѣтелю Имеретіи...

Сообщилъ **Мирза Фетъ-Али-Ахундовъ.**

ЛОЗЫ ЛЮБВИ.

ЛОЗЫ ЛЮБВИ.

(Кистинское преданіе).

I.

Между обществами горныхъ Чеченцевъ, или Кистинъ, въ настоящее время пользуется особенною извѣстностію, какъ по происхожденію, храбрости и богатству, такъ и по власти наиба, данной ему главою непокорныхъ горцевъ, Шамилемъ. — *Алдамъ*, по фамиліи *Ашакъ-Гаръ*. Мѣсто его жительства—въ Чантетскомъ обществѣ, въ селеніи Цаматы.

Еще недавно почти всѣ Кистинскія общества были въ мирѣ съ Тушинами; но съ появленіемъ Шамиля возгорѣлась между ними кровавая вражда. До этого же времени они были въ тѣсной дружбѣ и даже имѣли между собою родственныя связи.

Отецъ Алдама,—*Ашакъ*, былъ преданнѣйшій *доттагъ*, т. е. кунакъ или другъ съ моимъ дѣдомъ. Такая дружба между горцами считается одною изъ священнѣйшихъ добродѣтелей и заключается такъ: одинъ изъ дружащихся кладетъ серебро въ чашу съ какимъ либо напиткомъ; изъ чаши поочередно трижды пьютъ дружащіеся, послѣ чего опущенное

въ чашу серебро кладетъ себѣ въ ротъ тотъ, въ чью чашу оно было положено. Обрядъ оканчивается взаимнымъ угощеніемъ, увѣреніемъ въ искренней дружбѣ, проклятіями тому, кто ей измѣнитъ и соблюдается такъ строго, что даже въ пылу кровавой схватки горецъ, завидѣвъ своего друга, отводитъ ружье и стрѣляетъ въ сторону. Послѣ этого можно себѣ вообразить, чего горецъ не сдѣлаетъ для друга! Когда дѣдъ мой, въ сраженіи подъ селеніемъ Хуланты, былъ раненъ,—Ашакъ, узнавъ о томъ, взялъ лучшаго въ Кистетіи врача и явился въ Тушетію. Это удивило дѣда, потому что они при послѣдней разлукѣ поссорились, и послѣ высказанныхъ ими взаимныхъ упрековъ, дѣдъ мой уже не надѣялся на возобновленіе между имъ и Ашакомъ прежнихъ дружескихъ связей.

— Развѣ такъ легко забываются обиды, Ашакъ? спросилъ мой дѣдъ, встрѣтивъ стараго друга.

— Обиды забываются для однихъ друзей, и всегда очень скоро; но для другихъ онѣ переходятъ къ потомству,—сказалъ съ чувствомъ Кистинъ.—Я святой исполнитель нашихъ обычаевъ,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

Ашакъ-Гаревы не разъ поговаривали: *тхо Гурджи Али бу*, (мы происходимъ отъ грузинскихъ царей) но никто не обращалъ на нихъ вниманія. Недавно, въ разговорѣ съ однимъ изъ любителей армянской исторіи, узналъ я, что какіе-то изъ армянской царской фамиліи *Ашакіянцевъ*, во время политическихъ смутъ въ бывшемъ армянскомъ царствѣ, бѣжали и скрылись въ горахъ Кавказа, взявъ съ собою бумаги и царскіе документы о своемъ происхожденіи. Я вспомнилъ объ *Ашакъ-Гаревыхъ*... Любопытство заставило меня, по пріѣздѣ на родину, т. е. въ горную Тушетію, послать шаройскаго Кистина, *Махамъ-Хана*, къ давнишнему другу нашего дома, *Алдаму*, изъявить ему мою дружбу (*) и узнать, есть-ли у него

(*) Кистины, жители селенія *Шаро*, хотя и считаютъ себя нейтральными во враждѣ Тушинъ съ Кистинами, но при малѣйшей возможности защищаться отъ нашихъ, они съ охотою передаются къ своимъ единовѣрцамъ, Чеченцамъ.

дѣйствительно какіе нибудь документы о своемъ происхожденіи? А если есть, то увѣрить его, что они у насъ важны, и посовѣтовать ему покориться русскому правительству, которое конечно не откажетъ вновь предоставить ему утраченныя права.

Махамъ-Ханъ, отправившись въ Кистетію, возвратился оттуда дней черезъ пять. Алдамъ принялъ его очень ласково. былъ весьма радъ извѣстіямъ обо мнѣ, сказалъ, что документы, писанные, какъ полагаетъ, на грузинскомъ языкѣ, точно имѣются у него, но зарыты въ землю изъ опасенія, чтобы Шамиль не отнялъ ихъ у него и не истребилъ, а его самого не предалъ-бы за это наказанію. Шамиль даже знаетъ объ этомъ по наслышкѣ, и находится на счетъ его въ нѣкоторомъ сомнѣніи. При этомъ Алдамъ просилъ меня назначить на границѣ секретное съ нимъ свиданіе, гдѣ онъ могъ-бы показать мнѣ свои документы и короче воспользоваться моими совѣтами.

Разговоръ мой съ Махамъ-Ханомъ былъ продолжителенъ. Я выпыталъ у него любопытныя свѣдѣнія относительно управленія Шамиля и мнѣній о немъ непокорныхъ намъ горцевъ, и убѣдился, что власть изувѣра слишкомъ шатка въ Дагестанѣ, въ особенности въ Кистетіи, гдѣ ожидаютъ только появленія русскаго оружія, чтобы изъявить покорность.

— Ну, какія еще новости въ Цаматахъ? Спросилъ я Махамъ-Хана, замѣтивъ, что словоохотливый Кистинъ расположенъ говорить со мною.

— Новость еще та, отвѣчалъ онъ, что старшій сынъ Алдама, *Мачи*, получилъ наибства въ кистинскихъ обществахъ *Дичины* и *Терело*; а единственная дочь его, прелестная *Ламзура*, выбравъ себѣ по сердцу жениха, произнесла клятву предъ *лозами любви*.

— Лозы любви!.. Что это такое? У васъ, кажется, есть объ этомъ какое-то преданіе? Если знаешь, то разскажи, Махамъ-Ханъ.

Суровый и важный Кистинъ погладилъ свою бороду и продолжалъ:

— «Да, преданіе это извѣстно каждому у насъ въ Кистетіи... На всякомъ пиршествѣ у насъ поютъ про несчастную любовь *Омара-Али* и *Газело*»...

И Махамъ-Ханъ передалъ мнѣ объ этомъ почти слѣдующее:

Газело была дочь богатаго дúчинскаго старшины. Въ дѣтствѣ лишившись отца, она была воспитана матерью, нѣжно её любившею. Всѣ, видѣвшіе её, говорили, что она рождена подъ счастливой звѣздою, что такой красавицы еще не бывало въ нашемъ краю; и точно, одно только описаніе красавицъ въ нашихъ сказкахъ могло уподобиться прелестямъ Газело! Она была еще ребёнкомъ, а молодые женихи и богатые *урбеты* за Газело уже докучали ея матери (*). Но мать, любившая свою дочь, единственную отраду своей старости, предпочитала ея сердечное счастіе всякому богатству въ мірѣ. Сердце же Газело оставалось чуждо любви, пока ей не минуло шестнадцати лѣтъ. Въ эти годы, слишкомъ уже достаточные для полнаго развитія пламенной Кистинки, её стали посѣщать чувства совершенно-новыя, непонятныя и безотчетныя, которыхъ она пугалась какъ страшныхъ сновидѣній... Но утѣшаемая ласками матери, она стала уже привыкать къ нимъ, вникать въ ихъ причины и, послѣ недолгихъ разсужденій, нашла, что чувства эти стали волновать ея дѣвственную грудь съ тѣхъ поръ, какъ къ богатымъ стадамъ овецъ, пасущимся въ ихъ сосѣднихъ горахъ, пріѣхалъ хозяинъ ихъ, молодой и красивый цаматинецъ, который, проѣздомъ черезъ ихъ селеніе, гостилъ у ея матери. Она съ перваго свиданія полюбила дорогаго гостя и не забыла даже его имени: его звали *Омаръ-Али*... Она вспоминала разговоръ его съ ея матерью о походѣ противъ Русскихъ въ Чечню, гдѣ былъ убитъ ея отецъ. — «Быть такимъ еще молодымъ и уже такимъ славнымъ воиномъ»! — думала она, — «На бѣломъ и гордомъ его челѣ виденъ

(*) *Урбетъ* — калымъ, выкупъ за невѣсту.

шрамъ отъ шашки гяуровъ, его черные глаза горятъ огнемъ и кажется вызываютъ соперниковъ на бой а красавицъ на любовь... Чего-бы бояться подъ его защитой! Его тонкій и гибкій станъ, опоясанный серебрянымъ поясомъ, чудно рисуется на лихомъ ворономъ конѣ; оружіе его блеститъ серебромъ и золотомъ... Не насмотрѣлась-бы на него!.. А если-бы онъ былъ мой!.. Но гдѣ онъ теперь?.. Давно уже я его не видѣла, да и увижу-ли когда нибудь!..»

Въ это самое мгновеніе, за ущельемъ, на противоположной горѣ раздался величественно-протяжный ружейный выстрѣлъ; сѣрый дымъ поднялся столбомъ къ ярко-разсыпавшимся лучамъ солнца. Отъ мѣста выстрѣла съ шумомъ покатилось по скалѣ что-то черное и останавилось внизу, на площадкѣ, гдѣ паслось стадо овецъ. Когда облачко дыма исчезло, взоръ дѣвушки, смотрѣвшей со вниманіемъ на эту сцену, различилъ человѣка, съ ружьемъ, медленно спускавшагося по скалѣ.

—«Если-бы это былъ Омаръ-Али!» — Сказала про себя оживившаяся дѣвушка и глаза ея блеснули надеждой.

Она не ошиблась...

Это былъ дѣйствительно Омаръ-Али. Поручивъ пастуху надзоръ за стадомъ, онъ охотился въ горахъ за дичью и покатившійся со скалы туръ — былъ застрѣленъ изъ его мѣткой винтовки. Онъ искалъ въ охотѣ развлеченія отъ любви, съ недавнихъ поръ томившей его сердце... Онъ также любилъ,—и любилъ прекрасную Газело. Но любовь эта не была обыкновенная. Она была сильна, какъ душа горца; пламенна, какъ кровь его; неизмѣнна, какъ упрямый нравъ его. Это было одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя рушатъ и истребляютъ всѣ преграды... Оно возникло, — также какъ и любовь Газело,—внезапно, послѣ первой встрѣчи съ милой дѣвушкой. Но Омаръ-Али еще не имѣлъ свиданія съ Газело. Онъ успѣлъ только въ немногихъ отрывистыхъ словахъ и изступленныхъ выраженіяхъ передать свои чувства одной родственницѣ своей, сосѣдкѣ Газело, и просилъ какъ можно скорѣе совершить обрядъ сватовства по обычаю страны; а самъ

бѣжалъ въ горы, боясь не вынести отказа. Но могъ-ли онъ бѣжать далеко, чтобы не дышать воздухомъ хотя одного ущелья съ нею, не слышать шума одного горнаго водопада, или не пробуждать иногда ея вниманія отдаленными выстрѣлами изъ своей знаменитой винтовки?.. Онъ только перешелъ ущелье и, съ противоположной горы, обращая взоры къ аулу, гдѣ жила Газело, ожидалъ, скоро-ли долетитъ до него условленная вѣсть объ успѣхѣ сватовства? Часто въ этомъ мучительномъ ожиданіи размышлялъ онъ такимъ образомъ:
— «Былъ-ли я до сихъ поръ безумцемъ, что искалъ счастія «далеко отъ родины, въ мѣткихъ выстрѣлахъ винтовки, «въ неотразимыхъ ударахъ шашки, въ скачкѣ быстроногаго «коня, и радовался, когда горская молодёжь привѣтствовала «меня громкими похвалами, какъ побѣдителя гяуровъ! — «Тогда я, въ восторгѣ славы, воображалъ себя властелиномъ «всего окружавшаго меня... Или, можетъ быть, я безумствую «теперь, когда думаю, что нашелъ свое счастіе въ ближнемъ «аулѣ, въ прекрасной молодой Кистинкѣ, которая покорила «меня, стала моею властительницей, и я готовъ исполнить «всё, чего-бы она ни пожелала, лишь-бы только она стала «моею и неразлучно оставалась со мною!.. Нѣтъ, теперь я «не безумствую!.. Всякій властенъ располагать собою!.. «Я также!.. Настоящее робство, пусть даже позоръ,—если «любовь мою кто нибудь осмѣлится назвать позоромъ,—пусть «рабство мое дороже для меня прежней славы и власти! «Пусть меня отринетъ весь свѣтъ, но пусть только приметъ «Газело! Въ горахъ Кавказа много скалъ, недоступныхъ «человѣку: туда проложу я тропинку, тамъ выстрою «себѣ саклю, дичь окрестныхъ лѣсовъ поддержитъ въ довольствѣ «жизнь мою съ Газело, и горе тому, кто осмѣлится потре«вожитъ наше уединеніе!.. Нѣтъ, судьба не будетъ ко мнѣ «безжалостна; ни Газело, ни люди не будутъ жестоки. Они «поймутъ мою любовь. Я исполню всѣ людскія условія и «обряды; буду братомъ и другомъ каждаго; пусть всѣ род«ные и родственники благословятъ союзъ нашъ; въ мечети

«нашей пусть раздастся правовѣрный голосъ муллы съ мо-«литвою о насъ Аллаху... Тогда-то я буду истинно-полезнымъ «членомъ нашего общества, украшеніемъ моей фамиліи и достой-«нымъ сыномъ моихъ отцевъ, всегда славившихся въ Кистетіи. «Но когда-же настанетъ это время, милая моя Газело! Когда, об-«нявъ твой стройный станъ, смотря на прекрасное лице твое «и прижавъ къ груди своей твою нѣжную руку, бѣлую, какъ «кусокъ горнаго снѣга, скажу я съ самоувѣренностію: *те-«перь ты моя!..* Если же всё это сбудется, и если тогда я «не умру отъ избытка счастія и любви,—тогда я безсмер-«тенъ!..»

II.

Однажды, посреди такихъ мечтаній, Омаръ-Али былъ развлеченъ шумомъ камней, скатившихся съ ближней скалы. Онъ взглянулъ въ ту сторону и замѣтилъ огромное стадо туровъ, спускавшееся въ долину. Онъ долго смотрѣлъ, какъ самки-турицы шли впереди, жуя сочную траву; какъ, вслѣдъ за ними, молодые турята, съ острыми на головкахъ шишьками вмѣсто роговъ, играли при утреннихъ лучахъ солнца, бѣгали другъ за дружкой, становились на заднія ножки, вертѣлись и кувыркались, прядя рѣзвыми ушами; какъ позади ихъ слѣдовали самцы-великаны, то важные и тяжелые какъ буйволы, то игривые и быстрые, какъ серны. Необыкновенная сила этихъ животныхъ выказывалась уже въ томъ, что они легко носили на головѣ огромные и тяжеловѣсные рога свои и такъ проворно, такъ искусно управляли ими, прыгая по крутиз-

намъ, или опираясь и задѣвая ими за скалы. Нерѣдко на однихъ рогахъ висѣли они надъ безднами. Но всего занимательнѣе было для Омара-Али видѣть, какъ эти огромныя животныя, въ разгулѣ дикой свободы, заводили между собой жестокую борьбу. Сначала они расходились попарно, медленно отодвигались назадъ на нѣкоторое разстояніе, потомъ важно сходились, ускоряя бѣгъ по мѣрѣ приближенія другъ къ другу, и наконецъ съ такой быстротою и силой ударялись рогами, что невольно отскакивали другъ отъ друга на нѣсколько шаговъ назадъ. Будь это на краю пропасти, они погибли бы въ ней, что, впрочемъ, нерѣдко и случается въ горахъ.

Остановивъ взглядъ на двухъ боровшихся турахъ, Омаръ-Али съ неудовольствіемъ видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ, посильнѣе, побѣждалъ слабаго, который начиналъ уже изнемогать подъ тяжкими ударами могучаго соперника. Чувство участія къ слабому и какая-то гордость противъ гордаго, овладѣли молодымъ сердцемъ Кистина. Онъ привсталъ и прицѣлился въ животное, но въ тоже время, какъ суевѣрный горецъ, сказалъ про себя: — Да будетъ этотъ выстрѣлъ во-имя прекрасной Газело: если я попаду въ тура, то Газело будетъ моею. —

Выстрѣлъ грянулъ... Огромный туръ, пораженный пулею въ грудь, покатился съ полугоры и грохнулся посреди испуганнаго стада овецъ Омара-Али. Пастухъ его подошелъ къ подстрѣленному животному и сталъ снимать съ него шкуру. Омаръ-Али сѣлъ на траву и опять сталъ смотрѣть въ аулъ, гдѣ, какъ дорогой жемчугъ, скрывалась его возлюбленная, а съ нею вмѣстѣ и счастіе...

— *Со валаръ сенъ Газело аджане цо аджанахъ* (пусть умру, если Газело не смотрѣла на это) подумалъ Омаръ-Али.

Газело не только смотрѣла на подвигъ охотника, но даже плакала о немъ, сидя за рукодѣльемъ у порога дома, когда мать подошла къ ней и сказала:

— Дай Богъ, чтобы это не было предвѣстіемъ будущаго несчастія для тебя, или для твоего жениха, какъ говорятъ у насъ старухи, дорогая моя Газело! Всякій разъ, когда я узнаю что нибудь о твоемъ замужствѣ и намѣрена о томъ поговорить съ тобою, всегда застаю я тебя грустною или плачущею, какъ теперь.—Не я ли стараюсь угождать тебѣ, исполнять твои желанія, лелѣять тебя? А ты всё какъ будто чѣмъ-то недовольна, или о чемъ-то тоскуешь.

— *Азъ ма алолъ се едзинъ нанъ!* (не говори этого, моя милая матушка) сказала растроганная дѣвушка; я отъ тебя ничего не скрывала... А теперь я была тронута только тѣмъ, что вотъ на той горѣ какой-то стрѣлокъ, кажется, убилъ черноглазаго тура, который можетъ быть оставилъ маленькихъ дѣтей... Бѣдныя!

— Полно, полно, *сенъ іохъ!* (моя дочка) Вотъ я сейчасъ развеселю тебя... Ты мнѣ сама какъ-то разъ говорила о молодомъ цаматинцѣ, Омаръ-Али... Онъ присылалъ ко мнѣ свою родственницу сватать тебя... Подумай, милая: я отказывала многимъ достойнымъ женихамъ единственно изъ одной любви къ тебѣ, потому что ты отвергала любовь ихъ. — Но не забудь, что недавно былъ обнародованъ приказъ *имама* (ангела) Шамиля и что, по этому приказу, если дѣвушки свыше шестнадцати лѣтъ, въ продолженіе одной недѣли не выйдутъ за-мужъ, то онѣ будутъ посажены въ яму а потомъ отданы первому, кто захочетъ на нихъ жениться. Недѣльный этотъ срокъ уже кончился, а прекрасный Омаръ-Али здѣсь, недалеко, и ждетъ отъ меня отвѣта.

Въ неожиданномъ восторгѣ, Газело готова была броситься на шею доброй матери и разцѣловать её.

— Да это не онъ-ли, не самъ-ли Омаръ-Али ѣдетъ къ намъ, продолжала старуха, взглянувъ на дорогу, ведущую въ ихъ селеніе. Вонъ, взгляни: сюда приближаются два всадника; они своротили къ нашему дому.

— Между ними нѣтъ Омара-Али, отвѣчала дѣвушка, взглянувъ съ живостію на путниковъ. Эти люди никогда у насъ не бывали; какія у нихъ грозныя лица!

— Ахъ, это *турахи!* (разсыльные Шамиля) сказала мать, поблѣднѣвъ отъ безпокойства.

— Турахи! Яма!—вскрикнула дочь съ ужасомъ, и побѣжала домой.

Но турахи уже успѣли разсмотрѣть чудную красоту дѣвушки.

— Не она-ли это?—Тихо сказалъ одинъ изъ нихъ другому.—Какая чудная красавица!

— Эта самая,—отвѣчалъ тотъ,—я видѣлъ ее прежде, но теперь едва узналъ: такъ она похорошѣла.

— Прелесть! воскликнули оба.

— *Маршолъ-да, ва тхе нанъ!* (Эй, здраствуй наша мать!) сказали пріѣзжіе, слѣзая съ коней и обращаясь къ матери Газело.

— *Духъ вахалъ!* (живите долго!) Зачѣмъ, позвольте узнать, заѣхали въ нашу деревню?

— Никто изъ нарушителей святой воли имама не избѣгаетъ наказанія, — отвѣчали турахи. — Былъ назначенъ недѣльный срокъ, въ который всѣ дагестанскія дѣвушки, достигшія шестнадцати лѣтъ, должны были выйти за-мужъ: всѣ повиновались этому приказанію. Только твоя дочь, подражая монахинямъ въ Гюрджистанѣ (въ Грузіи) на семнадцатомъ году не думаетъ о замужствѣ. Это дошло до свѣдѣнія самого Имама и онъ, подозрѣвая, что въ этомъ явномъ неповиновеніи должно скрываться что нибудь вредное его власти, повелѣлъ намъ взять её и доставить къ нему. День клонится кѣ вечеру, а намъ предстоитъ дальный путь; просимъ и требуемъ, нимало не медля, вывести къ намъ свою дочь.

— *Кашъ бихка шу,—шунъ Имамъ,* (чтобъ вамъ провалиться съ вашимъ Имамомъ), послышался отчаянный голосъ изъ дома.

— Это не дочь-ли твоя вздумала бранить насъ? — спросили турахи; — Да и сама-то ты, какъ видно, намѣрена защищать преступную дочь. Такъ ужъ не прогнѣвайся, мы сами отыщемъ и возьмёмъ её.

— Будьте справедливы къ безвиннымъ, — говорила плачущая старуха; — дочь моя уже обручена за Омара-Али, — завтра-же она выдетъ за него; а срокъ приказанія имама кончился только сегодня... Вай, вай! Я увѣрена, что ни Шамиль, ни наибы его не давали вамъ такого приказанія! Я несчастная!.. Муллы нашего и никого другаго нѣтъ теперь дома!.. Дочь моя погибнетъ, попавшись въ руки этимъ извергамъ! — вскричала она, когда турахи, не слушая словъ ея, вошли въ домъ и стали искать дѣвушку.

— Ну, Ибрагимъ, тихо сказалъ одинъ турахъ другому, — не забудь только обѣщанія подарить мнѣ твоего сѣраго жеребца, а за успѣхъ я ручаюсь тебѣ. Когда мы поведемъ дѣвушку, ты предложи ей свою руку, скажи, что ты *бекъ*, *узденъ*, или что угодно; скажи, что она будетъ жить съ тобою лучше, чѣмъ въ раю Могаммета... А я предложу ей свободу, если она согласится... Онѣ горскія женщины, — легко всему вѣрятъ и, испуганныя, не отказываются...

— За такого ангела, Махмудъ, отвѣчалъ другой, не только лошадь, но жизнь и душу готовъ я отдать... Прошу повторить также обѣщаніе на счетъ успѣха! — прибавилъ горецъ съ нетерпѣніемъ...

III.

Полная и свѣтлая луна сіяла на безоблачномъ пространствѣ темно-голубаго неба; вкругъ нея мелькали спутницы ночной царицы, звѣзды, какъ лики ангеловъ, смотрящихъ на землю и бесѣдующихъ съ людьми на языкѣ, имъ не понятномъ. Можетъ быть онѣ передавали людямъ благія мысли Предвѣчнаго... Но зло еще не переставало царствовать на землѣ...

Пастухъ Омара-Али, *Сурхай*, сидѣлъ у огня и готовилъ вкусный ужинъ изъ турьяго мяса. Стадо овецъ отдыхало вблизи.

— Ужь не рано; — ворчалъ онъ про себя; — ужинъ готовъ, а его нѣтъ-какъ-нѣтъ. Или сталъ онъ жертвою своего сумасшествія, которое я съ недавнихъ поръ въ немъ замѣчаю? Какъ будто самъ *илбизъ* (дьяволъ) носитъ его на спинѣ!.. Не разбираетъ ни дня, ни ночи, ни скалъ, ни пропастей!..

— *Се вашо!* (мой братъ) Не знаешь-ли, гдѣ здѣсь Омаръ-Али? — Произнесъ нѣжный женскій голосъ, прерывая ворчанье пастуха.

Сурхай быстро оглянулся и увидѣлъ за собой незнакомую дѣвушку. Опомнившись отъ удивленія, онъ отвѣчалъ:

— Я пастухъ Омара-Али; онъ скоро придётъ. Не хочешь-ли подойти къ огню, *се яшо* (моя сестра).

— Если ты Кистинъ, то ты чтишь наши священные обычаи; ты назвалъ меня *сестрою*, и я тебѣ довѣряюсь.

Сказавъ это, дѣвушка сѣла у огня.

Пастухъ, взглянувъ при свѣтѣ огня на незнакомую гостью, до того былъ пораженъ чудной ея красотою, что уже

не слышалъ ея вопросовъ объ Омарѣ-Али. Онъ сидѣлъ, какъ очарованный; сердце его вспыхнуло незнакомымъ чувствомъ, котораго онъ не умѣлъ-бы и назвать... Онъ терялся и исчезалъ какъ будто въ какихъ-то высокихъ облакахъ. Сначала ему вообразилось, что прилетѣвшій отъ Бога ангелъ возноситъ его на небо, и сладко было ему повиноваться этому путеводителю!.. Но вскорѣ у него постепенно стали проясняться глаза. Онъ замѣтилъ на лицѣ своего ангела-путеводителя земныя чувства, выражавшіяся слезами, и вслѣдъ за тѣмъ въ нёмъ самомъ вдругъ закипѣли всѣ прежнія, человѣческія, чувства и страсти. Пастухъ увидѣлъ передъ собою беззащитную, плачущую дѣвушку...

Встрѣтившись съ пастухомъ Омара-Али, Газело (это была она) очень обрадовалась. Надежда на скорое свиданіе съ любезнымъ выразилась радостною улыбкой на лицѣ ея, и въ эту минуту она дѣйствительно казалась подобіемъ ангела. Но видя, что пастухъ на всѣ ея вопросы не отвѣчаетъ, а только смотритъ ей въ лице, остановивъ на немъ неподвижный взглядъ, — дѣвушка смутилась и еще сильнѣе заплакала.

— *Деле, деле!* (Боже, Боже!) только произнесла она, — дай мнѣ хоть однажды еще въ жизни встрѣтиться съ Омаромъ-Али, а потомъ умереть!

— Ты плачешь, красавица?.. Родственницъ Омара-Али я всѣхъ знаю: ты не изъ числа ихъ. Но въ послѣднее время Омаръ-Али часто мечтаетъ во снѣ и на яву о какой-то Газело. Не твоё-ли это имя?

— Это имя, — отвѣчала, вздыхая, дѣвушка, — точно принадлежало мнѣ, но я его потеряла вмѣстѣ съ покинутой матерью и отцовскимъ домомъ. Ихъ-то теперь ищу я... Омаръ-Али можетъ помочь мнѣ въ этомъ; но его, къ несчастію, нѣтъ здѣсь.

— Я вижу, что тебя постигло большое несчастіе, моя милая Газело. Но развѣ Омаръ-Али не такой-же человѣкъ какъ я? Онъ, наглый, заставилъ тебя, такого ангела, прибѣгнуть къ нему съ просьбою, зная твою нужду; а я самъ прошу позволенія помочь тебѣ въ настоящемъ обстоя-

тельствѣ и служить тебѣ всегда, постоянно... Быть можетъ, ты надѣешься на Омара-Али, — такъ узнай-же: онъ такъ низокъ, что обманываетъ тебя и никогда на тебѣ не женится. Онъ уже обрученъ съ другою дѣвушкой въ Цаматахъ. Но я принимаю въ тебѣ участіе и искренно жалѣю тебя. Позволь-же предложить тебѣ любовь, какую не только Омаръ-Али, но никто другой на свѣтѣ не въ состояніи чувствовать къ тебѣ. Отвѣчай на мою любовь, и мы будемъ счастливы! Клянусь Богомъ и прахомъ моихъ родителей, что силы любви моей къ тебѣ ты и вообразить не можешь! А Омаръ-Али? Это негодяй, извергъ... Онъ расточаетъ всё, что пріобрѣлъ его отецъ... Не таковъ я! Я самъ пріобрѣтаю себѣ состояніе и оно обеспечитъ насъ съ тобою. Отвѣчай-же скорѣе, моя милая! Не правда-ли, ты согласна?.. Я это предвидѣлъ... О, какъ я счастливъ!

И Сурхай всталъ съ своего мѣста, чтобы обнять прекрасную Газело.

— Пастухъ Омара-Али! — съ негодованіемъ воскликнула дѣвушка, ты скорѣе коснешься трупа моего, (она показала острый кинжалъ, скрытый подъ рукою) чѣмъ завладѣешь живою! Пусть я буду несчастна и бѣдна, но безчестною не буду никогда. А ты, будешь-ли ты достоинъ называться мужчиною, если дерзнешь покуситься на честь дѣвушки, которую самъ-же назвалъ сестрою? Въ любви моей къ Омару-Али — я неизмѣнна. Пусть онъ, если хочетъ, разлюбитъ меня, но я разлюбить не могу и измѣнять ему не хочу. Еще разъ заклинаю тебя Богомъ, если можешь, доставь мнѣ случай видѣть Омара-Али. —

Послѣ этихъ словъ Газело, произнесенныхъ ею съ рѣшимостію, страшно было посмотрѣть на лице Сурхая. Оно выражало поперемѣнно то стыдъ, то отчаяніе, то любовь, то месть. Потупленная голова, пылающее лице, сверкающіе глаза и тяжелое дыханіе доказывали, что онъ изнемогалъ отъ сильной борьбы съ самимъ собою.

— Хорошо,—сказалъ онъ наконецъ, затаивъ въ себѣ всѣ порывы чувствъ и стараясь показать видъ раскаянія.—Будь спокойна, Газело; но я жалѣю тебя! Любовь твоя къ Омару-Али будетъ гибельна... Чтобы не замѣтилъ тебя у огня тушинскій беладъ (*) *Шете* (**), который не рѣдко бродитъ въ этихъ горахъ и нападаетъ на нашихъ пастуховъ, — поди, садись вонъ-тамъ у родника, а я схожу за Омаромъ-Али...

— Такъ и злые люди имѣютъ чувство состраданія къ несчастнымъ!—Подумала простодушная дѣвушка и, повинуясь пастуху, сѣла близь указаннаго родника.

Прошло полчаса, и Омаръ-Али пришелъ. Онъ былъ забрызганъ кровью; одежда на немъ была изодрана.

— Я, кажется, очень опоздалъ, — сказалъ онъ пастуху своему, отдавая ему свое ружье и не замѣчая близкаго присутствія Газело.—Но не безъ причины опоздалъ я: я застрѣлилъ за горою оленя, а самъ погнался за другими, но не догналъ, потому что они скрылись въ лѣсъ. Когда я возвратился къ убитому оленю, тамъ уже распоряжался, какъ собственною добычею, огромный барсъ. Замѣтивъ мое приближеніе, онъ не обратилъ на то вниманія, а спокойно продолжалъ раздирать трупъ оленя, чтобы вынуть изъ него сердце и полакомиться любимымъ кускомъ. Досада взяла меня. Мнѣ захотѣлось, чтобы барсъ поплатился пестрою шкурой за чужой завтракъ. Я выстрѣлилъ, но пуля попала барсу въ животъ: онъ только пуще разъярился и кинулся на меня. Пока я успѣлъ шашкой разсѣчь ему лобъ, онъ уже оцарапалъ меня своими когтями... Ночь настигла меня. Завтра мы вмѣстѣ съ тобою пойдёмъ туда... Однакожъ, какъ мнѣ жарко! Сурхай, принеси мнѣ изъ родника свѣжей воды.

— Тебѣ-ли я говорю, повторилъ Омаръ-Али сердито, видя, что пастухъ не обратилъ на него вниманія. Да что ты

(*) Атаманъ, предводитель.

(**) Извѣстный своимъ молодечествомъ Тушинецъ, врагъ Чеченцевъ и преданный слуга русскаго правительства. Жизнь его, исполненная истинно-эпическаго героизма, достойна подробной біографіи. *Изд.*

тамъ бормочешь: ты болѣнъ или сердитъ?.. Впрочемъ, вашему чортову племени (*) сроденъ такой нравъ... Подлая душа!.. Принеси-же скорѣе воды!

— Хоть крови твоей Газело, — тихо сказалъ пастухъ, уходя за водою.

— Что?

— Принесу.

— Какъ-бы я хотѣлъ,—со вздохомъ сказалъ молодой Омаръ-Али, ложась у огня,—встрѣтить теперь человѣка съ прямою душой и откровеннымъ нравомъ! Я довѣрилъ-бы ему не только всё, чѣмъ владѣю, но даже и любовь свою, и сейчасъ-же отправилъ-бы его узнать, что сдѣлалось съ моей Газело? Любитъ-ли она меня, или нѣтъ? А эта *маистская* собака не пойдётъ никуда! Ей даже лѣнь сходить за нѣсколько шаговъ за водою... Собака — и та гораздо лучше: она вѣрна, она любитъ тѣхъ, кто её кормитъ; а пастухъ мой: чѣмъ больше я ему угождаю, тѣмъ больше онъ на меня злится. Видно ужъ Богъ такъ создалъ свѣтъ, что еслибы не было злыхъ людей, не было-бы и добрыхъ...

Невдалекѣ показался Сурхай; но онъ возвращался безъ всякой ноши.

— Вѣрно изсякъ нашъ родникъ?—спросилъ Омаръ-Али,—или ты съ досады разбилъ кувшинъ?

— Хуже, чѣмъ изсякъ,—отвѣчалъ пастухъ съ испуганнымъ видомъ.—Имъ завладѣлъ злой духъ; того и смотри, что и насъ заберетъ онъ, если не уйдемъ поскорѣе отсюда... Онъ отнялъ у меня кувшинъ и чуть-было незадушилъ меня самого...

— Тобой онъ ужь давно завладѣлъ, это я знаю... Посмотримъ, какъ-то онъ сладитъ со мною!—въ негодованiи сказалъ Омаръ-Али, схватилъ ружье и самъ побѣжалъ къ источнику.

У родника замѣтилъ Омаръ-Али чернѣющуюся фигуру.

(*) Пастухъ Сурхай былъ Кистинъ *Маистскаго* общества, которое у другихъ обществъ кистинскихъ въ большомъ презрѣнiи, какъ Евреи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы.

— Кто ты? Зачѣмъ ты сидишь у моего родника?—Громко закричалъ Омаръ-Али.—Если звѣрь, то удались отсюда: если человѣкъ, — отвѣчай!..

Отвѣта не было.

— Отвѣчай, повторяю, — или я выстрѣлю!..

И молодой Кистинъ спустилъ курокъ. Раздался выстрѣлъ; но въ тоже мгновеніе нѣжный женскій голосъ, пронзившій душу Омара-Али, долетѣлъ до его слуха... Изъ груди Кистина тоже вырвался звукъ, — звукъ отчаянія: онъ угадалъ совершившееся... Словно раненый барсъ, кинулся онъ къ несчастной жертвѣ и принялъ въ свои объятія умирающую Газело. Пуля пронизала грудь дѣвушки. Въ сильномъ бореніи жизни со смертію, умирающая могла еще произнести слабымъ голосомъ:—Омаръ-Али! Я сама желала умереть, еще разъ увидѣвъ тебя. Любовь моя къ тебѣ не прекратится и по смерти...

И холодная рука ея упала на грудь отчаяннаго юноши.

—Она умерла!—произнёсъ онъ, оторвавъ свои пылающія губы отъ охладѣвшаго лица Газело, — но Богъ, создавшій любовь, вѣрно не захочетъ, чтобы любящіе покидали другъ друга!.. Газело! Мы не разстанемся!

И схвативъ трупъ умершей дѣвушки, Омаръ-Али положилъ его у огня.

Въ это самое время невдалекѣ сверкнула ружейная вспышка. Омаръ-Али замѣтилъ её и узналъ пастуха Сурхая, намѣревавшагося довершить свой замыселъ.

Омаръ-Али бросился на злодѣя, который послѣ осѣчки ружья своего, схватился-было за кинжалъ.

—Ты не достигнешь своей цѣли!—воскликнулъ Омаръ-Али,— злые духи тебѣ измѣнили! Ты готовилъ своей душѣ хоронить на томъ свѣтѣ рабовъ и прислужницъ; но знай, что ты и тамъ останешься такимъ-же рабомъ, какимъ былъ здѣсь. А я... Я никогда такъ сладко не упивался мщеніемъ, какъ теперь: я мщу за кровь Газело и за мою собственную... Небо и земля, горы и лѣса! Будьте свидѣтелями справедливой казни преступника!

Газело! Души наши искуплены: душа нашего убійцы въ нашей власти. (*)

Съ этими словами Омаръ-Али повергъ своего противника на землю и широкимъ кинжаломъ закололъ его.

— Остается еще одинъ земной разсчетъ, — продолжалъ онъ,—надобно совершить надгробную поминку по насъ обоихъ; овцы у меня въ изобиліи.

И онъ зарѣзалъ до двѣнадцати лучшихъ барановъ.

—Теперь я кончилъ,—прибавилъ онъ, становясь на колѣна передъ трупомъ Газело.—Но я не сдѣлалъ ничего, достойнаго тебя!.. У меня остается еще жизнь, — и я жертвую ею въ память о душѣ твоей! —

И, поставивъ рукоять кинжала на грудь Газело, Омаръ-Али такъ сильно ринулся на остріе его, что длинной кинжалъ, пронзивъ сердце Кистина, прошелъ насквозь, до самой спины...

На берегу Аргуна, у подошвы горъ, среди величественныхъ снѣговъ открывается взору путника прекрасная поляна, покрытая роскошною зеленью травъ и пестрыми цвѣтами. Тамъ, у развалинъ старинной мечети, собралось изъ окрестныхъ селеній множество народа. Но Кистины собрались не для обычнаго празднества у своей святыни: на лицѣ каждаго была написана глубокая печаль.

(*) Почти всѣ кавказскіе горцы, имѣющіе весьма темныя понятія о будущей жизни, убѣждены, что души умершихъ нуждаются въ матеріальномъ удовлетвореніи, и что душа убитаго должна находиться въ рабствѣ у души своего убійцы, пока родственники убитаго новымъ убійствомъ (местію за кровь) не избавятъ его отъ страданій. — Вотъ объясненіе кровомщенія, столь общаго горцамъ Кавказа.

Народъ совершалъ надгробный обрядъ. На землѣ лежали рядомъ два богато-одѣтые трупа; вблизи вырыта была для нихъ широкая могила и мулла, унылымъ, протяжнымъ голосомъ, читалъ надъ умершими отходную молитву.

Омаръ-Али и Газело (это были ихъ трупы), лежали въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ были найдены наканунѣ: въ объятіяхъ другъ у друга. По румянцу и улыбкѣ, которыхъ не успѣла сорвать съ ихъ лицъ быстрая кончина, можно было подумать, что эта молодая чета только-что уснула на брачномъ ложѣ.

Но когда мулла окончилъ молитву и несчастныя жертвы были опущены въ могилу, всеобщій плачъ и вопль распространился въ толпѣ присутствующихъ. Родные и родственники умершихъ приходили въ отчаяніе и, по обычаю своему, били себя въ грудь и раздирали ногтями свои лица.

— Такого печальнаго происшествія еще не бывало въ нашей сторонѣ, — говорили старики.

— Правда-ли, — спросилъ одинъ, — что и мать Газело утопилась въ Аргунѣ?

— Правда, — отвѣчалъ другой, — да и зачѣмъ было ей жить? А турахъ Махмудъ, съ самозванцемъ Ибрагимомъ, бывшіе причиной несчастнаго происшествія попались въ рукѝ правосудія: *имамъ* (*) приказалъ отрубить имъ головы.

— А тѣло пастуха Сурхая?

— Тѣла его не приняла земля, какъ Аллахъ не приметъ и души его. — Поутру мы нашли его кости, изглоданныя звѣрьми...

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ трагической смерти двухъ кистинскихъ любовниковъ. По какому-то странному случаю, на могилѣ ихъ выросли двѣ виноградныя лозы, одна отъ другой въ разстояніи на человѣческій ростъ. Поднявшись на ближнее дерево, онѣ сплелись другъ съ другомъ, словно об-

---

(*) т. е. Шамиль.

нявшіеся и лежащіе подъ ними Омаръ-Али и Газело. Появленіе странно-переплетающихся лозъ народъ приписалъ чудному дѣйствію Промысла Божія и освятилъ это мѣсто всеобщимъ уваженіемъ. И теперь всѣ новобрачные въ Кистетіи, по окончаніи свадебныхъ обрядовъ, считаютъ за непремѣнный долгъ приходить на священную могилу и передъ *Лозами Любви* произносить обѣты взаимной вѣрности.

Н. Цискаровъ.

Горная Тушетія.

ОСЕТИНСКАЯ САФО.

ОСЕТИНСКАЯ САФО.

Картины и нравы изъ моихъ воспоминаній).

Посвящ. Ад—у Н—у Берже.

I.

Аллахъ-ли тамъ среди пустыни
Застывшихъ волнъ воздвигъ твердыни?
. . . .
Иль *дивы* словомъ роковымъ
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить?

М. Лермонтовъ.

Въ то невозвратно-минувшее время, когда ровное, гладкое полотно дороги не успѣло еще проникнуть въ самую глубь Оллагирскаго Ущелья (*), пересѣкающаго сѣверное подножіе Кавказа; когда вмѣсто веселаго шума и говора мирныхъ жителей, вмѣсто звуковъ лома и заступа, въ ущельи раздавался лишь вѣчно-неумолкаемый ревъ *Арра-дона*, т. е. бѣшеной рѣки, такъ удачно названной Осетинами, — Оллагиръ былъ

(*) Чрезъ Оллагирское или, правильнѣе, *Олладжирское* Ущелье проводится такъ-называемая военно-осетинская дорога; здѣсь-же открыты богатыя серебро-свинцовыя руды и устроенъ извѣстный Аллагирскій заводъ, положившій первое основаніе правильному и постоянному горному производству на Кавказѣ.

дикъ, мало-доступенъ. Обитатели его, отчужденные самою мѣстностью отъ всего остальнаго міра, замкнутые отовсюду горами, не охотно входили въ сношенія съ жителями степи, хотя бо̀льшую часть степняковъ составляютъ выходцы изъ того-же ущелья, промѣнявшіе суровую, неподатливую природу на равнины, щедро надѣленныя ея дарами. Горцы смотрѣли на послѣднихъ, какъ на измѣнниковъ, покинувшихъ свою дикую, но тѣмъ не менѣе дорогую отчизну, какъ на бѣглецовъ, костямъ которыхъ суждено опочить не въ завѣтномъ *дзаппадзѣ* (*), подъ сѣнью вѣковыхъ скалъ и утёсовъ, гдѣ успокоились кости ихъ блаженныхъ предковъ, а на чужбинѣ, гдѣ первая осенняя буря, не находя себѣ препонъ въ открытыхъ мѣстахъ, развѣетъ ихъ прахъ вмѣстѣ съ первой порошею снѣга... Рѣдко навѣщалъ горецъ своихъ бывшихъ одноземцевъ; а если это и случалось, то на самое короткое время и лишь мимоходомъ. Онъ приносилъ съ собою черкески, башлыки, овчины домашняго произведенія, вымѣнивалъ ихъ въ ближайшей казачьей станицѣ на кремни и табакъ, на мѣдныя серьги, кольца и другія бездѣлушки этого рода, ночевалъ у *фисима* въ окрестномъ аулѣ и съ разсвѣтомъ другаго же дня, не мѣшкая, возвращался въ свое ущелье.

Въ одинъ изъ жаркихъ іюльскихъ дней два путника шли по тропѣ, исчезавшей въ лѣсу передъ входомъ въ ущелье. Тропа была чуть замѣтна между густою высокой травою и была такъ узка, что путники не могли идти рядомъ, а молча слѣдовали одинъ за другимъ. Шедшій впереди былъ мужчина не молодыхъ уже лѣтъ, одѣтый въ сѣрую довольно-поношенную черкеску; новый ремянный поясъ, съ серебряными пуговками кругомъ, обтягивалъ гибкій станъ, по которому можно было на первый-же взглядъ заключить, что незнакомецъ могъ похвалиться между своими, если не теперь, то въ бы-

---

(*) Каменное четыреугольное зданіе конической формы, въ которое кладутся покойники,—нѣчто въ родѣ фамильнаго склепа.

лое время, наѣздничествомъ. За-поясъ сзади былъ заткнутъ пистолетъ съ золотою насѣчкою у курка, слегка поддерживаемый чернымъ шелковымъ снуркомъ, перекинутымъ черезъ лѣвое плечо. На поясѣ-же спереди висѣло сафьянное влагалище, изъ котораго торчалъ другой пистолетъ, богаче перваго обдѣланный въ серебро съ чернью. Кинжалъ и легкое ружье въ чехлѣ изъ черной мохнатой бурки, щегольски закинутое за спину, довершали костюмъ путника. Не такъ весело глядѣлъ нарядъ его спутницы (то была женщина), тащившейся вслѣдъ за нимъ тяжелыми шагами. Сверхъ длинной миткалевой рубашки, замѣнявшей платье, на ней былъ надѣтъ короткій бешметъ изъ краснаго канауса; того-же цвѣта сафьянный поясъ съ большими серебряными пряжками впереди, на подобіе аграфа, выказывалъ тонкую, стройную талію, составляющую у Осетинъ необходимую принадлежность всякой порядочной женщины. Темно-рыжіе волосы маленькими косичками спадали на плечи, а густые подстриженные локоны оттѣняли верхнюю часть смуглаго, продолговатаго лица съ правильными чертами; только синіе знаки въ видѣ звѣздочекъ, сдѣланные посредствомъ татуировки, которая въ обыкновеніи у этого народа, придавали всей физіономіи странное выраженіе, пестря лобъ, щеки и подбородокъ. Она несла на спинѣ кожаный, туго-набитый мѣшокъ, побрякивая связкою ключей, висѣвшихъ на поясѣ.

Миновавъ аулъ Салугарданъ, путники вступили въ лѣсъ; тутъ ихъ такъ и обдало свѣжестью; легкій вѣтеръ чуть шевелилъ вершинами деревъ; птицы лѣниво перекликались между собою. Мужчина торопливо снялъ овчинную шапку, которая, для бо́льшей прохлады, была надѣта на изнанку, весело отряхнулъ её, съ наслажденіемъ погладилъ свою бритую голову и, стирая со лба крупныя капли пота, сказалъ:

— Вотъ и наше ущелье; оно какъ будто почуяло, что мы воротились и шлётъ намъ привѣтъ вмѣстѣ съ горною прохладой. Клянусь огнемъ Божіимъ, на плоскости жить тоже,

что мучиться въ *зиндонѣ* (*) вмѣстѣ съ *хайрагами* — чертями!

Въ это время они вышли на поляну, со всѣхъ сторонъ окаймленную деревьями; рядомъ съ огромнымъ букомъ возвышался толстый, покачнувшійся дубъ, или стройный чинаръ; промежутки заслонялись дикимъ орѣшникомъ, кустами терновника и бурьяномъ въ ростъ человѣка. Непроницаемая тѣнь ложилась надъ поляной; только на югѣ, по направленію къ ущелью, деревья чуть раздвигались, обозначая дорогу, терявшуюся въ лѣсу, который далѣе казался еще гуще и непроходимѣе. Къ западу лѣсъ упирался въ подошву отвѣсной скалистой горы, на которой исчезали уже слѣды растительности. Съ этой стороны, на краю поляны, стоялъ каменный болванъ, Богъ-вѣсть когда и кѣмъ воздвигнутый въ честь какого-то осетинскаго удальца — наѣздника. Впрочемъ, преданіе гласило, что памятникъ сторожитъ могилу *Великаго Охотника*, жившаго нѣкогда въ этомъ лѣсу; въ его время лѣсъ столько-же изобиловалъ дичью, сколько русло Ардона пескомъ. Но странное оружіе стяжало герою славу непобѣдимаго охотника: это была *волчья голень (бирагъ-зангъ)*. Прежде дивный этотъ человѣкъ и не думалъ быть истребителемъ божьей твари; онъ былъ святой, и хотѣлъ жить въ святомъ уединеніи. Да на бѣду проклятые волки, которыхъ тогда водилось здѣсь множество, все испортили. Какъ только онъ начнётъ бывало молиться, тѣ поднимаютъ вой на весь лѣсъ и не даютъ мыслямъ отшельника сосредоточиться и вознестись къ Аллаху. Наконецъ, это вывело его изъ терпѣнія; съ помощью *Востроджи* (**) онъ убилъ царя всѣхъ волковъ, и его-то голенью сталъ потомъ бить звѣрей; а голень была длиною въ нѣсколько *армаринъ* (локтей), — толщиною въ цѣлый обхватъ. Однакожъ, не всѣ Оллагирцы вѣрятъ безусловно это-

(*) Адъ; а буквально: тѣсное мѣсто, со всякаго рода неудобствами.

(**) Такъ называютъ Осетины Св. Георгія, котораго признаютъ покровителемъ охотниковъ.

му преданію; только жители аула Бирагъ-зангъ, лежащаго на противоположномъ берегу Ардона, съ жаромъ отстаиваютъ правдивость сказанія, утверждая, что Великій Охотникъ былъ ихъ родоначальникомъ, что подъ конецъ жизни онъ завелся семействомъ, на вѣки зарылъ страшную голень въ землю и на томъ самомъ мѣстѣ основалъ аулъ, назвавъ его «Волчьей Голенью»...

Выбравшись на поляну, путники наши направились къ святому мѣсту. Болванъ стоялъ неподалеку отъ горнаго ключа, неслышными струями протекавшаго въ травѣ; это былъ цѣльный, обтесанный камень сѣраго цвѣта, въ 3 фута вышиною; лицевая сторона его была выкрашена въ красную краску и посредствомъ грубаго рѣзца испещрена разными знаками, изображавшими туфли, чотки, *кубганъ* (*), тазъ, ружье, шашку и тому подобные аттрибуты; верхъ былъ округленъ въ видѣ головы съ шеей.

Это мѣсто служило приваломъ для всѣхъ путешественниковъ, которымъ случалось проходить мимо его. Каждый считалъ непремѣнною обязанностью почтительно приблизиться къ болвану, проговорить ему: *табу давонъ* (**), дотронуться до него правою рукою, и потомъ отдохнуть и освѣжиться холодными струями ключевой воды.

Такъ поступили и наши путники. Тутъ женщина, сбросивъ съ себя ношу, расположилась особнякомъ, по-одаль отъ своего товарища. Здѣсь она заговорила въ первый разъ.

— «Если ты называешь равнину адомъ, то зачѣмъ бросать въ этотъ *зиндонъ* мое солнце, мою рубаху, свѣтъ глазъ моихъ — нашу *Савъ-Чизгъ* (***)?»

Слова эти были произнесены съ какимъ-то тоскливымъ выраженіемъ; въ нихъ слышалось внутреннее, худо скрытое волненіе. Замѣтно было, что высказавшая ихъ не привыкла

(*) Мѣдный кувшинъ, употребляемый при омовеніи.

(**) Молитвенное восклицаніе, означающее: хвала тебѣ!

(***) Одно изъ употребительныхъ въ Осетіи, женскихъ собственныхъ именъ; значитъ *Черная Дѣва*.

возражать, и много ей нужно было отваги, чтобъ рѣшиться на это.

— *Хуцау* (Боже), тебя я знаю! воскликнулъ мужчина. Что́ я слышу? Ты, женщина, не знаешь, что говоришь. Думала-бы о своей мельницѣ, о коровахъ да о *кустылѣ* (*); считала-бы дни, сколько ихъ остаётся еще до сѣнокоса, скоро-ли жатва... А тутъ спрашиваешь о такомъ дѣлѣ, о которомъ никто тебя не спрашиваетъ. Вотъ видишь-ли: мы горцы бѣдны, но ни за-что не промѣняемъ своихъ горъ на равнины, какъ тѣ «бѣглецы». Правда, горы скупы на ячмень и просо, — сугробы часто и невозвратно заметаютъ наши посѣвы, но онѣ достояніе нашихъ отцовъ: онѣ хранятъ въ себѣ ихъ кости и звуки ихъ удалыхъ пѣсенъ, и эти звуки часто слышатся нашему брату, когда онъ одинъ-одинёхонекъ день и ночь охотится за быстроногой серною. А прислушивалась-ли ты когда нибудь, зимней ночью, къ вою вѣтра, несущагося съ вершины *Касара?* Это вопли женъ нашихъ предковъ, плачъ тѣхъ молодыхъ, но преступныхъ дѣвушекъ, которыя нашли себѣ могилу въ волнахъ Ардона, низринутыя съ высоты утеса!..

При этихъ словахъ женщина вздрогнула и поблѣднѣла; страхъ и тревожное опасеніе за будущее изобразились во всѣхъ чертахъ ея лица. Она молча опустила голову.

— Да, мы бѣдны, — продолжалъ тотъ, — и не́ на что завестись горцу приличнымъ оружіемъ, если оно не досталось ему отъ предковъ. Вотъ и рѣшается онъ выдавать свою дочь за «бѣглеца», который даётъ богатый *ирадъ* (выкупъ) за горскую длинноволосую дѣвушку... Бѣды нѣтъ! женщина вездѣ женщина, и всё равно — дышать-ли ей вольнымъ воздухомъ горъ, или глотать пыль степей.

(*) Узкая высокая кадь, въ которой Осетинки носятъ воду на спинѣ; для этого онѣ опоясываются толстымъ холщевымъ свиткомъ, на который сзади упирается дно сосуда, поддерживаемаго спереди веревкою.

Съ послѣднею фразой онъ всталъ, женщина послѣдовала его примѣру и оба пустились въ путь. И идутъ они тою же тропинкой, всё углубляясь въ ущелье; женщина, переваливаясь подъ ношей на обѣ стороны, плетётся все также по слѣдамъ своего молчаливаго спутника. Наконецъ лѣсъ рѣдѣетъ; высокій чинаръ смѣнястся чахлымъ кустарникомъ, кое-гдѣ разнообразящимъ отклоны гранитныхъ горъ, которыя далѣе становятся еще выше и остроконечнѣе. Дорога выбѣгаетъ на лѣвый, скалистый берегъ бурливаго Ардона, и взору открывается ущелье во всей его дикой красотѣ.

III.

И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ.

«Мцыри.»

О—у—й! на фекустонъ ма чи загадъ—никто да не скажетъ, что не слышалъ. Это обыкновенный возгласъ осетинскихъ глашатаевъ-вѣстовщиковъ, когда они, обходя аулъ вдоль и поперегъ, объявляютъ о чемъ нибудь во всеуслышаніе.

Такъ кричалъ *фидивагъ* аула Мизури, взобравшись на возвышеніе, съ котораго видно было не только селеніе, но и вся окрестность на далекое пространство, со всѣхъ сторонъ ограниченное утесистыми громадами... Ужъ такова здѣшняя природа, что куда ни обернёшься—все горы и горы, мрачныя,

угрюмыя, безъ малѣйшаго признака органической жизни; только вершины нѣкоторыхъ, сверкающія вѣчнымъ снѣгомъ, слабо разнообразятъ картину. По уступамъ лѣпятся, будто гнѣзда хищныхъ птицъ, жилища, громоздящіяся другъ на друга, и только переливы дыма, тамъ и сямъ взбѣгающаго къ небу воздушными струями, да зубчатый верхъ башенки, царящей словно стражъ надъ ауломъ, наводятъ на мысль, что и тутъ обитаетъ живое существо, но существо, привыкшее къ суровости природы, взлелѣянное среди ея ужасовъ и грозныхъ проявленій. Гдѣ нибудь у подошвы тощая нива проса или ячменя, будто оазисъ, сверкаетъ золотистымъ отливомъ. А вотъ въ сторонѣ стадо чернорунныхъ овецъ медленно подвигается въ разсыпную, щипля мохъ и блея на разные тоны; по-одаль отъ стада, на остроконечіи утеса стоитъ пастухъ, и опершись на ружье, сонливо и какъ-бы не хотя поводитъ кругомъ зоркими глазами; но вдругъ онъ встрепенулся, знакомый шумъ донесся издали и поразилъ его чуткій слухъ. То горный коршунъ, покинувъ гнѣздо въ разщелинѣ скалы, вылетѣлъ на божій свѣтъ и, описывая неправильные круги, медленно поднимается все выше и выше. Но пастухъ не зѣваетъ: живо распахнулъ онъ свою короткую, мохнатую бурку, навелъ ружье, приложился и выстрѣлилъ; протяжное, стозвучное эхо съ грохотомъ пронеслось по горамъ и въ тоже мгновеніе бѣдная птица судорожно закружилась въ воздухѣ и упала въ пропасть. — «Вотъ и постигъ тебя огонь Божій, негодная *картцига* — говоритъ про себя пастухъ, самодовольно разсматривая курокъ у ружья — не вѣкъ же гнать тебѣ своихъ младшихъ братьевъ, не все же похищать тебѣ куръ и цыплятъ у бѣдныхъ людей...»

— Что́ случилось, Доле, спрашивалъ фидивага мимо-проходившій старикъ съ вилой, служившей ему опорою; онъ едва передвигалъ ноги, обутыя въ лапти *(арчита)* съ острыми носками изъ сыромятной кожи.—Какую новость возвѣщаешь ты намъ? Я старъ и рѣдко покидаю свой очагъ; ноги не слушаются, — онѣ забыли ту пору, когда по утесамъ и

крутизнамъ переносили меня съ мѣста на мѣсто; ушей какъ будто не бывало, имъ не разобрать даже выстрѣла изъ доброй винтовки отъ пистолетнаго выстрѣла, и не ими, а только глазами смекаю, что трещитъ огонь на очагѣ, когда *фіу* (*) болтается подъ крышей. Такъ вотъ я и не догадаюсь, о чемъ ты голосишь цѣлый часъ? —

Пока разговорчивый старикъ оканчивалъ свою тираду, тотъ, къ кому она была обращена, проворно сбѣжалъ съ возвышенія, слегка махнулъ рукою и, тронувъ ею шапку въ знакъ привѣтствія, сказалъ:

— «Плохо, Тасолтанъ, горькая новость. Хорошіе люди покидаютъ насъ. *Черный Песъ* (**) отправился вчера тою дорогой, съ которой нѣтъ уже возврата. Теперь его *удъ* (душа), я думаю, перебирается черезъ огненную рѣку по мосту, который тоньше конскаго волоса, легче паутины.» —

Послѣдовала кратковременная пауза. Старикъ, казалось, не понялъ въ чемъ дѣло; онъ спокойно ощупывалъ свою сѣдую, жидкую бороду, какъ-бы стараясь выпытать у ней разрѣшенія задачи. Въ это время надъ ауломъ пролетѣла стая вороновъ, съ зловѣщимъ карканьемъ. Фидивагъ указалъ на нихъ старику.

— «Вонъ и крылатые глашатаи почуяли недобрую вѣсть. Они вьются и кружатся какъ-разъ надъ злополучнымъ домомъ, знаютъ, что тамъ умеръ *лучшій.*» —

Старикъ осѣнилъ ладонью глаза и, сдѣлавъ гримасу, къ какой привыкли люди съ слабымъ зрѣніемъ, когда приходится напрягать его, вглядѣлся по направленію указывавшей руки...

— «Бѣда, Доле, бѣда! вскричалъ онъ съ тревожною таинственностью, оперши́сь всѣмъ тѣломъ на вилу.— «Во́роны... огонь Божій... мертвецъ... Ужели суждено мнѣ проводить на тотъ

(*) Сало, обернутое въ перепонку въ видѣ сырнаго кружка и сохраняемое впрокъ на долгое время. *Фіу* вѣшается надъ очагомъ, чтобы салу пропитаться дымомъ, и служитъ приправою къ *хабизджину* (пирогъ съ сыромъ или творогомъ).

(**) *Савз-Кудзв*—собственное имя.

свѣтъ еще кого-нибудь изъ нашихъ молодцовъ? Всѣ торопятся въ *свѣтлое, безбѣдное* мѣсто,—всѣ, кромѣ меня, клянусь усами отца моего. Или забылъ обо мнѣ тотъ сердитый ангелъ, который уводитъ души?»—

Въ это время послышался изъ аула громкій плачъ многихъ голосовъ; протяжные, гробовые звуки: *вэу, вэу*—поразили тугой слухъ старика. Теперь все для него объяснилось; онъ всплеснулъ своими тощими, костлявыми руками и вопросительно взглянулъ на Доле.

— Вотъ изъ-за чего я цѣлый часъ надрываю горло, хорошій человѣкъ! Чернаго Пса не стало, — прибавилъ тотъ громко, надъ самымъ ухомъ старика.

Тасолтанъ издалъ долгій, неопредѣленный звукъ, похожій на стонъ. *Во-воввой-э!* сказалъ онъ со вздохомъ, дергая товарища за рукавъ.—Такъ славный джегидъ покинулъ насъ? Кто теперь будетъ дѣлать *фалдистъ* (*) надъ нашими мертвецами? Кому первенствовать въ *догѣ* (**), оживлять наши свадьбы и *хисты* (***)? А я всё разсчитывалъ на него, надѣялся, что умру сегодня или завтра, и Савъ-Кудзъ проводитъ меня по-своему въ могилу. Идемъ, навѣстимъ его трупъ, скажемъ ему *рухсагъ-уодъ* (****). Посмотримъ, какъ плачетъ его Черная Дѣва, о которой я слышалъ удивительныя вещи.»—

—«Изъ-за нея-то и умеръ бѣдный Савъ-Кудзъ, какъ мнѣ разсказывала наша старая Кудыръ, отъ которой ничто не можетъ укрыться; она знаетъ даже тайны чортовыхъ норъ, клянусь небомъ и землею!..Такъ Кудыръ говоритъ, что Черную Дѣву хотѣли выдать за-мужъ, но не за горца. Отецъ

(*) Прощальная напутственная рѣчь, произносимая краснобаемъ - Осетиномъ на погребеніи. Это искусство также имѣетъ своихъ корифеевъ, очень рѣдкихъ и въ самой Осетіи.

(**) Конская скачка въ честь покойниковъ.

(***) Поминки.

(****) То есть — *да будетъ просвѣтлёнъ!* Такъ привѣтствуютъ Осетины, входя въ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ.

ходилъ для этого въ Ардонъ, гдѣ ему обѣщали богатый выкупъ. Только что онъ воротился оттуда и, не успѣвъ отдохнуть, сгоряча напился изъ горнаго ключа, какъ его и не стало. Кудыръ увѣряетъ, что Савъ-Кудза покарали святые нашего ущелья, которые вдвое сильнѣе, чѣмъ святые равнинъ, за его намѣреніе выдать Черную Дѣву за «бѣглеца». Но онъ передъ смертью все-таки завѣщалъ старшему сыну подъ клятвою, исполнить его желаніе.—«Я знаю—говорилъ онъ—что сестра твоя втайнѣ любитъ молодаго Бибо и любима имъ, а этотъ мальчишка — отродье заклятаго врага моего; за родомъ ихъ считается кровь нашего дома, и она, рано или поздно, должна быть отомщена. Если-же Савъ-Чизгъ не отстанетъ отъ своей преступной страсти, то да обрушатся на ея голову всѣ мои проклятія; тѣни моихъ предковъ, завѣщавшихъ намъ месть, да будутъ преслѣдовать её день и ночь, гдѣ бы она ни была—на сѣнокосѣ-ли, въ домѣ-ли у роднаго очага, на жатвѣ, или на мельницѣ—пусть вездѣ и всегда возникаютъ передъ ея глазами сердитые призраки и не даютъ ей покою, доколѣ она сама не наложитъ на себя рукъ... А ты—прибавилъ умирающій, обращаясь къ сыну—когда выростешь и сдѣлаешься удальцомъ, то отомстишь вдвойнѣ за кровь сестры и за старую кровь...»

Наконецъ внимательно слушавшій старикъ заковылялъ на своихъ отжившихъ ногахъ,—и оба пошли въ аулъ... У печальнаго дома уже толпился народъ, хранившій молчаніе въ знакъ сильной горести. Изъ мужчинъ никто не входилъ въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ; тамъ были только женщины, плакавшія на взрыдъ. Каждый изъ новыхъ посѣтителей, не доходя до дома, начиналъ колотить себя въ лобъ кулаками, пронзительно вскрикивая съ каждымъ ударомъ: *вя—хха—ха*; достигнувъ дверей, онъ учащалъ удары и за тѣмъ, отойдя къ длинному ряду посѣтителей, становился съ громкими рыданіями и умолкалъ, опершись на лопату или на вилу, чтò попадалось во дворѣ подъ руку. Ближайшіе родственники и

друзья умершаго били себя до крови по головѣ и по шеѣ плетьми.

Тасолтанъ сдѣлалъ тоже самое, но онъ вошелъ въ комнату по праву старика, снискавшаго общій почетъ и уваженіе. Приблизившись къ тѣлу, онъ дотронулся до него правой рукою и отошелъ къ углу, чтобъ не мѣшать женщинамъ, которыя тѣсною группою обступили покойника и, сидя на корточкахъ, плакали. Старухи были одѣты въ новые бешметы изъ краснаго канауса, доходившіе до пятокъ, съ обшитыми серебрянымъ позументомъ рукавами и воротниками. Изъ этой сплошной группы на первомъ планѣ выставлялась подъ бѣлымъ покрываломъ фигура дѣвушки лѣтъ семнадцати. Сзади изъ-подъ покрывала виднѣлся конецъ расплетенной косы волосъ, густыхъ и черныхъ какъ вороново крыло. Дѣвушка стояла въ головахъ, надъ самымъ тѣломъ и, порою разводя руками и судорожно покачиваясь всѣмъ корпусомъ, плакала и голосила съ разными прибаутками; остальныя женщины каждую фразу ея сопровождали общими всхлипываньями и воплемъ въ одинъ голосъ.

—«Послушайте, добрые люди—говорила она на распѣвъ—откройте уши ваши и узнайте, какая бѣда нашла на голову Черной Дѣвы. Куда дѣвался снѣгъ прошлаго лѣта, убѣлявшій горы и долы нашего ущелья? Что̀ сталось со слѣдомъ, который оставила голубка, когда на лету едва коснулась она воды своимъ сизымъ крыломъ?.. Но всё это вы знаете, люди умные; вы скажете: снѣга обратились въ бурные потоки и слились съ волнами Ардона; слѣдъ голубки исчезъ, какъ исчезаетъ дымокъ отъ выстрѣла смѣлаго *абрека*, когда, припавъ за камнемъ, сторожитъ онъ свою жертву... А что̀ сдѣлалось съ Чернымъ Псомъ, что онъ такъ долго не откликается на зовъ столькихъ гостей, не выходитъ къ нимъ на встрѣчу, не отбираетъ у нихъ оружія, не вводитъ ихъ въ *вазагъ-донъ* (*)?

(*) Особая, отдѣльная комнатка во дворѣ, предназначенная собственно для гостей.

Или его уложила въ постель лихая пуля наѣздника? Или онъ сдѣлался такъ скупъ, что не любитъ уже гостей, и за порогъ его не переступитъ отнынѣ нога друзей, и никто уже не отвѣдаетъ его хлѣба-соли?.. Нѣтъ, люди храбрые, не обидьте такою думой вашего пріятеля. Онъ спитъ, онъ усталъ съ дороги и вотъ—вотъ скоро достигнутъ его слуха знакомые голоса, и бодро привстанетъ онъ, чтобъ отозваться на нихъ. Но отчего-же такъ не въ мѣру дологъ сонъ его? чтò за тяжкое утомленіе одолѣло имъ? Бывало, цѣлую недѣлю гонится онъ безъ устали за оленемъ черезъ лѣса дремучіе, черезъ кручи непроходимыя, и возвращается тѣмъ же удальцомъ, какимъ былъ всегда. Бывало, прежде солнца вставалъ онъ и принимался за свою любимую винтовку, чистилъ и холилъ её, и не давалъ промаха, когда такъ, для потѣхи, наводилъ её на пролетавшаго мимо воробья. А теперь? Оружіе виситъ на стѣнѣ, и некому заняться имъ. Почетные гости ждутъ и не дождутся хозяина. Старыя гостьи и молодыя подруги собрались у безотвѣтнаго ложа... Не взойти уже нашему солнцу, не одѣться намъ въ нашу рубаху!..»

Здѣсь рыданія сдѣлались общими и превратились въ одинъ отчаянный, оглушительный вопль. Дѣвушка откинула покрывало; лицо ея до того изуродовано и исцарапано было̀ ногтями, что не представляло уже слѣдовъ человѣческой физіономіи; глаза, въ которыхъ все еще свѣтился огонь вольной, развившейся на раздольѣ натуры, придавали еще болѣе фантастическое выраженіе смугло-овальному лицу.—«Молодые охотники! наконецъ снова завопила она,—когда вы встрѣтите въ нашихъ горахъ тѣнь Чернаго Пса, скажите ей, что тяжкія кручины томятъ Черную Дѣву, что она ни за что не покинетъ роднаго ущелья, не пойдетъ къ «бѣглецамъ», а будетъ преслѣдовать эту самую тѣнь, чтобъ открыть ей одну тайну, которую она не могла высказать прежде.»

III.

Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою.
Ничто, ничто не мило ей!

«Бахчисарайскій Фонтанъ.»

Умеръ Савъ-кудзъ и однимъ покойникомъ стало больше на уютномъ кладбищѣ аула. Еще одна тѣнь прибавилась къ несмѣтному полчищу тѣней, невидимо странствующихъ по дебрямъ и пропастямъ Олладжира; еще одинъ своеобразный звукъ присоединился къ безконечно-разнообразнымъ звукамъ, сливающимся въ одинъ дикій концертъ, который издѣтства убаюкиваетъ горца и чудится ему въ завываньи бури, шумно и привольно разгуливающей по его родному ущелью.

Высокая земляная насыпь въ одну ночь возникла передъ родовою усыпальней Чернаго Пса. На вершинѣ ея развѣвается значёкъ изъ краснаго лоскутка грубой матеріи, — значёкъ, по которому нужно судить, что усыпальня недавно открывала свою маленькую дверцу, на-глухо задѣланную въ иное время, для принятія въ свои гранитно-холодныя объятія новаго жильца. Но жилецъ этотъ нечувствителенъ уже ни къ холоду и ни къ чему на свѣтѣ. Напрасно положили вмѣстѣ съ покойникомъ бутылку *араки*, кувшинъ *браги*, его любимую трубку, его доброе, завѣтное ружье; напрасно одѣли его въ новую черкеску, богато обшитую позументомъ, за-

вернули въ лучшую, пушистую бурку, свàленную хозяйкой, — вся эта завидная обстановка нисколько на него не дѣйствуетъ и не подѣйствуетъ. Все таже суровая, предсмертная улыбка играетъ на его безстрастной физіономіи, и вотъ, ухватясь правою рукой за кинжалъ, полусидитъ онъ въ своемъ *дзападзѣ*, надъ грудою костей своихъ предковъ, прислоненный спиною къ западной его стѣнкѣ, — и не душно, не тѣсно ему въ этой маленькой обители.

Но чтó же это за рыданія раздаются съ наступленіемъ ночи и оглашаютъ все кладбище, сливаясь съ жалобнымъ воемъ шакаловъ? Не райскія-ли, свѣтлоокія гуріи послали свою собственную плакальщицу, чтобы привѣтствовать новаго гостя и проводить его въ ихъ область, гдѣ уже конецъ плачу и сѣтованіямъ? Нѣтъ, это сама гурія, но гурія земная; это Черная Дѣва приняла на себя обязанность три дня и три ночи покараулить могилу своего отца. Таковъ обычай. Народъ думаетъ, что если въ теченіе трехъ первыхъ ночей у свѣжей могилы нѣтъ стражи, то трупу угрожаетъ поруганіе отъ злаго духа, который похищаетъ тѣла, оставленныя безъ надлежащаго призора. Но стражу всегда составляютъ сильные, отважные мужчины; а тутъ вызвалась молодая дѣвушка!..

Всѣ дивились этому въ аулѣ и съ недовѣрчивостью поговаривали: — «Не миновать бѣды отважной дѣвушкѣ и трупу отца ея, если она струситъ при появленіи духа и обратится въ бѣгство. Впрочемъ, съ нею ружье, и если оно будетъ употреблено въ добрый часъ, какъ слѣдуетъ, то всё пройдетъ благополучно».

— Пусть небесный огонь опалитъ мою бороду, если другая подобная дѣвушка живётъ на свѣтѣ, или жила прежде, или будетъ жить когда нибудь. Не здѣшняя кровь течетъ въ ея жилахъ; а какія вещи она говоритъ, какъ она разсказываетъ, какъ она плачетъ! Когда-бы всѣ наши краснобаи собрались вмѣстѣ и начали въ одинъ голосъ выказывать передъ ней свое искусство, — клянусь, и тогда-бы имъ не сравниться съ нею! —

Этотъ разговоръ происходилъ между двумя пріятелями на берегу рѣки, недалеко отъ кладбища, отдѣлявшагося отъ нихъ оврагомъ. Они повернули-было къ аулу, но въ ту же минуту остановились, какъ-бы прикованные къ одному мѣсту. На противоположной сторонѣ оврага показалась дѣвушка — предметъ ихъ бесѣды и удивленія. По всему лицу ея разливалась тусклая блѣдность; голова была не покрыта и волосы развѣвались по вѣтру, который почти никогда не перестаётъ дуть въ горныхъ ущельяхъ. Смѣло и ровно шагала она босыми ногами по хрупкому, замерзшему снѣгу, будто подсмѣиваясь надъ пронзительнымъ холодомъ, заставлявшимъ другихъ дрожать и ёжиться въ три погибели.

—«Спрячемся за камнемъ, тихо прошептали разговаривавшіе, припавъ къ землѣ, — спрячемся, а то при встрѣчѣ съ нами въ недобрый часъ, ей неравно придетъ охота взглянуть на насъ худымъ глазомъ.» —

Достигнувъ окраины, она опустилась на землю, обхвативъ колѣнки руками, и устремила пристальный взоръ по тому направленію, гдѣ спрятались два пріятеля, наблюдавшіе въ свою очередь за дѣвушкой. — «Мы пропали, сказалъ одинъ изъ нихъ со страхомъ; — блѣдноликая дѣва почуяла насъ.» — Какъ же ей не почуять, возразилъ другой; да превратись мы въ птицъ, она и тогда узнала-бы своихъ одноаульцевъ, Мисоста и Кукуса. Однакожъ, посмотримъ, что будетъ.» —

— *Халонъ, халонъ!* съ живостію вскричала она, указывая на небо, и вслѣдъ за тѣмъ раздался томный, протяжный голосъ; она запѣла:

Вонъ летитъ ворона,
Летитъ безъ оглядки;
А что̀ несетъ въ клювѣ?
Несетъ въ клювѣ соломенку.
Что̀ ей дѣлать съ соломенкой?
Она совьетъ гнѣздышко.
На что ей гнѣздышко?
Высидитъ птенцовъ.

Зачѣмъ ей птенцы?
Взроститъ она ихъ,
Пошлётъ на-всѣ стороны
Собрать хмѣлю,
Чтобъ сварить *багани* (*)
И справить тризну
Въ честь славныхъ удальцовъ. —
Не забудь, ворона,
На этой тризнѣ
И храбраго Савъ-Кудза.... (**)

Голосъ, понижаясь съ каждымъ припѣвомъ, замеръ наконецъ въ груди дѣвушки; послѣднія слова напомнили ей непреклоннаго отца и завѣщанное имъ проклятіе, и тяжко, тяжко ныло сердце подъ гнетомъ этого воспоминанія. Она не могла отнынѣ сочувствовать любящему и любимому человѣку. Въ противномъ случаѣ, ей угрожала месть, жестокая, безпощадная.

Лучъ надежды мелькнулъ въ это время на лицѣ Черной Дѣвы; подъ вліяніемъ мимолетной мысли, которая была невѣроятна, какъ мечта несбыточная, но которой хотѣлось-бы вѣрить крѣпко, безусловно, — она воскликнула:

— «А если въ эту ночь я увижу тѣнь разгнѣваннаго отца и вымолю прощеніе своей любви! Ужели она будетъ такъ неумолима, что не тронется горючими слезами бѣдной дѣвушки, стерегущей тѣло. Отвѣчайте, вы, добрые люди, притаившіеся за большимъ камнемъ! Вѣдь правда, что отецъ помирится со мною, выразитъ согласіе на любовь, которая давно уже томитъ меня страстью безмолвною?»......

(*) *Багани* — пиво, которое приготовляется изъ растенія *хмѣль* (humulus, lupulus) и варится въ огромнѣйшихъ мѣдныхъ котлахъ, по случаю поминокъ, свадебъ и проч.

(**) Просимъ читателей замѣтить, что вся приведенная пѣсня — не есть плодъ досуга автора, но дѣйствительно живетъ въ устахъ осетинскаго народа.

Изд.

Ночь; всюду темень непроницаемая. Небо и земля будто слились въ одинъ мракъ и въ одинъ сонъ. Все спитъ: спятъ люди, утомленные дневными заботами; спятъ сторожевыя собаки, которымъ наскучило выть и лаять на волковъ и шакаловъ, безъ умолку затягивающихъ вдали свою плачевную пѣсню, словно жалуясь на голодъ и холодъ.

Въ этотъ часъ всеобщаго, глубокаго безмолвія и тишины, нарушаемой только вьюгою, которая часъ-отъ-часу злится всё съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, не спится лишь въ одномъ мѣстѣ, въ ожиданіи роковаго посѣщенія. Снѣжные сугробы занесли уже кладбище со всѣхъ сторонъ; но молодая стражница не дремлетъ. Опершись на ружье передъ гробницей, стоитъ она и внимаетъ чуткимъ ухомъ, не раздастся-ли шелестъ въ воздухѣ и знакомое привидѣніе въ боевой одеждѣ, съ гордымъ, непреклоннымъ взоромъ, не предстанетъ-ли неутѣшной и не ободритъ-ли её привѣтливой рѣчью. Но тщетно ожиданіе смѣняется горькимъ плачемъ; тщетно она взываетъ, молитъ, заклинаетъ. Нѣтъ отвѣта; наконецъ — чу! вотъ вблизи послышалось что-то, какъ будто шаги по глубокому снѣгу. Не злой-ли это геній пришелъ съ покушеніемъ на трупъ? Дѣвушка такъ и думаетъ; смѣло прикладываетъ винтовку къ нѣжной щекѣ и стрѣляетъ.

— «Удались, негодная, удались! раздался мужественный голосъ. Ты не достойна быть здѣсь, ты оскверняешь это мѣсто, оскорбляешь слухъ мертвецовъ, ругаешься надъ ними. Не здѣсь покоиться костямъ твоимъ. Брось ружье; руки преступной испортятъ его. Нѣтъ пощады упорной, ожесточившей свое сердце!»

Слово отверженья умолкло, и долго затѣмъ слышались жалобные стоны, и далеко разносила ихъ вьюга, продолжавшая свирѣпствовать съ обычной яростью...

———

IV.

Ты ихъ узнала, дѣва горъ,
Восторги сердца........

«Кавказскій Плѣнникъ.»

Недалеко отъ аула Мизури, къ западу, на покатой мѣстности раскинулась роща старыхъ, но еще здоровыхъ деревъ, съ каждою весною одѣвающихся въ густую одежду зелени и листьевъ. Рѣзкій контрастъ составляетъ эта роща здѣсь, среди окружающей ее, дикой природы, которая произвела ее именно въ этомъ мѣстѣ какъ будто по особенной игрѣ, чтобъ усилить еще болѣе угрюмость окрестностей. Суевѣрный Осетинъ сдѣлалъ изъ рощи святыню, и ни за что не дерзнетъ взять оттуда хоть вѣточку, въ полномъ убѣжденіи, что за такое святотатство *кау-дзуаръ* нашлетъ на него и на весь его домъ корчи, болѣзни и всевозможныя бѣдствія. Оттого жители ауловъ Олладжирскаго Ущелья не иначе посѣщаютъ священную дуброву, какъ только съ цѣлію принести жертву и попраздновать на мѣстѣ. Для этого избранъ большой дубъ, огороженный плетнемъ; верхушки плетневыхъ кольевъ утыканы обнаженными головными остовами и разными костьми тѣхъ быковъ и коровъ, которые были принесены въ жертву. У подножія самаго дерева валяются во множествѣ оленьи рога— дань здѣшнихъ Нимвродовъ, дань тѣмъ болѣе богатая, что олень составляетъ высшую и конечную цѣль ихъ охотнич-

ихъ подвиговъ... Если молодой человѣкъ обязалъ чѣмъ нибудь стараго Осетина, то послѣдній не можетъ лучше отблагодарить его, какъ сказавъ: *сагъ-амаръ*, т. е. убей оленя.

Была лѣтняя пора; роща покрылась листьями и благоухала; окрестности также стали какъ-то по-веселѣе: на нихъ уже не ложился туманъ свинцовымъ покровомъ. Солнце ярко сіяло на безоблачномъ небѣ, отражаясь на гранитныхъ утёсахъ прихотливыми цвѣтами, которые по мѣрѣ отдаленія казались еще разнообразнѣе. Кое-гдѣ зеленѣлась тощая трава и паслись стада козъ и барановъ. У священнаго дуба собрался народъ, чтобъ отпраздновать наступленіе лѣта. Всѣ шумѣли и кричали; впрочемъ, иначе и быть не могло: Осетинъ этимъ только и выражаетъ праздничное расположеніе духа; у него нѣтъ ни музыки, ни барабана, ни свирѣли,—ничего подобнаго. Есть у него пѣсни, но поётъ онъ лишь тогда, когда въ головѣ зашумѣло; а если захочется поплясать, то беретъ онъ кадушку, опрокидываетъ ее вверхъ дномъ, вооружается двумя палками и изо всей силы принимается колотить въ этотъ нехитрый барабанъ; охотники до танцевъ сейчасъ являются и начинаютъ подпрыгивать подъ тактъ. Есть здѣсь еще балалайка (*фандиръ*), но она занесена сюда изъ Кабарды, гдѣ ея настоящее отечество, не имѣющее ничего общаго съ Осетіею; притомъ фандиръ—инструментъ преимущественно домашній; онъ рѣдко покидаетъ очагъ, вокругъ котораго, особенно зимою, располагается все семейство и слушаетъ унылыя пѣсни своего главы о старыхъ временахъ, подъ жалобный акомпанементъ балалайки, и пѣсни тѣ глубоко западаютъ въ душу слушателей, исторгая слёзы у пожилыхъ, волнуя жаромъ отваги и удали сердца молодыхъ. Одна пѣсня болѣе всѣхъ увлекаетъ ихъ и не можетъ наскучить имъ, хотя она поётся едва-ли не столько же разъ, сколько дней дряхлому поющему. Это пѣсня о былой, славной эпохѣ Олладжирскаго Ущелья. Вотъ она:

«Прекрасенъ Олладжиръ теперь, *ма хазарта* (*), но еще прекраснѣе былъ онъ прежде, когда-то... давно... въ тѣ дни, когда жили и властвовали здѣсь славные Царадзони и Сахилани. Ихъ было девять братьевъ — одинъ лучше другаго, одинъ храбрѣе другаго: Оссъ-Багатаръ *(богатырь)*, Даутъ-Сосланъ, — эти боролись съ четырьмя царствами и завоевали весь Кавказъ. Далѣе Федаросъ, Джадаросъ, Сокхоръ и Джеворджи — гроза враговъ. Остальные братья служили *Чристи* (Христу) и молились о своей душѣ, о душахъ братьевъ и о ихъ вѣрномъ народѣ. Недоступно было тогда наше ущелье ни съ какой стороны, ни для какого врага. На *Касарѣ* былъ зáмокъ, его остатки есть и теперь, но нѣтъ уже безстрашныхъ хозяевъ зáмка, и въ его развалинахъ нынѣ укрываются змѣи да ящерицы. Золота и серебра было здѣсь столько-же, сколько воды, но оно все утекло и пропало также, какъ вода; пропала и слава Олладжира, когда Оссъ влюбился въ прелестную *Гурдзи-ханъ* (**) и открыто взялъ её. Богатыря настигли и утопили, а войско его покосили какъ траву. И не стало съ тѣхъ поръ хозяина нашего ущелья, и осиротѣлъ, обнищалъ Олладжиръ на всегда!..»

Но воротимся къ дубу, у котораго собирается народъ для пированья. Все уже готово, остаётся только расположиться на зеленой муравѣ и начать ѣду; но нѣтъ, еще не время. Всѣ ждутъ изъ аула старика Тасолтана; безъ него не обходится ни одно сборище; онъ служитъ душою и праздничныхъ пиршествъ, и печальной тризны. Пока онъ не произнесъ своей молитвы, никто не дерзнетъ коснуться яствъ, счи-

---

(*) Т. е. — *мои домашніе!*

(**) *Гурдзи-ханъ* собственное имя женщины, значитъ царевна или ханша Грузіи. Нѣкоторые разумѣютъ здѣсь дочь грузинскаго царя Вахтанга Гургъ-Аслана, ко времени котораго относятъ существованіе Осса. Въ Грузинской Исторіи есть даже намекъ, что Вахтангъ отразилъ Осетинъ, убивъ «горскаго исполина». Вообще о легендѣ этой пѣсни нужно замѣтить, что въ ней просвѣчиваетъ кое-что и историческое, тѣмъ болѣе, что она, хотя и въ другомъ видѣ, сохранилась на стѣнѣ древней церкви, въ аулѣ Нузали, и заключается въ надписи грузинскими буквами. Не мѣшало-бы обратить на это обстоятельство вниманіе тѣхъ, кто производитъ Осетинъ отъ Мидянъ и находитъ въ нихъ тождество съ Ассами, Аланами и т. д. *Изд.*

тая за тяжкій грѣхъ ѣсть безъ благословенія уважаемаго старца. Вотъ кто-то показался изъ-за холма между ауломъ и рощею; мохнатая шапка мелькнула и въ тотъ-же мигъ исчезла. Наконецъ она снова стала показываться все выше и выше, и согбенная фигура въ короткой нагольной шубѣ возникла на поверхности возвышенія, окончательно увѣривъ наблюдавшихъ за нею, что фигура принадлежитъ именно той особѣ, которой они ждутъ съ такимъ нетерпѣніемъ.

— Успѣхъ вашему дѣлу — воскликнулъ старикъ, подходя къ народу; да будетъ всегда милость «сельскаго святаго» надъ вами.

«Ходи въ живыхъ, именитый человѣкъ! Милость Божія и милость Государя (*) да не оставятъ тебя. Какой *хабаръ* (новость) въ аулѣ?»

— Еслибъ въ аулѣ не случилось никакого хабара, я не заставилъ-бы столькихъ именитыхъ людей такъ долго ждать себя. Но, Аллахъ, Аллахъ, что̀ я видѣлъ!

— Слушайте, слушайте! раздалось въ толпѣ и всѣ умолкли, съ жаднымъ любопытствомъ окруживъ старика, по физіономіи котораго замѣтно было, что онъ имѣетъ сообщить какую-то необыкновенную вѣсть.

— Отправился я сюда и только-что перешелъ первый оврагъ, вдругъ слышу тихія, чуть сдерживаемыя стенанія. Оглядываюсь направо и налѣво, ничего не видать. — То навѣрно вой голодной чекалки обманулъ мой старый слухъ, подумалъ я и пошелъ далѣе; но не успѣлъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ стоны послышались еще ближе и явственнѣе. Не *дони чизджита* (**) ли затѣяли шутку надо мною — спрашивалъ я самого себя, подвигаясь впередъ. И что̀ же я увидѣлъ наконецъ? На холмикѣ у самаго шеста, который недавно водрузили мы съ головою и шкурою козла, зарѣзаннаго въ честь

(*) *Хуцау хорзахъ, ама паццахи хорзахъ* — любимая и часто употребляемая фраза во время привѣтствій.

(**) Т. е. водяныя дѣвушки, наяды.

Вацилы (*), пріютилась какая-то дѣвушка. Она стояла ко мнѣ спиною, и я издали не могъ узнать её. Подхожу и вижу Черную Дѣву, — вотъ ту, что такъ дивно плакала по своемъ отцѣ. Спрашиваю её, зачѣмъ она здѣсь, что́ сдѣлалось съ нею? Жду не дождусь отвѣта; а она продолжаетъ плакать да рвать на себѣ волосы, приговаривая: «Нѣтъ, ужъ не жилица я на этомъ свѣтѣ. Тѣни, все тѣни — во снѣ и на яву, вездѣ грозныя тѣни, съ ружьями, съ кинжалами...» Тутъ я вспомнилъ разсказъ нашего Доле въ самый день смерти Савъ-кудза, завѣщавшаго проклятіе своей дочери, и крѣпко мнѣ стало жаль её. Вспомнилъ также нашего односельца молодаго Бибо. — Гдѣ онъ? Не здѣсь-ли? Давайте его сюда, и будемъ судить его тутъ-же, въ предѣлахъ святой рощи.

— Два мѣсяца назадъ Бибо покинулъ домъ и сдѣлался абрекомъ — отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ. Онъ потерялъ надежду жениться на Савъ-Чизгъ; ему грозили местью, но онъ далъ слово предупредить её и ушелъ отъ насъ.

— И вѣрно рыщетъ теперь въ здѣшнихъ тѣснинахъ, выжидая добычи какъ голодный волкъ. Да постигнетъ его огонь Божій! А Черную Дѣву онъ сгубилъ навсегда; она теперь сумасшедшая; — куда она годится? А жаль, изъ нея вышла бы дивная плакальщица. Однакожъ, торопясь сюда, я посовѣтовалъ ея домашнимъ, чтобы привели бѣдную къ «сельскому святому» и помолились-бы за неё. Мы скорѣе кончимъ свой праздникъ, и уйдёмъ отсюда. Посмотримъ, что́ скажетъ *кау-дзуаръ* на счетъ больной...

Страшную и горькую судьбу изрекъ кау-дзуаръ бѣдной дѣвушкѣ ея же собственными устами. Привели ее къ оградѣ дуба и поставили, въ безмолвномъ ожиданіи, что̀ сдѣлается съ больною. Вдругъ какая-то невидимая сила быстрѣе молніи поразила несчастную и она, въ судорогахъ, упала на-земь, завопивъ такъ пронзительно, что всѣ бывшія при ней жен-

---

(*) Подъ этимъ именемъ Осетины разумѣютъ Св. Пророка Илью, который, по ихъ понятіямъ, будто распоряжается громомъ и молніею.

щины, заранѣе проникнутыя суевѣрнымъ страхомъ, обратились въ бѣгство. Только мать скрылась недалеко за деревомъ и выжидала... Послышались сперва вздохи и стоны; всѣ члены пораженной, всѣ фибры тѣла ея пришли въ сотрясеніе и скорчились, и начала она метаться и биться головою объ ограду. Затѣмъ послышались слова безсвязныя, сопровождаемыя дикими гортанными звуками. Напослѣдокъ слова сдѣлались опредѣленнѣе: — «А! вотъ она, жертва, моя жертва! Такъ ты пришла наконецъ къ моему подножію? А знаешь-ли меня? Услышь еще разъ, кто я такой. Я *кау-дзуаръ*, сильнѣйшій изъ святыхъ этого ущелья, великій *элдаръ* (господинъ) надъ всѣми ими, а Черная Дѣва *элдари цоппай* (*). Никто не смѣетъ поперечить моей волѣ. Я хочу, чтобы Савъ-Чизгъ оставалась такою, какова она есть; о послѣдней участи своей она узнаетъ на *Касарѣ*, тамъ, гдѣ зáмокъ богатыря. Хорошее тамъ ей мѣсто... высоко... ничто и никто не будетъ её тревожить. Тамъ встрѣтитъ тѣнь Чернаго Пса, которой желаетъ она открыть тайну для людей, но для меня тайна эта яснѣе, чѣмъ снѣгъ на темени Казбека. Тамъ выйдутъ ей на встрѣчу тѣни другихъ ея подругъ, жившихъ давно, во дни Осса!..»

Все смолкло на минуту. Раздался шорохъ въ лѣсу; хруснула сухая вѣтка, какъ-бы подъ тяжестью живаго существа. Наступили уже сумерки, и ночь легла надъ долиной мрачнымъ покровомъ, который съ минуты на минуту дѣлался гуще и непроницаемѣе. Послышались шаги осторожные, и черная фигура, плотно закутанная въ бурку, въ мохнатой шапкѣ, нерѣшительно подошла къ плетню, у котораго металась и стонала дѣвушка.

«Савъ-Чизгъ, Савъ-Чизгъ! глухо произнесъ мужской голосъ. Вѣтеръ донесъ до меня твои вздохи, и я вихремъ пустился сюда, чуя, что найду тебя здѣсь. Два мѣсяца, какъ я живу, недалеко отсюда въ пещерѣ, питаясь мохомъ и лис-

---

(*) Т. е., господская прорицательница—кликуша.

тьями. Вставай, идемъ; сдѣлаемся «бѣглецами», поселимся на равнинѣ. Откажусь я отъ мести твоему дому, нога моя ужь никогда не ступитъ на здѣшнюю землю. Убѣжимъ!»

— На *Касару!* о, туда я готова по велѣнью элдара!

Съ этими словами она вскочила и исчезла въ ночной темнотѣ.

На другой день мизурскіе жители, узнавъ послѣднія подробности отъ матери несчастной дѣвушки, отправились на *Касару* (*) и на самомъ краю обрыва подняли *дзиккубосъ* (**); а спустя еще день, волнами Ардона было выброшено страшно-изуродованное тѣло, съ размозженною головою... И долго потомъ въ ущельи съ сожалѣніемъ вспоминали объ ужасной судьбѣ Черной Дѣвы, въ лицѣ которой Олладжиръ утратилъ цвѣтъ и красу всѣхъ своихъ дѣвушекъ.

Н. Берзеновъ.

(*) *Касара*—это мысъ, образуемый дугообразнымъ поворотомъ Ардона на лѣвомъ берегу, круто и отвѣсно выдающійся надъ водою.

(**) Длинный кусокъ холста, скрученный въ видѣ жгута; его привѣшиваютъ сзади къ косѣ, чтобъ она росла длиннѣе.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГОРНЫЙ КЛЮЧЪ.

Ключъ чуть замѣтный скользитъ, извиваясь по горнымъ уступамъ;
Словно въ горахъ заблудясь, на свободу дороги онъ ищетъ.
Грустно сознаться, а правда, что я, съ всемогущею волей,
Часто быть долженъ рабомъ этой мертвой, бездушной природы!
Даже теперь: этотъ бѣдный, чуть видный для глаза, источникъ
Можетъ и камни размыть и, сочася упрямо, по каплѣ,
Въ нѣдрахъ земли получить сокровенныя, тайныя силы,
Сдѣлаться быстрымъ ручьёмъ и въ могучій потокъ превратиться,
Скалы въ пути раздробить и столѣтнія вырвать деревья...
Я-жъ, полубогомъ себя называющій въ гордости часто, —
Я—утонуть въ немъ могу и погибнуть, — а нынче я въ силахъ
Вычерпавъ горстью его, безъ труда умертвить въ колыбели...

СЪ МОЕГО БАЛКОНА.

1.

УТРОМЪ.

Ночь была теплая нынче, день будетъ завтра прекрасенъ;
Чистъ былъ румяный закатъ и востокъ пробудившійся ясенъ.

Дó-свѣту встать я спѣшу: сумрачно въ тихомъ саду;
Утренней свѣжестью въ садъ подышать я съ балкона иду.

Капли росы на листкахъ тамъ серебряной кажутся сѣткой;
Много цвѣтовъ у меня: подѣлиться-бы ими съ сосѣдкой!

Рада красавица будетъ розамъ моимъ, какъ дитя,
Грудь свою пышную ими тóтчасъ украситъ, шутя...

Розы прекрасны мои, но пространство небесъ голубое
Всякихъ на свѣтѣ цвѣтовъ мнѣ прекраснѣе кажется вдвое:

Вижу, какъ звѣзды на нёмъ исчезаютъ одна за другой:
Скрылась Медвѣдица, слѣдомъ за ней Оріонъ золотой;

Мѣсяцъ, безъ свѣту совсѣмъ, металлическимъ кажется кругомъ;
Вотъ и заря занялась надъ зеленымъ, смѣющимся лугомъ.

Свѣтъ ея розовымъ былъ и потомъ вдругъ серебрянымъ сталъ:
Всё-бы смотрѣлъ на неё и конца созерцанью не зналъ...

День воцариться готовъ; ужь по утреннимъ влажнымъ туманамъ
Солнца веселаго лучъ льётся потокомъ багрянымъ;

Въ чащѣ тѣнистыхъ лѣсовъ и на зеркалѣ водъ голубыхъ —
Жизнь просыпается всюду въ тысячѣ звуковъ живыхъ:

Золото яркой рѣкой побѣжало по каменнымъ скатамъ
Мшистой горы, какъ вѣнцомъ, коронованной замкомъ зубчатымъ.

Стёкла въ окошкахъ горятъ ослѣпительнымъ блескомъ для глазъ,
Колоколъ въ церкви звучитъ; пыль по дорогѣ взвилась;

Всадникъ красивый летитъ въ разноцвѣтномъ восточномъ нарядѣ;
Арбы скрипятъ вдалекѣ и гремятъ колокольчики въ стадѣ.

Ты лишь, сосѣдка моя, утра не видишь одна:
Долго ты нѣжишься нынче въ объятіяхъ поздняго сна.

Волю хотѣлъ-бы я дать любопытства досужаго взорамъ:
Спальню увидѣть твою и то ложе, дитя, на которомъ

Спишь, разметавшись, теперь и во снѣ улыбаешься ты
Сна обаятельнымъ призракамъ, сладкому бреду мечты.

Въ скважину ставня давно солнечный лучъ проникаетъ,
Блещетъ на гладкомъ полу и съ пушинкою легкой играетъ;

Вотъ въ полумракѣ достигъ онъ украдкой постели твоей,
Свѣжихъ коснувшися устъ, пробѣжалъ по рѣсницамъ очей,

«Встань», — говоритъ онъ, — «прекрасная! Солнце давно уже свѣтитъ;
Кто-же его, какъ не ты, ясной улыбкою встрѣтитъ?

Встань: и сіяющій день, и любовникъ твой тоже теперь
Просятся оба къ тебѣ въъ запертую, ревнивую дверь.»

2.

ВЪ ПОЛДЕНЬ.

Лежу я въ тѣни, на балконѣ широкомъ,
Лежу и любуюсь, какъ въ полѣ далёкомъ,

Поблёкломъ и желтомъ отъ лѣтней жары,
Дрожатъ и волнуются дивно пары;

Какъ, ближе, рѣка по пескамъ пробѣгая,
Віётся змѣей, чешуею сверкая;

Какъ, ближе еще, на крутомъ берегу
Раскинулся городъ, и я не могу

На яркихъ стѣнахъ его бѣлыхъ строеній
Сыскать ни малѣйшаго облачка тѣни...

Подъ самымъ балкономъ мой садикъ густой;
И жалко мнѣ видѣть, какъ тамъ головой

Поникли цвѣты всѣ подъ зноемъ палящимъ!..
Все тихо кругомъ, и лишь-только по ча́щамъ,

Гдѣ гуще кусты и гдѣ солнце не жжётъ,
Кузнечикъ въ травѣ одиноко поётъ...

Но солнечный лучъ проникаетъ сквозь листья,
И вижу въ тѣни виноградную кисть я,

И персикъ, я вижу, отъ этихъ лучей
Какъ-будто и зрѣетъ и рдѣетъ скорѣй...

А небо лазурное кажется блѣднымъ,
Въ огнѣ раскалившимся, куполомъ мѣднымъ...

Весь городъ — какъ вымеръ и, въ грустной тиши,
Нигдѣ ты живой не увидишь души.

Хоть радъ ты порой благодатному лѣту, —
Когда-жъ для дыханія воздуха нѣту, —

Ты, — зноемъ палимый, и самъ ужъ тогда
И жаждешь и просишь грозы иногда:

Чтобъ землю она своей грозною силой
И влагой дождя хоть на мигъ освѣжила.

Ты просишь грозы; но не ты лишь одинъ,
А вмѣстѣ съ тобою и зелень долинъ,

И лѣсъ, на горахъ увядающій, тоже,
И рѣчка, изсякшая въ каменномъ ложѣ,

(Гдѣ, въ высохшихъ рытвинахъ тёмнаго дна
Малютокъ рѣзвящихся группа видна, —)

И каждый листокъ на засохнувшемъ дёрнѣ,
Гдѣ вьются деревъ обнаженные корни, —

И путникъ усталый, котораго зной
Застигнулъ въ степи, на дорогѣ большой,

И лугъ, и безъ влаги поникшія нивы,
И конь быстроногій, и буйволъ лѣнивый...

И дѣва грозы съ нетерпѣніемъ ждетъ,
Быть можетъ за тѣмъ, что къ ней милый придётъ

И хочется ей, чтобъ онъ вечеромъ свѣжимъ
И чистой воздушной прохладой былъ нѣжимъ...

НОЧЬЮ.

Ужь тёмная ночь опустилась на землю;
Сижу на балконѣ и чутко я внемлю

Журчанію волнъ отдаленной рѣки
И шелесту листьевъ, когда вѣтерки,

Неся за собой ароматъ и прохладу,
Промчатся, шумя, по тѣнистому саду.

У ногъ моихъ городъ еще не уснулъ:
И въ окнахъ огни, и по улицамъ гулъ;

А стѣны домовъ, будто рядъ привидѣній,
Мелькаютъ вдали сквозь древесныя тѣни

И тополи, стройны, какъ мачты судовъ,
Стоятъ не колеблясь надъ моремъ садовъ;

А ночь всё теплѣе, а воздухъ всё тише,
И пусты ужь стали всѣ плоскія крыши;

Ни звука... лишь съ криками вьются орлы
Надъ гребнемъ крутымъ каменистой скалы,

Да слышится музыка пѣсни далёкой,
Сливаясь съ немолкнущимъ гуломъ потока,

Да изрѣдка вдругъ долетитъ до меня
Мычанье вола или ржанье коня...

И всё это вмѣстѣ, при мѣсяцѣ ясномъ,
Мнѣ кажется чѣмъ-то отрадно-прекраснымъ,

Прекраснымъ... Но только повѣрьте, друзья,
Что вдвое прекраснѣй сосѣдка моя!

Она у себя... Вотъ рукою несмѣлой
Опущенъ застѣнчиво занавѣсъ бѣлый,

Но занавѣсъ бѣлый неплотно закрытъ:
Я вижу: свѣча на окошкѣ горитъ;

Сама-же сосѣдка разсталась съ уборомъ —
И гибкія формы рисуются взорамъ,

И смуглаго тѣла отливъ золотой,
Гдѣ тонкія жилки, какъ шелкъ голубой,

Раскинулись нѣжной, причудливой сѣтью,
И даже... И даже успѣлъ подсмотрѣть я,

Что грудь у красавицы дивно-стройна,
И тонкой лишь тканью прикрыта она;

. . . .

Вдругъ слышится пѣсня: всё ближе и ближе

Въ ночной тишинѣ раздается она,
И бубенъ грохочетъ и плачетъ зурна...

Снимая съ чела дорогую повязку,
Красавица слушаетъ дикую пляску.

И гребень роняетъ... и море волосъ
До самыхъ колѣнъ у нея разлилось...

Сверкнули огнёмъ ея черныя очи
И долго, одна, среди сумрака ночи,

Волнуема страстью, легка и стройна,
Какъ Вакхова жрица плясала она...

С. Грамкинъ.

ГР. В. А. СОЛЛОГУБУ,

(по полученіи передѣланныхъ имъ двухъ стихотвореній, слѣдующихъ немедленно за этимъ посланіемъ).

Стихи мои незвучные,
Какъ а, б, в, г, скучные,
Быть можетъ, просто... дичь.
Скажу безъ церемоніи:
До вашей, Графъ, гармоніи
Едва-ль мнѣ и достичь!

На что ужь ихъ подкрашивать?
Вѣдь всякій будетъ спрашивать:
«Мои иль нѣтъ?»... Какъ знать!
Положимъ, что отъ гордости, —
Но не достанетъ твердости
Мнѣ имя подписать!
А ну, какъ кто изъ зависти
Захочетъ вдругъ меня ввести
Въ отвѣтъ за то, что лгу! —
Вѣдь смѣхъ ихъ ироническій,
(И съ риѳмою лирической!)
Согнётъ меня въ дугу!..
Стихъ съ вашими поправками
Исколетъ, какъ булавками,
И совѣсть и глаза...
Оставьте-жъ всѣхъ при мнѣніи,
Что я въ стихотвореніи
Не смыслю ни аза...

---

14 октября.

Случайно гдѣ-то я васъ встрѣтилъ,
Вашъ взоръ меня остановилъ,
Какъ-бы безъ спроса мнѣ отвѣтилъ,
Какъ-бы тоску мою замѣтилъ,
Мои надежды обновилъ.

Про то вы помните едва-ли...
Потомъ, приличье сохраня,
Моей любви вы не внимали,
Да и понять вы не желали,
Что такъ встревожили меня!..

Души я вашей непробудной
Бѣжалъ, опомнясь, навсегда,
И вновь пошелъ дорогой трудной...
А всё тотъ взоръ, съ надеждой чудной,
Вездѣ мнѣ свѣтитъ, какъ звѣзда!

З. П. М-й.

Дитя, съ тремя малютками,
Веселостью и шутками
Опасна и мила...
Скажите мнѣ по совѣсти:
Какъ можно такъ умно вести
Сердечныя дѣла!
Всё изъ одной лишь шалости,
Безъ устали, безъ жалости
Морочите вы свѣтъ;
Но этого веселія
Хочу добиться цѣли я:
Въ васъ сердце есть иль нѣтъ?
Какъ вдругъ, для наказанія,
Сердечныя страданія
Узнаете и вы?
Что, если вы полюбите,
И разомъ рѣзвость сгубите
Беспечной головы!?
Придутъ часы печальные,
Умолкнутъ звуки бальные,
Исчезнетъ звонкій смѣхъ,
Волненьямъ вы уступите —
И дорого искупите
Кокетства тяжкій грѣхъ!..

Е. Я. Н-й.

Въ цвѣтущей грузинской долинѣ
Сорвали роскошный цвѣтокъ;
Владѣльцу его и понынѣ
Завидуетъ свѣтлый востокъ.

По прихоти странной Пророка,
Съ долины тотъ цвѣтъ унесёнъ
И почвой роднаго востока
Изъ круга цвѣтовъ исключёнъ.

Но странно: цвѣтокъ всё не вянетъ,
Всё прежній хранитъ ароматъ,
И кто изъ прохожихъ ни взглянетъ —
Глядѣть и глядѣть-бы всё радъ!..

СОЛОВЕЙ И РОЗА.

Тамъ, въ тѣни миндальной кущи,
Укротивъ полётъ,
Въ часъ ночной, весной цвѣтущей, —
Соловей поётъ.

Но его тогда лишь слышно,
Если дремлетъ садъ,
И когда отъ розы пышной
Льётся ароматъ.

Садъ заснулъ; умолкли воды
И, въ тиши ночной,
Звѣздъ небесныхъ хороводы
Внемлютъ пѣснѣ той.

Розу трелью вопрошаетъ
Въ пѣснѣ соловей:
— «Для кого благоухаетъ
Въ темнотѣ ночей?» —

Шепчетъ тихо роза-дѣва
На вопросъ его:
— «Звуки сладкаго напѣва
Льются для кого?» —

— «Пѣснь моя — благоуханью
Красоты живой.» —
— «Ароматъ мой — обаянью
Звуковъ пѣсни той.» —

И слилися пѣсенъ звуки
Съ ароматомъ розъ:
То пора любви и муки,
И ревнивыхъ слезъ...

И съ тѣхъ поръ, какъ раздаются
Звуки тѣ въ тиши,
Слезы такъ и льются, льются
Изъ больной души.

Тифлисъ.

П. Шашковъ.

ОБОРВАНЕЦЪ.

ОБОРВАНЕЦЪ.

(Пшавская быль).

— «Пора, пора!»—послышалось восклицаніе моего начальника, когда я садился на лошадь, отправляясь въ Горную Пшавію.

— Ѣду, князь, ѣду!—отвѣчалъ я и, въ сопровожденіи одного казака и двухъ *ясауловъ* (*), скорою рысью выѣхалъ изъ воротъ полуразвалившейся крѣпости, единственнаго каменнаго строенія въ огромномъ селеніи *Тіонеты*, мѣстопребываніи Начальника Тушино-Пшаво-Хевсурскаго Округа (**).

(*) *Ясаулъ* — разсыльный.

(**) Тушино-Пшаво-Хевсурскій округъ заключается между 40° 51½′ и 42° 41½′ сѣверной широты, 62° 30′ и 63° 30′ восточной долготы. Округъ этотъ простирается на 3.797 кв. верстъ. Аулы, состоящіе здѣсь, расположены въ глубоко-вдавшихся ущельяхъ Кавказскихъ горъ. Племена тутъ обитающіе: Тушины, Пшавцы и Хевсуры, коихъ считаютъ до 10-тыс. душъ обоего пола. Горцы эти мирны и, преданностью своею, приносятъ намъ большую пользу, охраняя границы округа съ сѣверной и, частію, восточной стороны отъ граничащихъ съ ними немирныхъ горцевъ: Кистинъ или горныхъ Чеченцевъ, Лезгинъ, Дидойцевъ и др. Но, за то, грубѣе послѣднихъ двухъ племенъ: Пшавцевъ и Хевсуръ, едва-ли найдутся другія племена въ кавказскихъ горахъ. У нихъ свои особые нравы и обычаи, свои предразсудки и вѣра, или лучше сказать, *многовѣріе*. Пшавцевъ и Хевсуръ можно-бы назвать полухристіанами—полуязычниками, почому, что они, почитая нѣкоторыхъ нашихъ Святыхъ, въ тоже время поклоняются какимъ-то богомъ, созданнымъ ихъ воображеніемъ, и приносятъ имъ жертвы.

Дорога шла вверхъ по р. Iорѣ. Лишо, Артаны, Бачали, и другія мелкія деревушки по обѣимъ сторонамъ живописнаго ущелья, незамѣтно мелькнули передъ нами и вдругъ мы очутились у подножія одной изъ самыхъ высокихъ горъ главнаго хребта, чрезъ который, по усвоенному на Кавказѣ выраженію, должны были *перевалиться*; было не болѣе 11 часовъ лѣтняго утра, впрочемъ не жаркаго, потому что день былъ пасмурный и облака закрывали до половины хребетъ, извѣстный подъ именемъ *Чичосъ-тави*.

Отдохнувъ нѣсколько минутъ, мы стали подниматься по узкой тропинкѣ. Лошади наши, не смотря на то, что ступали тихо и осторожно, всё-таки скользили по шиферу и безпрестанно спотыкались. Къ 2-мъ часамъ мы взобрались только за половину подъёма. Я увидѣлъ надъ собою чистое небо, а подъ собою непроницаемый туманъ, изъ-за котораго стали показываться мои люди. Тутъ мы должны были остановиться, чтобы снова дать отдыхъ утомившимся лошадямъ. Но подулъ свѣжій вѣтерокъ и мы опять пустились въ дорогу, гуськомъ, по весьма трудной и узкой тропѣ. Солнце клонилось къ закату и бросая косвенныя, но блестящія лучи на снѣжные хребты, сообщало имъ блескъ, невыносимый для зрѣнія. Милліоны снѣжныхъ пылинокъ сіяли въ радужныхъ переливахъ. Но вотъ солнце уже скрылось за Осетинскія горы, окрасивъ небосклонъ дивнымъ пурпуромъ, и мы наконецъ достигли вершины *Чичосъ-тави*, откуда представилась мнѣ картина, рѣдкая въ природѣ. Неисчислимыя горы, составляющія Пшавію, Тушетію и Хевсурію, были обвиты туманомъ, и только горныя маковки, или пики, всплывали надъ густыми парами, какъ головы великановъ, подпиравшихъ собою горизонтъ. Къ западу, на нѣкоторыхъ горахъ отдыхали фантастическихъ формъ облака, окрашенныя во всѣ возможныя цвѣта послѣднимъ заревомъ солнца. Восточнѣе—едва-едва была замѣтна часть долины Кахетіи, но деревень различить было уже невозможно. По обѣимъ сторонамъ вершины, на которой я стоялъ, темнѣли страшныя пропасти, казалось, не имѣвшія дна. Едва-слышный

ропотъ горныхъ потоковъ и далекій клектъ перекликавшихся орловъ прерывали мертвую тишину. Къ довершенію картины, изъ-за снѣжныхъ великановъ взошла красноватая луна и, постепенно становясь свѣтлѣе и свѣтлѣе, озарила на противоположной сторонѣ хребта черныя башни деревень: Хошоры, Муко, Гоголаурта, Удзилаурта и другихъ.

Картина была великолѣпна!

Сопровождавшій меня казакъ снялъ шапку и перекрестился.

— Что́, Бочковъ, молишься? спросилъ я.

— Вотъ, ваше благородіе, мнѣ вѣдь, кажись, не впервой ѣздить къ Пшавамъ, а какъ доѣдешь до этой горы, такъ и не утерпишь, чтобы не перекреститься...

И въ самомъ дѣлѣ, видъ громадныхъ горъ, окаймленныхъ дѣвственными снѣгами, мрачныя пропасти, куда не достигало зрѣніе, шумъ водопадовъ и все, насъ окружавшее, настроивало къ тому, чтобы каждый изъ насъ, удивленный и пораженный прелестью и величіемъ природы, обратился съ молитвою къ Творцу ея!

Тутъ мы стали спускаться. Бочковъ немного пріунылъ и все время шелъ молча. За то, приближаясь къ шумной Арагвѣ, казакъ мой затянулъ: *«ты мой Донъ, тихій Донъ!»* Одному изъ ясауловъ тоже вздумалось загорланить какую-то дикую туземную пѣсню...

Между тѣмъ невдалекѣ мелькнулъ огонекъ, другой, и лай собакъ возвѣстилъ намъ, что мы близки къ цѣли нашего путешествія: къ деревнѣ *Хошора.* Я пріѣхалъ туда утомленный и ѣздой и ходьбой. На ночлегъ нашъ пришли Пшавцы съ предложеніемъ разныхъ услугъ и привели мнѣ огромнаго барана, котораго, впрочемъ, сами-же и скушали. Мнѣ было не до ѣды: грѣшное тѣло мое просило покоя; однако я ни подъ какимъ видомъ не согласился на предложеніе пшавскихъ домохозяевъ лечь въ ихъ домѣ: общество телятъ, коровъ и лошадей нисколько не тѣшило моего воображенія. Я приказалъ ясаулу постлать мнѣ подъ деревьями соломы и, прикрывшись буркою, заснулъ богатырскимъ сномъ.

Чуть-свѣтъ я проснулся. Утро было чудное; тишина прерывалась щебетаніемъ ласточекъ и шумомъ Арагвы, да порой слышалось мычаніе коровъ и блеяніе овецъ. Не далеко отъ меня сидѣлъ мой казакъ и курилъ трубку. Я напомнилъ ему о чаѣ.

— Чай-то, ваше благородіе, готовъ, да ясаула не видать,— отвѣчалъ, привставъ, казакъ.

— На что мнѣ ясаулъ, я прошу чаю!

— А вы изволили приказать достать молока... Ясаулъ ходилъ, да говоритъ: не даютъ... Я и послалъ его опять.

— Отчего-же не даютъ?

— А бѣсъ ихъ знаетъ!.. Говорятъ, нѣтъ молока.

— Какъ нѣтъ!.. Да ты денегъ послалъ-ли имъ?

— Денегъ-то я посылалъ, а молока всё-таки не отпустили... Было, говорятъ, немного, да и то ребятишки похлебали.

— Ну, это, братъ, пустяки; достань какъ хочешь. — Бочковъ промолчалъ и отправился въ деревню.

Черезъ полчаса онъ воротился, ведя за собою корову, а за коровой прибрела какая-то дряхлая старушонка.

— Побѣда тебѣ! — произнесла она, обращаясь ко мнѣ.

Стараясь поддѣлаться подъ тонъ разговора туземцевъ, я отвѣчалъ старушкѣ: — Дай Богъ тебѣ побѣды! —

За тѣмъ я обратился къ Бочкову съ упрекомъ за то, что, вмѣсто молока, досталъ онъ цѣлую корову.

— Да что-же я буду дѣлать, ваше благородіе, когда не даютъ, отвѣчалъ онъ. Вотъ я и повелъ корову... Извольте посмотрѣть: молоко такъ и брызжетъ!

И Бочковъ непремѣнно принялся-бы собственноручно доить корову, если-бы не былъ остановленъ моими словами:

— Не надо молока; лучше позови нацвала.

— Ни души нѣтъ въ деревнѣ, ваше благородіе!

— Гдѣ-же ясаулы?

— А бѣсъ ихъ знаетъ!..

Я начиналъ терять терпѣніе.

— Прогони корову, до отправься съ ясаулами по окрестнымъ деревнямъ и приведите ко мнѣ всѣхъ нацваловъ.

Въ ожиданіи нацваловъ, мнѣ приходилось высиживать скуку. Даже красивое мѣстоположеніе давно знакомой мнѣ Хоноры не развлекало меня, а напротивъ, окрестныя горы какъ будто давили мнѣ сердце и, ко всему этому, неизвѣстно зачѣмъ, оставалась передо мною пшавская старушонка. Какъ-бы изъ вѣжливости, я обратился къ ней съ вопросомъ:

— Что тебѣ нужно, матушка?

— Твое здоровье! отвѣчала она.

Этотъ комплиментъ — обычная фраза туземцевъ, и его можно перевести такъ: «желаю вамъ здравствовать.»

— Благодарю, матушка!.. Но вы, кажется, мало заботитесь о нашемъ здоровьи: у васъ тутъ и молока-то нельзя добиться; а хлѣба ужь и подавно не дадите?

— А откуда можетъ быть у насъ молоко?.. Посмотрите на эти горы!

И она указала черныя, голыя скалы.

— Да ты что̀ показываешь на ту, а не на эту гору?

Я указалъ ей гору, покрытую превосходной травою.

— Вѣдь это, *сынъ мой*, сѣнокосъ, отвѣчала она. Не будь его при нынѣшнемъ неурожаѣ травъ, да не будь въ запасѣ прошлогодняго сѣна, — такъ къ веснѣ ни одной скотины не осталось-бы у насъ. Зимою траву не косятъ, да и купить не гдѣ и не на что... Пропади тогда коровы *Гултамзе!..*

Доводы старушки были основательны.

— Прекрасно! почтенная Гултамзе, сказалъ я, но почему ваши не работаютъ?

— Не-кому, сынъ мой!.. Мужъ мой старъ...

— У тебя живъ мужъ?

— Какъ-же, живъ.. А сынъ — парень, хоть и молодецъ, да лѣнится работать... все таскается за медвѣдями.

— Э, что за охота, когда нужно работать!.. Отдала-бы ты мнѣ молодца-то.

— А на что тебѣ?.. спросила Гултамзе съ удивленіемъ.

— Я его запишу въ ясаулы, пріучится служить, да будетъ получать денежки.

— А много ты ему дашь?

— Въ жалованье ясаулу идетъ въ годъ 80 рублей; да если будетъ хорошо служить, отъ себя еще прибавлю рублей 20.

— Запиши, ради Бога! запиши сына въ ясаулы, а я молока, масла... всё, что угодно, буду присылать тебѣ... Носки тебѣ свяжу.

— Благодарствуй! не нужно!.. Я вижу, ты хорошая женщина и готовъ пособить тебѣ.

— Ну, такъ я пойду, принесу молока, произнесла она и повернулась, чтобы идти.

— Не надо, не надо!.. Лучше садись-ка и поговоримъ о чемъ нибудь... Мнѣ одному скучно.

Но тутъ моя старушка неожиданно всполошилась и страшно завопила:

— Несчастіе на наши головы! Царица Тамара помилуй насъ!.. (*)

— Что съ тобою?—спросилъ я Гултамзе, удивленный внезапной въ ней перемѣной.

— Уйди отсюда, уйди!—кому-то кричала старуха, не отвѣчая на мой вопросъ. — Уйди, *Гамихарди!* Не показывайся на глаза!..

Я тутъ только замѣтилъ человѣка, къ которому обращались возгласы Гултамзе.

Это былъ старикъ высокаго роста, весь сѣдой, съ огромною бородою, безъ шапки, босой, и съ мохнатою грудью. Нагота старика еле-еле прикрывалась клочками стараго нагольнаго тулупа, подпоясаннаго веревкой.

— Кто онъ такой? спросилъ я снова Гултамзе, подстрекаемый любопытствомъ.

(*) Пшавцы Грузинскую царицу Тамару причислили къ своимъ святымъ. Потому-то они, въ клятвахъ своихъ и въ божбѣ, произносятъ имя ея съ благоговѣніемъ и у нихъ даже построеиа молельня во имя царицы Тамары, или какъ они её называютъ — *Тамаръ мепе*, что въ переводѣ означаетъ тоже самое.

— Уйди, *оборванецъ!* Уйди отсюда!.. Собаки тебя искусаютъ... О, быть бѣдѣ!..

Старикъ, на вопли Гултамзе, пріостановился, подумалъ, подумалъ и какъ-то безсмысленно засмѣялся, а потомъ отвернулся и побрелъ на ближнюю гору.

Старушка моя поуспокоилась, перекрестилась и сѣла рядомъ со мною.

— Что это за старикъ, и зачѣмъ ты его прогнала?

— О, этотъ старикъ много зла надѣлалъ и себѣ и намъ!

— Какое-же зло? Скажи пожалуста.

— На что тебѣ, *сынъ мой!* Теперь ужь не поможешь!.. Притомъ-же и долго разсказывать.

— Что нужды! Разскажи, матушка! Вѣдь всё равно: дѣлать намъ съ тобой нечего; ты будешь говорить, а я—слушать.

И Гултамзе разсказала мнѣ длинную, но не хитросплетенную исторію, сначала свѣтлую и радостную, какъ горная идиллія, а потомъ мрачную и печальную какъ драмы, такъ часто повторяющіяся въ горахъ Кавказа вслѣдствіе необузданности страстей его полудикихъ жителей и, еще болѣе, отъ вліянія на жизнь ихъ закоренѣлыхъ предразсудковъ.

Разсказъ старушки послужилъ мнѣ матеріаломъ для настоящаго повѣствованія... Прошу прислушать...

Іюнь на исходѣ. Солнце уже прошло двѣ трети своего пути. Скалистыя горы Пшавіи раскалились и нагрѣваютъ воздухъ, и безъ того удушливый въ эту пору года. Только голубыя волны Арагвы навѣваютъ прохладу и манятъ въ свои объятія. Окрестности деревень: *Гоголаурта*, *Удзилаурта* и *Шуапхо* покрыты стадами; ягнята прыгаютъ и рѣзвятся; козы карабкаются на кусты; вѣрные псы, уткнувъ морды въ траву, отдыхаютъ, утомленные жаромъ и ночной сторожбою.

Ущелья повержены въ сонъ, кругомъ царствуетъ мертвая тишина, словомъ: все представляетъ собою картину какого-то утомленія, изнеможенія. Близь одного изъ стадъ, подъ шалашомъ, на-скоро сдѣланнымъ изъ бурокъ, сидятъ два пастуха. На лицѣ одного изъ нихъ замѣтно какое-то безпокойство. Онъ сидитъ задумчивый, но иногда на губахъ у него является таинственная улыбка и онъ вздрагиваетъ отъ внутренняго самодовольствія.

Другой пастухъ думаетъ о томъ, отчего такъ задумчивъ его товарищъ, и спрашиваетъ его:

— Послушай, Лашкаръ! куда дѣвалась твоя обыкновенная веселость? Тебѣ вѣрно дурное приснилось?..

— Да, Лома, ты правъ!.. отвѣчаетъ Лашкаръ. Вотъ я двѣ ночи не спалъ, а мнѣ всё кажется, что я воснѣ... Но это бы еще не бѣда,—прибавилъ онъ,—лишь-бы осуществилось на яву то, что я задумалъ сегодня предпринять!..

— А что ты намѣренъ предпринять?

— Это ты узнаешь, когда скажу; а до тѣхъ поръ не надобно тебѣ знать.

— Лучше и не говори... Я напередъ знаю о твоемъ предпріятіи: ты вѣрно хочешь отправиться на поискъ къ немирнымъ Кистинамъ, чтобы спровадить одного изъ нихъ на тотъ свѣтъ...

— Да прогнѣвается на меня Лашарисъ-джварскій образъ!—произнесъ Лашкаръ съ жаромъ, прервавъ Лома,—если есть хоть слово правды въ томъ, что ты сказалъ!

— Или,—продолжалъ Лома,—ты хочешь пошататься близь Хошоры... Но знай, что въ этой деревнѣ собаки кусаются, а Мерцхалу караулитъ не одинъ пёсъ.

— Что ни говори, а все-таки ничего не узнаешь до вечера. Между тѣмъ, я сбѣгаю домой, а ты жди меня здѣсь, да, пока, оправь кремень у ружья.

Сказавъ это, Лашкаръ всталъ и скорыми шагами началъ спускаться съ горы, къ деревнѣ Шуапхо.

— Странно!—подумалъ Лома, когда ушелъ Лашкаръ,—этого человѣка я не узнаю. Онъ о чемъ-то груститъ, сильно

грустить!.. Его что-то безпокоитъ. Бывало своею болтовней мнѣ покою не дастъ, а теперь... Нѣтъ, видно нечистый перешагнулъ черезъ него!..

Лома былъ въ правѣ думать такимъ образомъ, потому, что Лашкаръ съ нѣкотораго времени во многомъ измѣнился. Прежде онъ былъ трудолюбивъ, — теперь сдѣлался беспеченъ; внимательность его замѣнилась разсѣянностію, веселость уступила мѣсто грусти. При всемъ томъ Лашкаръ по прежнему почтителенъ къ старшимъ и безукоризненное его поведеніе, весьма рѣдкое въ Пшавцѣ, считается образцовымъ. Отличительными чертами характера Лашкара всегда были: прямодушіе и откровенность. Его можно было упрекнуть въ нѣкоторой гордости, за то онъ имѣлъ и преимущества передъ прочими. Онъ, красивою наружностью, геркулесовскою силой, мѣткою стрѣльбой и наѣздничествомъ, т. е. достоинствами, высоко цѣнимыми въ горскихъ обществахъ, обращалъ на себя вниманіе старшихъ и заслужилъ уваженіе ровесниковъ. Лашкаръ готовъ былъ услужить всѣмъ и каждому, за то всѣ и каждый стояли за Лашкара, да и кто не любилъ его, его, красавца Лашкара?.. А Шуапхойскія дѣвушки?.. Не даромъже онѣ приходили къ матери Лашкара, чтобы ей прислужиться: коровъ подоить, масла попа́хтать да овечью волну почесать, —между тѣмъ какъ эта самая старушка, лѣтъ десять тому назадъ, не могла допроситься ни у одной изъ Шуапхойскихъ дѣвушекъ помочь ей снести пшеницу на мельницу. Но Лашкаръ, кажется, мало обращалъ вниманія на хорошенькихъ и заботливыхъ своихъ сосѣдокъ... Его вниманіе было приковано совсѣмъ къ другому мѣсту; мысли его были занесены далеко!..

Вотъ въ чемъ, однако, дѣло:

Лашкаръ любилъ молодую Мерцхалу — горянку, прекрасную и добрую. Любилъ онъ её безъ ума.

Не длинная и не сложная исторія этой любви необходима въ настоящемъ разсказѣ, чтобы нѣсколько пояснить предыдущее и бросить свѣтъ на послѣдующее.

Сандуа, мать Лашкара, лишившись мужа, убитаго Кистинами, терпѣла горе и нужду въ Шуапхо, гдѣ она жила съ пятнадцати-лѣтнимъ своимъ сыномъ. Собственнаго хлѣба у нихъ не было, денегъ и подавно. Сосѣди ихъ не пригрѣли и не призрѣли и старушкѣ ничего не оставалось лучшаго, какъ идти съ сыномъ по міру. Но тутъ счастливый случай выручилъ её изъ бѣды. Чрезъ ихъ селеніе проѣзжалъ одинъ зажиточный Пшавецъ и, узнавъ о положеніи старушки, предложилъ ей отдать ему Лашкара въ пастухи, на обыкновенномъ у Пшавцевъ условіи: чрезъ извѣстное число лѣтъ выдѣлить пастуху нѣкоторую долю изъ стада. Старушкѣ-же, кромѣ того, обѣщано было даровое содержаніе и особенная хата. Сандуа, не долго думая, изъявила согласіе на предложеніе проѣзжаго и на другой же день, продавъ послѣднюю корову и единственную лошадь, забрала весь свой скарбъ и отправилась въ Хошоры.

Тутъ для Сандуа началась покойная жизнь, а для сына — новаго рода занятіе: пасти стада, съ ружьемъ за спиною и съ *чомбахи* (*) въ рукахъ.

Весело было Лашкару когда, бывало, нѣсколько стадъ сблизятся однѣ съ другими; молодые пастухи и пастушки сойдутся вмѣстѣ, поютъ, играютъ на свирѣли и пляшутъ, или, усѣвшись въ кружокъ, разсказываютъ о походахъ и подвигахъ отцевъ своихъ и дѣдовъ; о *дивахъ*, когда-то похищавшихъ пастушекъ, о *старухъ-силачихъ* и т. п. Бывали случаи, что и подерется эта молодежь между собою, и снова поладитъ и опять перессориться. Но Лашкаръ ни съ кѣмъ такъ не ладилъ, какъ со одною изъ хорошенькихъ дѣвочекъ-пастушекъ: съ Мерцхалою.

Начнутъ-ли, бывало, товарищи Лашкара въ чемъ нибудь его обвинять,—Мерцхала его оправдываетъ; вздумаютъ-ли обижать,—она его защищаетъ. Да и стада ихъ паслись и въ село возвращались всегда вмѣстѣ. Несмотря на такую

(*) *Чомбахи* — крючковатая палка.

защиту, Лашкаръ въ ребячествѣ не былъ любимъ своими сверстниками. Онъ внушалъ въ нихъ зависть къ себѣ: онъ лучше ихъ попадалъ въ цѣль, стрѣляя изъ отцовской винтовки, и ни одинъ изъ нихъ, бывало, не одолѣетъ Лашкара въ борьбѣ, ни одинъ не опередитъ его, когда молодежь пускалась бѣжать съ горы; никто такъ, какъ онъ, не отрапируется деревянною саблей, защищаясь плетёнымъ щитомъ. Словомъ, много было причинъ зависти къ Лашкару молодыхъ его товарищей, и вскорѣ какъ-то всѣ отшатнулись отъ него... За то не оставила его Мерцхала. Ловкій мальчикъ и миловидная дѣвочка были неразлучны и наконецъ привязались одинъ къ другому до того, что если она не приходила на лугъ съ овцами, то разлука эта была самымъ тягостнымъ изъ огорченій ихъ ребяческаго возраста.

Шли дни и мѣсяцы; прошелъ годъ, другой, третій, и вотъ наставало время окончанія срока Лашкаровой службы, а съ этимъ вмѣстѣ, по неволѣ, должны были кончиться и невинныя, но такъ любимыя Лашкаромъ и Мерцхалою свиданія и дружескія бесѣды ихъ. При томъ-же Мерцхалу въ деревнѣ стали считать невѣстою съ тѣхъ поръ, какъ ей минуло пятнадцать лѣтъ, а отецъ ея сказалъ при этомъ случаѣ: «Пастуха нанимать мнѣ не изъ чего, а за овцами посылать Мерцхалу уже не приходится, потому, что и на мою невинную овечку пожалуй найдется какой нибудь волкъ - пастухъ!..» Съ тѣхъ поръ Мерцхалу замѣнилъ самъ отецъ ея и вотъ почти уже цѣлый мѣсяцъ овцы пасутся подъ присмотромъ старика. Въ теченіе этого времени старикъ коротко узналъ Лашкара; бесѣдуя съ нимъ, полюбилъ его какъ сына и даже иногда думалъ, что выдалъ бы за него Мерцхалу, еслибъ Лашкаръ имѣлъ хоть сколько нибудь достаточное состояніе.

Было майское утро. Еще солнце не показывалось изъ-за Андакскихъ горъ, а по горѣ Борола ползали облака, да паслись овцы Лашкара. Онъ-же лежалъ на шелковистой травѣ. какъ-бы окутанный тучами, изъ-за которыхъ ничего и никого

не было ему видно. Наконецъ озолотился востокъ, тучи полетѣли на встрѣчу солнцу, все вокругъ просвѣтлѣло и, изумленный и обрадованный Лашкаръ увидѣлъ не далеко отъ себя... Мерцхалу. Онъ поднялся и побѣжалъ къ ней на встрѣчу, крича издали: — Здраствуй, Мерцхала, здраствуй! Гдѣ ты это пропадала?..

Но Мерцхала, какъ-бы не слыша привѣтствій Лашкара, стыдливо потупила свои голубые глаза и не отвѣчала ни слова.

Лашкара удивила холодность къ нему Мерцхалы. Вотъ уже съ мѣсяцъ какъ она не приходила на лугъ съ овцами, да и теперь лишь пришла по случаю болѣзни отца. Всё это время Мерцхала провела въ обществѣ женщинъ, (чего прежде съ нею не бывало), и тутъ-то онѣ, въ особенности старушки, надавали ей Богъ-вѣсть какихъ совѣтовъ и наставленій!

Съ минуту Лашкаръ и Мерцхала простояли молча. Вдругъ глаза ихъ встрѣтились: Лашкаръ вздрогнулъ, Мерцхала покраснѣла... Какое-то новое чувство коснулось пылкихъ сердецъ молодыхъ дикарей и они на нѣсколько минутъ оставались въ забытьи... Молчаніе прервалъ Лашкаръ:

— Что-же, Мерцхала, не отвѣчаешь?.. Друзей такъ не встрѣчаютъ!..

— Здраствуй Лашкаръ! произнесла тихо Мерцхала, поднявъ свои большіе голубые глаза. Давича я... не узнала тебя.

— Не узнала?!.. А давно-ли мы разстались?.. Можетъ быть ты имѣешь причину не узнавать меня?.. Можетъ быть ты ненавидишь?..

— О, нѣтъ! Клянусь образомъ Тамаръ-Мепе (*)! произнесла съ жаромъ Мерцхала.

— Или, — продолжалъ Лашкаръ, — можетъ быть запретили тебѣ знаться со мною?..

(*) *Тамаръ-мепе* — царица Тамара. Значеніе этой клятвы объяснено выше.

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣчала скороговоркою Мерцхала.—Мнѣ только запрещено ходить со стадомъ, и сегодня пришла я сюда только потому, что бѣдный отецъ мой захворалъ.

— А! Тебѣ запретили ходить со стадомъ! Понимаю!..

Тутъ Лашкаръ, немного подумавъ, произнесъ: послушай Мерцхала! Я не дитя и меня обмануть трудно...

— Да кто же тебя обманываетъ?..

— Погоди, милая, дай мнѣ кончить. Тебя стали считать невѣстою, т. е. дѣвушкой, которую пора выдать за-мужъ... Да, признаться, ты ужь не ребенокъ... А какъ у насъ, у Пшавцевъ, тотъ считается молодцомъ, кто съумѣетъ украсть свою суженую, то отецъ твой поэтому и сталъ бояться, чтобъ кто нибудь и тебя тоже не посадилъ на быстроногаго, да не далъ-бы тягу.

— А это на что?—произнесла Мерцхала и, вытянувъ изъ ноженъ маленькій кинжалъ, повертѣла имъ предъ Лашкаромъ.

— Посмотрятъ на твой кинжалъ!..

— А кто посмѣетъ меня украсть?

— Кому вздумается... Да хоть-бы и я рѣшился на это, что-бы ты сказала?

— Что-бы я сказала?.. Спросила съ улыбкою Мерцхала,—ну, противъ тебя нѣтъ у меня оружія! — И она подняла свои большіе глаза на Лашкара.

Но для Лашкара въ этотъ разъ никакое оружіе не могло быть опаснѣе глазъ Мерцхалы!

Затѣмъ она, послѣ минутнаго молчанія, произнесла:

— Ты не шутя говоришь это?

— Нѣтъ, шутя;—отвѣчалъ Лашкаръ,—но вотъ что я скажу тебѣ не шутя. До сихъ поръ мы встрѣчались, играли, рѣзвились, вели жизнь ребяческую и я свыкся съ тобою, какъ свыкаются наши ягнята; я любилъ тебя, какъ любятъ другъ друга братъ и сестра. Если случалось не видѣть тебя сутки, мнѣ было скучно. Но вотъ уже цѣлый мѣсяцъ ты не показывалась и тутъ-то нашла на меня тоска! Въ первый разъ я почувствовалъ всю тягость разлуки съ тобою. А сегодня,

когда снова мы встрѣтились, я чуть не заплакалъ... т. е. не плакать хотѣлось мнѣ, а что-то такое тревожило мое сердце,— страхъ не страхъ, радость не радость... я и самъ не знаю что это такое!.. Вотъ что Мерцхала: я тебя люблю, сильно люблю!..

Каждое слово Лашкара было какъ-бы повтореніемъ мыслей и чувствъ Мерцхалы и каждое слово это, какъ остріе кинжала, наносило сердцу ея рану, но рану пріятную!

Какъ ни свыклась Мерцхала съ Лашкаромъ, но внезапное его объясненіе въ любви такъ её озадочило, что она не умѣла ничего отвѣчать и стояла какъ ошеломленная. Тогда Лашкаръ подошелъ къ Мерцхалѣ, взялъ ее за руку и, повторивъ прежнія слова, прибавилъ:

— Скажи, Мерцхала что нибудь!.. Заклинаю тебя Св. Георгіемъ, скажи: любишь-ли и ты меня?.. Если нѣтъ, то я по-крайней мѣрѣ уйду отсюда, подальше отъ вашей деревни, чтобы...

Но тутъ Лашкаръ не договорилъ, или не хотѣлъ договаривать того, что вертѣлось у него на языкѣ.

— Лашкаръ!—воскликнула растроганная Мерцхала,—Лашкаръ! Забудь меня!..

Лашкаръ съ горестью выпустилъ изъ своихъ рукъ руку Мерцхалы, заключивъ изъ словъ пастушки, что сердце ея принадлежитъ другому.

— Лашкаръ!.. снова произнесла Мерцхала со слезами на глазахъ,—Я несчастлива!..

Лашкаръ тутъ ужь рѣшительно ничего не понялъ... Въ недоумѣніи онъ спросилъ Мерцхалу:

— Что съ тобою, моя милая?.. О какомъ несчастіи говоришь ты?

— Меня хотятъ выдать за-мужъ,—проговорила она едва внятнымъ голосомъ.

Эти слова и озадачили Лашкара и въ тоже время обрадовали его: онъ убѣдился, что ошибался въ чувствахъ Мерцхалы.

— Такъ ты никого не любишь?

— Никого, клянусь Джварскимъ образомъ, никого, кромѣ тебя, Лашкаръ!.. Я бы никогда не посмѣла сказать тебѣ о своей любви, но ты первый заговорилъ объ этомъ и я...

Тутъ Лашкаръ обнялъ Мерцхалу и впервые напечатлѣлъ на губахъ прекрасной горянки одинъ изъ тѣхъ поцѣлуевъ, которые долго и долго не забываются: на нѣсколько минутъ для нашихъ идиллическихъ любовниковъ исчезло всё окружающее; они забыли всё на свѣтѣ, забыли даже и о томъ, что какой нибудь скрытый и нескромный свидѣтель могъ-бы подкараулить ихъ первое, дѣвственное самозабвеніе и истолковать его въ дурную сторону.

Наконецъ, опомнившись, Лашкаръ спросилъ Мерцхалу:

— Такъ ты сказала, что тебя выдаютъ за-мужъ...

— Несчастіе на мою голову, это правда!..

— Кто-жъ тебѣ это сказалъ?

— А наша сосѣдка Гултамзе. Она всегда любила меня... Такъ вотъ она вчера пришла и сказала мнѣ... Я всю ночь не спала... Не могла заснуть...

— А за кого выдаютъ тебя, неизвѣстно?

— За сына нашего старшины, Ушимари.

— За Ушимари?.. За этого труса?.. Пьяницу?.. За того, котораго уже одинъ разъ начальникъ наказывалъ?..

— Да, отвѣчала печально Мерцхала.

— Нѣтъ, не можетъ быть! Отецъ твой еще не сошелъ съ ума, чтобы выдать тебя за такого негодяя.

— Но отцу за меня обѣщано 30 коровъ!.. Лашкаръ, выручай меня изъ бѣды, не то убью себя!.. Убью, клянусь могилою моей матери, и грѣхъ падётъ на твою душу!.. Вотъ, если бы мать моя была жива, она не согласилась-бы на мое несчастіе.

— Не отчаявайся! Я сегодня-же иду къ твоему отцу и докажу на дѣлѣ, что никто не отобьётъ у меня моей Мерцхалы!

— Но ты долженъ заплатить моему отцу; а чѣмъ заплатишь, когда у тебя нѣтъ ничего?

— Какъ нѣтъ? — произнесъ Лашкаръ, почти обидѣвшись. Сегодня кончился срокъ моей службы и сегодня-же я попрошу хозяина выдѣлить мнѣ моихъ овецъ изъ стада: мнѣ достанется, по крайней мѣрѣ, штукъ двѣсти. Вотъ и плата за тебя, моя безцѣнная?

— Чѣмъ мы будетъ жить? спросила опять Мерцхала.

— Буду трудиться, буду пасти стадо твоего отца, жить у него: вѣдь онъ не выгонитъ-же меня!

— Конечно не выгонитъ, но всё-таки ты долженъ имѣть и своё: Богъ знаетъ, что можетъ случиться.

— Ну, наймусь снова, на другое четырехлѣтіе, и тогда мы будемъ имѣть своё.

— О, какъ долго ждать!..

— Не горюй, Мерцхала! Для тебя и съ тобою — всё будетъ у меня въ изобиліи. Наловлю куницъ, за ихъ шкурки дадутъ деньги, на деньги куплю хлѣба. Мясо турье и оленье доставлю съ такихъ мѣстъ, откуда и орлы пищи себѣ не добудутъ. Мёдъ тоже не покупать: въ лѣсахъ пчелы водятся. Да, моя пчелка! Ты только люби меня, а тамъ... Богъ поможетъ, я всё улажу.

Вечеромъ того-же дня Лашкаръ былъ у отца Мерцхалы и обдѣлалъ дѣло въ свою пользу. На другой день уже вся деревня знала, что Лашкаръ женится на прекрасной Мерцхалѣ. А Мерцхала была внѣ себя отъ радости и стыдливо, но съ улыбкою, выслушивала поздравленія отъ подругъ.

Лашкаръ и Мерцхала были счастливы и ничто не нарушило-бы ихъ счастія, если-бъ не одинъ казусный случай, который имѣлъ хотя и не прямое, но тѣмъ не менѣе сильное вліяніе на женитьбу Лашкара.

Вотъ какой былъ случай:

Двое Пшавцевъ поспорили между собою; дѣло дошло, разумѣется, до кинжаловъ и одинъ изъ нихъ убилъ другаго. Случай, кажется, обыкновенный въ житейскомъ быту горцевъ, а въ особенности между пшавцами; но такъ-какъ у этихъ дикарей еще не искоренился звѣрскій обычай *кровомщенія*, а

въ настоящемъ случаѣ убитый и убійца были члены различныхъ обществъ: убитый — *Габидаурскаго*, а убійца — *Кистаурскаго*, и къ одному изъ нихъ принадлежалъ Лашкаръ а къ другому Мерцхала,—то, само собою разумѣется, и свадьба нашихъ влюбленныхъ неминуемо должна была разстроиться.

О кровавомъ происшествіи узнали въ Хошорахъ. Собрались старшины и отецъ Мерцхалы держалъ къ товарищамъ слѣдующую рѣчь:

— «Габидаурцы! Наше общество, наша фамилія обагрены кровью брата нашего! Мы должны смыть это пятно: мы должны отомстить!.. Я знаю, кистаурское общество гордо и потому оно не захочетъ добровольно заплатить намъ *за кровь.* Но я знаю также, что, по нашимъ обычаямъ, можно убить любаго изъ ихъ общества и тогда, вы понимаете, мы будемъ почти отмщены!.. Кровь за кровь! Это такъ и будетъ, и не далѣе, какъ сего дня!.. Я жертвую моимъ нареченнымъ зятемъ, Лашкаромъ! Онъ Кистаурецъ.» —

Старикъ кончилъ и всѣ единогласно закричали:

— «Кровь за кровь!.. Смерть Лашкару!

Но Лашкара предупредили объ угрожающей ему опасности и онъ съ матерью, тайкомъ, ночью, выгнали своихъ овецъ и отправились во-свояси, въ родное селеніе Шуапхо.

Шуапхойцы обрадовались благополучному возвращенію Лашкара, за-то Лашкару не совсѣмъ было весело: его веселіе осталось въ Хошорахъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Лашкаръ переселился въ Шуапхо, но ни красивыя мѣстности этого селенія, ни веселыя сборища его односельцевъ—не занимали его. Онъ мысленно жилъ вблизи Мерцхалы. Впрочемъ, въ теченіе этого времени раза два рискнулъ нашъ *Тирсисъ* отправиться къ своей *Лаисѣ* въ Хошоры и въ оба раза успѣлъ, при посредствѣ доброй старушки Гултамзе, повидаться и вдоволь наговориться съ Мерцхалой. Пламенная любовь Лашкара не утомлялась, а напротивъ, укрѣплялась опасностями и затрудненіями, которыми сопровождались свиданія. Наконецъ Лашкаръ рѣшился во чтобы-

то ни стало выйти изъ мучительнаго состоянія, и тѣмъ скорѣе, что до него дошли вѣсти не совсѣмъ благопріятныя. Онъ еще разъ сходилъ къ Мерцхалѣ и, возвратившись, сталъ чертить въ умѣ своемъ планъ предпріятія, о которомъ онъ говорилъ товарищу своему, пастуху Ломѣ, въ началѣ нашего разсказа.

Послѣ извѣстной уже намъ бесѣды двухъ пастуховъ, Лашкаръ опрометью прибѣжалъ домой.

— Здраствуй и прощай, матушка,—сказалъ онъ Сандуѣ, сидѣвшей за веретеномъ у огня; потомъ, снявъ со стѣны винтовку и саблю, закинулъ щитъ за спину и вышелъ.

Добрая и кроткая старушка не имѣла привычки спрашивать сына, куда и зачѣмъ онъ ходитъ. Но въ послѣднее время, видя на лицѣ сына безпокойство и печаль; замѣчая, что Лашкаръ приходитъ съ пастбища рано а изъ дома уходитъ не отдохнувши порядкомъ и не полакомившись приготовленными для него *хинкали*, (*) — Сандуа стала безпокоиться и потому прокричала во слѣдъ Лашкару: — Куда, куда?.. Что это значитъ? — но, какъ мы видѣли, не получила никакого отвѣта.

Между тѣмъ Лашкаръ обѣжалъ всю деревню, всѣ окрестности и, собравъ своихъ товарищей, отправился къ пастуху Ломѣ. Тотъ удивился, увидѣвъ Лашкара въ сопровожденіи молодыхъ и вооруженныхъ всадниковъ, и сказалъ товарищу:

— Ну, не угадалъ-ли я давича, что ты снаряжаешься въ новый набѣгъ?

— Не разсуждай, отвѣчалъ Лашкаръ, а лучше бери оружіе, коня, да за нами.

Когда все было готово, Лашкаръ обратился къ товарищамъ и сказалъ:

— Я вамъ на дорогѣ разскажу, за чѣмъ и куда васъ веду; но предупреждаю, что дѣло будетъ не шуточное. Объ одномъ теперь прошу васъ: пѣсенъ не пѣть, не шумѣть и

(*) Нѣчто въ родѣ галушекъ.

во всёмъ меня слушаться. Я буду вездѣ впереди и прежде меня не смѣть никому стрѣлять; когда-же раздастся мой выстрѣлъ, дѣйствуйте и вы, но дѣйствуйте такъ, чтобы не посрамить имени Кистаурцевъ!.. Теперь, ребята, за мною!

И Лашкаръ сѣлъ на коня, а за нимъ человѣкъ двадцать, закованныхъ въ желѣзо (*), бережно стали спускаться съ крутой горы на тропинку, пролегающую вдоль берега Арагвы.

Стемнѣло.

На склонѣ горы, отдѣляющей рѣку Арагву отъ рѣчки Матуръ-Хеви, разбросаны живописныя, изъ плитъ сложенныя, башни пшавской деревни Хошоры. Мѣстами башни эти цѣпляются однѣ за другія; надъ самою-же деревней стоитъ четыреугольная сакля, сложенная изъ того-же камня въ два этажа, и крытая соломой. Къ саклѣ наклонилось нѣсколько дикихъ сливъ. Снаружи она представляетъ скорѣе мѣсто, изъ котораго можно легко отбиваться отъ тысячи человѣкъ непріятелей, нежели всегдашнее и удобное жильё человѣка. Замѣчательно еще то, что домъ этотъ имѣетъ только одну дверь, или лучше сказать отверстіе, откуда выходятъ и дымъ хозяйскаго очага и сами хозяева. Войдите въ это отверстіе. Когда вы осмотритесь, утирая рукою слёзы, вынужденныя дымомъ, вамъ представится комната, подметенная чисто, вопреки пшавской неопрятнности. Въ самомъ темномъ углу сакли лежатъ телята; у стѣнки стоитъ вся домашняя утварь, состоящая изъ нѣсколькихъ горшковъ, деревянной посуды и кадушекъ разнаго размѣра; тутъ-же стоитъ маленькій, нелу-

---

(*) Пшавцы, отправляясь въ походъ, надѣваютъ на себя панцырь, стальные налокотники и шишаки, а вооружаются винтовкою, саблею, кинжаломъ и щитомъ.

женый, но чисто вымитый котелокъ; другой котелъ, съ молокомъ, виситъ на желѣзной цѣпи, въ серединѣ сакли, надъ огнемъ, около котораго располагается старикъ-хозяинъ. Напротивъ дверей, въ свѣтломъ мѣстѣ сакли, сидитъ молодая Пшавка и вяжетъ носки. Горянку, кажется, болѣе занимаетъ какая-то мысль, нежели вязанье: она часто оставляетъ свою работу, часто выходитъ посмотрѣть, скоро-ли закатится солнце и, снова вернувшись въ саклю, лѣниво принимается за работу. Да и какая работа пойдетъ дѣвушкѣ въ голову, когда её томитъ сильное нетерпѣніе. Не даромъ-же она одѣлась въ праздничное платье. Жаль только, что необыкновенная бѣлизна шеи горянки закрывается ревнивымъ нагрудникомъ съ серебрянными погремушками, а высокій лобъ—цвѣтнымъ *мандили* или головнымъ платкомъ, изъ подъ котораго сыплются каштановые волосы. За то розовое личико молоденькой Пшавки и жгучіе глаза ея—ничѣмъ не закрыты.

Занятіе старика, котораго мы замѣтили у огня, самое обыкновенное въ Пшавцѣ: онъ куритъ трубку и часто поплёвываетъ; безжизненные глаза его устремлены на огонь; но онъ ни о чемъ не думаетъ. Гамихарди,—такъ зовутъ старика,—весь сѣдой и весь въ морщинахъ. Онъ кажется старѣе, чѣмъ бываютъ люди его возраста. Ранняя женитьба, труды и заботы совершенно истощили Гамихардія, а свѣжесть, бодрость и въ особенности силу сломила въ немъ потеря жены; это послѣднее горе случилось лѣтъ тринадцать тому назадъ, но старикъ и до сихъ поръ не могъ утѣшиться, потому что сильно любилъ жену. Еще удивительнѣе то, что онъ не женился на другой и даже не запасся двумя женами, (что́ не рѣдко случается между Пшавцами), тѣмъ болѣе, что у него оставалась двухлѣтняя дочь. Хотя Гамихарди часто молилъ Бога, чтобы Онъ даровалъ ему сына, но когда родилась у него дочь, старикъ смиренно произнесъ: «слава Тебѣ Господи! Развѣ и дочь не даръ небесный?!»

И правда! Развѣ женщина не лучшій помощникъ Пшавца? Не она-ли отправляетъ у него всѣ домашнія и полевыя ра-

боты?.. Не была-ли, напримѣръ, дочь Гамихардія, съ двѣнадцати-лѣтняго уже возраста, правою рукою отца?..

Гамихарди, зная и цѣня эти достоинства въ пшавскихъ женщинахъ, не былъ и не могъ быть недоволенъ такою дочерью, у которой всё кипѣло подъ рукой, да еще и дочерью красавицей!

— Послушай, Мерцхала! произнесъ Гамихарди, обращаясь къ дочери, — что тебѣ вздумалось нарядиться въ новое платье?.. Кажись, у насъ въ деревнѣ нѣтъ ни свадьбы ни праздника.

— Правда, отецъ мой, но я надѣла новое платье потому, что старое вымыла сегодня.

Мерцхала на этотъ разъ говорила не правду и, быть можетъ, первый разъ въ жизни обманывала отца. Но Мерцхала не смѣла открыть ему истину.

Дѣло въ томъ, что она вчера видѣлась съ Лашкаромъ. Они сошлись за деревней, на горѣ, совершенно случайно: покрайней мѣрѣ Мерцхала не знала о приходѣ Лашкара. Они встрѣтились весьма недовольные другъ другомъ и вотъ какой былъ у нихъ вчера разговоръ:

— Послушай, Мерцхала!—сказалъ Лашкаръ.—Я нарочно пришелъ сюда, чтобъ повидаться съ тобою... Сегодня все должно кончиться между нами!.. Я зналъ, что нѣкоторыя женщины—подруги чертей, но не зналъ, что и ты принадлежишь къ ихъ числу.

При этихъ словахъ глаза Мерцхалы загорѣлись, на лицѣ ея появилась краска. Она отвѣчала съ гнѣвнымъ достоинствомъ:

— Я знала, что мужчины измѣнники, но не знала, что ты перещеголялъ ихъ всѣхъ.

— Это не отвѣтъ, а укоры... Только не знаю, въ чемъ ты укоряешь меня?..

— Не знаешь?.. Безстыдный!.. А зачѣмъ ты носишь оружіе?.. Тебѣ-бы *лечаки* носить на головѣ, да носки вязать!.. Обманщикъ!.. Ты обманулъ меня, сироту... Уязвилъ

мое сердце... Я полюбила тебя... Нѣтъ не тебя, а другаго Лашкара... Ты не тотъ Лашкаръ... Тотъ былъ правдивый, честный!.. А ты? Ты посмѣялся надъ моею любовью и теперь всѣ будутъ смѣяться надъ нею!.. О, мать моя!.. (*)

И Мерцхала заплакала.

— Послушай, *горная индѣйка!*.. Тебѣ не обмануть меня! — Произнесъ Лашкаръ съ горечью.

— Вай, Лашарисъ-джварскій образъ!.. Я обманываю тебя? Ты перестаіъ вѣрить въ Бога!.. Безстыдный ты!.. Ты женился на другой и приходишь издѣваться надо мною!..

Озадаченный послѣдними словами Мерцхалы, Лашкаръ произнесъ: — Я женился?!.. На комъ?.. И кто тебѣ сказалъ такую ложь?..

— Гултамзе не такая женщина, чтобы говорить неправду.

Тутъ Мерцхала снова залилась глазами.

— Не выдумывай напраслины, — отвѣчалъ Лашкаръ: — этимъ меня не обморочишь. Но если тебѣ сказали, что я женюсь, то это правда.

— Правда?!.. воскликнула Мерцхала въ отчаяніи.

— Что-жъ тебя безпокоитъ?.. Конечно я женюсь!.. Только на комъ и когда, этого я не знаю.

— Какъ не знаешь?.. Такъ ты еще не женился?.. Ты не далъ слова другой?

— Конечно нѣтъ.

— Поклянись.

— Клянусь могилою отца моего, что я не давалъ никому слова жениться!.. Я поклялся, чтобъ убѣдить тебя въ моей вѣрности къ тебѣ, недостойной ничьей любви!.. Ты измѣнница!.. Ваше общество искало моей крови и ты предупредила ихъ: ты *выпила* мою кровь! Прощай и будь проклята царицею Тамарой!..

(*) Просимъ читателя замѣтить, что вся *разговорная* часть разсказа ничуть не придумана: она, со всѣми въ ней выраженіями, носитъ на себѣ строгій и вѣрный отпечатокъ мѣстнаго языка и его характера.

Тутъ Лашкаръ отвернулся и хотѣлъ идти. Но Мерцхала, видя, что Гултамзе её обманула, и убѣдившись изъ словъ Лашкара, что сердце его не принадлежитъ никому, проговорила умоляющимъ голосомъ:

— Прости, Лашкаръ! Меня обманули... Я думала...

— Тебя обманули? — Строго замѣтилъ Лашкаръ, прервавъ её.—Трудно обмануть обманщицу!.. Прощай!..

— Погоди, Лашкаръ!.. Ради самого Бога!..

Лашкаръ остановился.

— Въ чемъ-же я тебя обманула?—продолжала Мерцхала,—въ чемъ, въ чемъ?.. Скажи мнѣ!..

— Оставь меня, я хочу идти!..

— Лашкаръ!.. я не виновата ни въ чемъ! Клянусь могилою моей матери!..

И Мерцхала ухватилась за полу платья Лашкара.

— Безстыдница, уйди!.. Оставь меня!—закричалъ Лашкаръ и оттолкнулъ отъ себя Мерцхалу.

Тутъ Мерцхала, гордо поднявъ голову, сказала:

— А, такъ ты не хочешь вѣрить моей клятвѣ?!.. Уйди отсюда!.. Пропади въ глубокой пропасти!.. Я ненавижу тебя!.. Ты безсовѣстно обманулъ меня и ты же называешъ меня измѣнницей?..

— А какъ называютъ у васъ женщинъ, которыя даютъ слово одному, а выходятъ за-мужъ за другаго?...

— А кто выходитъ за другаго, безсовѣстный?!..

— Кто же рѣшится на это, какъ не ты!

— Я?!..

— Да.

— Кто это клевещетъ на меня?.. Кто тебѣ говорилъ это?

— Ваша добрая Гултамзе.

— Гултамзе?!.. Которая мнѣ сказала, что ты женился на другой?!..

— Да, я сказала, я!—воскликнула Гултамзе, явившаяся

будто изъ подъ земли предъ испугавшимися и удивленными любовниками. Они поспѣшили встрѣтить её вопросами:

— Ты сказала ей?

— Ты сказала ему?

— Да, я сказала вамъ обоимъ,—отвѣчала она,—и сказала для того чтобы заставить васъ прекратить эти опасныя свиданія, пока не будетъ конецъ фамильному мщенію.

— Ахъ, добрая Гултамзе!.. произнесла Мерцхала.

— Теперь я понимаю! замѣтилъ Лашкаръ.

— Вотъ видите-ли, глупые!.. продолжала Гултамзе, — еслибъ я васъ не любила, какъ дѣтей своихъ, еслибъ я не принимала въ васъ участія, какое-бы мнѣ дѣло вмѣшиваться въ любовныя ваши затѣи? Но я думала такъ: Лашкаръ и Мерцхала любятъ другъ друга; свиданія ихъ могутъ быть кѣмъ нибудь подмѣчены и, при настоящихъ обстоятельствахъ, бѣдныя сироты сдѣлаются жертвами кровомщенія. Такъ вотъ, чтобы прекратить эти свиданія, для вашей-же пользы, я и придумала средство, которое чуть не сдѣлалось причиной вашего разрыва и отчаянія... Хорошо, что я случайно подслушала разговоръ вашъ!..

— О, добрая Гултамзе!.. произнесла Мерцхала, обнимая старушку. Слова твои исцѣлили мое сердце... Я чуть съума не сходила!.. Я перестала вѣрить въ любовь Лашкара!..

Тутъ Мерцхала обратилась къ Лашкару:

— Повтори, Лашкаръ, слова любви... Разсѣй мое сомнѣніе!..

— Ты еще сомнѣваешься? спросилъ Лашкаръ Мерцхалу, почти обидѣвшись.

Сомнѣнія Мерцхалы, послѣ словъ Гултамзе, были напрасны; но она, какъ дитя, хотѣла слышать убѣжденія, еще болѣе успокоительныя.

— Нѣтъ, Лашкаръ, не сомнѣваюсь,—отвѣчала она,—но чтобы сердце мое было покойно, чтобъ я могла смѣло гордиться твоею любовью...

— Что-жъ ты, клятвы чтó-ли требуешь отъ меня?!..

Было уже сказано, что въ сердцѣ любящей горянки была поколеблена вѣра въ любовь Лашкара. Поэтому Мерцхала отвѣчала:

— Да, Лашкаръ, поклянись, что ты не измѣнишь мнѣ... Поклянись именемъ царицы Тамары.

Лашкаръ задумался, но не замедлилъ отвѣтомъ:

— Послушай, Мерцхала!—сказалъ онъ, — ты требуешь отъ меня клятвы?.. Въ такомъ случаѣ и я отъ тебя потребую того-же.

— Клянись,—поклянусь и я!—произнесла Мерцхала.

Лашкаръ сталъ на колѣна, снялъ шапку, перекрестился и проговорилъ съ увлеченіемъ:

— Господи, Создатель неба и земли!.. Ты будь сердцевѣдцемъ!.. Клянусь Св. Георгіемъ, царицею Тамарою, Копале, Дидъ-батони и ангелами, что я люблю Мерцхалу! (*) Если я измѣнялъ ей, или измѣняю, или измѣню когда нибудь, то да буду проклятъ Лашарисъ-Джварскимъ образомъ!.. Пусть вражья пуля пробьетъ мнѣ сердце. Пусть переломится сабля моя въ битвѣ и винтовка дастъ осѣчку; пусть застигнетъ меня буря въ горахъ и погребетъ снѣжнымъ обваломъ; пусть спотыкнется конь мой среди глубокой и быстрой рѣки. Пусть разроютъ звѣри могилу моего отца и пусть женская клевета очернитъ меня!..

Тутъ Лашкаръ всталъ, а Мерцхала, самодовольно улыбнувшись, стала на колѣна и начала:

— Призываю васъ, святыя *Хати* наши... Если я измѣняла Лашкару, убейте меня!.. Если я измѣняю ему, да буду проклята отцомъ, да пожру будущихъ дѣтей своихъ *собственными* зубами!.. Да повинна буду дать отвѣтъ Лашкару на томъ свѣтѣ, и да не удостоюсь увидѣть тамъ отца моего и мать мою!

(*) *Копале*, *Дидъ-батони* и др., суть божества, почитаемыя Пшавцами.

(**) *Хати*, въ буквальномъ переводѣ значитъ образъ; Пшавцы-же, подъ этимъ словомъ разумѣютъ капище, или молельню, гдѣ они совершаютъ жертвоприношенія.

Мерцхала встала. Лашкаръ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее и произнесъ: — Ну, что!.. ты покойна теперь?..

— Покойна, покойна! отвѣчала горянка, раскраснѣвшись.

— А ты?

— Я не покоенъ, — отвѣчалъ Лашкаръ.

— Почему? — спросила удивленная Мерцхала.

— Потому, что свиданія наши, какъ замѣтила Гултамзе, опасны; а разлука для меня тягостнѣе всѣхъ мученій и мучительнѣе всѣхъ болѣзней!

— Такъ что-же намъ дѣлать?

— Право не знаю!—отвѣчалъ Лашкаръ.—Я въ отчаяніи!..

До сихъ поръ Гултамзе стояла молча, то съ улыбкою на устахъ, то съ сожалѣніемъ, изображавшимся на лицѣ, смотря по тому, какое дѣйствіе производили на нее слова молодыхъ людей. Но при послѣднемъ отвѣтѣ Лашкара, она обратилась къ нему съ слѣдующими словами:

— Послушай, сынъ мой! Плакать и горевать мужчинѣ не слѣдуетъ, а отчаяваться еще стыднѣе!.. Вотъ тебѣ одно, и вѣрное, средство: пріѣзжай ночью и увези Мерцхалу... Она вѣдь не прочь отъ этого?.. Вотъ и дѣлу конецъ!

— А что ты скажешь на это, Мерцхала?—спросилъ Лашкаръ, обращаясь къ дѣвушкѣ.

— Что я скажу?—отвѣчала она,—съ тобою и для тебя я на все готова.

Тутъ они положили, что Лашкаръ пріѣдетъ за Мерцхалою завтра вечеромъ. И этотъ вечеръ былъ тотъ самый, котораго съ нетерпѣніемъ ждала Мерцхала, нарядившись въ праздничное платье, и тѣмъ обративъ на себя вниманіе старика отца своего.

— Надо беречь, дочь моя, новое платье,—произнесъ снова Гамихарди, обращаясь къ Мерцхалѣ.—Побереги его на свадьбу.

— Свадьбѣ моей не бывать, отецъ мой,—отвѣчала дочь, — свадьба моя будетъ на томъ свѣтѣ!.. Если не суждено мнѣ выдти за Лашкара, то и свадьбы моей не будетъ... За другаго я не пойду.

— Лашкаръ изъ Кистаурскаго общества,—замѣтилъ старикъ.—Лашкаръ славный парень, я полюбилъ его... Подожди, пока кончатся фамильныя дѣла, а тамъ пойдешь за Лашкара.

— Жду отецъ мой, жду!

Только Мерцхала ждала не конца часто-безконечныхъ фамильныхъ дѣлъ, а сегодняшняго свиданія съ Лашкаромъ. Но Лашкаръ не приходилъ въ условное время. Давно уже настали сумерки, пролетѣла уже и часть вечера; въ деревнѣ все присмирѣло, кромѣ бдительныхъ собакъ, а Лашкара все не было. Даже Гамихардію наскучило курить трубку и старикъ только по привычкѣ держалъ ее въ зубахъ, сидя съ полузакрытыми глазами предъ потухающимъ огнемъ. Терпѣніе Мерцхалы истощалось и въ пылкомъ умѣ ея уже раждались мысли, одна другой темнѣе и несбыточнѣе, какъ вдругъ тихонько отворилась дверь и на порогѣ явился Лашкаръ. Мерцхала вздрогнула. Страхъ и надежда охватили её жгучимъ пламенемъ: посѣщеніе это рѣшало жизнь или смерть. Мерцхала боялась не столько за себя, сколько за Лашкара, но Лашкаръ, благодаря темнотѣ, благополучно прошелъ въ самый заднiй уголъ сакли. Старикъ Гамихарди его не замѣтилъ.

Мерцхала подошла къ Лашкару, взяла его за руку и произнесла шопотомъ:

— Лашкаръ!.. Я боюсь... Присядь поближе къ телятамъ.

— Что-жъ ты не вышла къ деревьямъ?.. Я ждалъ, ждалъ и наконецъ рѣшился войти сюда.

— Я и забыла сказать тебѣ, что отецъ послѣ сумерекъ не пускаетъ меня изъ дому ни подъ какимъ предлогомъ, а если и отпуститъ къ сосѣдямъ, то самъ провожаетъ... Онъ сталъ за меня бояться послѣ того, какъ ты ушелъ изъ нашей деревни.

— Его опасенія не напрасны!.. Видно, съ отцомъ твоимъ тоже бывали разные случаи въ молодыхъ лѣтахъ?..

— Не знаю,—отвѣчала Мерцхала,—только онъ строго сталъ присматривать за мною. Вотъ и сей-часъ всё хотѣлъ дознаться, зачѣмъ я нарядилась въ новое платье.

— А зачѣмъ нарядилась, когда и въ старомъ ты хороша?— сказалъ Лашкаръ, обнимая Мерцхалу... — Однако полно намъ болтать; время дѣло дѣлать...

И Лашкаръ съ Мерцхалой хотѣли тайкомъ выбраться изъ сакли... Но Лашкаръ въ темнотѣ задѣлъ за висѣвшее рѣшето; рѣшето упало на спящаго теленка; теленокъ замычалъ, а рѣшето покатилось къ огню.

Мерцхала прижалась къ Лашкару, притаивъ дыханіе.

Гамихарди вскочилъ, испуганный.

— Мерцхала!.. А Мерцхала!—Закричалъ старикъ.

Но Мерцхала не отвѣчала.

— Мерцхала!.. Ты спишь?.. Посмотри, кажется кошка добралась до баранины.

Мерцхала все-таки молчала, желая убѣдить отца, что она крѣпко спитъ. Тогда Гамихарди самъ поднялъ рѣшето и поправилъ огонь, чтобы на-что нибудь не наткнуться. Сухія вѣтви березы вспыхнули и ярко освѣтили саклю. Тутъ старикъ увидѣлъ прижавшихся другъ къ другу молодыхъ людей... Лица были знакомыя...

— Мерцхала! Что это значитъ? — Завопилъ старикъ. Лашкаръ, Кистаурецъ, въ моемъ домѣ?.. О, Святый Георгій!..

И вслѣдъ за этими возгласами, старикъ, не долго думая, подбѣжалъ къ стѣнѣ и, снявъ съ гвоздя винтовку, прицѣлился въ Лашкара.

Мерцхала вскрикнула и, заслоняя собою Лашкара, простонала умоляющимъ голосомъ:

— Отецъ, отецъ мой!.. Убей меня, но оставь Лашкара!..

— Посторонись, безстыдница!—закричалъ громовымъ голосомъ Гамихарди.

— Отецъ мой!.. Я виновата, а не онъ, — продолжала Мерцхала, заслоняя Лашкара.

— А! Ты виновата?.. Ты не хочешь посторониться?..

Раздался выстрѣлъ и Мерцхала, какъ скошенный цвѣтокъ, упала къ ногамъ Лашкара!

Между тѣмъ у него, у Лашкара, у этого отважнаго храбреца, не достало смѣлости обнажить саблю. Внезапная смерть Мерцхалы отняла у него всё присутствіе духа; онъ опустилъ руки и, какъ убитый, стоялъ надъ Мерцхалой, мрачный, ошеломленный. А Мерцхала не произносила уже ни одного звука... Только губы прекрасной горянки изображали послѣднюю улыбку любви.

Между тѣмъ Гамихарди выбѣжалъ изъ дома и сталъ созывать своихъ одноаульцевъ. — Габидаурцы! Габидаурцы! — кричалъ онъ неистовымъ голосомъ, — Кистаурецъ въ моемъ домѣ!.. Собирайтесь мужья!.. Смерть, смерть врагу нашему!

Весь аулъ сбѣжался къ дому Гамихардія.

Лашкаръ видѣлъ, что уйдти ему отсюда трудно, да при томъ думалъ: къ чему и куда мнѣ уходить?.. Я потерялъ всё; послѣ смерти Мерцхалы и мнѣ не нужна жизнь!.. Но жизни я даромъ не отдамъ Габидаурцамъ!.. Я буду отомщенъ и за себя и за Мерцхалу!

Тутъ Лашкаръ обнажилъ саблю и пошелъ на встрѣчу Габидаурцамъ, окружившимъ домъ Гамихардія. Онъ дрался какъ раненный левъ и, наконецъ, пронзенный десятками пуль, палъ какъ герой.

Товарищи Лашкара, услышавъ выстрѣлы, тоже прибѣжали на мѣсто неровной борьбы; рѣзня сдѣлалась общею и произвела-бы страшныя опустошенія, еслибъ въ дѣло не вмѣшались женщины.

Онѣ, по обыкновенію, бросились къ мужчинамъ, стали на колѣна и, снявъ головные платки, произносили: — Герои! вотъ такъ мы васъ просимъ!.. Разойдитесь!.. Довольно крови пролито. —

И что же? Слова слабыхъ примирительницъ имѣли благодѣтельное вліяніе на разъяренныхъ дикарей! Они разошлись утомленные кровавою дракой, отомщенные за обиду; обида была смыта кровью, пролитою за кровь. Этого было достаточно для утоленія вражды двухъ фамилій: онѣ помирились.

По жертвами кроваваго предразсудка пали Мерцхала, Лашкаръ и много хорошей горской молодёжи. Старики отдѣлались только ранами.

На другой день дикари присмирѣли и все пошло обычнымъ порядкомъ, какъ будто ничего и не бывало. Только замѣтна была нѣкоторая суетливость у Пшавцевъ: они хоронили убитыхъ, и для этого случая ихъ общества собрались въ Хошоры. Между собою они обходились дружески, какъ будто у нихъ никогда не существовало никакой вражды. Женщины выли, оплакивая покойниковъ; старики пили пиво за упокой душъ усопшихъ. Одинъ только Гамихарди не принималъ ни въ чемъ участія. Онъ сидѣлъ поодаль отъ толпы и курилъ трубку. Когда-же всѣ разошлись,—онъ тоже отправился домой, снялъ со стѣны винтовку и вышелъ изъ сакли. Но тутъ, у дверей роднаго жилья, старикъ пріостановился, подумалъ, подумалъ, да и треснулъ винтовкой о стѣну: прикладъ отвалился отъ ствола и разлетѣлся въ дребезги. Потомъ Гамихарди снова воротился въ саклю, вооружился огромною пастушьею палкой и, окончательно покинувъ домъ свой, спокойно сталъ подниматься на ближнюю гору...

Домъ Гамихардія остался въ распоряженіи телятъ да сѣраго кота, любимца Мерцхалы.

Больше ничего не могъ я извлечь изъ разсказа старой посѣтительницы моего Хошорскаго ночлега, очевидно той самой Гултамзе, которая играла въ описанной исторіи роль благодѣтельной покровительницы несчастныхъ пшавскихъ любовниковъ. Но, помнится, мы продолжали еще съ нею бесѣдовать.

Послѣ нѣкотораго молчанія я спросилъ её:

— Такъ этотъ старикъ, котораго зовутъ у васъ *оборванцемъ*, и есть тотъ самый...

— Тотъ самый Гамихарди. — Отвѣчала старушка.

— Отецъ Мерцхалы?

— Да.

— Такъ зачѣмъ-же оставляютъ его на свободѣ, коли онъ убійца?

— А что-же будешь дѣлать съ сумасшедшимъ?

— А! Такъ онъ сошелъ съ ума! Бѣдный!.. А зачѣмъ-же вы его гоните?

— Затѣмъ, что онъ приноситъ съ собой несчастіе.

— Пустое, матушка! Ну какое несчастіе можетъ принести бѣдный старикъ?

— Не говори, сынъ мой! Мы ужь это испытали. Какъ только оборванецъ появлялся въ нашей деревнѣ, всегда случалось какое нибудь несчастіе. Въ первый разъ у сосѣда домъ сгорѣлъ; въ другой разъ волкъ зарѣзалъ у насъ штукъ двадцать овецъ; въ третій — неурожай приключился; въ четвертый — оспа появилась во всемъ обществѣ и много дѣтей вымерло; въ пятый... Да всего не перечтёшь!

Старушка съ такимъ жаромъ высчитывала бѣдствія, которыхъ мнимою причиной былъ оборванецъ, и такъ была увѣрена въ своихъ убѣжденіяхъ, что напрасно было-бы и разувѣрять её.

— Чѣмъ-же кормится бѣдный старикъ, коли вы всѣ его отъ себя гоните? — спросилъ я Гултамзе.

— Чѣмъ питается? Пастухи какъ завидятъ его, такъ и положатъ поодаль хлѣбца; оборванецъ и возьмётъ, а иногда и мимо пройдётъ, не тронетъ. Повѣришь-ли: пастухи видывали, какъ старикъ собиралъ на полѣ кости, какія ни попало, и грызъ ихъ!

Слова Гултамзе бросили меня въ дрожь.

Послѣ минутнаго молчанія, я обратился къ ней:

— Почему-бы не взять вамъ оборванца въ деревню, да запереть въ какой нибудь лачужкѣ и кормить его?

— Чтобъ нажить себѣ бѣды?.. Нѣтъ, сынъ мой, тогда намъ всѣмъ пришлось-бы ходить оборванцами.

Очевидно, старушка не могла думать иначе: она раздѣляла понятія своихъ единоземцевъ, хотя ихъ и нельзя упрекнуть въ отсутствіи человѣколюбія.

— Куда-же дѣвалась Сандуа?—спросилъ я Гултамзе.

— Туда-же, куда дѣвался и отецъ мой и дѣдъ мой.

— Умерла?

— Еще-бы не умереть!.. Я бы на ея мѣстѣ тридцать разъ умерла!..

— Вѣрно съ горя, замѣтилъ я.

— Конечно не съ радости! Бѣдная Сандуа!.. И хоть-бы умерла-то по человѣчески!

— Какую-же, матушка, смерть называешь ты не человѣческою?

— А такую, что Сандуа умерла на большой дорогѣ, какъ издыхаетъ изнуренная скотина, безъ помощи, на холодѣ и, можетъ быть, съ голоду!..

— Куда-же это она ходила?

— Ей-то не куда было ходить, да потробовали... Вотъ какой случай вышелъ: её взяли подъ стражу...

— Какъ такъ?

— Да такъ! Сказывали, будто и она виновата по дѣлу объ убійствѣ Мерцхалы и Лашкара... Слишите?.. Въ дѣлѣ объ убійствѣ Лашкара обвинять Сандуа, — мать, для которой сынъ былъ дороже своихъ обоихъ глазъ! Мать, которая, узнавъ о смерти сына, хотѣла броситься въ Арагву, истязала себя, рвала на себѣ волосы, ногтями изуродовала лице!..

— Что-же было потомъ?

— Судили, рядили и... найдя её невинною, разумѣется отпустили на волю. Пора была осенняя... Старуха отправилась домой одна, полуживая, и не дошла ужь до Пшавіи, а нашли её мертвою на дорогѣ.

Тутъ Гултамзе встала, отирая овлаженные слезами глаза, и

собралась меня покинуть, — но вдругъ опять страшно всполошилась самымъ неожиданнымъ для меня образомъ.

— О, несчастіе на мою голову!—вскрикнула она.—Пропали мы, погибли!.. О, *Оборванецъ!*.. Не даромъ-же ты приходилъ сюда!..

— Что такое?.. Что съ тобою, Гултамзе?—спросилъ я въ невольномъ изумленіи.

— Смотри, сынъ мой, смотри!.. Мы погибли!..

И она указала гору, надъ которою поднимался черный, густой дымъ. Горѣли стога сѣна, принадлежащіе Пшавцамъ.

— Кто это могъ поджечь сѣно?

— Разумѣется наши добрые сосѣди: Хевсуры или Кистины.

— Не горюй, Гултамзе! Начальство взыщетъ съ виновныхъ, если только въ самомъ дѣлѣ это горитъ сѣно.

— А развѣ не видите, что горитъ?

— Вижу дымъ... Но, можетъ быть, это вспыхнулъ бурьянъ.

Старушка поуспокоилась. — Пойду, не узнаю-ли чего нибудь,—сказала она и направилась поспѣшно къ деревнѣ; но пройдя шаговъ десять, воротилась еще разъ и прибавила:

—Чуть-было не забыла... Не забудь и ты записать сына-то моего въ ясаулы... Да скажи начальнику, чего онъ, *благословенный*, сидитъ себѣ дома, да и не заглянетъ къ намъ узнать, что тутъ дѣлается.

Кн. Р. Эристовъ.

АГА-МУХАММЕДЪ-ШАХЪ
ВЪ ШУШѢ.

АГА-МУХАММЕДЪ-ШАХЪ ВЪ ШУШѢ.

(Историческій очеркъ).

1797.

Персидскій Шахъ, грозный Ага-Мухаммедъ, пылалъ местью противъ Ибрагимъ-Хана Карабагскаго и всей земли его. Недавнія неудачи Шаха, извѣстнаго на Востокѣ своею свирѣпой жестокостью, раздражали его. Безчисленное персидское войско явилось на Араксѣ. Карабагъ истинно бѣдствовалъ... Трехлѣтній неурожай и опустошительная война распространили голодъ и нищету въ краѣ, дотолѣ процвѣтавшемъ. Многія воинственныя общества курдскія перекочевали въ сосѣдственныя провинціи, снискивая себѣ пропитаніе на чужбинѣ, а оставшіеся жители, изъ Армянъ и Татаръ, обезсиленные и упавшіе духомъ, кое-какъ существовали остатками своего прежняго достоянія.

Ибрагимъ-Ханъ видѣлъ всю опасность своего положенія и, не желая безполезной борьбою подвергать свой край новымъ неизбѣжнымъ бѣдствіямъ, удалился съ своимъ семействомъ и приверженными беками къ Джаро-Белоканамъ. Въ тоже время

Ага-Мухаммедъ-Шахъ вступилъ безъ боя въ столицу Карабага, Шушу, передъ гранитными стѣнами которой, за годъ передъ тѣмъ, сокрушились всѣ его напрасныя усилія.

Двѣ тысячи лучшихъ всадниковъ, подъ начальствомъ отважнѣйшихъ предводителей, были отряжены въ погоню за бѣжавшимъ Ханомъ. Они догнали его при переправѣ черезъ р. Тертеръ, и тутъ завязался упорный бой между преслѣдуемыми и преслѣдователями.

Въ отчаянной битвѣ одного противъ десяти, Карабагцы нашли сильнаго союзника, много разъ извѣданнаго въ прежнихъ кровавыхъ битвахъ. Союзникъ этотъ былъ — страхъ, внушаемый боевымъ крикомъ Карабагцевъ. Персіяне не устояли, были опрокинуты и искали спасенія въ бѣгствѣ. Ибрагимъ-Ханъ былъ спасенъ...

Но неудовлетворенная ярость вскипѣла съ удвоенною силою въ груди Шаха. Гнѣвъ его, какъ грозная громовая туча, нависъ надъ трепещущимъ Карабагомъ; а удары его достигали самыхъ неприступныхъ и уединенныхъ мѣстностей края. Какъ звѣри, повсюду рыскали толпы персидскихъ мародёровъ. Скотъ и хлѣбъ насильственно отнимались у несчастныхъ жителей и мучительная смерть наказывала сопротивленія или утайку собственности.

Опустѣли дороги и села. Плугъ земледѣльца не касался поля. Соколъ охотника не носился подъ облаками. Дѣятельная народная жизнь пріостановилась. Затихли веселые звуки пѣсней, умолкли колокола церквей христіанскихъ, и вѣрующіе украдкою собирались къ нѣмой молитвѣ. Одинъ звонкій голосъ муэззина, однообразнымъ и печальнымъ отголоскомъ разносился по горамъ и долинамъ.

Такъ изнемогаетъ отъ ранъ изнуренный боецъ, забытый на полѣ битвы. Вокругъ него уже рыщутъ хищные звѣри, летаютъ плотоядныя птицы, — но еще не смѣютъ терзать беззащитнаго, страшась послѣдняго его вздоха, послѣдняго усилія, внушаемаго надеждою и молитвой...

Только въ Шушѣ кипѣла кровавая дѣятельность.

Высоко, до облаковъ подпимается гранитная твердыня шушинская. Съ вершины отвѣсной скалы взоръ простирается далеко къ Югу, чрезъ лѣсистыя горы и знойныя долины, вплоть до серебристыхъ струй Аракса и до тёмной цѣпи Карадага. Къ Сѣверу сверкаютъ громады снѣжныхъ горъ, означая предѣлы благословенной Грузіи.

Тамъ, на шушинской высотѣ, неизвѣстны рѣзкія противоположности лѣтняго зноя и зимняго холода. Только ясная весна да туманная осень царствуютъ на этой недоступной обители, куда только люди могли проложить дорогу, чтобы вмѣстѣ съ собою перенести въ поднебесье свои заботы и страсти, свою боязнь и властолюбіе.

На юго-восточной сторонѣ отвѣсной скалы стоитъ построенный въ каре дворецъ Маммедъ-Гасанъ-Аги, старшаго сына Ибрагимъ-Хана Карабахскаго. Тутъ поселился Ага-Мухаммедъ-Шахъ.

Широкія ворота ведутъ во внутренній дворъ. Вдоль передняго фаса тянется крытая галлерея, защищая отъ солнечныхъ лучей покои, въ которыхъ, сквозь поднятыя узорчатыя окна, составленныя изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, еще недавно можно было видѣть карабахскаго властелина, проводившаго дни свои въ бездѣйствіи, на мягкихъ коврахъ, посреди своей челяди...

Всѣ эти парадные, взору доступные покои нынѣ Шахъ уступилъ своимъ приближеннымъ. Самъ-же онъ скрылся отъ недостойныхъ взоровъ въ небольшой комнатѣ юго-восточной части дворца. Въ этой комнатѣ, чрезъ одно лишь наружное окно, только свѣтъ дневной,—да еще развѣ взоръ поднебеснаго орла, — достигали до неприкосновенной особы побѣдителя.

Тѣснымъ корридоромъ отдѣлялось уединенное убѣжище Шаха отъ другой маленькой комнатки, занятой любимыми его нукерами: Аббасъ-Бекомъ и Сафаръ-Аліемъ.

Передъ дворцемъ толпились люди. На обширной площади располагалась бивуакомъ настоящая гвардія Шаха.

Смуглыя лица этихъ воиновъ, ихъ высокія шапки изъ черныхъ смушекъ, разноцвѣтныя чухи съ откидными рукавами, высокіе сапоги изъ желтаго сафьяна съ выгнутыми вверхъ, остроконечными носками и, наконецъ, ихъ вооруженіе, состоявшее изъ кривой дамасской сабли, широкаго кинжала и длинной винтовки, придавали имъ видъ дикій и мужественный. Между ихъ живописными группами отъ времени до времени проносились всадники: живой Курдъ съ длинною камышевой пикою въ рукѣ, на небольшомъ проворномъ конѣ арабской крови; Трухменъ — на болѣе рословъ конѣ съ томно-огненными глазами; житель Ирана съ вѣчно-усталымъ, равнодушнымъ видомъ: то были гонцы Шаха, скакавшіе съ его повелѣніями или съ донесеніями къ нему отъ частныхъ начальниковъ войска. Передъ самымъ дворцемъ суетились другіе всадники, иные сидя на коняхъ, иные держа въ поводу жеребцовъ, которые поднявъ голову съ огненными глазами, съ раздутыми ноздрями, скрежетали зубами о мундштукъ или игриво поднимались на дыбы, какъ-бы гордясь своимъ благороднымъ происхожденіемъ и богатымъ убранствомъ сбруи и чепрака, по которому, быть можетъ, невиданная красавица вышивала золотые и серебряные узоры.

Съ важнымъ видомъ, съ многочисленною прислугой, разъѣзжали посреди толпы начальствующіе Ханы. Предъ воротами дворца нѣкоторые изъ нихъ слѣзали съ лошадей, чтобы безшумно проникнуть во-внутренній дворъ, гдѣ царствовала гробовая тишина. Другіе уже были внутри двора и на раскинутыхъ коврахъ курили безмолвно кальянъ, или, стоя, вполголоса разговаривали. Всѣ съ напряженнымъ безпокойствомъ ожидали призыва къ повелителю, — и когда кто-либо изъ нихъ былъ призванъ и потомъ возвращался послѣ краткаго отсутствія, — никто не дерзалъ обратиться къ нему съ вопросомъ. Молча, онъ оставлялъ дворъ, и только многозначительный взоръ зависти или любопытства преслѣдовалъ удалявшагося, какъ-бы усиливаясь разгадать новую тайну.

Слуги ходили взадъ и впередъ по двору. Одни — съ серебряными сосудами, другіе съ кальянами, третьи съ ястребами на рукѣ. Но вообще всё это движеніе сопровождалось какою то торжественной тишиною, какъ-бы происходившею отъ ожиданія опасности или особенно-важнаго событія. Обдуманная-же и молчаливая дѣятельность видимо объяснялась всеобщимъ желаніемъ предупредить всякое желаніе, удовлетворить малѣйшую нужду повелителя...

Угрюма и непривѣтна была комната Шаха. Тамъ не было прихотливой мебели и безъ украшенія стояли голыя стѣны. На полу лишь былъ разостлалъ богатый ковёръ, чтобы предохранить ногу властелина отъ жесткаго прикосновенія, къ каменнымъ плитамъ, да у стѣны стояла, знаменитая въ то время, походная кровать Шаха, служившая ему и кроватью и престоломъ или параднымъ сѣдалищемъ. Ткань, густо усѣянная жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, покрывала эту кровать вплоть до пола, а посрединѣ дорогаго одѣяла было оставлено незашитое поле изъ пурпуроваго бархата, обозначавшее мѣсто шахскаго сидѣнія.

Тутъ обыкновенно возсѣдалъ Шахъ съ поджатыми подъ себя ногами, одѣтый въ широкую шубу, покрытую богатой шалью краснаго цвѣта. Высокая остроконечная шапка изъ черныхъ смушекъ накрывала его бритую голову, придавая мертвенный видъ желтому, безбородому и морщинистому лицу, свидѣтельствовавшему о томъ противуестественномъ увѣчьи, которое, будучи нѣкогда совершено надъ Шахомъ-ребёнкомъ, содѣлало изъ него въ зрѣломъ возрастѣ ненавистника всего человѣчества. Изуродованный тѣлесно, — Шахъ сталъ извергомъ нравственнымъ... Бренныя останки Надиръ-Шаха, виновника увѣчья Ага-Мухаммеда, сложилъ онъ подъ плиты корридора, ведущаго въ сераль, — чтобы имѣть возможность ежедневно попирать прахъ, ему ненавистный: точно такъ желалъ-бы онъ уложить въ одну гробницу весь родъ человѣческій, — чтобы цѣлое человѣчество презрительно попирать ногою...

Ненависть и какая-то кровавая злоба сверкали изъ глубоко-вдавленныхъ глазъ его, которые, при внутреннемъ волненіи, какъ-будто обливались багровымъ мерцаніемъ. Острый взглядъ этихъ глазъ проникалъ въ душу людей, а судорожная, презрительная улыбка тонкихъ и сжатыхъ губъ выражала то глубокое пренебреженіе, съ какимъ онъ взвѣшивалъ каждую отгаданную имъ мысль своего собесѣдника.

Полу-сидя, полу-лёжа, покоился онъ на своей походной кровати. Опираясь на бархатную подушку, перебиралъ онъ рукою крупный жемчугъ безцѣнныхъ чётокъ, а уста его въ тоже время диктовали какое-то повелѣніе мирзѣ, который, стоя на колѣнахъ, на длинномъ листѣ записывалъ слова повелителя.

Не излагались послушнымъ перомъ мысли добродѣтельныя, проливающія на народы спокойствіе и благоденствіе... Нѣтъ, то были приговоры къ мучительной смерти и приказы о новыхъ поборахъ съ жителей. Слова пощады и человѣколюбія никогда не исторгались изъ раздраженной души властителя-эвнуха, давно привыкшей къ выраженіямъ ненависти и казни...

Восьмой день по занятіи Шуши склонялся къ вечеру.

При послѣднемъ сіяніи солнца мусульманинъ привѣтствуетъ двухъ невидимо-предстоящихъ ангеловъ, слетающихъ къ нему во время вечерней молитвы.

Въ этотъ вечеръ, въ Карабагѣ, изъ тысячи сердецъ, преданныхъ отчаянію, излилась теплая молитва о избавленіи и горькія слезы многихъ матерей поручили Творцу дѣтей, приговоренныхъ къ голодной смерти.

И тиранъ тоже склонился предъ Тѣмъ, Кого не могъ не признать Властителемъ властителей. Подъ окномъ своей комнаты, обращая лице въ ту сторону, откуда взошла заря корана и гдѣ покоится прахъ пророка, Шахъ стоялъ колѣнопреклоненный и творилъ молитву, установленную закономъ.

По угламъ комнаты ложилась вечерняя тьма; лишь въ открытое окно лились на молящагося потоки багрянаго свѣта вечерней зари. Но торжественныя явленія наступавшаго вечера не были доступны взволнованной душѣ Шаха, уже на вѣки закрытой для истиннаго благоговѣнія, возвышающаго насъ хотя на мгновеніе надъ мірскими страстями. Мірскія думы у молившагося перемѣшивались съ думою о Богѣ; безпокойный взглядъ блуждалъ во всѣ стороны, и тогда Шахъ, касаясь головы рукою, какъ-будто хотѣлъ этимъ движеніемъ приковать свое вниманіе къ прерванной молитвѣ.

Шахъ еще находился подъ вліяніемъ этой внутренней тревоги, какъ вдругъ на порогѣ его комнаты показалась высокая, статная фигура Садыхъ-Хана Шагахскаго, начальника всей шахской конницы.

Ханъ, сложивъ руки на груди, низко поклонился и сталъ у порога въ безмолвномъ ожиданіи.

Взглядомъ разъяреннаго тигра окинулъ Шахъ вошедшаго Хана и быстро схватился за пистолетъ.

— «Какъ ты осмѣлился, ничтожный рабъ, явиться предо мною незванный?» — спросилъ Шахъ послѣ минутнаго молчанія.

Ханъ низко поклонился.

— «Недостойный рабъ твой исполняетъ волю своего повелителя, переданную ему устами Сафаръ-Алія.» — отвѣчалъ Ханъ дрожащимъ голосомъ.

Шахъ позвалъ Сафаръ-Алія.

Въ комнату Шаха вошелъ молодой человѣкъ, стоявшій до того за дверями. Высокій, гибкій станъ юноши, полнаго мужественной силы, тонкія, свѣжія черты его благороднаго лица и томный огонь черныхъ глазъ—свидѣтельствовали, что

онъ былъ еще въ первой порѣ возмужалости. Непринужденный поклонъ Сафаръ-Алія обличалъ въ немъ любимца, привыкшаго къ обращенію съ своимъ повелителемъ. Нукеръ безъ смущенія выдержалъ бѣшеный взглядъ Шаха и безъ боязни выслушалъ его укоризненный вопросъ:

— «Когда я тебѣ приказывалъ звать Садыхъ-Хана?..» —

— «Съ полчаса тому назадъ.» — Смѣло отвѣчалъ нукеръ.

— «Лжешь, собака!» — вскрикнулъ Шахъ, направляя дуло пистолета въ грудь Сафаръ-Алія, но тотчасъ-же опуская его...

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ ла лицѣ обвиняемаго: вблизи Шаха мысль о смерти сдѣлалась для всѣхъ привычною и обыкновенною. Однако Сафаръ-Али поклонился смиренно и смиренно отвѣчалъ:

— «Не дерзнетъ червь ничтожный лгать предъ Богомъ небеснымъ и предъ солнцемъ его земнымъ! Можетъ быть злой духъ обманулъ мое ухо и я не понялъ приказанія моего повелителя... Жизнь раба шахскаго въ рукахъ твоихъ!» —

— «Если уши твои не умѣютъ слушать, такъ они мнѣ и не нужны... Ступай, пусть ихъ отрѣжутъ!» —

Произнеся такой приговоръ, Шахъ мановеніемъ руки далъ знакъ присутствовавшимъ, — и они удалились.

Трепещущій Садыхъ-Ханъ вздохнулъ свободнѣе, когда вышелъ за ворота шахскаго двора.

Надъ Сафаръ-Аліемъ исполнили приговоръ...

Пришла ночь. Предвѣстники ея, торжественная тьма и таинственный говоръ, постепенно разлились по глубокимъ долинамъ и горнымъ ущельямъ. Взошла луна. Спокойствіе водворилось повсюду; но глубокая, мертвая тишина царствовала передъ дворцемъ Шаха и только изрѣдка прерывалась

окликомъ часоваго или звукомъ отдаленнаго удара копыта о камень.

Передъ дворцемъ Шаха, вмѣсто живыхъ, движущихся группъ войска, кое-гдѣ рисовались недвижныя тѣни стражниковъ. Верхомъ на коняхъ, или сидя на обломкахъ гранита, они казались фантастическими фигурами, изваянными изъ того-же камня.

Еще окна передняго дворцоваго фасада были освѣщены, но внутреннее движеніе скрывалось за цвѣтными стеклами. Вся громада дворца рисовалась на тёмномъ сводѣ неба, какъ какое-то недоступное мѣстопребываніе таинственной, неразгаданной силы, обнаруживающейся въ дѣйствіяхъ, но утаявающей причины... Запоздалый путникъ, проходя въ эту пору по тёмной тропинкѣ у подошвы скалы, видѣлъ высоко надъ собою черную громаду стѣнъ, отъ которыхъ изливался одинокій огонёкъ, то угасающій, то снова мерцающій, какъ огонь маяка, предваряющаго о близкой опасности: то было мерцаніе лампады въ комнатѣ Шаха.

Вперивъ взоръ въ слабое пламя лампады, Шахъ лежалъ на кровати, а дума его парила въ предѣлахъ властолюбія и честолюбія; онъ мечталъ объ увеличеніи или упроченіи своего державнаго могущества.

Вдругъ онъ нахмурился, приподнялся на локоть и сталъ прислушиваться. Ему показалось, будто онъ слышитъ шопотъ и тихія рыданія.

Тревожно онъ кликнулъ своихъ нукеровъ. Они вошли. Сафаръ-Али былъ блѣденъ какъ привидѣніе; голова его была обвязана окровавленными платками. Аббасъ-Бекъ вошелъ съ потупленными взорами...

— Ты смѣешь плакать, какъ женщина! — сказалъ Шахъ Сафаръ-Алію, — когда тебѣ должно радоваться о великой милости, даровавшей тебѣ жизнь... А ты, Аббасъ, осмѣлился громко разговаривать около моей опочивальни и мѣшать моему сну... Вы оба стали лишніе на землѣ и съ восходомъ солнца падутъ ваши головы. Есть еще нѣсколько негодяевъ,

подобныхъ вамъ. Завтра наряжу я страшный судъ надъ всѣми и изъ череповъ вашихъ сооружу минаретъ выше минарета Шамхорскаго... Вы слышали, — ступайте!..» —

Приговоры Ага-Мухаммедъ-Хана не допускали надежды на помилованье. Слова его были безвозвратны, какъ удары исполнительной сѣкиры палача.

Тусклый свѣтъ полуночной луны едва озарялъ Шушу, похожую въ этотъ часъ на мрачное кладбище. Какъ-бы для полноты сходства, между волнистыми, гробообразными крышами землянокъ изъ желтой глины, тамъ и сямъ мелькали бѣлые домики, уподобляясь надгробнымъ памятникамъ. Казалось, всё спало...

Спалъ и тиранъ... Но судьба бодрствовала и ангелъ пророка, развернувъ въ 4-мъ небѣ списокъ смертнымъ, считалъ біенія пульса времени, чтобы вычеркнуть изъ числа живыхъ одно земное созданіе, у людей названное Ага-Мухаммедомъ...

Не спали также и земные исполнители роковаго предопредѣленія.

Въ тѣсной своей комнаткѣ бодрствовали нукеры Шаха. Сафаръ-Али лежалъ передъ пылающимъ каминомъ. Онъ былъ такъ неподвиженъ и блѣденъ, что казалось, будто свѣтъ огня бросаетъ на смерть краски жизни. У головы страдальца сидѣлъ, поджавъ ноги, Аббасъ-Бекъ. Оба молчали.

Наконецъ Аббасъ-Бекъ прервалъ молчаніе. Нагнувшись къ лицу товарища, онъ тихо произнёсъ:

— «Пришла наша послѣдняя ночь. Завтра мы перестанемъ жить, Сафаръ-Али.» —

Вздрогнулъ Сафаръ-Али.

Аббасъ-Бекъ, еще ближе наклоняясь къ товарищу, продолжалъ:

— «Но послушай, Сафаръ-Али, мы не умрёмъ, если только смѣло захотимъ жить... Пусть лучше умретъ Шахъ, и теперь-же, сейчасъ, прежде, чѣмъ воздухъ проникнетъ изъ нашей комнаты въ его спальню... Пусть его собственный черепъ будетъ основой того минарета, который онъ задумалъ выстроить,—а достроитъ его воля Аллаха!.. Мужайся, Сафаръ-Али: убьёмъ нашего губителя...» —

Сафаръ-Али приподнялся и выпрямился. Пламя мести блеснуло въ глазахъ его; онъ схватился за кинжалъ и тихо, сквозь стиснутые зубы, вымолвилъ:

— «Ты высказалъ мысль мою, Аббасъ!.. Шахъ долженъ умереть отъ моей руки и пусть слухъ мой, по его приказанію лишенный своего наружнаго украшенія, потѣшится послѣдними предсмертными его стенаніями.» —

Мстители, вооруженные кинжалами, тихо вышли въ корридоръ и остановились за шелковымъ занавѣсомъ, закрывавшимъ входъ въ комнату Шаха.

Водворилась глубокая тишина.

Осторожно коснулся Аббасъ занавѣса; зашелестилъ шелкъ, окостенѣла рука испуганнаго, дыханіе замерло въ груди его, а сердце забилось такъ сильно, какъ будто хотѣло разбудить спящую жертву. Убійцы обмѣнялись взглядами. Въ этихъ взглядахъ выразилась борьба двухъ чувствъ, всегда нераздѣльныхъ въ человѣкѣ: чувствъ страха и самосохраненія. Но борьба длилась не долго: чувство самосохраненія восторжествовало.

Рука Сафаръ-Али смѣлѣе сжала занавѣсъ и быстрый взглядъ его проникъ во внутренность спальни. Огонёкъ изъ серебряной лампады проливалъ слабое мерцаніе на Шаха, погруженнаго въ глубокій, спокойный сонъ.

Безъ шума скользнула по мягкому ковру нога, обутая въ

шерстяной чулокъ. Двое убійцъ, какъ грозныя видѣнія, стали у кровати обреченнаго ихъ мщенію.

Поднялся кинжалъ, сверкнулъ отраженіемъ слабаго свѣта лампады и глубоко вонзился въ грудь спящаго...

Шахъ приподнялся. Приложивъ обѣ руки къ груди, онъ остановилъ на убійцѣ угасающій взоръ и произнёсъ:

— «Несчастный! Ты убилъ Иранъ...» —

То были послѣднія слова грознаго Шаха. Взоръ его погасъ; голова тяжело упала на подушку.

Судьба его совершилась...

Гр. Стенбокъ.

КАТО И АНА.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ прошедшемъ году фельетонистъ тифлисской газеты «Кавказъ,» — съ удовольствіемъ, понятнымъ каждому истинному поборнику *развитія*, возвѣстилъ о появленіи въ Тифлисѣ *первой* Грузинки-писательницы. Онъ возвѣстилъ объ этомъ явленіи, какъ объ одной изъ самыхъ удивительныхъ, отрадныхъ и *небывалыхъ* въ Грузіи новостей. Новость въ самомъ дѣлѣ была удивительная и встрѣтила нѣкоторое недовѣріе въ публикѣ, привыкшей къ убѣжденію, что прекрасная половина туземнаго населенія (съ самыми рѣдкими исключеніями) въ литературномъ своемъ образованіи не пошла далѣе чтенія Священнаго Писанія и изученія извѣстнѣйшихъ туземныхъ поэтовъ. Далѣе, объясняя причины всеобщаго изумленія и недовѣрія къ объявленной имъ новости, фельетонистъ писалъ: «Конечно, можно-бы не слишкомъ изумляться появленію женщины-писательницы въ такомъ народѣ, въ которомъ могла явиться великая Тамара, доказавшая собою возможность высокаго развитія женщины въ Грузіи (*); но, съ другой стороны, всѣмъ извѣстный восточный отпечатокъ на воспитаніи и образѣ жизни женщинъ въ прежней и нынѣшней Грузіи: затворничество, скромность и отчужденіе

(*) Прибавимъ здѣсь отъ себя, что царица Тамара явилась въ томъ вѣкѣ, когда вліяніе Греческой цивилизаціи на Грузію, впослѣдствіи уступившее мѣсто вліянію востока, было еще могущественно и благотворно, и когда грузинское юношество нерѣдко получало образованіе въ Византіи и Аѳинахъ.

отъ внѣшней, общественной жизни, вотъ достаточныя причины отсутствія въ исторіи и современности Грузіи такихъ женскихъ именъ, съ которыми была-бы сопряжена хотя малѣйшая, хотя самая односторонняя литературная извѣстность. Потому-то появленіе, въ наше время, женской личности, возъимѣвшей силу и смѣлость разбить скорлупу вѣковаго предразсудка, недопускавшаго Грузинокъ даже и помышлять о возможности заняться такимъ *не женскимъ дѣломъ*, какова литература,—истинно достойно изумленія»...

Затѣмъ, помѣстивъ въ своемъ фельетонѣ первый *печатный* опытъ *будущей грузинской писательницы* (подъ этимъ анонимомъ пожелавшей выступить на литературное поприще) фельетонистъ «Кавказа» заключаетъ: «Чтобы читатели могли съ настоящей точки зрѣнія смотрѣть на это первое и незначительное литературное произведеніе *писательницы-Грузинки*, почитаемъ необходимымъ извѣстіе о ней дополнить слѣдующими подробностями: сколько намъ извѣстно, *будущая грузинская писательница* жила и развивалась при самыхъ невыгодныхъ для умственнаго развитія условіяхъ: несчастіи и бѣдности. Небольшимъ, весьма небольшимъ, но, по сравненію съ прочими женщинами своего класса, значительнымъ образованіемъ, она обязана лишь само́й себѣ и тому неодолимому призванію, которое поддерживало её, съ юности до возраста среднихъ лѣтъ, въ стремленіи овладѣть какою нибудь формою для свободнаго выраженія своего задушевнаго міра, своихъ чувствъ и мыслей. Это стремленіе не оставляетъ её и до сихъ поръ и, по многимъ причинамъ, не можетъ не возбудить сочувствія и искренняго желанія успѣха на дальнѣйшемъ пути къ столь-смѣло избранной ею и, не однѣми только женщинами, трудно-достигаемой цѣли!.. Надѣемся, что время позволитъ намъ познакомить тифлисское общество и съ другими ея произведеніями.»

Время и новыя усилія будущей грузинской писательницы дѣйствительно дали возможность (если не «*Кавказу*» то *кавказскому литературному Сборнику)*, представить на судъ читателей болѣе полное и законченное ея произведеніе: первую ея повѣсть: «*Като и Ана.*» Не мѣсто здѣсь, да и не наше дѣло, говорить о достоинствахъ или недостаткахъ повѣсти. Не мудрено, что недостатки будутъ замѣчены въ значительномъ количествѣ,—но мы убѣждены, что, во всякомъ случаѣ,

они будутъ искуплены двумя большими достоинствами произведенія: его неоспоримой оригинальностью, и его многое-извиняющимъ значеніемъ *перваго опыта первой въ Грузіи женщины, рѣшившейся писать для печати, и притомъ писать не на природномъ своемъ языкѣ.* - Намъ даже кажется, что самая повѣсть, о которой идетъ рѣчь, какъ-бы она ни была интересна, всё-таки должна уступить въ занимательности одному тому факту, что *явилась* (какая-бы то ни было) *повѣсть писательницы-Грузинки.* Этотъ фактъ важенъ и интересенъ самъ по себѣ: въ немъ, по нашему мнѣнію, цѣлая исторія новѣйшаго періода жизни и быта Грузіи. Въ нёмъ — живое олицетвореніе и свидѣтельство того огромнаго шага на поприщѣ *европеизма*, который совершили въ Грузіи всѣ слои и оба пола общества подъ вліяніемъ цивилизаціи, принесенной въ эту страну Русскими, что̀ бы ни толковали пристрастные и озлобленные враги наши... Наконецъ, въ этомъ фактѣ видимъ мы кое-что и еще болѣе знаменательное и утѣшительное: мы видимъ въ немъ самостоятельное, независимое проявленіе *народнаго* въ Грузіи сочувствія къ тѣмъ новымъ началамъ, какія съ благодѣтельной цѣлію прививаются къ ней умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ Россіи...

Съ такой точки зрѣнія мы смотримъ на появленіе *будущей грузинской-писательницы*, — а чтобы подкрѣпить свое убѣжденіе доказательствами, еще болѣе осязательными, — представляемъ отрывки изъ ея автобіографіи. Представляемъ ихъ здѣсь въ надеждѣ, что эта простосердечная исповѣдь, (не лишенная, впрочемъ, и своего собственнаго интереса), — какъ нельзя болѣе подтвердитъ наши личныя убѣжденія относительно важности факта, и сожалѣемъ только о томъ, что мы не вправѣ помѣстить здѣсь всю автобіографію, въ томъ самомъ видѣ, какъ она изложена въ письмѣ отъ нашей *будущей писательницы* къ одному изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ ея литературной дѣятельности. Впрочемъ мы, смѣемъ увѣрить читателя, не посягнемъ на *наивность*, просвѣчивающуюся въ каждой фразѣ автобіографіи и дающую ей драгоцѣнный оттѣнокъ оригинальности, правды и искренности. Автобіографія начинается слѣдующимъ обращеніемъ:

«Позвольте, М. Г. сдѣлать вамъ маленькое замѣчаніе: скоро уже годъ какъ я съ вами знакома; вы читали нѣкоторыя статьи — плоды пера моего, — и, однако до сихъ поръ не позаботились узнать: *кто* ваша литературная

знакомка, и какая невидимая сила побуждаетъ *бѣдную и неученую Азіятку* покушаться на серьёзныя литературныя занятія?.. Между тѣмъ, еслибы вы захотѣли поближе взглянуть на всѣ тѣ обстоятельства, которыя привели её къ необходимости искать утѣшенія въ этихъ не женскихъ занятіяхъ, — передъ вашимъ *добрымъ* взоромъ представилось-бы много неожиданнаго и новаго; вы, можетъ быть, одобрили-бы терпѣніе Азіятки, и одобреніе ваше много, очень много облегчило-бы ея страданія... Но вамъ было не до того. Позвольте-же мнѣ самой высказать вамъ хоть одну тысячную часть моихъ приключеній: я чувствую потребность ихъ высказать... Жалѣю только о томъ, что не могу краснорѣчиво выражаться по-русски и, можетъ быть, вы съ отвращеніемъ будете меня слушать... Я даже не знаю съ котораго конца *потянуть* рѣчь... Но всё-равно: какъ-бы ни отвратителенъ былъ мой разсказъ, - повторяю, пришло время облегчить себя откровеннымъ повѣствованіемъ...

По происхожденію, я самая православная Грузинка, одна изъ незамѣтныхъ вѣтвей древняго и замѣтнаго дерева, которое уже въ теченіе двухъ вѣковъ приноситъ плоды на пользу отечества, расширяетъ блаженные корни до дна земли, высоко раскидываетъ молодые побѣги... Я тоже родилась подъ тѣнью этого дерева, въ селеніи, когда-то бывшемъ резиденціею одного изъ царей нашихъ,—но родилась я, видно, въ недобрый часъ...

Рожденіе перваго дитяти, выпрошеннаго у Творца молитвами моихъ родителей, привело ихъ въ восхищеніе. Я помню, какъ впослѣдствіи, въ домѣ нашемъ не одинъ разъ объ этомъ разсказывали: Сосѣдки наши вбѣжали къ отцу моему въ высокую, вѣковую башню, похожую на древніе баронскіе за̀мки, и привѣтствовали его радостными восклицаніями: «Поздравляемъ! — говорили онѣ,—Богъ не оставилъ дома добраго дворянина безъ наслѣдницы! Всевышній подарилъ вамъ дочь на 50-ти-лѣтнемъ вашемъ возрастѣ!»... Отецъ мой сталъ на колѣна и вознесъ теплую молитву о спасеніи третьей жены. Помолившись, онъ обратился къ посѣтительницамъ, поблагодарилъ ихъ, просилъ, чтобы онѣ пригласили всѣхъ женщинъ селенія, чтобы безъ всякой застѣнчивости пировали съ ними цѣлый мѣсяцъ и пили *джихвами* (*) за здоровье новорожденной малютки, а самъ обѣщалъ откупорить новый кувшинъ лучшаго вина.

И такъ, вступленіе мое въ свѣтъ сопровождалось наилучшими обстоятельствами; но видно онѣ не были добрыми предзнаменованіями!

Безъ сомнѣнія, отъ нѣжныхъ обо мнѣ попеченій,—я стала возрастать быстро, увы! слишкомъ быстро для той борьбы, которая предстояла мнѣ въ жизни...

Въ самомъ дѣлѣ я была какимъ-то особеннымъ и страннымъ ребёнкомъ. Со втораго года — я начала всё понимать и приводила въ изумленіе всѣхъ, окружавшихъ меня. Не примите этого за похвальбу: я вамъ разсказываю это какъ рѣдкость, а не для хвастовства... Двухъ лѣтъ отъ ро̀ду я

(*) Рогъ для питья вина.

начинала видѣть во снѣ призраки и даже какъ-бы осязала ихъ. Трехлѣтняя,— я разсказывала мои видѣнія нашимъ служанкамъ, которыя объясняли ихъ по своему, предсказывая мнѣ страшную будущность. Жаль только, что никто не могъ угадать, что́ именно меня ожидало, и принять какія нибудь предосторожности!»

На минуту прерываемъ автобіографію, чтобы остановить вниманіе читателя на раннемъ развитіи воображенія дитяти, такъ-какъ чрезвычайнымъ развитіемъ этой способности можетъ быть объяснено многое въ послѣдующихъ обстоятельствахъ жизни нашей писательницы.

«Шести лѣтъ — я уже умѣла порядочно читать и писать по грузински, разбирала *хуцури* (церковныя письмена) и даже начинала связывать стихи; а на седьмомъ году — побранила *въ стихахъ* одну нашу сосѣдку за то, что она отняла у меня букетъ: ничто меня такъ не оскорбляло, какъ несправедливость... Однако, — помню какъ вчерашній день, — мнѣ сильно досталось отъ матушки за первое мое стихотвореніе. Строго взыскавъ съ меня за ребяческую дерзость, матушка приказала служанкамъ слѣдить за мною и если я опять вздумаю заняться стихами,—отнимать у меня написанное и приносить къ ней... На седьмомъ году я умѣла кое-что вышивать въ пяльцахъ; но помню, что женскія работы не столько нравились мнѣ, какъ чтеніе. Въ особенности-же въ это время любила я чтеніе Закона Божія, и читала его всегда съ той цѣлію, чтобы потомъ, когда нибудь, растолковать его народу: мнѣ, семилѣтнему ребёнку, казалось, что народъ не понимаетъ Закона Божія, не имѣетъ состраданія и поступаетъ противъ природы. Впрочемъ и теперь я не далека отъ такого-же мнѣнія и вижу, что не слишкомъ ошибалась, будучи ребёнкомъ...

«Около этого-же времени оказалась у меня страсть къ изученію языковъ и, признаюсь, даръ къ изученію ихъ былъ у меня замѣчательный. Но Богъ не далъ случая заняться ими, да и родители мои тому препятствовали, не желая, чтобы я знала другой языкъ, кромѣ природнаго. Сверхъ того имѣла я большую склонность къ пѣнію и музыкѣ, — но объ этихъ занятіяхъ и думать было нечего, такъ какъ у насъ, въ Азіи, онѣ въ большой стыдъ вмѣняются женскому полу. За то я была первымъ другомъ тому, кто умѣлъ толковать о старинныхъ исторіяхъ, кто пѣлъ пѣсни или разсказывалъ сказки.

«На двѣнадцатомъ году страсть моя къ чтенію еще усилилась. Кромѣ того я жадно бросилась на всѣ женскія рукодѣлія. Дѣятельность моя была изумительна даже для меня самой. Одной минуты не могла я остаться въ праздности. Но отъ этой тревожной жизни я видимо хирѣла и часто болѣла, а это не могло не тревожить моихъ родителей. Они стали запрещать мнѣ чтеніе книгъ и имѣли на это полное право, — только, къ сожалѣнію, я не могла имъ покориться въ этомъ случаѣ: я продолжала читать книги, какія попадались, и даже нашла случай изучать языки. У насъ часто бывалъ одинъ мальчикъ изъ училища; онъ приходилъ къ намъ съ русскою азбукой и другими русскими книгами; я успѣла разными дѣтскими подарками подкупить молодаго школьника и онъ сталъ потихоньку учить меня русской азбукѣ. Я была довольна моимъ наставникомъ. Бывало уйдёмъ съ нимъ въ садъ,

присядемъ гдѣ нибудь въ углу, и читаемъ русскіе склады. Такимъ образомъ выучилась я русской грамотѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не оставляла грузинскихъ книгъ и по прежнему часто принималась за стихи: всё это, разумѣется, тайкомъ отъ родителей, чтобы не заплатить имъ огорченіемъ за безмѣрную ихъ любовь. Любовь-же ихъ ко мнѣ была поистинѣ необыкновенная. Они лелѣяли меня больше всѣхъ дѣтей своихъ, каждый день одѣвали въ новые и разнообразные костюмы, дышали и *питались* моими ласками. Увы! Они слишкомъ высоко мечтали о судьбѣ моей! Сколько разъ я слышала отъ моей матери, что меня любятъ болѣе оттого, что я, какъ двѣ капли воды, похожа на ея бабку — царевну Марину. Покойница была удивительно острое, умное, кроткое и набожное существо; послѣднее свое состояніе она тратила на постройку храмовъ и въ этихъ блаженныхъ занятіяхъ окончила дни свои. Бѣдные родители мои думали, что такъ-какъ я имѣла наружное съ нею сходство, то и во всёмъ прочемъ буду на неё похожа, и также благополучно, какъ она, проведу жизнь мою; они вѣрили, что судьба также прекрасно располагаетъ нами, какъ и мы сами, и надѣялись, что храмы, построенные царевною Мариной, — послужатъ къ моему спасенію. Напрасная увѣренность! Храмы царицы Марины и до сихъ поръ существуютъ въ нѣкоторыхъ запустѣлыхъ мѣстахъ *Картли* (Карталиніи или собственно-Грузіи),— а мое счастіе давно разбито враждебными силами обстоятельствъ. . .

. . .«Переходя къ другому періоду моей жизни, позволяю себѣ въ послѣдній разъ обратиться къ безцѣннымъ воспоминаніямъ о моихъ родителяхъ, о моемъ дѣтствѣ. Я забыла сказать вамъ, что четыре брата, какъ-бы догоняя меня на жизненномъ пути, явились послѣ меня на свѣтъ Божій. Я любила ихъ больше всего на свѣтѣ. Я для нихъ замѣняла няню, не отходила отъ ихъ колыбели и, бывало, по ночамъ, никто прежде меня не услышитъ ихъ крика и не разбудитъ кормилицу. Братья подрастали на моихъ глазахъ; мы были неразлучны. Длинное селеніе наше расположено на возвышенности, а за селеніемъ есть довольно большая гора, на которой красуется церковь. Тамъ всегда было множество прекрасныхъ цвѣтовъ и туда часто отправлялись мы съ братьями; молились храму, долго стоя на колѣнахъ; потомъ бродили по горѣ, въ дѣтскихъ мечтахъ и разговорахъ рвали цвѣты, или, возвращаясь домой, бѣгали по саду, слушали поющую птицу, старались приманить её къ себѣ разными средствами... И такимъ образомъ проходили мои ребяческіе досуги, оставляя по себѣ глубокій слѣдъ въ моей памяти, какъ о какомъ-то райскомъ сновидѣніи. . .»

Здѣсь прекращается періодъ дѣтства будущей писательницы и наступаетъ другое, болѣе ненастное и пасмурное время. Оставляя до сихъ поръ въ неприкосновенности собственный ея разсказъ, мы не можемъ, къ сожалѣнію, сдѣлать того-же съ послѣдующими страницами автобіографіи; говоримъ: *къ сожалѣнію*, потому, что на этихъ страницахъ еще выпуклѣе рисуются особенности нравовъ общества, посреди котораго жила писавшая, и еще рѣзче проявляются тѣ черты ея личнаго характера, которыя конечно уже замѣчены читателемъ въ приве-

денномъ выше отрывкѣ, а именно: чрезвычайная впечатлительность молодой дѣвушки-полудикарки и сильное, истинно-южное воображеніе, послужившее главнымъ двигателемъ въ томъ исключительномъ направленіи, какое было принято ею впослѣдствіи. Для связи описаннаго періода ея жизни съ послѣдующими, а также для яснѣйшаго уразумѣнія того, какими путями могла въ *бѣдномъ* классѣ грузинскаго общества образоваться женщина-писательница (что и составляетъ цѣль настоящаго предисловія) скажемъ въ короткихъ словахъ, что главнѣйшими событіями, совершившимися послѣ описаннаго ею дѣтства, были: замужство въ Тифлисѣ, и потомъ долговременная разлука съ Тифлисомъ и со всѣми родными. Послѣдствіемъ этой разлуки, между прочимъ, было случайное и повидимому благотворное для нашей героини сближеніе ея съ однимъ русскимъ семействомъ. Эти два обстоятельства имѣли рѣшительное вліяніе на ея дальнѣйшую судьбу и умственное развитіе... Но обратимся снова къ отрывкамъ изъ автобіографіи.

«... Въ замужствѣ я снова принялась за книги, въ которыхъ не было недостатка у моего мужа... Между ними нашла я русско-французскіе разговоры съ грузинскимъ переводомъ. Это меня чрезвычайно обрадовало. Я принялась за разговоры, надѣясь выучиться и по французски. Но мнѣ не удалось этого исполнить... Сверхъ того, при нашемъ домѣ служилъ человѣкъ, который бывалъ въ разныхъ странахъ и зналъ по арабски и по татарски. Съ нимъ я всегда толковала на одномъ изъ этихъ языковъ, спрашивала его о значеніи непонятныхъ для меня словъ, записывала ихъ, составляла изъ нихъ разговоры, и каждый день твердила ихъ съ усердіемъ. Такимъ образомъ занимаясь вдругъ четырьмя языками, я вскорѣ усовершенствовалась въ русскомъ и познакомилась съ татарскимъ,—а французскій и арабскій изучить не успѣла, хотя и оставила въ своей памяти нѣкоторыя о нихъ понятія...»

Останавливаясь на этихъ подробностяхъ, поневолѣ приходимъ къ мысли: не много-же было учебныхъ пособій для любознательнаго ума молодой женщины! Но много нужно было имѣть душевной силы, чтобы ей, (одной изъ сотень тысячь подобныхъ ей женщинъ!) съ такими малыми средствами пріобрѣтать познанія, цѣль которыхъ конечно и для нея самой въ то время не могла быть совершенно понятна... И не слѣдуетъ-ли эту душевную силу, безъ всякаго преувеличенія, назвать истиннымъ призваніемъ?..

Далѣе въ автобіографіи мы находимъ подробный и весьма оригинальный отчетъ о томъ, что̀ довелось молодой женщинѣ прочитать безъ

всякой системы, безъ всякаго руководства или выбора. Въ этомъ отчетѣ, между прочимъ, наша будущая писательница снова обнаруживаетъ отличительныя свои способности: сильную впечатлительность и пылкое воображеніе.

...«Въ это время я не оставляла также и чтенія. Въ первый разъ попала мнѣ въ руки Библія, которая была, кажется, больше и тяжеле меня... Она была напечатана мелкими *славянскими* буквами, — но, несмотря на это, я усердно и съ наслажденіемъ её читала, и ни одна книга никогда не служила столько къ моему душевному успокоенію, какъ Библія. То поражали меня въ ней творческія занятія Создателя до дня Его отдохновенія, — то интересовалъ образъ жизни человѣка до пришествія Христа Спасителя; то приводила въ умиленіе преданность Богу Царя Давида и кротость его передъ жестокостью Саула. Помню, что въ это время умъ мой былъ встревоженъ страшными недоумѣніями. Читая о жизни библейскихъ царей, я такъ живо себѣ ихъ представляла, что мнѣ казалось, будто я ихъ когда-то знала и видѣла. При этомъ я вспомнила, что Грузины покойниковъ не называютъ умершими а зовутъ *гардацвалебули*; *гардаицвала* — значитъ перемѣниться, или изъ одного вида перейти въ другой; слѣдовательно языкъ нашъ прямо указываетъ, что умершіе — суть только *перемѣнившіеся*, *перешедшіе* изъ одного вида въ другой... И вотъ отъ этой мысли я перешла къ догадкамъ: мнѣ стало казаться, что и я, можетъ быть, жила когда нибудь прежде, а теперь *перешла* только въ другой видъ... Не знаю, къ чему привело-бы меня это замѣшательство, если-бы я не образумилась и не сказала себѣ: что есть, — то и да будетъ, и не всѣ тайны доступны нашему пониманію, слѣдовательно и думать надъ ними нечего...»

Не можемъ воздержаться, чтобы не напомнить нашимъ читателямъ, что эта пытливость анализирующаго ума — проявляется въ молодой полудикаркѣ, не получившей почти никакого образованія и никѣмъ не поддерживаемой на пути своего умственнаго развитія...

«Потомъ перечитала я Евангеліе и другія Священныя Книги. Это чтеніе доставило мнѣ случай *больше чувствовать, чѣмъ размышлять*. Потомъ мнѣ захотѣлось поближе познакомиться съ земною жизнію и я стала читать свѣтскія книги. Прежде всего мнѣ попалось сочиненіе *о первыхъ чувствахъ Адама*. (?) Прочитавъ его, я пришла къ заключенію, что въ настоящее время мы имѣемъ лучшее понятіе о жизни и больше имѣемъ познаній чрезъ чтеніе. (!) Потомъ попалась мнѣ трогательная *Жизнь Алексѣя царевича*. (?) Я бросалась на каждую книгу: прочла *Псалмы* царя Давида; прочла грузинскій романъ подъ заглавіемъ *Абессаломъ и Этери*; въ немъ мнѣ понравилась чистота и невинность любви Этери и Абессалома. Послѣ попалась мнѣ маленькая повѣсть, переведенная на грузинскій языкъ, подъ заглавіемъ *Біанка*; здѣсь я восхищалась высокими чувствами Венеціянки. Послѣ я прочла на грузинскомъ-же языкѣ романъ подъ заглавіемъ *Миріани*, за тѣмъ — сочи-

неніе знаменитѣйшаго нашего поэта Шота-Руставели: *Барсова Кожа.* Это старинное грузинское стихотвореніе извѣстно всѣмъ Грузинамъ; оно прекрасно написано, но я особенно цѣню въ немъ три главныя красоты: превосходные стихи, которыми оно написано; отличный разсказъ о томъ, какъ царь Ростеванъ давалъ совѣты молодой своей наслѣдницѣ Тинатинѣ, и, наконецъ, описаніе дружбы и мужества трехъ молодыхъ царей. Послѣ *Барсовой Кожи* я достала грузинскій переводъ *Энциклопедіи*; изъ этой книги я узнала, какой видъ имѣетъ земля, какъ далеко стоятъ другъ отъ друга солнце, луна и звѣзды, какъ называются *семь* планетъ, что значитъ дождь, громъ, градъ, снѣгъ, радуга, землетрясеніе, затмѣніе солнца и луны и т. д. Тамъ-же прочла я нѣкоторыя полезныя въ жизни правила, какъ напримѣръ, что лошадь покупается не для красиваго сѣдла, а птица не для навѣшанныхъ на неё бубенчиковъ, и т. п. Послѣ мнѣ попалось грузинское повѣствованіе подъ заглавіемъ *Караманіани*; оно скоро наскучило мнѣ своими небылицами о томъ, что будто-бы люди прежде были съ нѣсколькими головами и руками, что мужчины, какъ чудовища, терзали и съѣдали женщинъ. Я бросила эту книгу, не дочитавъ до конца, и точно также поступила съ другою книгой, подъ заглавіемъ *Милордіани*, которая также наскучила мнѣ своими чудесами и вымыслами...»

Замѣчательная умѣренность требованій воображенія въ женщинѣ, возросшей посреди народа, воспитаннаго на чудесахъ и вымыслахъ Востока.

«Послѣ я достала сочиненіе, переведенное съ татарскаго языка на грузинскій, подъ заглавіемъ: *Леила и Маджруни.* Это была исторія любви какого-то двоюроднаго брата къ своей двоюродной сестрѣ. Молодые люди учились вмѣстѣ у одного муллы, полюбили другъ друга и умерли, когда родители помѣшали имъ соединиться. Помню, что я всей душою раздѣляла ихъ чувства и восхищалась ихъ чистою привязанностію. Послѣ я прочитала переводный грузинскій романъ подъ заглавіемъ *Давришіани* и нашла въ немъ нѣсколько хорошихъ изображеній чувствъ любви и преданности. Послѣ я прочитала книгу подъ названіемъ *Сибрдзне-Сицруе* (философія и вздоръ), и не знаю, отчего её назвали вздоромъ! Я нашла въ ней очень много умнаго и остраго, хорошія пословицы и поговорки, замысловатыя загадки, и вообще много такого, что небезполезно знать въ жизни. Послѣ я прочитала исторію *Іосифа Прекраснаго*, взятую изъ Библіи. Въ этомъ сочиненіи нашла я хорошее нравоученіе и подумала, что если Іосифъ, брошенный въ темницу, наполовину съѣденный червями, могъ спасти себя и даже стать на высокую степень могущества при царѣ Фараонѣ, то отчего-же мы, при умѣ и справедливости, не можемъ быть счастливы, мы, пользующіеся свободой на прекрасной землѣ и одаренные всѣми благами природы?.. Этою послѣднею книгой, сколько я припомню, окончилось мое чтеніе грузинскихъ книгъ. Въ это время мнѣ минуло 18 лѣтъ...»

Вотъ какой, можно сказать, *книжный калейдоскопъ*, представляетъ собою чтеніе, способствовавшее умственному развитію 18-ти

лѣтней Грузинки! Можно было-бы удивиться, что развитіе еще совершалось при такомъ чтеніи, еслибы мы не знали старой истины, утверждающей, что нѣтъ такой книги, изъ которой здравый природный умъ не съумѣлъ-бы, даже и безъ надлежащаго руководства, сдѣлать для себя полезную пищу, точно также, какъ нѣтъ такого цвѣтка, изъ котораго пчела не съумѣла-бы извлечь сладкаго мёду. Въ этой истинѣ весьма много убѣждаетъ насъ настоящій примѣръ и еще болѣе та простосердечная, но рѣшительная и вѣрная оцѣнка книгъ, прочитанныхъ 18-ти лѣтнею полу-дикаркой. И при какихъ условіяхъ? Когда не только ободренія, но даже и одобренія не встрѣчала она въ окружавшей её средѣ, и когда мнѣнія свои не могла повѣрять ничѣмъ, кромѣ собственнаго литературнаго инстинкта! Недостатокъ этой повѣрки для природныхъ ея внушеній — очень сильно и очень долго тяготилъ нашу *будущую писательницу*, и это совершенно понятно... Но, за то, какъ много счастія должна была она ощущать, когда, наконецъ, временемъ и обстоятельствами оправдались всѣ ея смутныя стремленія!.. Впрочемъ, всё это увидимъ мы въ дальнѣйшемъ ходѣ автобіографіи, а теперь поспѣшимъ замѣтить, что библіографическій отчетъ о чтеніяхъ нашей героини на родномъ ея нарѣчіи, переданъ нами во всей его полнотѣ, такъ-какъ, по нашему мнѣнію, въ нёмъ представляется любопытная картина той литературы, которая находится въ ходячемъ обращеніи въ Грузіи и доступна, болѣе или менѣе, всѣмъ классамъ грамотной части туземнаго населенія. Не менѣе любопытно прослѣдить и тѣ впечатлѣнія, которыя были доставлены молодой женщинѣ *русскими* книгами, когда она на столько познакомилась съ русскимъ языкомъ, что уже могла читать ихъ. Но и это увидимъ мы ниже.

Вторымъ рѣшительнымъ событіемъ въ жизни будущей писательницы— какъ мы уже и сказали,—было сближеніе ея съ однимъ русскимъ семействомъ, о которомъ она, въ теченіе всей своей автобіографіи, выражается не иначе, какъ съ прибавленіемъ эпитетовъ: благородное, благодѣтельное, прекрасное, образованное и т. п. Русское семейство жило въ одномъ изъ отдаленныхъ отъ Тифлиса городковъ Закавказья, что заставило нашу писательницу также разстаться со столицею Закавказскаго края, (и разстаться именно на то самое время, пока въ Тифлисѣ совершалась быстрая перемѣна, окончательно переродившая азіятскую наружность

и полуазіатскіе нравы города: мы говоримъ о десятилѣтіи между 1843 и 1853 годами.) Перерожденіе это какъ-бы послѣдовало за умственнымъ перерожденіемъ и нашей писательницы, — такъ что самобытное ея развитіе, предшествовавшее этому послѣднему шагу Грузіи къ европеизму, можетъ по справедливости назваться однимъ изъ замѣчательныхъ проявленій *всеобщей* потребности въ новыхъ началахъ просвѣщенной жизни.

Въ русскомъ семействѣ, какъ въ новомъ для нея мірѣ, продолжалось трудное дѣло умственнаго развитія будущей писательницы, продолжались и безпорядочныя ея чтенія. Но пусть сама она разскажетъ намъ обо всёмъ этомъ:

«Когда я пріѣхала въ благодѣтельное русское семейство, дышавшее добромъ и благородными чувствами, — меня приняли какъ родную, съ первыхъ-же дней стали питать ко мнѣ полную довѣренность и вручили моимъ попеченіямъ весь домъ свой. Вскорѣ они съ радостію замѣтили мою наклонность къ ученію, принялись всѣми силами мнѣ содѣйствовать, въ особенности ободряли мои успѣхи въ русскомъ языкѣ и доставляли мнѣ всѣ русскія книги, какія сами могли достать въ небольшомъ городѣ... Вотъ когда я горячимъ сердцемъ возблагодарила Творца! Онъ посылалъ мнѣ не только жизнь, согласную съ моими врожденными наклонностями, но и допустилъ моимъ нетвердымъ шагамъ на пути къ просвѣщенію себя — укрѣпиться на твердой землѣ: дозволилъ сомнѣніямъ, безпокоившимъ меня, найти разъясненіе въ образованной жизни русскаго семейства!.. До сихъ поръ я сама не знала: соглашаться-ли мнѣ съ внушеніями тѣхъ *призраковъ*, которыхъ невидимая сила отъ самаго дѣтства вела меня къ занятіямъ, не свойственнымъ ни моему полу ни обычаямъ моей родины, — или согласиться съ тѣми изъ моихъ соотечественниковъ, которые порицали и часто даже осмѣивали неразлучную жизнь мою съ книгами. Это недоумѣніе составляло казнь мою. Но, вмѣстѣ съ приближеніемъ моимъ къ русскому семейству, — всѣ недоумѣнія перестали меня мучить; къ утѣшенію моему я окончательно поняла и убѣдилась, что дорога моя не кривая, — и съ удвоеннымъ рвеніемъ пошла далѣе...

Благодѣтели мои толковали мнѣ о *новомъ* образѣ жизни человѣка, о моихъ женскихъ правахъ въ обществѣ и о моихъ обязанностяхъ. Они преподавали мнѣ нетрудные и пріятные законы *нынѣшняго* общежитія, обнадеживали, ободряли, берегли меня, и всѣми силами заботились о моемъ образованіи. За всѣ эти попеченія я платила чѣмъ могла: я горяче принялась за ихъ домашнія занятія, готова была исполнять обязанности всѣхъ слугъ и была также прилежна въ тогдашнемъ моемъ 20-ти лѣтнемъ возрастѣ, какъ и прежде, когда мнѣ было только 12 лѣтъ. Всё свободное время я отдавала чтенію. Я уже могла читать по-русски. Помню, что первая русская книга, прочитанная мною безъ посторонней помощи, была *Асканіо*, романъ, не помню, чьего сочиненія. Послѣ того мнѣ доставили сочиненія *Барона Брамбеуса*; потомъ переведенный, кажется съ французскаго, романъ: *Паула Монти*;

потомъ русскій романъ *Геройство и Любовь.* Послѣ мнѣ доставили романъ Дюма: *Графъ Монте-Кристо.* Этотъ романъ я читала съ особеннымъ наслажденіемъ, потому, что эта великая фантазія наполнена многими и великими поученіями; не великое-ли, напримѣръ, поученіе представляетъ собою Эдмондъ Дантесъ, который уже могъ считать себя погибшимъ и однакожъ не терялъ мужества, но усердно принималъ отъ Аббата Фаріо всѣ наставленія и укрѣплялъ ими духъ и сердце. Положимъ, что всё это — одна только фантазія; положимъ, что Эдмондъ не могъ спасти себя изъ темницы, — но, во всякомъ случаѣ, его крѣпкое мужество и мудрыя помышленія могли-бы быть завѣщаны хоть тюремщикамъ и послужить къ счастію того изъ нихъ, который-бы этимъ воспользовался, и польза была-бы благодѣтельна не для одного этого тюремщика, но и для тѣхъ, на кого онъ имѣлъ-бы вліяніе, какъ напримѣръ, на дѣтей своихъ или ближнихъ... Вотъ какъ *далеко летитъ* умный авторъ! И развѣ этого мало для насъ? Нѣтъ, не мало, и даже очень не мало для слабаго народа, котораго малѣйшее несчастіе часто заставляетъ превращаться въ злѣйшихъ тварей, проклинать міръ и всё созданіе, забывать Того, Кто насъ сотворилъ и Кто, посылая намъ несчастія, быть можетъ, только испытываетъ насъ для лучшей жизни... Всё это въ людяхъ можетъ искоренить умный авторъ, и я испытала это на себѣ, когда читала *Монте-Кристо.* Пусть-же и всѣ *наши* читаютъ это высокое сочиненіе и постараются въ несчастіи не быть безнадежными, но до послѣдней капли жизни сохранить надежду на лучшее; если-же сами и не достигнутъ лучшаго, то, по крайней мѣрѣ, другаго, слабаго, удержатъ отъ отчаянія и внушатъ ему бодрость... Послѣ *Монте-Кристо* я прочитала *Гордость*, *одинъ изъ Семи смертныхъ грѣховъ.* Здѣсь тоже встрѣтила я много хорошихъ уроковъ. Послѣ я прочла романъ *Фра-Діаволо*; здѣсь нѣкто Стобели-Микели, доведенный жестокостью инквизиціи до отчаянія, сдѣлался страшнымъ предводителемъ разбойниковъ, назвалъ себя Фра-Діаволомъ и ожесточился на весь міръ. Тутъ тоже наука: подвластнымъ и управляемымъ правители должны давать всѣ средства, чтобы сдѣлаться полезными, а не вредными человѣчеству... Послѣ я прочла русскій романъ подъ названіемъ *Чернецъ*... Эту книгу должны читать молодыя дѣвицы для успокоенія волненій своей неопытной молодости. Послѣ *Чернеца* я прочитала романъ: *Гнѣздо Аистовъ*, а потомъ отличный романъ: *Ледяной Домъ:* тоже не безъ науки... Послѣ того я прочла романъ: *Донъ-Кихотъ.* Это сочиненіе у насъ называютъ глупымъ; а мнѣ такъ, напротивъ, оно показалось очень умнымъ и даже прекраснымъ, потому что Донъ-Кихотъ, по моему, есть насмѣшка надъ тѣми, кто слишкомъ много о себѣ думаетъ; кромѣ того, тутъ есть прекрасныя описанія и много такого, о чемъ можно подумать для своего исправленія; а которые въ этомъ не хотятъ сознаться, — пусть будетъ по ихнему! Послѣ Донъ-Кихота я прочла повѣсть: *Вероника*; послѣ Вероники — повѣсть *Аріолини;* потомъ повѣсть: *Констанція Кантарини*, — а потомъ попалось мнѣ опять знаменитое сочиненіе: *Вѣчный Жидъ;* изъ этого сочиненія въ особенности должно учиться осторожности и тѣмъ прямымъ путямъ, которымъ лучше слѣдовать въ жизни. Впослѣдствіи я читала *Горе отъ ума*, *Путешествіе Діени* (?) театральную піэсу (вѣроятно, либретто оперы) *Фенелла* и нѣсколько подобныхъ піэсъ; *Семейство*, романъ шведской писательницы Фредерики Бремеръ; *Векфильдскій Священникъ* и многія другія статьи въ *Отече-*

ственныхъ Запискахъ, въ газетахъ и дѣтскихъ журналахъ. Но все послѣднее читала я уже гораздо позднѣе, почти въ послѣднее время моей жизни...»

Такимъ образомъ и русское чтеніе нашей писательницы представляетъ собою почти такой-же калейдоскопъ, какъ и прежнее, грузинское... Но если прежнее чтеніе не прошло для нея безъ полезныхъ послѣдствій, то позднѣйшее и подавно не оказалось безплоднымъ. Горизонтъ молодой женщины видимо расширился; рѣзкіе приговоры ея сдѣлались глубже и основательнѣе: любопытнымъ свидѣтельствомъ тому служитъ, напримѣръ, сужденіе о *Монте-Кристо*. Но гораздо любопытнѣе непосредственное вліяніе чтенія на молодую его любительницу:

«Обогативъ свою голову чтеніемъ произведеній столькихъ авторовъ, я подумала: вѣроятно каждый изъ нихъ собственныя свои чувства и впечатлѣнія украшалъ возвышеннымъ вымысломъ и такимъ образомъ дошелъ до авторскаго призванія. Почему-же это самое не можетъ случиться и со мною? Почему и мнѣ не испытать своихъ силъ? Попробую и посмотрю, что̀ я сдѣлаю...»

Въ этихъ строкахъ — вся исторія литературнаго призванія *будущей грузинской писательницы*. Здѣсь можно-бы было и прекратить повѣствованіе о ея *саморазвитіи*, — но мысль, что для человѣка нѣтъ ничего интереснѣе исторіи человѣка, и въ особенности исторіи такого человѣка, который лишь самому себѣ обязанъ какимъ-бы то нибыло образованіемъ, — заставляетъ насъ продолжать выписки изъ многочисленныхъ страницъ автобіографіи. Къ тому-же, въ этихъ страницахъ остается многое, что послужитъ къ подтвержденію мыслей, высказанныхъ въ началѣ этого предисловія. Замѣчательны подробности, сопровождавшія первую попытку *любительницы чтенія* сдѣлаться *писательницей*:

«И такъ, рѣшившись испытать свои силы, я начала воскрешать въ моей памяти первыя ребяческія мечтанія, первые тревожные сны и *призраки*, такъ рано посѣщавшіе меня въ дѣтствѣ. Потомъ я припомнила всю борьбу, выдержанную мною за право: сколько нибудь образовать себя, — и принялась за романъ на грузинскомъ языкѣ. Мнѣ хотѣлось расположить его въ шести частяхъ, на подобіе перваго прочитаннаго мною русскаго романа: *Асканіо*. Я назвала его *Первымъ чувствомъ Азіятки*... Невообразимо - тяжелы были труды мои! Бывало, ночью, придетъ мнѣ въ голову новая мысль или новое выраженіе; я встаю и, если въ темнотѣ найду бумагу, — пишу ощупью и послѣ, поутру, когда всѣ встанутъ, едва разбираю написанное; иногда-же, если не найду бумаги, сижу съ закрытыми глазами на постели и цѣлый часъ твержу наизустъ то, что намѣревалась написать. Такимъ образомъ былъ дописанъ романъ... Но окончивъ его, я усумнилась въ его достоинствѣ... Я почитала себя еще не довольно *грамотною*. Мнѣ вообразилось, что романъ мой возбудитъ справедливое осужденіе и насмѣшку. Не долго думая, —

я рѣшилась такъ исказить всё написанное, чтобы никто, кромѣ меня, не могъ ничего разобрать... Долго думала я о первомъ моемъ созданіи: то хотѣла сжечь его, то рѣшалась сообщить кому нибудь... Безпокойство и внутренняя борьба—повлекли за собой серьёзную болѣзнь: я слегла...»

Послѣдующіе труды, какъ кажется, легче доставались добровольной труженицѣ; но первый опытъ истинно замѣчателенъ, какъ изображеніе зарождающагося, но уже неодолимаго призванія.

Не менѣе интересны и торжества, тѣ немногія торжества, которыми вознаграждались для нашей писательницы тревоги, нераздѣльныя съ ея занятіями, такъ-какъ эти занятія были отступленіемъ отъ обычной жизни женщинъ въ Грузіи. Вотъ какъ она сама говоритъ о нихъ:

«Я уже разсказала вамъ, что первымъ торжествомъ въ моей жизни была та минута, когда незабвенное русское семейство одобрило мои любимыя занятія и тѣмъ утвердило меня въ убѣжденіи, что стремленія мои не безумны. Подобныхъ минутъ испытала я еще двѣ и, испытавъ ихъ, съ радостію забываю всѣ прошедшія горести моей жизни. Разскажу вамъ ихъ по порядку.

Русское семейство, съ которымъ я сблизилась, по обстоятельствамъ своимъ должно было переселиться въ Тифлисъ. Я послѣдовала за моими благодѣтелями. Долгое время я не была въ столицѣ Грузіи и, возвратившись туда,— не узнала её... Перемѣна, въ мое отсутствіе совершившаяся съ нашимъ азіятскимъ городомъ, была для меня поразительна до невѣроятности. Въ какую знакомую улицу ни загляну, чтобъ узнать когда-то видѣнный домикъ,—взоры мои встрѣчаютъ высокое и красивое зданіе; на мѣстѣ прежнихъ чердаковъ или саклей — стоятъ дома прекрасной архитектуры, съ европейскимъ убранствомъ: по галлереямъ бѣгаютъ разфранченные лакеи; сквозь окна показываются богатыя занавѣски и цвѣты; подъ цвѣтами красуются высокія вазы, по стѣнамъ и на потолкахъ видны раззолоченныя канделябры, лампы и люстры. Изъ каждой улицы — слышатся звуки фортепіано... Бывало, я остановлюсь, какъ остолбенѣлая, посреди улицы и думаю: «неужели этотъ великолѣпный домъ—та самая сакля, которую я прежде видѣла въ разрушеніи?» Но, какъ-бы въ отвѣтъ на вопросъ мой, на балконѣ великолѣпнаго зданія показывались старушки, — тѣ самыя женщины, которыхъ я прежде знала... А за старушками, — гляжу, — выходятъ, должно быть, ихъ внучки, молоденькія Европейки, которыхъ никто не призналъ-бы за внучекъ этихъ ветхозавѣтныхъ бабушекъ... Но, я слышу, — онѣ говорятъ по-грузински и называютъ старушекъ то *бабушкой* то *маменькой*... Стало-быть это точно Грузинки... Но только какая перемѣна! Молоденькія щеголихи отличаются европейской обувью, нѣжными ручками, и негрузинской прической; онѣ часто поправляютъ свои волосы, а черезъ балконъ здороваются съ своими сосѣдками на русскомъ и даже на французскомъ языкѣ... Видя и слыша всё это, я продолжала дѣлать себѣ вопросы: «Неужели, думала я, это тѣ самые люди, которые при мнѣ окружали *курси* (*) пряли хлопчатую бу-

---

(*) *Курси* (ქურსი)—широкая скамья, помѣщаемая надъ жаровнею съ горячими угольями, и накрываемая коврами или одѣялами. Этотъ патріархальный снарядъ замѣняетъ въ бѣдныхъ домахъ Грузіи наши печи, и зимою цѣлыя семейства, садящіяся около курси, только этимъ способомъ охраняютъ себя отъ холода, часто платя за то страданіями отъ угара.

нагу, шили для Коммиссіи холщевые мѣшки и вязали чулки, или, кто былъ побогаче, вышивали въ пяльцахъ шелками и золотомъ? Неужели это тѣ самые люди, отцы которыхъ нерѣдко завѣдывали какимъ нибудь духаномъ, или продавали бурдюки съ виномъ, траву и разную провизію? Но всё это изумленіе, всѣ эти вопросы,—вскорѣ уступили мѣсто чувству отрадному; для меня наступила *вторая* въ жизни моей минута торжества: я увидѣла, что предъ глазами моими, какъ будто волшебствомъ, свершилось всё то, о чемъ я только мечтала; я поняла, что я дожила до образованнаго вѣка въ Грузіи, что, слѣдовательно, не напрасно *и я* хлопотала, сколько могла, о своемъ образованіи; что теперь никто осуждать меня не будетъ, потому что теперь сами туземцы и даже туземки выходятъ на театральную сцену и разыгрываютъ піэсы, и какія піэсы?.. Грузинскія!.. Вскорѣ случай доставилъ мнѣ невыразимое удовольствіе *собственными глазами* прочитать два изъ первыхъ грузинскихъ театральныхъ сочиненій: драму подъ заглавіемъ *Кёръ-Оглу* (Антонова) и комедію (Кн. Г. Эристова: *Раздѣлъ*) о томъ, какъ наши князья дѣлятъ имѣніе и готовы зарѣзать другъ друга за одну подушку. Обѣ піэсы я прочитала съ жадностью не разъ и не два... Я не вѣрила, что я въ Тифлисѣ, или, лучше сказать, что въ Тифлисѣ такое просвѣщеніе между моими соотечественниками! Когда-же я наконецъ въ этомъ увѣрилась, тогда снова оживилась какимъ-то торжествомъ, будто *новый* дождь пролился на меня, будто омылъ онъ съ костей моихъ старую азіятскую ржавчину!.. Такъ теперь и у насъ можно будетъ женщинѣ слѣдовать своему призванію! Такъ теперь и мнѣ позволено развязать себѣ руки и явно продолжать то, что до сихъ поръ не смѣла я показать людямъ?.. Благодареніе Богу, и слава Правительству, отъ Него дарованному моей драгоцѣнной родинѣ!..»

Не знаемъ, на чёмъ преимущественно остановить изумленное вниманіе: на странной-ли судьбѣ *самородной* мыслительницы, на благородствѣ-ли и силѣ ея чувствъ къ родинѣ, или на томъ занимательномъ очеркѣ быстраго перерожденія тифлисскаго общества, который такъ рѣзко проведенъ нашею писательницей, и который тѣмъ интереснѣе, что въ нёмъ—взглядъ и *свидѣтельство* не пришельца, а *туземки!*.. Автобіографія ея оканчивается слѣдующимъ эпизодомъ:

«И такъ я *вторично* торжествовала... Но, для полнаго моего спокойствія, мнѣ не доставало еще одного торжества: я еще не имѣла отъ моихъ родителей (которые, благодаря Бога, еще были живы) никакого свидѣтельства о ихъ примиреніи съ моими занятіями и съ моимъ образомъ жизни; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, добрѣйшіе мои старики видѣли много несообразнаго съ ихъ взглядомъ на вещи, часто почитали то́ укоризненнымъ, что мнѣ казалось похвальнымъ, и не признавали за нужное того, что по моему было необходимо. Такъ, напримѣръ, чрезвычайныхъ усилій стоило мнѣ побудить ихъ къ отправленію братьевъ моихъ въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ Петербурга. Будучи убѣждена въ пользѣ русскаго образованія для нашего юношества и, въ тоже время, любя моихъ братьевъ больше самой себя, я успѣла склонить нашихъ родителей на мое искреннее желаніе, (мнѣ тогда было только 18 лѣтъ); старики уступили, — но неохотно, и долго послѣ того страдала я

отъ ихъ негодованія, хотя и была въ постоянной съ ними разлукѣ... Но наконецъ, судьба послала мнѣ и *третье* и самое лучшее мое торжество: торжество надъ предубѣжденіями моихъ обожаемыхъ родителей. Русскіе друзья и благодѣтели мои, съ которыми я продолжала мое знакомство въ Тифлисѣ, получили отъ старичковъ моихъ письмо слѣдующаго содержанія: «Ради самаго Неба увѣдомьте насъ о нашей дочери; а ей передайте, что мы во многихъ случаяхъ не могли понимать и цѣнить её, и что теперь видимъ тому ясное доказательство: любимые братья ея, которыхъ она силою отняла у насъ, чтобы послать въ кадетскій корпусъ, выпущены съ чинами, старшій въ артиллерію а младшій въ армію и пошелъ на Дунай. Артиллеристъ-же возвратился къ намъ, помнитъ лишь сестру свою, а насъ сначала и не узналъ. Онъ привёзъ съ собою изъ Петербурга большое красное фарфоровое яйцо съ золотымъ изображеніемъ Христова Воскресенія, и разсказываетъ, что въ прошедшій праздникъ Пасхи семеро выборныхъ кадетъ были представлены во дворецъ къ Государю, и что Великій Князь Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ каждаго изъ кадетъ поцѣловалъ и каждому далъ по фарфоровому яйцу изъ собственныхъ Своихъ Царскихъ рукъ. Посудите, друзья мои, о такомъ неожиданномъ счастьи! Наша дочь осчастливила своихъ братьевъ, а мы её укоряли, толковали, что она сыновей у насъ отняла и въ Сибирь послала. Скажите-же ей, что теперь мы и сами за это благословляемъ её,—а братъ ея хранитъ у образа безцѣнный Царскій подарокъ и говоритъ: «покажите мнѣ сестру; — она была причиною моего счастія, такъ она и должна хранитъ это дорогое сокровище; пріятная и священная обязанность эта принадлежитъ ей по праву...» Скажите ей еще, что мы видимъ, какъ свѣтъ ныньче перемѣнился, какъ теперь отцы и матери деньги платятъ за образованіе дочерей своихъ, такъ стало-быть и ея русское чтеніе и писаніе ни намъ и никому теперь не должно казаться предосудительно и т. д...»

Лучшаго вознагражденія, дѣйствительно, не могла ожидать наша писательница за долговременные свои труды и безпокойства,—а мы не можемъ придумать лучшаго окончанія для настоящихъ извлеченій изъ ея автобіографіи... Публичность нынѣ печатаемаго, перваго ея произведенія на русскомъ языкѣ, (написаннаго первоначально грузинскими буквами!) и сочувствіе къ нему публики, конечно, доставили-бы еще одно *торжество* нашей писательницѣ, но объ этомъ она думаетъ, какъ о дѣлѣ второстепенномъ. Главная-же цѣль стремленій, т. е. освобожденіе себя изъ-подъ вліянія предубѣжденій туземной старины, — уже достигнута ею. Съ этимъ, конечно, согласятся и наши уважаемые читатели и потому, прочтя слѣдующее за симъ произведеніе первой Грузинки-писательницы, конечно признаютъ его за *хорошее дополненіе* къ ея интересной автобіографіи. А этого, на первый разъ, будетъ вполнѣ достаточно для ея скромнаго авторскаго самолюбія.

Е. В.

Тифлисъ, 1855.

КАТО И АНА.

Грузинская повѣсть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I,

СЛУЖАЩАЯ И ПРЕДИСЛОВІЕМЪ.

Если-бы мнѣ предстояло эту первую мою повѣсть превратить въ сценическое представленіе для прекраснаго нашего тифлисскаго театра, — я сдѣлала-бы такъ, что, при поднятіи занавѣса, зрителямъ представилось-бы съ одной стороны небогатое грузинское помѣщичье жилище съ нѣсколькими дверями, — а съ другой стороны небольшой виноградный садикъ съ тѣнистыми деревьями и цвѣтами, какія распускаются только подъ яснымъ и теплымъ небомъ нашей благословенной Грузіи.

Въ афишѣ моего представленія было-бы сказано, что дѣйствіе происходитъ лѣтъ за двадцать тому назадъ, въ одномъ изъ помѣщичьихъ селеній, отдаленныхъ отъ Тифлиса. Затѣмъ вышли-бы на сцену дѣйствующія лица этого невымышленнаго происшествія, и началось-бы самое дѣйствіе.

Но, я знаю, сценическія представленія дѣло не легкое. Я убѣдилась опытомъ, что драматическая форма есть самая трудная

форма для выраженія мыслей писателя; я даже удивляюсь, что нынѣшніе наши грузинскіе авторы рѣшаются ставить на сцену свои произведенія, не имѣя достаточной сценической опытности и только подражая русскимъ піэсамъ... Оттого-то, можетъ быть, ихъ произведенія мало привлекаютъ публику. Оттого-то и я, первая изъ всѣхъ моихъ соотечественницъ, рѣшившаяся выступить на авторское поприще, — не осмѣливаюсь думать о чести поставить когда нибудь мое произведеніе на тифлисскую сцену, — и нынѣшній первый трудъ мой представляю на судъ публики въ видѣ простаго разсказа.

II.

СТАРОСВѢТСКОЕ СЕМЕЙСТВО.

Въ саду, передъ небогатымъ своимъ домикомъ, подъ яблонью, на разноцвѣтномъ кубинскомъ коврѣ сидѣлъ помѣщикъ Луарсабъ Куринчхи-Клапья-Швили, съ женою своей Тамарой и единственной ихъ дочерью *Като*, дѣвушкой въ возрастѣ невѣсты.

Луарсабъ былъ почтенный старикъ, украшенный густыми сѣдинами, сохранившеюся свѣжестію правильнаго лица, представлявшаго собою чистѣйшій типъ карталинскій, — и доброю улыбкой, которая не оставляла его устъ ни въ какое время. Прекрасное лице Луарсаба и его сѣдыя кудри еще болѣе казались прекрасными отъ высокой черной папахи, которая покрывала его голову, и съ которою старые наши дворяне рѣдко разстаются даже и въ комнатахъ.

Сидя на коврѣ подъ цвѣтущею яблонью, Луарсабъ игралъ въ шашки съ Тамарой, старой женою своей. Тамара, также, какъ и Луарсабъ, сохранила на правильномъ лицѣ своемъ нѣкоторые остатки красоты, свойственной кровнымъ Грузинкамъ. Но лице ея не имѣло кроткой старческой доброты

Луарсаба. Напротивъ, оно выражало пылкую женскую душу, не совершенно покинутую страстями, не смотря на почтенный возрастъ Тамары. Глаза ея, черные, какъ гишеровыя четки, змѣеобразно обвивавшія ея морщинистую руку,— еще горѣли огнемъ молодой жизни. Но щеки Тамары не имѣли старческой свѣжести, что́ можно приписать вреднымъ послѣдствіямъ обычая, къ несчастію, непокидающаго нашихъ женщинъ и дѣвицъ, — обычая бѣлиться и румяниться съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, и часто даже безъ всякой надобности, потому, что природа и безъ того надѣляетъ прекраснѣйшимъ цвѣтомъ лица нашихъ молодыхъ красавицъ.

Като, шестнадцатилѣтняя дочь Луарсаба и Тамары, сидѣла тутъ-же, на коврѣ, поджавъ подъ себя свои маленькія ножки. Она внимательно слѣдила за любимой игрою стараго отца своего и часто, смѣясь отъ души, поправляла его ошибки, съ явнымъ намѣреніемъ оставить въ проигрышѣ мать свою. Като была прекрасна. Въ чертахъ лица ея повторился правильный очеркъ лица Луарсаба, а огненные черные глаза и заплетенныя черныя косы, четырьмя длинными и густыми прядями падавшія вдоль спины изъ подъ бѣлаго *лечаки*, свидѣтельствовали, что пылкая кровь матери кипѣла въ ея жилахъ.

Прекрасно было посмотрѣть на эту семейную картину, озаренную беззаботнымъ спокойствіемъ и счастіемъ. Но въ этой картинѣ не доставало еще двухъ членовъ семейства Луарсаба: *Павле*, восемнадцатилѣтній сирота, племянникъ Луарсаба, и *Ана*, родная сестра Павле, хорошенькая и рѣзвая дѣвушка въ возрастѣ Като, были тутъ-же въ саду, но они были чѣмъ-то заняты въ глубинѣ аллеи изъ переплетавшихся виноградныхъ лозъ, немного поодаль отъ семейства, занятаго игрою въ шашки.

VIII.

РАЗГОВОРЪ СТАРИКОВЪ.

— А вѣдь ты сей часъ проиграешь, Тамара! — Замѣтилъ Луарсабъ своей женѣ, торжественно подвигая впередъ одну шашку.

— Никогда не проиграю! — съ нѣкоторой досадой отвѣчала Тамара.

— Эй, уступи, старуха! проиграешь!

— Не уступлю, ни въ чемъ не уступлю.

— Ну такъ вотъ-же тебѣ! Что? И теперь не уступишь? И Луарсабъ сдѣлалъ рѣшительный ходъ, которымъ оканчивалась партія въ его пользу.

Тамара чуть-чуть не разсердилась.

Она не привыкла безропотно уступать мужу, и теперь ей было досадно уступить ему спорную партію въ шашки.

Старушка смѣшала ихъ на доскѣ и съ живостію прибавила:

— Ну, въ шашкахъ, пожалуй, пусть перевѣсъ будетъ на твоей сторонѣ; а ужъ въ другихъ дѣлахъ никогда! И её, вотъ, не отдамъ за-мужъ за твоего деревенщину, — а въ Тифлисъ отдамъ...

Тамара указала на Като, которая, при первомъ словѣ о замужствѣ, вся вспыхнула, встала съ своего мѣста, и быстро отошла въ виноградную аллею, къ Павле и Анѣ. Луарсабъ нахмурился.

— У тебя всё-таки Тифлисъ вертится въ головѣ, Тамара?

— Я думаю!..

— А я такъ право не понимаю, чего ты хочешь отъ Тифлиса! Жена, Богъ посылаетъ счастіе нашему дитяти; забудь Тифлисъ и послушайся меня: отдадимъ Като за молодаго князя Бурткладзе. Лучше его нѣтъ жениха для нашей Като.

— Какъ никого лучше нѣтъ? Ты знаешь, что слово дано Хихвину Хихвиничу; сегодня или завтра онъ долженъ пріѣхать и привезти съ собой жениха для Като. Какъ-же мы

можемъ обмануть его? Да при томъ, и во всякомъ случаѣ, лучше выдать Като за тифлисскаго, чѣмъ за нашу деревенщину, хоть-бы и за князя.

— Отъ чего-же лучше?

— Въ Тифлисѣ у насъ будетъ пріютъ, будемъ имѣть разныя знакомства и постараемся оттуда сыновей осчастливить.

— Какимъ образомъ?

— Сыновей пошлемъ въ Россію учить; они оттуда пріѣдутъ чиновниками, съ деньгами, долги наши заплатятъ и заложенное имѣніе выкупятъ у Армянъ.

Луарсабъ пришелъ въ совершенное негодованіе. Какъ нѣкоторые, кое-гдѣ въ Грузіи еще остающіеся представители стараго поколѣнія Грузинъ, онъ не понималъ пользы отъ образованія грузинскаго юношества въ Россіи. Онъ, наравнѣ съ многими своими сверстниками, людьми стараго вѣка, болѣе всего дорожилъ обычаями и убѣжденіями старины, а объ отдаленномъ сѣверѣ думалъ, какъ о странѣ вѣчныхъ снѣговъ, гдѣ люди грубы и суровы, потому, что живутъ вмѣстѣ съ бѣлыми медвѣдями.

Притомъ-же Луарсабу было извѣстно нѣсколько несчастныхъ примѣровъ неуваженія къ непросвѣщеннымъ родителямъ-Грузинамъ со стороны обучавшихся въ Россіи и возвратившихся оттуда сыновей ихъ. Примѣры эти конечно рѣдки, но все-таки иногда, къ несчастію, встрѣчаются въ Грузіи, (какъ и въ цѣломъ мірѣ), хотя это нисколько не зависитъ отъ русскаго воспитанія, а происходитъ отъ дурнаго сердца нѣкоторыхъ сыновей. Въ то время, когда происходили описываемыя здѣсь происшествія, въ центрѣ Грузіи, въ Тифлисѣ, еще не было тѣхъ прекрасныхъ воспитательныхъ заведеній для юношей и дѣвицъ, какія возникли въ послѣдствіи и нынѣ поистинѣ служатъ лучшею связью между русскимъ просвѣщеніемъ и значительно отсталой образованностію вѣчно-воевавшей, а потому мало просвѣтившейся Грузіи; по этому-то нельзя строго обвинять стараго Луарсаба въ предубѣжденіи его противъ русскаго воспитанія, тѣмъ болѣе, что ужь не

много теперь въ Грузіи стариковъ, раздѣляющихъ заблужденіе Луарсаба.

И такъ, выслушавъ послѣднія слова Тамары, Луарсабъ пришелъ въ негодованіе.

— Какъ смѣешь ты, — сердито воскликнулъ онъ, — предлагать мнѣ отослать сыновей въ Россію, когда ты знаешь, что я самъ всегда смѣялся надъ тѣми, кто это дѣлаетъ!

Тамара ничего не отвѣчала. Разгоряченный старикъ продолжалъ:

— Сыновей послать въ Россію! Для чего? Чтобы они тамъ научились: «пошолъ, пошолъ!» да напившись сумасшедшаго Терека (*), пріѣхали къ намъ буянами, застучали-бы ногами, и меня старика выгнали-бы изъ дома! Хе, хе, хе! Нѣтъ! Какъ-бы не такъ!.. А еще когда придетъ холодная зима, тогда всѣ увидятъ мое жалкое положеніе: мнѣ не на-что будетъ купить соломы и самана, чтобы подъ ними укрываться отъ стужи, не находя другаго пріюта, – потому что сыновья въ домъ меня не пустятъ, всё будутъ кричать «пошолъ! пошолъ!» Да и тебя ужь не станутъ называть «деда» (мать) а будутъ звать «матушка, матушка!»

— Нѣтъ, ужь лучше пусть они собаку называютъ «матушка!» — съ негодованіемъ замѣтила Тамара, видимо испуганная непонятными для нея звуками русскаго слова, насмѣшливо произнесеннаго Луарсабомъ.

— Вотъ то-то и есть! — продолжалъ Луарсабъ. — Чортъ знаетъ, что это будетъ за жизнь. Дочь отдай въ Тифлисъ, сыновей отправь въ Россію, — а самъ сиди тутъ въ деревнѣ, какъ домовой, или какъ нашъ плѣшивый Мелита... Тамара! Вспомни слова мои: страшныхъ ты бѣдъ надѣлаешь.

И старикъ обѣими руками сталъ крутить длинные и сѣдые усы свои, что у него означало большое душевное волненіе.

(*) Рѣка Терекъ извѣстна своей бурливостію. Поэтому *напиться Терека* у Грузинъ значитъ сдѣлаться буяномъ.

Примѣч. Изд.

Но Тамара не отступала отъ своего. Она замѣтила Луарсабу, что уже дано слово, отъ котораго отказаться нельзя.

Луарсабъ долго, въ задумчивости, крутилъ усы; потомъ поднялъ голову и произнесъ печальнымъ голосомъ:

— О Тифлисъ! Тифлисъ! Знаю я тебя! Ты красивъ, многолюденъ и роскошенъ; но въ многолюдствѣ твоемъ много разврата, подъ роскошью твоею нѣтъ нашихъ старыхъ сельскихъ добродѣтелей! Отдать тебѣ невинную сельскую дѣвушку, — хоть-бы мою Като, — всё равно, что пустить овечку въ лѣсъ! Жена, ты не знаешь тифлисскихъ молодыхъ людей; они холодные, безжалостные, тщеславные искатели денегъ и свѣтскихъ удовольствій. Они не долго любятъ женъ своихъ, они покидаютъ ихъ для игры въ карты, для тамашей и для разгула. (*) Неужели-же такимъ людямъ отдадимъ мы наше сокровище, нашу Като? Като любимое дитя мое; не погуби ея, уважь сколько нибудь мои сѣдые волосы...

Съ послѣдними словами, Луарсабъ снялъ съ себя черную папаху, обнаживъ свои почтенныя сѣдины.

Тамара задумалась въ смущеніи. Но не продолжительно было это смущеніе.

— Я очень уважаю васъ и ваши сѣдые волосы, — сказала она. — Какъ жена, я привыкла свято исполнять волю вашу, но только не говорите мнѣ о замужствѣ Като. Въ этомъ дѣлѣ никогда не покорюсь вамъ.

— Упрямая женщина! — воскликнулъ Луарсабъ, и съ силою бросилъ папаху свою на землю. — И зачѣмъ это бѣдный мой покойный братъ завѣщалъ мнѣ выдать Ану непремѣнно за чиновника? Зачѣмъ мы просватали её за Хихвинова? Никогда я не сдѣлалъ-бы этого, если-бы не послѣдняя воля покойника... Но отдавать за такого-же чиновника собственную дочь нашу, нашу Като, — ничто насъ къ этому не принуждаетъ...

(*) тамашà — пирушка.

— Неправда, — запальчиво вскрикнула Тамара, — насъ принуждаетъ къ этому данное нами слово.

— Ну, помни-же меня, жена! Вѣчно станешь ты каяться, но уже будетъ поздно! Помни слова мои... Я зарублю ихъ вотъ здѣсь, на этомъ деревѣ.

Говоря это, Луарсабъ поднялся на ноги, вынулъ изъ кармана ножъ и на корѣ развѣсистой яблони вырѣзалъ большой крестъ.

ПОСѢТИТЕЛЬНИЦА.

Почти въ то самое время, когда такимъ образомъ окончился разговоръ старыхъ супруговъ, изъ дверей ихъ дома поспѣшно вбѣжалъ въ садъ *Мелита*, старый и лысый слуга семейства Луарсаба. Онъ возвѣстилъ, что къ дому приближается какая-то знатная посѣтительница. Тамара позвала Като, Ану, и вмѣстѣ съ ними поспѣшила изъ сада домой, на встрѣчу гостьѣ. Хозяева въ самую пору успѣли войти въ домъ: они встрѣтили посѣтительницу на порогѣ и узнали въ ней зажиточную свою сосѣдку по имѣнію, княгиню Зизію Бурткладзе. Княгиня явилась передъ Тамарой и ея семействомъ, какъ настоящая грузинская княгиня прежняго времени. Сама она была великолѣпно одѣта въ богатый національный грузинскій костюмъ; ея парчевая *тасакрави* (головная повязка) и атласная *гулиспири* (нѣчто въ родѣ манишки) были вышиты золотомъ и жемчугомъ; прозрачный газовый *лечаки* (вуаль) сверкалъ надъ ея головою множествомъ блёстокъ; длинный поясъ ея, спускавшійся двумя концами до полу, былъ вышитъ золотомъ, а на плечахъ княгини, сверхъ платья, былъ накинутъ длинный *бинишъ* изъ краснаго сукна, по всѣмъ краямъ вышитый разноцвѣтными шелками и золотомъ. За княгинею слѣдовало трое крѣпостныхъ слугъ и любимая служанка, закутанная въ бѣ-

лую чадру, довольно короткую, какъ и слѣдовало служанкѣ.

Встрѣтивъ княгиню на порогѣ дома, Тамара, по обычаю, низко поклонилась почетной гостьѣ и привѣтствовала её такими словами:

— Съ пріѣздомъ, княгиня! Драгоцѣннымъ посѣщеніемъ своимъ вы насъ истинно осчастливили.

За тѣмъ гостья и хозяйка поцѣловались и княгиня отвѣчала на привѣтствіе Тамары:

— Высоко цѣню вашъ пріемъ, милая сосѣдка, и прошу не забыть, что я не могу долго невидѣться съ вами и вашимъ семействомъ...

Тутъ посѣтительница стала поочередно здороваться съ Катой и Аной, а Тамара между тѣмъ обратилась къ наперсницѣ княгини.

— Здраствуйте, милая Тасія (*)! Какъ поживаете съ молодыми княжнами?

— Благодаря Всевышняго, мы всѣ здоровы, и княжны поручали вамъ низко кланяться.

Поздоровавшись такимъ образомъ съ гостями у порога прихожей, Тамара пригласила княгиню и ея наперсницу войти въ слѣдующую комнату. Слуги остались въ *дерепани* (сѣняхъ). Когда все семейство и гостья помѣстились на большой тахтѣ, покрытой коврами, княгиня освѣдомилась о здоровьѣ Луарсаба и каждаго изъ членовъ семейства, а потомъ, безъ дальнихъ предисловій, прямо повела рѣчь о предметѣ своего посѣщенія.

— Милая Тамара, — сказала посѣтительница, — помните, что я къ вамъ душевно расположена, и потому желаю еще болѣе съ вами сблизиться. Вы, конечно, давно могли угадать, что ваша Като мнѣ очень нравится. Я очень была-бы счастлива, если-бы единственный сынъ мой, *Сандро* (**), имѣлъ такую жену, какъ ваша милая Като. Я пріѣхала сегодня къ

(*) т. е. Анастасія.

(**) Уменьшительное отъ *Александръ*.

вамъ собственно для того, чтобы просить у васъ руки Като для моего Александре, и надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ не откажете.

Хотя Тамара и ожидала такого предложенія отъ княгини, и хотя это предложеніе весьма льстило ея самолюбію, но мысль о возможности жить въ Тифлисѣ и видѣть дочь свою женою *чиновника*, который,—почему знать, быть можетъ сдѣлается впослѣдствіи лицемъ важнымъ и значительнымъ, эта мысль до такой степени вкоренилась въ душѣ тщеславной Тамары, — а недавній разговоръ ея съ мужемъ, которому уступить она никакъ не хотѣла вслѣдствіе безпричиннаго, чисто-женскаго упорства, такъ еще былъ свѣжъ въ ея памяти, что Тамара, не долго думая, отвѣчала княгинѣ рѣшительно:

— Ахъ, ваше Сіятельство!—сказала она съ притворнымъ видомъ величайшаго сожалѣнія,—вы не повѣрите, какъ чувствительна для меня честь вашего предложенія! Но, къ несчастію, вы опоздали: Като уже сговорена за-мужъ въ Тифлисъ, и измѣнить данному слову невозможно.

За такимъ рѣшительнымъ и рѣзкимъ отвѣтомъ не слѣдовало ожидать никакихъ дальнѣйшихъ объясненій между двумя женщинами. Такъ оно и случилось. Княгиня Зизія не сказала ни одного слова; она безмолвно встала, вѣжливо поклонилась всему семейству и величаво вышла изъ комнаты. Тамара, съ дѣтьми, также безмолвно проводила посѣтительницу до порога дома.

ЖЕНИХИ ѢДУТЪ.

Отъ Луарсаба скрыли настоящую причину посѣщенія княгини Зизіи, хотя онъ и подозрѣвалъ истину. Старикъ боялся разспрашивать, чтобы снова не раздражить Тамару и не

имѣть съ нею крупнаго разговора. Такіе разговоры въ теченіе долговременнаго супружества повторялись такъ часто, и такъ наскучили миролюбивому и доброму Луарсабу, что онъ подъ старость сталъ ихъ бояться болѣе, чѣмъ смерти. Всѣ въ домѣ молчали и думали про-себя. Естественно, что Анна и Като думали болѣе другихъ о послѣднихъ происшествіяхъ въ ихъ домѣ и обѣ съ волненіемъ ожидали пріѣзда Хихвинова, жениха Аны, который долженъ былъ привезти съ собою изъ Тифлиса и жениха Като, незнакомаго еще въ домѣ Луарсаба.

Дня чрезъ два послѣ посѣщенія княгини Зизіи, все старосвѣтское семейство по прежнему сидѣло въ саду, подъ тѣнію виноградныхъ лозъ. Лысый Мелита, преданный слуга дома, раздѣлявшій съ господами всякую ихъ радость и всякое горе и, то угрюмый и ворчливый, то веселый и шутливый, смотря по домашнимъ обстоятельствамъ господъ своихъ, къ которымъ онъ былъ привязанъ съ такого преданностію, какая въ Грузіи становится больше и больше рѣдкостію между крѣпостными слугами, —этотъ самый Мелита—опять возвѣстилъ семейству приближеніе гостей. На этотъ разъ онъ былъ какъ-то особенно веселъ.

— *Самахаробло*, магарычъ Мелитѣ, магарычъ! — кричалъ онъ, опрометью вбѣжавъ въ садъ.—Зятья изъ Тифлиса ѣдутъ! Всё семейство взволновалось различными ощущеніями. Прежде всего послышался голосъ Тамары:

— Въ чёмъ они ѣдутъ? — спросила она Мелиту.

— Конечно ужь не верхомъ, какъ наши деревенскіе; въ *пургони* (*) ѣдутъ!..

Тщеславной Тамарѣ видимо понравилось это извѣстіе. Она подняла глаза къ небу и въ волненіи проговорила: — Благодареніе Богу! Исполнилось мое желаніе! Что-то теперь скажутъ наши завистливые сосѣди и сосѣдки!.. Много-ли ихъ

(*) Такъ Грузины переложили слово *фургонъ*, экипажъ, въ которомъ совершается большая часть путешествій изъ Тифлиса въ деревни.

на пургони, и далеко-ли они отъ дому?—спросила Тамара, снова обратившись къ Мелитѣ.

— Недалеко, спускаются съ пригорка къ рѣкѣ; *жгаруне-би* (колокольчики) ужь слышны со двора; а что много-ли ихъ,—такъ на это отвѣчать мудрено; ихъ тамъ столько сидитъ на пургони, что и шести нашимъ жеребцамъ съ мѣста не сдвинуть.

До сихъ поръ молчавшій Луарсабъ, въ свою очередь поднялъ къ небу глаза и сказалъ съ грустной покорностію:

— *Икхавнъ неба шени!* Божіе наказаніе!..

— Что-же мы теперь будемъ дѣлать, *батоно?* (*) спросила Тамара, обращаясь къ мужу.

— Дѣлайте, что хотите. Я болѣе ни во что не вмѣшиваюсь!—печально отвѣчалъ Луарсабъ.

Тамара не замѣтила или не хотѣла замѣтить унылаго выраженія, съ какимъ Луарсабъ произнёсъ послѣднія слова,—и поспѣшила вполнѣ воспользоваться ихъ разрѣшительнымъ значеніемъ. Она послала Мелиту встрѣчать гостей, а сама позвала служанокъ *Мквырала* и *Гадахтысахàръ* (**), и отправилась съ ними водворять въ домѣ чистоту и порядокъ, столь необходимыя для достойнаго принятія дорогихъ гостей.

VII.

ПРІѢХАЛИ И БЕЗЪ ЦЕРЕМОНІИ.

Разогорченный Луарсабъ остался встрѣчать гостей: того требовало приличіе... Но одинъ Богъ видѣлъ, какъ мало ра-

---

(*) *Батоно* значитъ Господинъ, Seigneur, Monsieur. Этими словами слуги въ Грузіи называютъ своихъ господъ, — а иногда и жены мужей, и дѣти отцевъ.

(**) Не собственныя женскія имена, а нарицательныя прозвища, означающія въ переводѣ: Крикунья и Прыгунья.—Помѣщики въ Грузіи часто даютъ своимъ слугамъ подобныя прозвища, всегда основанныя на какомъ нибудь отличительномъ свойствѣ прозываемаго, который ужь никакъ иначе и не именуется до конца своей жизни.

Примѣч. Изд.

душія было въ сердцѣ старика для тѣхъ, кому онъ готовился оказать гостепріимство... Вскорѣ въ комнату вошли четверо пріѣзжихъ изъ Тифлиса. Всѣ они были средняго возраста, а одежда ихъ была покрыта дорожной пылью.

— Боже мой, сколько онъ навезъ сюда тифлисскихъ *дардимандовъ* (*). Всѣ они навѣрно никуда не годятся, и однако одному изъ нихъ я долженъ отдать мою Като!..

Такъ подумалъ про себя Луарсабъ, но разумѣется не высказалъ своей мысли. Напротивъ того, онъ довольно привѣтливо встрѣтилъ гостей и, по обычаю, поздравилъ ихъ съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Хихвиновъ, одинъ изъ всѣхъ пріѣхавшихъ одѣтый по европейски, съ большой развязностью подошелъ къ Луарсабу, обнялъ его, и потомъ представилъ ему своихъ спутниковъ.

— Это лучшіе друзья мои, сказалъ онъ, — это Капланъ N., это Барамъ M., а вотъ это Тарамъ O., — люди извѣстные въ Тифлисѣ и пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ.

Капланъ, Барамъ и Тарамъ обмѣнялись съ Луарсабомъ поклонами.

Въ эту минуту въ комнату вошла и Тамара. Она сіяла удовольствіемъ и уже успѣла принарядиться по праздничному. Развязный Хихвиновъ, очевидно пользуясь правами будущаго родства, подошелъ къ ней и уже распахнулъ объятія, чтобы, по родственному, заключить въ нихъ почтенную хозяйку, но былъ остановленъ неожиданнымъ восклицаніемъ Луарсаба:

— Русо, Русо, мойца!.. гнѣвно закричалъ старикъ, оскорбленный странною для него безцеремонностью Хихвинова, — Мою жену цѣловать нельзя... Она жена моя, понимаешь?..

И Хихвиновъ, и прочіе гости не удержались отъ смѣха, обиднаго для хозяевъ. Луарсабъ хотѣлъ сказать что-то очень грозное, но Тамара взяла мужа за руку и старалась его

(*) *Дардиманди* — значитъ свѣтскій человѣкъ, *левъ*... Еще точнѣе значеніе этого слова можетъ быть объяснено русскимъ выраженіемъ: разбитной малый молодецъ на всѣ руки... *Прим. Изд.*

успокоить объясняя, что ужь нынче такое свободное обращеніе принято между тифлисскимъ благовоспитаннымъ обществомъ, и что въ обращеніи гостей нѣтъ ничего неприличнаго.

Она, по правдѣ сказать, и сама хорошенько не понимала обращенія Хихвинова и его товарищей, — но, съ одной стороны, боялась, чтобы суровый пріёмъ Луарсаба не разгнѣвалъ дорогихъ гостей, — а съ другой, не допускала, чтобы они могли сдѣлать что нибудь не должное.

Таково ужь было ея пристрастіе ко всему тифлисскому!.. Но Луарсабъ не скоро успокоился: долго онъ хмурился и, по стариковски, ворчалъ про себя какія-то непривѣтливыя рѣчи, въ родѣ слѣдующихъ: — Нѣтъ, моя жена не тифлисская, постороннихъ цѣловать не будетъ!.. Если-же это случится, то жива не останется... и т. п.

Тамара не знала, что дѣлать въ эти истинно-затруднительныя минуты; не знала, какъ сблизить хозяина съ гостями. И тотъ и другіе оставались въ противоположныхъ углахъ комнаты, храня — они насмѣшливое, а онъ гнѣвное молчаніе.

Наконецъ Хихвиновъ уладилъ дѣло; онъ обратился къ Тамарѣ:

— Женихи хотятъ видѣть невѣстъ, почтеннѣйшая Тамара, сказалъ онъ; покажите-же мнѣ мою Ану, — а вотъ имъ дайте познакомиться съ вашей дочерью.

Въ то-же время Хихвиновъ насмѣшливо переглянулся съ товарищами, а Тамара вышла изъ комнаты и черезъ минуту возвратилась въ сопровожденіи Като и Аны.

Обѣ прекрасныя дѣвушки были еще прекраснѣе въ праздничныхъ своихъ одеждахъ и въ томъ душевномъ волненіи, съ какимъ незнакомыхъ мужчинъ, да еще и жениховъ, встрѣчаютъ всѣ дѣвушки вообще, а грузинскія деревенскія дѣвушки въ особенности, потому, что онѣ, бѣдныя, съ самаго дѣтства живутъ въ затворничествѣ и никогда не вступаютъ въ разговоръ съ посторонними мужчинами. Однакожъ Ана была уже гораздо развязнѣе, чѣмъ Като. Войдя въ общую комнату, она улыбнулась пріѣзжимъ, поклонилась имъ, не опуская

глазъ, какъ Като, и даже осмѣлилась подать руку своему жениху Хихвинову, когда тотъ протянулъ ей свою, чтобы поздороваться по русскому обычаю. Вообще наблюдая за этими двумя дѣвицами, воспитанными въ одномъ домѣ, нельзя было не удивляться различію ихъ свойствъ. Като была столько-же образована какъ и Ана, а между тѣмъ Като была настоящая азіятка въ обращеніи: застѣнчивая и дикая, какъ газель ближнихъ горъ, она удалялась отъ всякаго сближенія съ посторонними, не допускала никакой короткости ни съ кѣмъ, кромѣ близкихъ родственниковъ. Ана же, совсѣмъ напротивъ, какъ будто уже имѣла нѣкоторыя понятія о европейской жизни Тифлиса, и всей душой желала поскорѣе съ нею освоиться. Разница эта происходила, можетъ быть, оттого, что Като образовалась какъ всѣ грузинскія дѣвушки прежняго времени: чтеніемъ лишь священныхъ книгъ да старыхъ народныхъ поэтовъ, изъ которыхъ, разумѣется, въ особенности любила Шота-Руставеля и знала наизустъ его знаменитую «Барсову кожу», — тогда-какъ Ана предпочитала чтенію разсказы о городской жизни, которые съ жадностью выслушивала отъ сосѣдокъ и отъ своего брата Павле, пріѣзжавшаго въ лѣтнее время изъ Тифлиса, гдѣ онъ воспитывался.

Когда, по желанію безцеремонныхъ гостей, Като и Ана были приведены въ общую комнату, — Хихвиновъ поцѣловалъ свою нарѣченную, смутилъ поцѣлуемъ робкую Като, и отрекамендовалъ ихъ обоихъ своимъ товарищамъ.

Когда-же дѣвушки, молча, сѣли на тахты, онъ помѣстился между ними и сказалъ имъ по-грузински:

— Ужь вы извините, что я помѣщусь посреди васъ. Въ Тифлисѣ принято, чтобы молодыя хозяйки не дичились, а занимали гостей. —

Като вся вспыхнула отъ такой короткости, но Ана улыбалась шутливости жениха своего.

— А вы, господа, будьте какъ дома, — продолжалъ Хихвиновъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, — садитесь къ намъ поближе, вотъ сюда, на тахти, и станемъ бесѣдовать.

Пріѣзжіе, разумѣется, не заставили повторить приглашенія и, не обращая особеннаго вниманія на старшихъ хозяевъ, непринужденно размѣстились на широкой тахти. Но легко себѣ вообразить, чтó думалъ въ это время старый Луарсабъ.

— Вотъ о чёмъ горевалъ я, — думалъ онъ про себя въ это время, — вотъ что значитъ вступать въ родство съ тифлисскими! Кто меня теперь спроситъ, пріятна-ли мнѣ ихъ смѣлость въ моёмъ домѣ? Я простой человѣкъ; ничего не понимаю въ ихъ обычаяхъ, и принужденъ, какъ *бичо*, ходить за ними и угождать имъ!

Луарсабъ, быть можетъ, не ограничился-бы однѣми разсужденіями. Онъ выразилъ-бы на словахъ, или даже на дѣлѣ, свое неудовольствіе. Но старая Тамара зорко за нимъ наблюдала и укрощала гнѣвъ мужа то взглядомъ, то жестомъ, то краткою рѣчью, въ которой мимоходомъ давала ему понять, что такъ ужь нынче принято въ свѣтѣ и что этому должно покориться.

VII.

ДРУЖЕСКАЯ БЕСѢДА, МНОГО ОБѢЩАЮЩАЯ ХОРОШАГО ВЪ БУДУЩЕМЪ.

День, однакоже, кое-какъ прошелъ. Много было недоразумѣній, происходившихъ отъ разницы между обычаями стараго грузинскаго семейства и понятіями тифлисскихъ гостей. Но Хихвиновъ и Тамара улаживали дѣло каждый разъ, когда разговоръ принималъ непріятный оборотъ: Хихвиновъ — разными шутками и увѣщаніями, а Тамара — угощеніемъ и радушіемъ. Угощенія были особенно обильны; домашнее вино, долго сохранявшееся въ марани *до случая*, появилось въ большихъ кувшинахъ и съ утра до вечера щедро разливалось въ угоду дорогимъ гостямъ, такъ, что послѣ ужина даже и Луарсабъ какъ будто примирился съ *тифлисскими*, да и они перестали смотрѣть на старосвѣтское семейство съ высоты своей тифлисской свѣтскости.

Для ночлега Хихвинову, какъ обрученному жениху, отвели комнату въ самомъ помѣщичьемъ домѣ; пріятелей же его помѣстили въ отдѣльной саклѣ, неподалеку отъ жилища Луарсаба. Капланъ, Барамъ и Тарамъ пришли на ночлегъ очень развеселенные послѣднею выпитой за ужиномъ *кулою* дорогаго кахетинскаго напитка, такъ, что между ними завязался откровенный дружескій разговоръ.

— И такъ, любезный товарищъ, — замѣтилъ Тарамъ, обращаясь къ Каплану, — ты покидаешь веселую холостую жизнь и женишься; это, какъ видно, рѣшено...

— Да, прибавилъ Барамъ, — нашъ Капланъ очевидно влюблёнъ; ему очень понравилась...

— Кто? спросилъ Капланъ, перебивая Барама...

— Вотъ забавно! Кто? Разумѣется твоя невѣста, Като...

— Ну, это еще вопросъ, друзья мои! — загадочно и съ улыбкою отвѣчалъ Капланъ.

— Какъ вопросъ? Но развѣ мы не видѣли, какъ ты цѣлый день не переставалъ глазѣть на невѣсту, задумывался, вздыхалъ и не сводилъ съ нея глазъ...

— Ха, ха, ха!.. Да, точно, я не сводилъ глазъ съ невѣсты, но только съ чьей невѣсты? Вотъ этого-то вы ужь и не замѣтили! — отвѣчалъ Капланъ, продолжая смѣяться.

— Что ты, Капланъ, неужто? — съ удивленіемъ сказалъ простодушный Барамъ.

— Точно, точно, въ самомъ дѣлѣ, я теперь только припоминаю, что онъ чаще былъ около Аны, и какъ-то прилежнѣе на неё поглядывалъ, — замѣтилъ болѣе проницательный Тарамъ.

И оба громко захохотали.

Капланъ легъ спиною на коверъ, подложилъ себѣ подъ голову руки и задумался.

Нахохотавшись до́сыта, Барамъ и Тарамъ приступили съ новыми вопросами къ товарищу.

— Такъ стало-быть ты не женишься, и мы напрасно сюда пріѣхали?—спросилъ Барамъ.

Капланъ ничего не отвѣчалъ.

— Да, какъ-бы не такъ! замѣтилъ Тарамъ, — а что-же онъ будетъ дѣлать, если не женится? Какъ заплатитъ всѣ свои долги? Не въ Тифлисѣ-же ему искать невѣсты; тамъ насъ всякій прохожій знаетъ: кто за насъ пойдётъ съ деньгами? А Армяне, извѣстное дѣло, дочерей выдаютъ за людей съ чинами или съ состояніемъ...

Капланъ тяжело вздохнулъ.

— Такъ что-же будетъ изо всего этого? — замѣтилъ Барамъ.

— Какъ что будетъ! Будетъ то, что Капланъ женится на Като. — Отвѣчалъ хитрый Тарамъ.

— Но если она ему не нравится?

— Очень нужно нравиться, когда дѣло идётъ о расплатѣ долговъ! Такъ-ли, пріятель? — сказалъ Тарамъ, обращаясь къ задумчивому Каплану и садясь около него на коврѣ.

Капланъ еще глубже вздохнулъ, но ничего не отвѣчалъ товарищу. Тарамъ продолжалъ:

— Не горюй; вотъ что я тебѣ посовѣтую... Только прежде скажи отквовенно свои мысли: тебѣ нравится невѣста Хихвинова?

Капланъ приподнялся, сѣлъ и, съ какою-то истинно-восточной восторженностью, — подобно тому, какъ извѣстный закавказскій поэтъ-разбойникъ Кюръ-Оглу изъяснялся передъ своею возлюбленной, — произнёсъ:

— Что мнѣ Като! Что она передъ прекрасною Аной? Это ночь—передъ солнечнымъ утромъ, это потухшій уголь передъ пламенѣющимъ свѣтильникомъ!.. Като похожа на всѣхъ нашихъ грузинскихъ дѣвушекъ... Но Ана! Ана—существо рѣдкое! Она красавица, она Ангелъ небесный! Я люблю её такъ, какъ не любилъ никого, никогда! Я умру, если её отдадутъ за Хихвинова!...

Барамъ въ недоумѣніи покачалъ головою. Тарамъ отвѣчалъ Каплану:

— Зачѣмъ умирать, пріятель! Да и разстраивать свадьбы Хихвинова нѣтъ никакой надобности; будутъ только напрасныя непріятности... Нѣтъ, теперь, когда я знаю настоящія твои мысли, я посовѣтую тебѣ непремѣнно жениться на Като.

Капланъ и Барамъ вопросительно взглянули на Тарама.

— Да, жениться на Като! — продолжалъ Тарамъ: — Что за бѣда, что она тебѣ не нравится... Черезъ неё ты можешь болѣе сблизиться съ Анною. Вспомни, что онѣ двоюродныя сёстры... Стало-быть ты, какъ родственникъ Аны, будешь имѣть право быть съ ней въ болѣе короткихъ отношеніяхъ, не навлекая никакого подозрѣнія... Ну, а тамъ... Это ужь твое дѣло!..

— Капланъ вскочилъ на ноги и принялся обнимать Тарама. Коварный совѣтъ развратнаго друга, казалось, блеснулъ живительнымъ лучемъ надежды въ его сердцѣ, омраченномъ возникшею страстью.

Но Тарамъ не остановился на первой мысли; онъ развивалъ её слѣдующимъ образомъ:

— Не торопись, не торопись, дружище!.. У Русскихъ есть пословица: утро вечера мудренѣе: совѣтъ мой, конечно, хорошъ, но надо подождать, что́ завтра скажетъ Хихвиновъ. Завтра поутру онъ обѣщалъ принести списокъ приданаго Като... Посмотримъ, разсчитаемъ, и если приданое будетъ порядочное, — тогда смѣло сватайся.

— И мы попируемъ на свадьбѣ! — радостно воскликнулъ Барамъ.

— Если-же ножны не будутъ стоить клинка̀, — такъ мы ихъ бросимъ, и тогда подумаемъ о другихъ средствахъ поправить дѣлишки.

Разговоръ о томъ-же интересномъ предметѣ продолжался между пріятелями до тѣхъ поръ, пока сонъ не овладѣлъ ими. Но безполезно здѣсь повторять ихъ дальнѣйшую бесѣду. Читатель и безъ того, вѣроятно, понялъ, къ какому разряду

людей принадлежали тифлисскіе гости, пріѣхавшіе въ провинцію искать посредственнаго приданаго, а не сердечнаго счастія въ супружествѣ. Впрочемъ, впослѣдствіи мы познакомимся съ ними еще короче.

VIII.

СВАТОВСТВО.

Какъ ни умѣренно было состояніе дворянина и помѣщика Луарсаба Куринчхи-Клапья-швили, тѣмъ не менѣе приданое единственной его дочери было настоящее дворянское приданое. Оно составлялось исподволь, въ теченіе многихъ лѣтъ, и къ шестнадцатилѣтнему возрасту Като, у родителей ея небыло ни въ чемъ недостатка, чтобы прилично устроить въ замужствѣ единственную дочь свою. Приданое это, по крайней мѣрѣ, равнялось тому, какое было оставлено Анѣ покойнымъ отцомъ ея, братомъ Луарсаба, и этимъ можно объяснить обиліе жениховъ, являвшихся въ отдаленный уголокъ Грузіи, въ домъ небогатаго помѣщика. Къ тому-же должно прибавить, что молва преувеличивала настоящее приданое нашихъ невѣстъ, а слава о красотѣ ихъ была также не послѣднею приманкой для молодёжи.

На утро, послѣ откровеннаго разговора тифлисскихъ жениховъ, Хихвиновъ дѣйствительно явился къ нимъ въ саклю и показалъ Каплану длинный списокъ вещей, составлявшихъ приданое Като. Небольшая, но круглая цифра *наличнаго* капитала также не была забыта въ спискѣ.

Я знаю, что Русскіе могутъ найти страннымъ совѣщаніе свата и жениха о приданомъ невѣсты. Но въ Грузіи оно не удивитъ никого, потому-что у насъ въ обычаѣ совершать, со всѣми подробностями, условія о приданомъ ранѣе, чѣмъ послѣдуетъ окончательное сватовство.

Списокъ принесенный Хихвиновымъ не былъ тайною для Барама и Тарама, какъ для друзей Каплановыхъ. Тарамъ и Капланъ, а слѣдовательно и простосердечный Барамъ, остались довольны спискомъ и... судьба Като была рѣшена..

Въ тотъ-же день, передъ обѣдомъ, произошло формальное сватовство слѣдующимъ образомъ:

Луарсабъ и Тамара были въ той самой комнатѣ, гдѣ вчера они принимали гостей. Старики были къ чему-то приготовлены и чего-то ожидали. Тамара, разодѣтая, сидѣла улыбаясь, на тахти; Луарсабъ, порывисто перебирая черныя чётки, съ замѣтнымъ волненіемъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Като и Аны въ комнатѣ не было. Хихвиновъ не замедлилъ явиться въ сопровожденіи Каплана.

Взявъ Каплана за руку и подведя его къ Луарсабу и Тамарѣ, Хихвиновъ сказалъ ломанымъ грузинскимъ языкомъ, какимъ говорятъ въ Грузіи нѣкоторые Русскіе, долго прожившіе въ нашей сторонѣ, но не учившіеся нашему языку основательно:

— Почтеннѣйшіе мои будущіе родственники! Вотъ дворянинъ Капланъ Киквинадзе, котораго вчера я съ вами познакомилъ; онъ Тифлисскій помѣщикъ и искренній мой другъ и пріятель; служитъ и уже имѣетъ чинъ...

Луарсабъ поклонился, но въ тоже время произнесъ *въ сторону*, какъ это дѣлается на театрѣ:—Ослѣпи Богъ ваши *чини* (*) много я понимаю, что вы тамъ толкуете...

Хихвиновъ продолжалъ:

— Онъ первый тифлисскій *кочаги* (**) и *дардиманди*.

Луарсабъ опять кивнулъ головою, но въ тоже время подумалъ: — Лучше оглохли-бы мои уши, только-бы не слышать мнѣ больше про кочаговъ и дардимандовъ! —

(*) Луарсабъ не понимаетъ словъ Хихвинова потому, что *твалисъ-чини* по грузински значитъ *зрѣніе* а о *чинахъ* въ русскомъ смыслѣ онъ не имѣетъ понятія.

(**) Слово лезгинское, означающее: удалецъ.

— Я давно знаю Каплана, — продолжалъ Хихвиновъ, — онъ человѣкъ хорошій степенный и всѣми уважаемый; онъ далеко пойдетъ на службѣ и потому, я думаю, всѣмъ намъ должно считать за честь его предложеніе: онъ проситъ руки нашей милой Като... Обѣ сестры будутъ жить вмѣстѣ въ Тифлисѣ.

Тамара поспѣшила отвѣчать за себя и за Луарсаба:

— Большимъ счастіемъ почитаемъ отдать вамъ дочь нашу, но только и отъ васъ желали-бы узнать, любите-ли вы Като? Нравится-ли она вамъ?

По вчерашнему разговору Каплана съ своими пріятелями мы можемъ угадать, чтó онъ подумалъ послѣ вопроса Тамары. Но отвѣтъ его былъ противуположенъ его мыслямъ.

— Кто-же не полюбитъ нѣжнаго лица и спокойныхъ взоровъ вашей Като! — отвѣчалъ онъ, — я полюбилъ её хотя и въ короткое время, но искренно, и прошу васъ надѣлить меня материнскою нѣжностію... Я сирота, будьте для меня матерью.

Съ этими словами Капланъ наклонился и почтительно поцѣловалъ грудь (*) восхищенной Тамары. За тѣмъ онъ подошелъ и къ Луарсабу. Но старикъ довольно холодно обнялъ его и, вздыхая, молчаливо отошелъ въ сторону.

Тутъ опять произошла-бы неловкая сцена между женихомъ и будущимъ тестемъ, если-бы Тамара не употребила своего вмѣшательства.

— Благодареніе Богу! — сказала она: — теперь всё благополучно кончено!.. Поспѣшите-же, любезные зятья, приготовиться, пріодѣться къ обѣду: черезъ часъ къ намъ соберутся гости — сосѣди.

Капланъ и Хихвиновъ отправились въ отдѣльную саклю, гдѣ ихъ съ нетерпѣніемъ ожидали Барамъ и Тарамъ.

(*) Почтительный поцѣлуй, принимаемый въ Грузіи только пожилыми женщинами и притомъ родственницами.

—

ОТЪ СЛОВА ДО ДѢЛА НЕ ДАЛЕКО.

Тамара, достигнувшая цѣли своихъ тщеславныхъ помысловъ, была совершенно счастлива и распоряжалась послѣдними приготовленіями къ свадебному пиру, какъ генералъ, заранѣе увѣренный въ успѣхѣ предстоящаго сраженія.

— Теперь ступай, надѣнь на себя новые *каламани* (*) и праздничную чуху,—говорила она лысому весельчаку Мелитѣ, когда тотъ окончилъ уборку комнаты. Мелита, вѣроятно уже получившій свои магарычи, а можетъ быть уже и развеселившій себя нѣсколькими чашками добраго вина, не заставилъ свою госпожу повторить приказаніе: съ шутовской припрыжкой и съ громкими восклицаніями: «свадьба! свадьба!» онъ побѣжалъ наряжаться въ новое платье.

— А вы,—продолжала Тамара, обращаясь къ служанкамъ,—выньте изъ кладовой лучшіе персидскіе ковры и разстелите ихъ въ этой комнатѣ.

Мквырала и Гадахтысахàръ принялись исполнять приказаніе Тамары и, когда все было кончено, радостная хозяйка въ послѣдній разъ самодовольно обозрѣла дѣйствительно-роскошное убранство комнаты и за тѣмъ, въ сопровожденіи служанокъ, покинула её.

Комната опустѣла, но не надолго.

Вскорѣ стали прибывать званые гости и совершенно наполнили комнату. Женихи и тифлисскіе ихъ пріятели были тутъ-же.

Черезъ полчаса торжественно распахнулись двери изъ внутреннихъ покоевъ и молодой Павле, братъ Аны, явился передъ посѣтителями, провозглашая:

— Дорогу, дорогу!..

Гости разступились и дали дорогу Луарсабу, который, держа за руки Като и Ану, не замедлилъ явиться вслѣдъ за

(*) т. е. обувь.

Павле и остановился посреди комнаты. Като и Ана были одѣты въ подвѣнечныя платья. На Луарсабѣ же была новая чуха изъ тонкаго сукна, застёгнутая до верху; поясомъ служила ему богатая бѣлая шаль, съ концами, опускавшимися въ видѣ кистей; а голова его была покрыта высокою заломленною папахой изъ дорогихъ чёрныхъ смушекъ.

— *Акмобзанды сицзе*, пожалуйте сюда зять, — торжественно произнесъ Луарсабъ, обращаясь къ Хихвинову.

Хихвиновъ, одѣтый въ черный фракъ, почтительно приблизился къ дядѣ своей невѣсты.

— Отдаю тебѣ невинную мою племянницу... Богъ да благословитъ васъ и да дастъ вамъ состарѣться неразлучно! — сказалъ Луарсабъ съ чувствомъ, и въ морщинистой рукѣ своей соединилъ руки Хихвинова и Аны.

Женихъ и невѣста, держась за руки, отошли на нѣсколько шаговъ въ сторону.

— Подойдите и вы ко мнѣ, Капланъ Киквинадзе! — продолжалъ Луарсабъ, обращаясь къ будущему зятю.

Капланъ, весьма красивый и ловкій въ своемъ богатомъ грузинскомъ костюмѣ, подошелъ къ будущему тестю.

Луарсабъ соединилъ руку своей дочери съ рукою Каплана и, со слезами, дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— И тебѣ я отдаю невинное дитя, единственную дочь мою... Люби, береги ее... Она у меня выросла въ деревнѣ... Всѣмъ чужая будетъ она въ Тифлисѣ, какъ пугливая птица посреди шумящаго народа... Но тебѣ поручаю я её... Она твоя... Будь же ея путеводителемъ и благодѣтелемъ и да благословитъ васъ Богъ своею милостью!..

— Да благословитъ васъ Богъ! — произнесли въ одинъ голосъ всѣ присутствующіе.

Растроганный отецъ отёръ слёзы закругленнымъ концомъ *(кхоши)* рукава своей чухи и продолжалъ, обращаясь къ дочери:

— А ты, Като, ты, Ангелъ мой, будь послушна мужу и не забывай, что вѣрность твоя ему — *подкуплена* тайною силой закона Божія!..

Взоромъ, увлаженнымъ слезами, взглянула Като на отца и, — на мгновеніе,—прижалась къ нему, какъ-бы нежелая другаго защитника и покровителя. Но надо было разстаться. Капланъ тихо отвёлъ отъ отца *свою* Като...

— Въ церковь, въ церковь! Дорогу, дорогу! — опять провозгласилъ Павле, и гости опять разступились, давая дорогу женихамъ и невѣстамъ, по-парно послѣдовавшимъ въ церковь.

У выхода изъ сакли, какъ злые духи, стояли Тарамъ и Барамъ.

— Поздравляю! — безсмысленно произнесъ Барамъ, наклоняясь къ Каплану.

— И не съ одной, а съ двумя! — проницательно улыбаясь, шепнулъ ему на ухо Тарамъ.

Счастлива Като, если она не слышала этихъ привѣтствій!..

СВЕРШИЛОСЬ.

За женихами и невѣстами послѣдовала въ церковь вся толпа гостей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ почётнѣйшихъ сосѣдокъ. Луарсабъ и Тамара также остались дома.

Сосѣдки, по древнему обычаю, немедленно занялись приготовленіями къ пріёму новобрачныхъ. У одной изъ стѣнъ пріёмной комнаты онѣ развѣсили, въ видѣ широкаго полога, богатый занавѣсъ, шитый золотомъ. Подъ этимъ пологомъ, на полу, разостлали сверхъ ковра красную шелковую парчу, а въ изголовьи помѣстили круглыя подушки, прислонивъ ихъ къ стѣнѣ. Окончивъ это важное дѣло, исполнительницы его, вмѣстѣ съ радостной матерью Като, легкомысленой Тамарой, предались удовольствію пріятнаго ожиданія.

Луарсабъ задумчиво бродилъ изъ комнаты въ комнату.

— Идутъ! Идутъ! Молодые идутъ!—громко закричалъ лысый Мелита, показываясь на порогѣ.

Исполняя обычай, Тамара изъ собственныхъ рукъ подала доброму вѣстнику чашку вина, а прочія дамы поднесли старику разноцвѣтные платки и навязали ихъ ему чрезъ плечо. Счастливый Мелита однимъ глоткомъ осушилъ чашку, разбилъ её въ дребезги и, громко смѣясь, побѣжалъ на встрѣчу новобрачнымъ.

Вскорѣ и они показались въ дверяхъ. Капланъ и Хихвиповъ вели за руки молодыхъ своихъ женъ и по-парно шли впереди. Като и Ана, также какъ и мужья ихъ, имѣли на головахъ блестящіе вѣнцы. Кромѣ того, изъ-подъ вѣнцовъ у молодыхъ женщинъ ниспадали длинныя бѣлыя покрывала, придавая красотѣ ихъ что-то величественное и торжественное.

Гости и народъ, со свѣчами въ рукахъ, слѣдовали за молодыми.

Но брачная процессія, не входя въ домъ, принуждена была остановиться у дверей:

Барамъ и Тарамъ опередили новобрачныхъ и сопровождавшую ихъ толпу. Ставъ у дверей, они заградили ей путь поднятыми вверхъ и скрещенными между собою саблями и эта преграда оставалась до той минуты, когда Тамара совершила слѣдующій обрядъ:

Одѣтая въ богатое платье и покрытая красною персидскою шалью, она вышла на встрѣчу молодымъ, держа въ рукахъ подносъ, на которомъ стояла серебрянная чаша съ *шарбати* (шербетъ) и лежало четыре куска сахару.

Молодымъ дозволено было переступись порогъ и тогда Тамара встрѣтила ихъ привѣтствіемъ:

— Милыя дѣти! Да благословитъ васъ Богъ! — сказала она и каждому изъ четверыхъ новобрачныхъ подала по куску сахару и потомъ напоила ихъ шербетомъ...

Тогда молодые, а за ними и всѣ поѣзжане, вступили въ комнату. Молчаливо, но съ чувствомъ, обнялъ новобрачныхъ

и Луарсабъ, а за Луарсабомъ всѣ прочіе участники свадебнаго пира принесли имъ свои поздравленія и разнообразныя желанія.

Молодыхъ посадили на красную парчу, разостланную подъ богатымъ пологомъ. Мужья помѣстились около женъ. Барамъ и Тарамъ, очевидно игравшіе роль лицъ, называемыхъ у Русскихъ шаферами, усѣлись по сторонамъ, рядомъ съ Капланомъ и Хихвиновымъ. Старушки, по обычаю, стали около Като и Аны, чтобы отъ времени до времени поправлять имъ покрывала.

Всѣ прочіе гости, поджавъ подъ себя ноги, расположились въ кружокъ на коврахъ: мужчины по одну а женщины по другую сторону.

Свершилось... Оставалось пировать въ честь свершившагося... Но за этимъ у близорукихъ смертныхъ дѣло никогда не останавливается, хотя они и не знаютъ, чему предшествуетъ ихъ пиршество: горю или счастію?..

Бракъ Като и Аны также ознаменовался пиршествомъ:

Забренчала балалайка сазандара (*) и зазвучали изъ устъ его *баіяты* (**).

Засуетились слуги, подъ предводительствомъ Мелиты разстилавшіе передъ гостями синія скатерти и устанавливавшіе ихъ серебряными азарпешами, высокими кувшинами и многочисленными блюдами съ кушаньемъ.

Пили и ѣли по грузински, то-есть на славу, и долго не умолкали громкіе заздравные *алла-верды* въ честь новобрачныхъ, сопровождаясь не менѣе громкими: *якши-йолъ!*

(*) Пѣсенникъ.

(**) *Баіяты* — свадебныя пѣсни.

XII.

ПРОЩАНІЕ.

Такъ-какъ отъѣздъ молодыхъ былъ предположенъ въ самый день свадьбы, то и свадебный пиръ долженъ былъ кончиться за-свѣтло. Гости оставили свои мѣста на коврахъ, и въ то время, когда слуги занялись прибираніемъ остатковъ обѣда, старый Мелита донесъ, что дорожный *пургони* совсѣмъ готовъ и дожидается у крыльца.

Почетныя гостьи окружили молодыхъ и, снявъ съ нихъ вѣнцы и покрывала, стали прощаться съ ними.

Като, Луарсабъ, и даже Тамара,—залились слезами. Обнимая то мать, то отца, Като прощалась съ ними долго, будто съ жизнію. Потомъ она попросила у матери позволенія проститься съ роднымъ садомъ и цвѣтниками, посреди которыхъ сама она разцвѣтала до тяжелаго дня разлуки. Тамара обратилась ко всѣмъ присутствовавшимъ и передала имъ невинное желаніе дочери.

Съ улыбкой одобренія и участія приняли гости трогательную прихоть Като и молодая женщина, вырвавшись изъ объятій родительскихъ, вся въ слезахъ выбѣжала въ садъ.

Здѣсь, опустившись на колѣна передъ любимымъ цвѣтникомъ, Като припала лицемъ къ пышнымъ розамъ. Долго орошала она ихъ своими слезами, долго прижимала ихъ то къ горячимъ губамъ, то къ волнующейся, еще дѣвственной груди и, наконецъ, въ избыткѣ чувствъ, ободряемая своимъ минутнымъ одиночествомъ, запѣла имъ слѣдующую безсвязную и едва-ли не тутъ-же импровизированную пѣсенку:

Живой цвѣтникъ, живыя розы!
Отрада дѣтству моему!
Мои не окропятъ васъ слезы,
Къ груди васъ больше не прижму!

Допѣвъ послѣднюю фразу, Като сорвала нѣсколько розъ и, связывая ихъ въ букетъ, снова запѣла:

Сухой букетъ вашъ, вмѣсто сада,
Благоухавшаго весной —
Мнѣ будетъ нѣжная отрада,
Вѣкъ неразлучная со мной...

Въ минуты грусти и печали
Я вспомню молодость мою,
Увижу, что и вы увяли,—
И слезы горькія пролью...

Но здѣсь, въ саду, не знавъ ненастья,
Вы сохраните красоту —
А я—одна, вдали отъ счастья,
Съ букетомъ вашимъ отцвѣту..(*)

— Не одна и не вдали отъ счастья, — тихо произнёсъ кто-то позади Като, прерывая ея грустную импровизацію и цѣлуя въ плечо дѣвушку...

— Это ты, братъ мой?—сказала испуганная Като, и протянула руку къ Павле. Участіе двоюроднаго брата довело до послѣднихъ границъ грусть молодой женщины, разстававшейся со всѣмъ, что было у нея любимаго на свѣтѣ. Она громко зарыдала и прижалась лицемъ къ груди юноши... Павле утѣшалъ её, какъ умѣлъ и какъ могъ.

— Ты не одна будешь въ Тифлисѣ,—говорилъ онъ;—мужъ твой...

— Не говори мнѣ о немъ — прервала Като, — онъ меня не любитъ...

— Какъ это можно? Изъ чего же ты заключаешь? —спросилъ Павле.

— Я не заключаю... Я предчувствую...

— Предчувствія обманываютъ тебя, сестра; успокойся; теперь ты разстроена разлукой съ родными... Успокойся...

(*) Переводомъ *въ стихахъ* этой пѣсенки Като я обязана содѣйствію одного Русскаго.

— Нѣтъ, предчувствія меня не обманываютъ, — настаивала плачущая Като, — я никогда не буду счастлива... Никогда болѣе не возвращусь на родину... Я буду одинока и несчастна...

— Если это такъ суждено, — отвѣчалъ растроганный Павле, — то знай, Като, что и въ такомъ случаѣ ты будешь не одна... У тебя будетъ другъ... Клянусь вѣчно быть для тебя братомъ и другомъ!..

Но Като уже не слышала благородной клятвы молодаго человѣка. Она безъ чувствъ лежала въ объятіяхъ отца, котораго нѣжность и нетерпѣніе привели въ садъ по слѣдамъ Павле, прежде посланнаго за Като.

Павле побѣжалъ за водою. Въ домѣ сдѣлалась суматоха. Тамара, Капланъ и всѣ гости поспѣшили въ садъ и окружили безчувственную Като и рыдающаго старика Луарсаба.

Но, къ счастію людей, сильныя потрясенія печали проходятъ также скоро, какъ и восторги блаженства...

Черезъ полчаса — успокоенная Като, рядомъ съ Аной и вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и Хихвиновымъ, сидѣла въ дорожномъ экипажѣ, быстро катившемся въ Тифлисъ....

Проводивъ Като и Ану, а вслѣдъ за ними и многочисленныхъ гостей, Луарсабъ и Тамара возвратились въ опустѣлую комнату, еще за нѣсколько часовъ вмѣщавшую въ себѣ столько шумной радости и искренней печали. Тамара горько почувствовала свое одиночество, а можетъ быть и раскаяніе въ поспѣшности, съ которою распорядилась судьбою дочери. Она сѣла на тахти и принялась плакать. Но Луарсабъ и въ этотъ разъ былъ выше жены своей: онъ снялъ съ головы черную папаху и, поднявъ увлаженные глаза къ небу, съ твердостью и сердечнымъ упованіемъ на милость Всевышняго, поручилъ Ему будущую судьбу дочери и племянницы.

Будущая Грузинская Писательница.

Примѣчаніе. «По неожиданнымъ препятствіямъ къ продолженію печатанія повѣсти, вторая (т. е. послѣдняя) часть ея не могла войти въ наше изданіе, но готовится къ появленію *въ отдѣльномъ* изданіи. Впрочемъ, думаемъ, что читатели *Зурны,* и по этой первой части повѣсти нашей *самородной* писательницы, уже въ состояніи судить о дарованіи, интересное развитіе котораго прослѣжено въ нашемъ предисловіи къ первому труду ея.

Изд.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОѢЗДКА ВЪ ЦИНОНДАЛЫ (*)

Шашку съ боку, ногу въ стремя,
И лечу во весь опоръ...
Сладко вырваться на время
Изъ нерадостныхъ Гамборъ!
Вспоминая о бываломъ
И во снѣ и на яву, —
Я душой *за переваломъ*,
Я въ Кахетіи живу!
Конь мой пламенный, скорѣе
Мчись по вьючному пути,
Вѣтра горнаго быстрѣе
Перевалъ перелети.
Вотъ въ дали лазурью плещетъ
Межь садами Алазань,
Вьётся лентою и блещетъ
Какъ серебряная ткань.
Вотъ вершины снѣговыя,
Сквозь лазуревую высь,

(*) *Цинондалы* — имѣніе кн. Чавчавадзе въ Кахетіи, — знаменитое своими виноградниками и винами, а въ послѣднее время ознаменованное однимъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ кавказской войны: вторженіемъ Шамиля и плѣненіемъ семейства владѣльца цинондальскаго. Стихотвореніе это, къ сожалѣнію, сообщено намъ безъ полой подписи имени автора. *Изд.*

Какъ ступени вѣковыя, —
Грозно къ небу поднялись.
Алазань, луга и скалы,
Блескъ лазури, чудный видъ,
А на право Цинондалы
Гдѣ блаженствуетъ Давидъ —
Князь почетный и любимый
Въ сонмѣ доблестныхъ князей!
Мчись мой конь неутомимый
Въ тотъ волшебный элизей!..
Вотъ обители пустынной
Конь играющій достигъ;
Предъ святынею старинной
Остановимся на мигъ:
Какъ таинственна природа
Вкругъ того монастыря,
Гдѣ почіетъ воевода
Православнаго Царя!
Онъ свое благословенье
Шлетъ на родину съ небесъ;
Онъ въ прекрасномъ поколѣньѣ,
Онъ въ наслѣдникѣ воскресъ!
Отъ святыни Христіанской,
Честь усопшему отдавъ,
Я къ долинѣ Алазанской,
Поскакалъ черезъ Телавъ...
Упоительница наша,
Въ полномъ блескѣ, вотъ она, —
Нескончаемая чаша
Кахетинскаго вина!
Алазанская долина,
Цинондалы и Кварель, —
Чавчавадзевскія вина
Разливаются отсель,
И поятъ да упоенья,

Да восторженнаго сна,
До блаженнаго забвенья
Всю Иверію сполна!
Упоительница наша,
Кто-жъ, веселіе любя,
Санъ высокій *тулумбаша* (*)
Нынѣ приметъ на себя?
Дѣти Грузіи! отъ дѣдовъ
Вы отстали далеко:
На пирахъ, среди обѣдовъ,
Роспиваете *клико*!
Блещутъ вычурно и пышно
Затрапезные столы,
А завѣтнаго не слышно
Воркованія *кулы* (**)!
И, наслѣдниковъ не тѣша,
Не летаютъ черезъ столъ
Турій рогъ и азарпеша
Подъ веселый *якши-олъ*
Пробудись народъ воинскій!
Пой и пьянствуй и пляши!
Лейся нектаръ кахетинскій
Въ православные ковши!
Раздавайтесь пѣсни, гимны,
Веселись душа моя,
Здравствуй князь гостепріимный!
Здравствуй добрая семья!

Д — чъ.

(*) т. е. распорядителя пира.

(**) *Кула* — серебряный кувшинъ, съ узкимъ, длиннымъ и винтообразнымъ горломъ, чрезъ которое влага, выливаясь, производитъ звукъ, чрезвычайно удачно названный у поэта *воркованіемъ*.

Примѣч. Изд.

ПѢСНИ НЕВѢСТѢ.

(Отрывокъ изъ поэмы «Кержачка)».

Другъ вѣренъ : нѣсть мѣрила добротъ его. . .

Идѣ же нѣтъ жены, безпорядокъ царствуетъ всюду.
Кн. Царствъ.

1.

Въ нашъ вѣкъ, проникнутый дендизмомъ,
Бракъ — учрежденье Христіанъ, —
Слыветъ подъ часъ анахронизмомъ...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но я, мой другъ, изъ старовѣровъ...
Премудрыхъ вѣка я читалъ,
И что-же? Чуждъ я ихъ примѣровъ,
Да и читать ихъересталъ!..
Славянъ семейное начало

Всегда полнѣе отвѣчало
На голосъ сердца моего:
Понятны мнѣ невзгоды брака,
Я изучалъ ихъ... И однако
За имя мужа твоего,
Чтобъ заключить тебя въ объятья,
Чтобы назвать тебя женой —
Мой другъ, повѣрь: готовъ отдать я
Всѣ толки мудрости земной!
Мой свѣтлый лучъ! Мой ангелъ чистый!
Увы! прошелъ я путь тернистый
Всѣхъ романтическихъ страстей!
Повѣрь-же зрѣлости моей:
Всѣ утопическія связи
Полны безумства, часто.... грязи;
Онѣ — ошибки первыхъ лѣтъ,
И разрушителенъ ихъ слѣдъ.
Воспоминать ихъ не люблю я
Передъ невинностью святой;
Твой дѣтскій слухъ не оскорблю я
Разсказомъ лѣтописи той!
О прошломъ вспомнивъ мимоходомъ, —
Я лишь сказать хотѣлъ тебѣ,
Что больше, больше съ каждымъ годомъ
Я сердцемъ склоненъ къ той судьбѣ,
Какая ждетъ и насъ съ тобою,
Когда насъ счастье осѣнитъ,
И, вслѣдъ за клѵрною мольбою,
У олтаря соединитъ!..

———

Соединимся мы.... Настанетъ длинный рядъ
Святой взаимности плѣнительныхъ наградъ...
Но счастье первыхъ ласкъ минуетъ скоро...
За чѣмъ-же, милый другъ, скрывать отъ взора
Всё, что послѣдуетъ за счастьемъ первыхъ дней,
Что̀ видитъ опытность? Иль ты не вѣришь ей?
Не вѣришь потому, что, сквозь повязку
Своей любви, ты смотришь какъ на сказку, —
На всё грядущее? Но сказки чудныхъ Фей,
Мой другъ, оставлены для маленькихъ дѣтей, —
А жизнь не сказка, и, за первымъ поцѣлуемъ,
Я, съ жизнью за одно, тебя разочаруемъ...
Увидишь ты, что прежній твой женихъ
Не отличается отъ множества другихъ
Дѣтей того-же суетнаго вѣка;
Что онъ не *ange*, а только не калѣка,
Что тотъ же онъ, какъ всѣ мы, всякій день;
Что любитъ книгу онъ, сигару, сонъ и лѣнь,
Бываетъ молчаливъ, а иногда и скученъ,
Что иногда съ тобой не кстати неразлученъ,
А иногда угрюмъ, запрется въ кабинетъ,
И до тебя ему какъ-будто дѣла нѣтъ...
Всё это ты, мой другъ, увидишь вскорѣ,
А вслѣдъ за тѣмъ тебѣ другое горе:
Визиты скучные, пріемы скучныхъ лицъ,
Обязанностей длинная наука, —
А вслѣдъ за тѣмъ, быть можетъ, скука, скука....
Гдѣ-жь счастіе? Гдѣ этотъ сонъ дѣвицъ?...

—

Гдѣ счастье?.. Вотъ мы добрались
До главнаго вопроса;
Судили многіе о томъ,
Но больше вкривь и косо...
Всѣ думаютъ, что счастье тамъ,
Гдѣ *вѣчно* совершенство,
Гдѣ *вѣчно* радость и любовь,
И *вѣчное* блаженство...
. . . .
. . . .
Но на землѣ я бъ не желалъ
Прійдти къ такому горю.
Представимъ *вѣчный* поцѣлуй,
(Что-жь лучше поцѣлуя?)
Пусть длится онъ, какъ цѣлый вѣкъ,
. . . .
Куда! Пусть только хоть на день
Уста сомкнутъ съ устами, —
Они, — увѣренъ я, — какъ разъ
И разомкнутся сами...
Такъ по-плечу-ли, смертнымъ, намъ
Мечтаемая *вѣчность*,
Когда во всёмъ для насъ законъ:
Минута, скоротечность?...
Да, милый другъ, безумно ждать
Отъ жизни упоеній
Невозмущенныхъ, безъ конца,
Безъ горечи сомнѣній;
Но въ жизни надобно умѣть
Ловить минуты счастья,
А горе жизни сокращать
Взаимностью участья.

Повѣрь мнѣ: какъ ни сильны въ насъ
    Любви святыя чувства,
Но, чтобъ продлить ихъ, нужны намъ
    И опытъ и искусство...
Да! Самъ когда-то я мечталъ:
    «Неистощимъ мой пламень,
«Въ любви я закалёнъ какъ сталь
    «И твердъ какъ горный камень;
«Пускай житейскія бѣды,
    «Пускай всѣ искушенья
«Возстанутъ около меня, —
    «Я вынесу крушенье:
«Любви моей не измѣню,
    «Не погонюсь за новымъ,
«И вѣренъ буду до конца
    «Супружескимъ оковамъ»...
Такъ гордость думала во мнѣ
    И молодая сила,
Но гордость юноши страстямъ,
    Слабѣя, уступила;
И понялъ я, что есть враги
    Священнѣйшимъ обѣтамъ;
Что нѣтъ намъ счастья безъ борьбы, —
    И вотъ теперь объ этомъ
Хотѣлъ бы я потолковать,
    Хотѣлъ бы я пророчить:
Гдѣ счастья дни найдемъ, и чѣмъ
    Съумѣемъ ихъ упрочить?...

———

Первые враги намъ — добрые друзья...
О, для нихъ закрыта будетъ дверь моя!...
Спросишь ты: «Чтó-жъ лучше молодой подруги?
Чтоже безопаснѣй, какъ дѣлить досуги
Съ той, съ которой сблизилъ съ дѣтства институтъ?
Гдѣ тутъ преступленье? Въ чемъ опасность тутъ?»..
Въ искреннемъ обмѣнѣ чувствъ и наблюденій
Для тебя отрада; а путёмъ сравненій
Жизни посторонней съ жизнію твоей —
Ты прійдти мечтаешь къ мудрости скорѣй;
Такъ! Но ты, подругѣ вѣря безъ повѣрки,
Весь свой бытъ домашній по ея-же мѣркѣ
Начинаешь мѣрить, — а моихъ заботъ
О твоемъ покоѣ — исчезаетъ плодъ...
Всѣ мои усилья для тебя ничтожны,
Мысль что «*сдѣлать лучше*» должно и возможно,
Что въ судьбѣ подруги болѣе отрадъ, —
Эта мысль для счастья — смертоносный ядъ!..
А потомъ совѣты... Эти мнѣ совѣты!
«Ты, ma chère, повѣрь мнѣ, въ этомъ ввѣрься мнѣ ты,
«У тебя то дурно, то совсѣмъ не такъ,
Я, ma chère, все вижу: твой несчастливъ бракъ...»
И подруги глупой глупое участье
Такъ тебѣ докажетъ мнимое несчастье,
Что твое довольство, миръ твой и покой, —
Всё исчезнетъ разомъ, смѣнится тоской...
Вотъ плоды отъ дружбы! Если-жъ думать здраво,
Если строго думать, то какое право,
Мимо друга мужа, получила ты
Міръ свой задушевный и свои мечты
Довѣрять подругѣ, и дѣлиться съ нею
Тѣмъ, чтó, съ дня вѣнчанья, я считалъ моею
Собственностью полной, твердой, нераздѣльной?..

Мужъ твой—другъ твой вѣчный, а не двухнедѣльный!..
Каждое сомнѣнье, каждый твой вопросъ,
Каждый мигъ блаженства, иль припадокъ слёзъ,
Самъ дѣлить хотѣлъ-бы, самъ на всё отвѣтить,
Всѣ твои тревоги нѣжнымъ сердцемъ встрѣтить,
Успокоить лаской, вѣрный дать совѣтъ:
Какъ ужиться дома, какъ смотрѣть на свѣтъ...

Есть друзья иные; тѣ другаго пола;
Эгоизмъ и праздность—съ юности ихъ школа;
Всякій долгъ имъ въ тягость; слово: *семьянинъ* —
Имъ смѣшно иль страшно съ дѣтства до сѣдинъ;
Но въ семью чужую вкореняться любятъ,
Въ домѣ друга тайно миръ и счастье губятъ —
Какъ въ здоровомъ тѣлѣ гибельный полипъ...
Вотъ такого друга вѣчный прототипъ:
Ранняя усталость, нѣсколько талантовъ,
Знаніе новинокъ, лоскъ присяжныхъ франтовъ,
Нѣжная забота — объ одномъ себѣ;
Рабская покорность жизни и судьбѣ, —
Но въ рѣчахъ насмѣшка, противъ жизни ропотъ;
Сердце въ нёмъ угасло, вмѣсто сердца *опытъ;*
А его умишка только напряженъ
На слова соблазна для невинныхъ женъ.
Какъ онъ современемъ! Сколько въ немъ вниманья!
Какъ предупреждаетъ онъ твои желанья!
Какъ разнообразенъ, какъ всегда онъ новъ!
Гдѣ равняться мужу съ этимъ типомъ львовъ!
Мужъ безцеремоненъ, онъ отсталъ отъ вѣка,
Для него то служба, то библіотека,
То хозяйство, дѣти, то поѣздки въ клубъ,
А ужь въ дѣлѣ моды онъ чуть-чуть не глупъ...
Съ другомъ дома то-ли? Въ блескѣ разговора
Вечера проходятъ весело и скоро,
Завтра снова тоже, — и домашній бытъ

Съ скукой да заботой — временно забытъ.
И за всё вниманье малымъ онъ доволенъ:
Онъ всегда такъ скроменъ, онъ ни въ чемъ не воленъ,
Даже въ чистой дружбѣ сдѣлать лишній шагъ
Онъ всегда боялся...
... Вотъ онѣ, вотъ нашъ врагъ!..
Вкрадчиво и скромно, нѣжно и привѣтно
Обходясь съ тобою, другъ твой незамѣтно
Овладѣлъ тобою, пріучилъ къ себѣ:
Безъ него такъ пусто, тягостно тебѣ;
«Что онъ ѣздитъ рѣже?» Чтобъ пробыть съ нимъ снова,
Чтобъ не разлучаться, — ты почти готова
Жертвовать покоемъ, счастіемъ семьи,
Позабыть обѣты брачные свои...
Ты на всё готова... Жертвамъ нѣтъ границы, —
Другъ ихъ принимаетъ... Но быстрѣе птицы
Прочь, къ побѣдамъ новымъ, отъ тебя летитъ, —
Что-жь тебѣ осталось?.. Тайна, грусть и стыдъ!..

О нашихъ нѐдругахъ сказалъ я десять словъ,
Съ ихъ образомъ ты нѣсколько знакома;
Но есть еще толпа другихъ враговъ, —
И тѣ враги живутъ у насъ же, дома;
Къ намъ въ дверь толпой, одинъ вслѣдъ за другимъ
Проникнуть силятся, какъ духи злые;
Одинъ прокрадется, и тотчасъ-же за нимъ
Легко въ нашъ бытъ нахлынутъ всѣ другіе!
И вотъ примѣръ: собою овладѣть
Дозволь лишь праздности, иль чрезмѣрной лѣни,
Дозволь себѣ немножко охладѣть
Къ занятіямъ вседневнымъ, — злыя тѣни

Немедля явятся: томленье грустныхъ грёзъ,
Тоскливое расположенье духа,
Взыскательность, мигрень, припадки слёзъ,
И безпричинная, зѣвающая скука...
И вотъ она, что умный нашъ народъ
Прозвалъ давно *змѣёю подколодной*, —
Она-то сердце юное сосётъ,
И давитъ грудь, какъ льдиною холодной!..
Сильна она; и съ нею-то борьба
Всего труднѣй, когда она ужь въ домѣ:
Какія-бъ радости намъ ни дала судьба,
Она всѣ сгубитъ въ медленной истомѣ!
Не ты одна, не твой лишь слабый полъ
Порою осужденъ на бой жестокій съ нею, —
Я, съ ней въ душѣ, по свѣту также шелъ,
Боролся съ ней, но кто переборолъ?..
Я вспоминать о томъ безъ ужаса не смѣю!..

Передо мной исчезла жизни цѣль,
И, какъ морякъ безъ карты и компаса,
Я поплылъ въ даль... Стремнины, скалы, мель,
Меня страшили меньше часъ отъ часа...
И равнодушенъ сталъ я ко всему,
И лишь одно: въ страстяхъ полузабвенье
Доступно стало сердцу моему,
И думалъ въ нихъ найти я наслажденье;
Но я тоски въ страстяхъ не утопилъ,
Я скуку тяжкую въ забвеньи не разсѣялъ...
А сколько любящихъ и бодрыхъ юныхъ силъ
Я на пути безсмысленно развѣялъ!..

Что́ жь, если ты, души моей дитя,
Въ замѣну счастья встрѣтишь также скуку?..
Что̀, ежели она наложитъ на тебя
Свою тяжелую, карающую руку?

Тебѣ свободы менѣе, чѣмъ мнѣ.
Тебѣ нельзя, какъ мнѣ, пуститься въ море
Житейскихъ бурь: въ домашней тишинѣ
Должна ты скрыть томительное горе,
И тутъ, въ тоскѣ душевной пустоты,
Различныя цѣлительныя средства
Придумывать невольно будешь ты:
И явятся къ тебѣ: разсѣянность, кокетство,
Непостоянство вкусовъ и затѣй...
А вслѣдъ затѣмъ, чредою неизбѣжной,
Невидимо войдетъ въ твой бытъ мятежный
Забвенье долга... мужа... и дѣтей...

Но прочь отъ насъ вы, призраки несчастья,
Скорѣе къ намъ вы, лучшіе друзья:
Довольство, трудъ, взаимность и согласье,
Вы, кѣмъ цвѣтетъ и зиждется семья!
Покой вы намъ даёте въ жизни прочный,
Въ васъ на землѣ мы предвкушаемъ рай...
Молю тебя, о другъ мой непорочный,
Ихъ имена ты въ сердцѣ начертай!..

Пѣсню, ямбами нача́тую,
Въ русскій ладъ слагать попробую:
Любитъ братъ сестру богатую,
Любитъ мужъ жену здоровую...
И премудра та пословица, —
Ей въ быту не прекословится!..
Будь-же, дѣвушка цвѣтущая,
Въ женахъ крѣпкая, могучая,
Чтобы дѣти, если Богъ пошлётъ,
Были всѣ, что̀ кровь со сливками.

Чтобы горе, если Богъ нашлётъ,
Ты снесла, и не урывками, —
Какъ больные, — а *всегда* была
Силой женственной полна, мила!..
Въ южной жизни много сладости;
Жизнь — даръ лучшій Провидѣнія!..
Береги жь себя для радости,
Для труда, и для терпѣнія!..
Въ здравомъ тѣлѣ здравый умъ живётъ:
Береги себя, — и въ свой чередъ,
Ты поймешь, зачѣмъ желалъ-бы я,
Чтобы пѣсни эти слабыя
Ты въ душѣ своей, какъ правила,
Начертала и оставила...
Вѣрь же мнѣ: не тотъ счастливѣе,
Чьи желанья прихотливѣе,
Чья летучая фантазія
Вѣчно ждетъ разнообразія!
Кто ни съ чѣмъ вполнѣ не свыкнется, —
Ни на что тотъ не откликнется
Сердцемъ, полнымъ чувства жаркаго;
Для него вся жизнь — рядъ жалкаго
Развлеченья, въ родѣ шалости;
Для него тоски, усталости,
Рано грустный часъ приблизится,
Все высокое унизится,
Потускнѣетъ всё прекрасное,
И за тѣмъ, повѣрь, напрасное
Въ немъ останется стараніе
Встрѣтить снова обаяніе...

Безъ отраднаго *пристрастія*
Для души нѣтъ въ жизни счастія;
Безъ *привычки* — сердцу бѣдному

Жизнь подобна лику блѣдному
Полуночнаго видѣнія,
Что въ бреду воображенія
Шепчетъ рѣчи намъ безсвязныя,
Кажетъ формы безобразныя...
Человѣкъ не созданъ птичкою,
Да и той мила *привычкою*
Сторона, гдѣ гнѣзда вилися,
Гдѣ птенцы ея водилися...

Съ жизни бралъ я удовольствія,
Но *былъ счастливъ* лишь въ *довольствѣ* я,
Въ томъ довольствѣ, гдѣ привязанность
Начиналъ я сердцемъ чувствовать,
И отрадную обязанность:
Быть довольнымъ, не безумствовать,
Не искать *инаго* счастія —
Налагалъ себѣ на страсти я...

Слову друга безпристрастнаго
Вѣрь: *Нѣтъ въ мірѣ столь прекраснаго,*
Чтобъ не встрѣтилось прекраснѣе!..
Что-жь грустнѣе и опаснѣе,
Какъ погоня эта вѣчная,
Эта жажда безконечная
Встрѣтить лучшее и новое,
Позабывъ свое, готовое?!..
Жизнь не тамъ, гдѣ *жить стараются,*
Тамъ она, гдѣ *уживаются...*

7.

Блага Богъ вкругъ насъ разсыпалъ,
Но, творя Свой правый судъ,
Онъ хотѣлъ, чтобъ всѣмъ намъ выпалъ

На землѣ посильный трудъ;
И для всѣхъ, со дня творенья,
Тотъ незыблемый законъ:
Безъ труда — нѣтъ наслажденья,
Въ сердце намъ, какъ въ уложенье,
Всемогущимъ заключёнъ.
Тѣхъ же, кто не соблюдаетъ
Строго заповѣди той,
Стражъ недремлющій караетъ
Недовольствомъ, пустотой,
Тяжкой скукой, неумѣньемъ
Наслажденія цѣнить,
Безпричиннымъ утомленьемъ
И безсиліемъ любить...
Трудъ крѣпителенъ и сочень.
Имъ лишь красится досугъ,
И лишь тотъ, кто озабоченъ,
Счастливъ отдыхомъ, мой другъ!

И твою дѣвичью волю
Свяжетъ бракъ узломъ цѣпей!..
Онъ пошлетъ тебѣ на долю
Домъ, хозяйство и дѣтей.
Что доступно важнымъ барамъ, —
Будетъ намъ не по плечу, —
Метръ-д'отелямъ и швейцарамъ
Я платить не захочу;
Но хочу, чтобъ ты ужиться
И безъ нихъ могла, другъ мой:
Чтобъ тебѣ съ дѣтьми возиться,
Нѣжно няньчить ихъ самой;
Чтобы взоръ твой поминутно
Видѣлъ всё — и здѣсь и тамъ;
Чтобъ у насъ всегда пріютно
Было избраннымъ гостямъ;

Чтобъ касалась до всего ты,
Чѣмъ богатъ нашъ будетъ домъ;
Чтобы слѣдъ твоей заботы
Ясно видѣнъ былъ на всемъ;
Словомъ: ты, какъ счастья Геній,
Или, проще: какъ жена,
Всѣхъ домашнихъ наслажденій
Быть источникомъ должна!
И за эти наслажденья, —
Съ благодарностью судьбѣ, —
Вся любовь, всѣ попеченья,
Вся душа моя — тебѣ!
И повѣрь, за трудъ вседневный,
Ты, въ самой себѣ, сама
Сладко вкусишь миръ душевный,
Счастье сердца и ума!..

Не всё-же, однако, труды да труды,
Не всё-же о домѣ заботы:
По-осени пахарь вкушаетъ плоды
Тяжелой весенней работы!
На осени нашихъ склонившихся лѣтъ,
(Придутъ, и придутъ они скоро!)
Пусть старческій нашъ ежедневный привѣтъ
До гроба чуждъ будетъ укора!
Пусть въ ясномъ сознаньи, что жизнь отжита
Какъ вѣрной взаимности повѣсть, —
Найдёмъ мы отраду въ такія лѣта,
Когда безпокойнѣе совѣсть,
Когда мы все чаще и чаще глядимъ, —
Покуда слабѣютъ въ насъ силы, —

Въ загробную даль, и проникнуть хотимъ
Великую тайну могилы...

Мы бодрые будемъ, авось, старички,
И сладостно будетъ намъ вмѣстѣ
Читать для дѣтей, и быть можетъ въ очки,
Вотъ эти «Напѣвы Невѣстѣ»...
Но свѣтлая старость еще не близка,
Есть ближе, другія отрады:
Въ трудѣ,—какъ плоды въ сердцевинѣ цвѣтка, —
Сокрыты святыя награды:
Среди хлопотливыхъ, заботливыхъ дней,
Есть очередь днямъ наслажденья:
Есть общество милыхъ, желанныхъ гостей,
Есть умныя, дѣльныя чтенья,
Есть зрѣлища, музыка, тёмный нашъ садъ,
Есть, изрѣдка, шумные балы,
И каждый изъ насъ будетъ искренно радъ
Порою разрѣзать журналы.
Въ исторіи міра, отъ первыхъ людей,
Изучимъ мы жизнь человѣка,
Узнаемъ, въ обзорѣ отжившихъ идей,
Какъ думали люди отъ вѣка.
Страстями чужими увлечься порой
Мы можемъ, читая страницы,
Гдѣ страждетъ иль борется съ жизнью герой
Романа живой небылицы...
Страстями чужими — сказалъ я; о, да!
Свои — сбережемъ экономно:
Быть можетъ, наступитъ и имъ череда,
Вѣдь поприще жизни огромно!
Быть можетъ придётся бороться намъ съ ней
Со всей энергіей и жаромъ, —
Гдѣ-жь взять ихъ, когда мы всю силу страстей
Растратимъ и рано, и даромъ?..

Но къ счастью вернёмся... Мнѣ сладко о нёмъ
    Слагать для неопытной дѣвы, —
Когда мы такъ близко, такъ тѣсно вдвоёмъ, —
    Простыхъ моихъ пѣсенъ напѣвы!
О, другъ мой, ты скромно ласкаешь меня,
    Но намъ предстоятъ еще ласки,

. . . .

    Но... что-жь ты потупила глазки?
Иль пѣсня моя такъ волнуетъ тебя?
    Иль дѣвственный стыдъ твой такъ чутокъ?
Прости... я забылся... и видѣлъ себя
    Отцомъ твоихъ милыхъ малютокъ!..

    Мы, въ счастьи, всё о Небѣ забываемъ,
    Всё грома ждёмъ, чтобъ къ Небу взоръ поднять;
    Но если жизнь намъ будетъ свѣтлымъ раемъ, —
    Всё-жь горестей намъ въ ней не избѣжать!
    Такъ пусть гремитъ карательно и гнѣвно
    Надъ счастьемъ нашимъ бѣдствій Божій громъ, —
    Чтобъ быть къ нему готовыми вседневно,
    Мы каждый день молитву вознесёмъ:
«О Боже! Ты на насъ воззрѣлъ нетлѣннымъ окомъ,
И въ милосердіи отеческомъ, высокомъ,
Намъ повелѣлъ: на жизненномъ пути
Рука съ рукой догробный срокъ пройдти;
Ты сочеталъ въ одно двѣ жизни, два созданья,
Двѣ воли, двѣ души, и два самосознанья,
И заповѣдалъ намъ Твой Божескій завѣтъ:
«*Ни здѣсь, ни въ Небесахъ для васъ разлуки нѣтъ*»...
Внимаемъ мы и вѣруемъ завѣту;
Но, Боже, слабы мы, принадлежимъ мы свѣту,
Въ которомъ слабо всё безъ помощи Твоей!

Воззри-же, какъ отецъ, на насъ, Твоихъ дѣтей!
О благахъ суетныхъ молиться мы не смѣемъ:
Всё отъ Тебя, что въ жизни мы имѣемъ;
Покорны мы, къ чему-бы ни привёлъ
Твой Божескій, премудрый произволъ:
Что хочешь дай, что хочешь отними Ты,
Пошли печаль, всѣ радости возьми Ты,
Пусть вѣчно чужды намъ улыбка и пиры,
Пусть слёзы нашъ удѣлъ. Но лучшіе дары,
Дары нетлѣнные: миръ внутренній, душевный,
Не дай утратить намъ средь суеты вседневной;
Не дай намъ ослабѣть взаимностью сердецъ,
Въ стремленьи къ истинѣ, небесный нашъ Отецъ,
Не дай невѣрія въ могущество молитвы,
И, давъ борьбу, не дай намъ пасть средь битвы,
Чтобъ не сознали мы въ послѣдній, смертный часъ,
Что взоръ Свой благостный Ты отвратилъ отъ насъ.» (*)

Кержакъ Уральскій.

1853.

(*) Болѣе половины этого стихотворенія было уже отпечатано, когда въ Тифлисѣ полученъ 4-й № Москвитянина, гдѣ оно также помѣщено. Авторъ стихотворенія, находящійся въ Тифлисѣ и, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, препроводившій свое произведеніе въ редакцію московскаго журнала, полагалъ, что уже оно тамъ не будетъ напечатано, и потому рѣшился передать его въ *Зурну*, отчего и произошло почти единовременное появленіе его въ двухъ изданіяхъ.

Изд.

НОЧЬ ПЕРЕДЪ СВАДЬБОЙ.

Эта шутка, ничтожная въ литературномъ отношенія и непонятная для незнающихъ Кавказа, была написана для тифлисской сцены, по соображенія ея средствъ и дарованій прежняго ея декоратора, Г. Дербеза. Піеса, впрочемъ, по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, никогда не была исполнена. Такимъ образомъ она попала въ *Зурну*, чему оправданіемъ можетъ служить развѣ то, что *Зурна*—оркестръ не взыскательный, не придерживается утонченныхъ законовъ искуства,— а оживляется лишь говоромъ и звуками неподдѣльнаго радушія.

(Прим. Автора).

НОЧЬ ПЕРЕДЪ СВАДЬБОЙ,

ИЛИ

ГРУЗІЯ ЧЕРЕЗЪ 1000 ЛѢТЪ.

ШУТКА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Декорація представляетъ видъ Тифлиса à vol d'oiseau. Сцена раздѣлена на плоскія крыши, съ трубами, террасами и т. п. Ночь — со звѣздами и мѣсяцемъ. На дальнихъ террасахъ группы женщинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ танцуютъ лезгинку при освѣщеніи факеловъ, воткнутыхъ въ крыши. — На первомъ планѣ пирушка грузинскихъ дворянъ, сидящихъ на крышѣ. На 2-мъ — Сатаръ и зурначи.—Прежде поднятія занавѣса начинается трескъ зурны и продолжается нѣсколько времени.)

ЯВЛЕНІЕ I.

КАЙХОСРО-ГАРГОШВИЛИ, КАРАПЕТЪ ТЛАГИКОНОВЪ, РЕВАЗЪ РЕЦЕТЕЛИ и 8 человѣкъ грузинскихъ дворянъ.

РЕВАЗЪ Позвольте... я стану говорить... и всѣмъ меня слушать! Всякое дѣло любитъ порядокъ. — Мы пили за здоровье жениха, теперь... за здоровье невѣсты.

1 ГРУЗИНЪ. За здоровье прелестной Кетеваны.

2 ГРУЗИНЪ. За здоровье первой тифлисской красавицы.

1 ГРУЗИНЪ. Пусть она будетъ счастлива.

2 ГРУЗИНЪ. И всегда хороша, какъ теперь, намъ въ досаду, а ему, недостойному, въ радость!—Эге, братъ, да ты кажется не всё выпилъ.

КАЙХОСРО. Помилуйте, я этимъ азарпешамъ и счетъ потерялъ.—Я отъ вашихъ здоровій боюсь заболѣть совсѣмъ. Голова кружится какъ колесо.

РЕВАЗЪ. Да ты слушай... Мы пьемъ за здоровье твоей невѣсты, Кетеваны, которая завтра будетъ твоей женой. Кому кажется и желать ей здоровья, какъ не тебѣ.—Ну, была не была! Сегодня послѣдній день твоей холостой жизни, алаверды, Кайхосро!

КАЙХОСРО. Буду пьянъ, грѣхъ на твоей совѣсти якшійолъ! Ваше здоровье господа, ура!

1 ГРУЗИНЪ. Да не кричи такъ, — видишь ты женщинъ испугалъ. — Всѣ разбѣжались.

КАЙХОСРО *(вставая)*. Да уже пора... поздно... господа, пожалѣйте моего будущаго зятя... Вѣдь завтра свадьба... Не можетъ же онъ прійдти пьяный на собственную свадьбу. Сами посудите.

РЕВАЗЪ. Позвольте, выбрали меня тулумбашемъ, такъ прошу меня слущаться. Кромѣ меня никто не смѣетъ распоряжаться. Обратите вниманіе. Вотъ передъ вами знаменитый гражданинъ тифлисскій, Карапетъ Тхагиконовъ, умный, распорядительный, много денегъ имѣющій. У него двѣ лавки въ темныхъ рядахъ и свой каравансарай въ Ордубатѣ. Но первое его сокровище—дочь красавица, которую онъ завтра отдаетъ за нашего друга Кайхосро. Вотъ онъ, господа, отецъ несравненной Кетеваны. Неужели мы не выпьемъ за его здоровье? — Бичо! наливай полнѣе.—Мы будемъ пить за здоровье Карапета, а кто не пьетъ, такъ чортъ съ нимъ.

КАРАПЕТЪ. Благодарю за честь. Прошу всѣхъ пожаловать ко мнѣ отобѣдать послѣ завтра. А теперь право пора отдохнуть! Господа, да посмотрите: вотъ нашъ Кайхосро совсѣмъ пьянъ. Хорошо, что моя Кетевана его въ такомъ положеніи не видитъ, а то-бы любить не стала. Ну, прощайте мшвидобитъ ба-

топо. Мнѣ старику спать пора. Завтра важный для меня день.

ВСѢ. Да посидите, постойте. Еще рано.

КАРАПЕТЪ. Какое рано! скоро пѣтухи начнутъ пѣть.

РЕВАЗЪ. Да выпейте еще.

КАРАПЕТЪ. Нѣтъ, нѣтъ, совѣтую и вамъ идти по домамъ, а то больны всѣ будете. Ну, прощай, Кайхосро! Прощай мой сынъ. Не пей больше, пожалуста. Завтра важный для тебя день. Стыдно быть пьянымъ въ такой день. Ну, доброй ночи! *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

1 ГРУЗИНЪ. Чортъ съ нимъ! Хорошо сдѣлалъ, что ушелъ; чтó старику гулять съ молодыми!

РЕВАЗЪ. Прошу меня слушать, господа. Я стану говорить рѣчь.

ВСѢ. Слушайте.

РЕВАЗЪ. Слушайте мою прекрасную рѣчь. Мы должны сознаться, что мы, Грузины, измѣняемся.

КАЙХОСРО. Измѣняемся... Это такъ, это такъ. Ты говоришь на счетъ... этого... Какъ-бишь?.. Да, просвѣщенія.

РЕВАЗЪ. Просвѣщеніе — великое слово. Взгляните кругомъ: мосты, дороги, училища, театры, сады, разсадники, магазины, ученыя общества, журналы, все начинается разóмъ. Еще недавно мы и не слыхивали объ этомъ, а теперь безъ этого и жить не могли-бы.

КАЙХОСРО. Да ты къ чему это говоришь?

РЕВАЗЪ. Постой. Когда въ нѣсколько лѣтъ мы такъ измѣнились, — что-же будетъ лѣтъ черезъ 1000, когда вся земля покроется желѣзными дорогами, а небо воздушными шарами? Тогда всѣ люди будутъ похожи другъ на друга, народности исчезнутъ, не такъ-ли?

КАЙХОСРО. Надо быть такъ!

РЕВАЗЪ. И мы будемъ, какъ всѣ европейцы; по просвѣщенію мы всѣ будемъ братья. Но однакожъ позвольте господа:

одно отличіе навсегда останется у Грузинъ передъ всѣми прочими народами.

КАЙХОСРО. Какое-же отличіе?

РЕВАЗЪ. Способность пить много вина.

ВСѢ. Браво, тулумбашъ!!..

РЕВАЗЪ. Мы будемъ пить не тунгами, не изъ азарпешъ, но пить менѣе не будемъ. Это главное! Сохранимъ, поддержимъ это превосходство передъ всѣми народами. Дурные люди уже начинаютъ говорить, что наши дѣды и отцы пили лучше насъ. Это гнусная клевета, ложное обвиненіе. Дѣло идетъ о нашей репутаціи. Мы должны оправдаться, должны сохранить прежніе обычаи. Этого требуетъ равновѣсіе Европы и всемірная политика. Бичо, подай турій рогъ. Кто выпьетъ разомъ, тотъ истинный Грузинъ, молодецъ. Начинай Кайхосро! Завтра ты будешь женатый, колпакъ - колпакомъ, а ныньче покажи себя. Не выдавай своихъ.

КАЙХОСРО. Да позвольте, я уже и безъ того...

РЕВАЗЪ. Ну, пей во славу Грузіи... Вотъ такъ! *(всѣ встаютъ, Кайхосро пьетъ).* Браво!.. Молодецъ! *(Къ Грузинамъ).* Ну, теперь по очереди, да веселѣй!.. Ну-ка зурначи. Гуляйте Картвелы! *(Хлопаютъ въ ладоши, зурна играетъ, — турій рогъ ходитъ по рукамъ, гикаютъ и пляшутъ лезгинку).*

КАЙХОСРО. Алаверды, товарищи, алаверды съ цѣлымъ Кавказомъ, съ цѣлымъ свѣтомъ! *(публикѣ)* Съ вами, господа, съ вами... Чего вы на меня смотрите? Попробуйте-ка выпить столько! Гуляй моя душа! Да здраствуетъ холостая жизнь! Да здраствуютъ всѣ красавицы, всѣ женщины!.. Нѣтъ, позвольте... Что я?.. не всѣ... Что въ нихъ, онѣ мнѣ что? Богъ съ ними... Я ихъ знать не хочу... У меня одна... Вотъ это моя собственная... То есть не совсѣмъ еще, а завтра!.. До желѣзныхъ дорогъ, до воздушныхъ шаровъ еще далеко,— а это завтра... Ке-те-ва-на будетъ моя жена... И какая!.. Если турій рогъ, то есть тесть мой, или какъ тамъ знаете, армянскій базаръ... Извините... Кетевана... Всенепремѣнно... Все... *(опускается на полъ и засыпаетъ).*

1 ГРУЗИНЪ Ха, ха, ха... Ага!.. Женихъ-то нашъ готовъ... не выдержалъ...

РЕВАЗЪ. Не то что я... Совсѣмъ не замѣтно, что я выпилъ... Посмотрите: *(шатается)* совсѣмъ не замѣтно. Вотъ какъ хожу.

1 ГРУЗИНЪ. А мнѣ еще пить хочется. Бичо! Подавай всѣмъ вина...

РЕВАЗЪ. Ты какъ смѣешь распоряжаться? Ты не тулумбашъ. Я тебя заставлю стаканъ воды выпить. Прошу слушать меня съ почтеніемъ. Вотъ что я приказываю: вы замѣчаете, что между нами нѣтъ Реваза Рецетели... Онъ притворился, что у него будто болитъ голова и пошелъ спать.

1 ГРУЗИНЪ. Надо наказать его.

РЕВАЗЪ. Ты говоришъ прекрасно... Сей часъ видно умнаго малаго. Женихъ пущай спитъ, а мы пойдемъ наказать Нико. Мы всѣ отправимся къ нему, разбудимъ, потребуемъ вина, а за преступленіе заставимъ пить пока съ ногъ не свалится. Каково! А?

ВСѢ. Молодецъ тулумбашъ!..

РЕВАЗЪ. Бичо! Подберите-ка посуду... Зурна... Иди впередъ. Да смотрите, бейте громче, что есть только силы, чтобъ весь Тифлисъ зналъ, что мы гуляемъ. Кромѣ жениха, никто не долженъ спать сегодня... Идемъ, ребята.

ВСѢ. Идемъ! Идемъ! *(Зурначи идутъ впереди. За ними, слегка шатаясь, идутъ Грузины, спускаясь по лѣстницамъ и террасамъ. Звукъ зурны теряется мало по малу вдали. На сценѣ совершенная ночь. Въ оркестрѣ, подъ сурдиной, начинаются отрывки изъ Sommernacht Traum. Начинается балетъ. Изъ подъ крышь выползаютъ Домовые и Тяжелые Сны. Между ними появляются въ разныхъ направленіяхъ Сны легкіе, полувоздушные, въ вѣнкахъ изъ маковыхъ цвѣтовъ; группы и танцы. Когда они исчезаютъ, декорація мѣняется и представляетъ Тифлисъ черезъ 1000 лѣтъ. Фонъ остается тотъ-же, но со всѣхъ сторонъ возникаютъ огромные дворцы, колоннады, статуи, памятники, соборы; видны желѣзныя дороги, — и т. п.)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

КАЙХОСРО *(ворочаясь на полу)*. Какая несносная мутака! Просто спать невозможно... Ба, ба, ба! Это что за дьявольщина? Тифлисъ

подмѣнили. Совсѣмъ другой городъ сталъ. Когда это все успѣли выстроить! Неужели это Строительная Коммисія потихоньку распорядилась? Кто-бы могъ ожидать отъ нея, и такъ скоро! Этихъ дворцовъ я никогда не видалъ... Ба!.. Вотъ самоваръ какой-то бѣжитъ на колесахъ... Да и наши крыши принарядились. Ахъ Боже мой! Ну какъ Кетевана тоже другая стала!.. Карапетъ!.. Эй, Карапетъ! *(въ окно съ византійской рѣзьбой, выглядываетъ Карапетъ въ бумажномъ колпакѣ и въ халатѣ).*

КАРАПЕТЪ *(потягиваясь и зѣвая).* Что ты тамъ, пьяница, шумишь?

КАЙХОСРО. Объясни, Карапетъ, что это такое случилось?

КАРАПЕТЪ. А вотъ я тебѣ объясню, что если ты не перестанешь кричать, тебя возьмутъ въ Полицію.

КАЙХОСРО. Что ты? Не узнаешь, что-ли? Вѣдь это я, зять твой, Кайхосро!..

КАРАПЕТЪ. Много васъ, пьяницъ, здѣсь шатается; убирайся, пока не прибрали. Не мѣшай добрымъ людямъ спать. *(Захлопываетъ окно).*

КАЙХОСРО. Что это съ нимъ? Ужь не съ ума-ли онъ сошелъ, или хитритъ, по привычкѣ? Да какая-же ему въ томъ польза? Просто ничего не понимаю... Ба! Вотъ новость!.. Кто-то пробирается сюда, и въ какомъ странномъ нарядѣ! Это должно быть изъ Парижа театральная дирекція выписала... Гей!.. Что вамъ надо? Чего вы тутъ ищете? На чужую крышу однѣ только кошки ходятъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КАЙХОСРО и ШАМИЛЬ.

ШАМИЛЬ. Тсъ...

КАЙХОСРО. Какъ-съ?

ШАМИЛЬ. Тсъ! ни слова!

КАЙХОСРО. Что-же мы будемъ дѣлать безъ словъ? Балетъ танцовать, что-ли?

ШАМИЛЬ. Говорите шопотомъ.

КАЙХОСРО. Шопотомъ? Почему-жь такъ?

ШАМИЛЬ. Если вы скажете, что я здѣсь, — я васъ зарѣжу — или застрѣлю. Предоставляю вашему выбору.

КАЙХОСРО. Благодарю покорно, не извольте безпокоиться...

ШАМИЛЬ. Но нѣтъ, вы не погубите меня, вы будете мнѣ помогать, вы не откажете мнѣ въ вашей дружбѣ.

КАЙХОСРО. А... Вотъ что! Нѣтъ, братъ, знаю я тифлисскихъ друзей: мастера удружить!.. Слуга покорный! Нѣтъ, вы говорите дѣло... Кто вы такой?

ШАМИЛЬ. Кто я?

КАЙХОСРО. Да, чинъ, имя и фамилія? Я Надворный Совѣтникъ Кайхосро Гаргошвили.

ШАМИЛЬ. Мое имя врядъ-ли вамъ извѣстно: я — Шамиль.

КАЙХОСРО. Караулъ!.. Ловите его!..

ШАМИЛЬ *(зажимая ему ротъ).* Да полноте кричать. Въ умѣ-ли вы? — Вѣдь услышатъ.

КАЙХОСРО. Да какъ-же не кричать? Вы говорите, что вы Шамиль.

ШАМИЛЬ. Ну да!.. Такъ что-же?..

КАЙХОСРО. Какъ-же вы изъ Веденей сюда попали?

ШАМИЛЬ. Изъ какихъ Веденей? Что это за мѣсто?

КАЙХОСРО. А чортъ васъ тамъ знаетъ, трущоба какая-то въ Чечнѣ.

ШАМИЛЬ. Помилуйте, этихъ Веденей съ незапамятныхъ временъ и слѣда нѣтъ.

КАЙХОСРО. Такъ вы не изъ Чечни?

ШАМИЛЬ. Нѣтъ, изъ Чечни. Я сынъ тамошняго дворянскаго предводителя, Петра Семеновича, можетъ быть изволили слышать.

КАЙХОСРО. Да вы Татаринъ, Лезгинъ, нехристь?

ШАМИЛЬ. Нѣтъ! Я, слава Богу, Русскій.

КАЙХОСРО. Да какъ-же по газетамъ Шамиль нашъ первый врагъ. Положимъ, что въ нашихъ газетахъ толка не много, но какъ-же выдумывать такъ!..

ШАМИЛЬ. Да вы все толкуете свое. Все это было за 1000 лѣтъ. Мой родоначальникъ былъ точно врагомъ Россіи въ

19-мъ столѣтіи,—но его такъ отколотили, что и война кончилась. Развѣ вы не знаете своей исторіи? Это стыдно!

КАЙХОСРО. Ну нѣтъ, этой исторіи я не знаю. Да мы исторію въ сторону. Вы мнѣ свою исторію извольте разсказать. Какъ вы здѣсь очутились?

ШАМИЛЬ. Ахъ! моя исторія очень проста. Я студентъ Душетскаго университета.

КАЙХОСРО. Что?..

ШАМИЛЬ. Я студентъ Душетскаго университета.—Отецъ мой думалъ сперва отослать меня въ другіе университеты, въ Тамань или Баку, но такъ-какъ Душетскій славится математическимъ отдѣленіемъ,—онъ отправилъ меня въ Душетъ.

КАЙХОСРО. Чему-же вы въ Душетѣ учитесь?

ШАМИЛЬ. Охъ! То-то и горе, что я не имѣю никакой наклонности къ математикѣ. Мое призваніе—живопись; каждый день я пріѣзжалъ въ Тифлисъ...

КАЙХОСРО. Изъ Душета?

ШАМИЛЬ. Да, по желѣзной дорогѣ полчаса ѣзды, между двумя уроками. Въ Тифлисѣ я, можно сказать, жилъ въ галлереяхъ.

КАЙХОСРО. Да, здѣсь много галлерей и балконовъ: на случай, знаете, жаркой погоды.

ШАМИЛЬ. Я говорю о картинныхъ галлереяхъ... Я восхищался чудными произведеніями великой грузинской школы, я посѣщалъ мастерскія первыхъ грузинскихъ художниковъ, я ходилъ въ тифлисскую академію, словомъ: я самъ сдѣлался живописцемъ. Да и скажите: въ виду кавказской природы, подъ этимъ небомъ, глядя на чудные типы здѣшней народной красоты,—можно-ли не сдѣлаться художникомъ?

КАЙХОСРО. Положимъ, что нельзя, да на крышѣ, на крышѣ-то вы зачѣмъ?

ШАМИЛЬ. Я вамъ скажу всю правду. Въ прошлое Воскресенье я былъ въ театрѣ, въ Кукахъ.

КАЙХОСРО. Вы хотите сказать на Эриванской площади.

ШАМИЛЬ. Нѣтъ, я былъ въ большомъ народномъ грузинскомъ театрѣ, въ Кукахъ; какъ нарочно не пошелъ ни въ авлабарскій, ни въ салалакскій. Какое-то предчувствіе невидимой силой влекло меня въ Куки. Давали новую пьесу.

КАЙХОСРО. Роберта Дьявола?

ШАМИЛЬ. Нѣтъ! Новую трагедію въ стихахъ и пяти дѣйствіяхъ: Руставель и Тамара.

КАЙХОСРО. Сочиненіе князя Эристова?

ШАМИЛЬ. Такъ точно!—Признаюсь, на этотъ разъ я разсѣянно слушалъ нашихъ великихъ актеровъ, посвятившихъ себя съ такою просвѣщенною любовью, съ такимъ знаніемъ дѣла, на художественное изображеніе полезной и изящной истины. Вниманіе мое было обращено на одну ложу. Въ этой ложѣ сидѣла одна дѣвушка, лѣтъ семнадцати. Она грустно глядѣла на меня и во взорахъ ея было что-то жалобное, какъ будто-бы она просила моей защиты. Повѣрите-ли, никогда не видывалъ я такого глубоко-выразительнаго взгляда, такой чудной красоты! Я былъ въ восторгѣ, какъ живописецъ, и влюбился, какъ студентъ. Спектакль кончился. Она накинула на себя чадру, но уходя, обратилась ко мнѣ еще разъ, съ печальнымъ упрекомъ взглянула на меня,—я не выдержалъ, побѣжалъ за нею, проводилъ издали до дома. Съ нею шелъ ея отецъ; когда-же они вошли на крыльцо, она вдругъ снова обернулась ко мнѣ и приложила палецъ къ губамъ.

КАЙХОСРО. Да вы, я вижу, ходо́къ; ваша исторія очень занимательна; продолжайте, что-же дальше?

ШАМИЛЬ. На другой день я нашелъ случай съ нею видѣться; она мнѣ объявила, что её выдаютъ противъ воли, за какого-то пьяницу.

КАЙХОСРО. За какого-же это пьяницу?

ШАМИЛЬ. Она его ненавидитъ; она полюбила меня и просила моей защиты, и я полюбилъ её болѣе жизни. Теперь понимаете, зачѣмъ я на крышѣ, въ чемъ вы можете мнѣ помочь?—Времени терять нечего, сегодня назначена ихъ свадьба, но, по сердцу, она *мнѣ* невѣста, и я никому ея не уступлю!

КАЙХОСРО. Сегодня?.. Постойте, да кто-же этотъ пьяница?

ШАМИЛЬ. А чортъ его знаетъ, какой-то Кайхосро.

КАЙХОСРО. Что, что, что? А кто-же эта ваша невѣста по сердцу, позвольте узнать?

ШАМИЛЬ. Дочь гражданина Карапета Тхагиконова, безцѣнная Кетевана.

КАЙХОСРО. Врешь ты, врешь бездѣльникъ, врешь, она моя невѣста, а не твоя, байгушъ ты этакой! Она меня любитъ, а не тебя, мятежника; я Кайхосро, я; и не пьяница,—ну, сегодня выпилъ, это правда, но на радость; пошелъ вонъ, а то вотъ сброшу тебя тотчасъ съ крыши на улицу.

ШАМИЛЬ. А, такъ ты предатель, ты не хочешь помогать, ты погубить насъ вздумалъ? Постой же, я съ тобою раздѣлаюсь!

КАЙХОСРО. Ахъ ты Казикумыхъ проклятый! я тебя самого въ плоскость превращу, блинъ изъ тебя сдѣлаю.

ШАМИЛЬ. Ну, нѣтъ, ужь извини, кахетинскій бурдюкъ!.. Я самъ тебя выжму.

КАЙХОСРО Эй, Карапетъ!!..

ШАМИЛЬ. Замолчишь-ли, измѣнникъ!

КАЙХОСРО. Нѣтъ, не замолчу; эй, Карапетъ!..

ШАМИЛЬ. А, ты не хочешь замолчать? Такъ я заставлю тебя молчать. Прошу не прогнѣваться!.. Стой здѣсь, пока не развяжутъ. *(привязываетъ его къ трубѣ и завязываетъ ротъ)* Вотъ такъ-то, покрайней-мѣрѣ кричать больше не будетъ. А теперь пора и о себѣ подумать. Гдѣ-же Кетевана?.. Часъ свиданія уже пробилъ, а ея еще нѣтъ... Вотъ кто-то идетъ, — Кетевана, ты-ли это?

ЯВЛЕНІЕ V.

КЕТЕВАНА. Я, я, мой желанный!

ШАМИЛЬ. Не бойся... Подойди!.. Дай взглянуть на себя. Какъ хороша ты! Что-жь ты опоздала?

КЕТЕВАНА. Я все ждала, чтобъ отецъ мой заснулъ. Мнѣ было такъ скучно безъ тебя! Скажи, а ты нынче думалъ-ли обо мнѣ?

ШАМИЛЬ. О чемъ-же я думаю, какъ не о тебѣ! Всѣ книги грузинскихъ философовъ забыты, живопись брошена. Даже Географическое Общество не занимаетъ меня болѣе. Видѣть тебя,—вотъ все мое блаженство; думать о тебѣ—вотъ все мое занятіе! А ты любишь-ли еще меня?..

КЕТЕВАНА. Какой ты любопытный!

ШАМИЛЬ. Не мучь меня.

КЕТЕВАНА. Ну, да, люблю, разумѣется люблю, отъ всей души люблю.

КАЙХОСРО *(съ завязаннымъ ртомъ).* Мм... Мм... Мм!..

КЕТЕВАНА. Что это за шумъ?

ШАМИЛЬ. Ничего, не обращай вниманія. Тутъ пьяный какой-то ходилъ,—такъ я съ нимъ раздѣлался... Ты меня выслушай, не приводи меня въ отчаянье. Обѣщай мнѣ, что ты не будешь женой другаго.

КЕТЕВАНА. Никогда, ни за что!

ШАМИЛЬ. Да вѣдь ты обручена.

КЕТЕВАНА. Я тебя еще не знала.

ШАМИЛЬ. Но сегодня назначена твоя свадьба.

КЕТЕВАНА. Пускай назначаютъ; развѣ ты не видалъ моего жениха?.. Онъ такой гадкій.

ШАМИЛЬ. Я слышалъ, что пьяница.

КЕТЕВАНА. Скупой.

ШАМИЛЬ. Болванъ первой степени.

КЕТЕВАНА. И неучъ какой!

ШАМИЛЬ. Просто дрянь.

КЕТЕВАНА. Я его ненавижу.

КАЙХОСРО. Мм... Мм...

КЕТЕВАНА. Что-же это за шумъ?..

ШАМИЛЬ. Оставь это... Ну, пускай онъ неучъ, дрянь, — да всё-таки онъ твой женихъ. Ахъ, отчего нѣтъ болѣе разбойниковъ!

КЕТЕВАНА. А что такое разбойники?

ШАМИЛЬ. Это бывали когда-то люди, которые все отнимали силою, грабили проѣзжающихъ, нападали на беззащитныхъ.

Я слышалъ отъ отца, что онъ видѣлъ, какъ на ярмаркѣ послѣдняго разбойника за деньги показывали.

КЕТЕВАНА. Да тебѣ зачѣмъ быть разбойникомъ?

ШАМИЛЬ. А увезъ-бы тебя силой, — и бѣда тому, кто-бы помѣшалъ.

КЕТЕВАНА. Да развѣ мы затворницы какія нибудь, осужденныя въ домахъ на рабство? Слава Богу, мы свободны, мы имѣемъ съ мужчинами одинакія права. Только вотъ-что: отецъ мой армянскій купецъ; онъ далъ слово, а ты знаешь, какъ свято слово армянскаго купца, — какъ дорожитъ онъ своей честью.

ШАМИЛЬ. Знаю... *(печально).* Что-жь мы станемъ дѣлать?

КЕТЕВАНА. Вотъ—что... Я убѣгу съ тобой.

ШАМИЛЬ. Что я слышу! О Кетевана, о счастіе моё! Теперь я не сомнѣваюсь болѣе въ твоей любви. Да, убѣжимъ, убѣжимъ! *(поётъ).*

ТЕРЦЕТЪ.

Да! Убѣжимъ на край Вселенной,
Тамъ, радость свѣтлая, вдвоёмъ
Въ любви таинственно-блаженной
Мы жизнью сердца заживемъ!
Ничто насъ тамъ не потревожитъ,
Не въ силахъ счастья погубить, —

КЕТЕВАНА. Лишь если мужъ мой вѣчно можетъ, —
ШАМИЛЬ. Когда жена моя вѣкъ можетъ, —
КЕТЕВАНА. Меня любить.
КАЙХОСРО. Мм... Мм...
ШАМИЛЬ. Меня любить.
КАЙХОСРО. Мм... Мм...
ОБА. Меня любить.

Вмѣстѣ.

КЕТЕВАНА. Но времени терять нечего!.. Если бѣжать, такъ нынче-же, пока темно.

ШАМИЛЬ. Сейчасъ... Я сбѣгаю только за всемірными векселями.

КЕТЕВАНА. А я захвачу свои брилліанты съ армянскаго базара.

ШАМИЛЬ. И такъ, я тотчасъ вернусь. И наконецъ, наконецъ, моя Кетевана, мы будемъ вдвоёмъ, будемъ счастливы,

на вѣкъ неразлучны. Жизни моей будетъ мало, чтобъ доказать тебѣ мою благодарность.

КЕТЕВАНА. Люби меня только всегда, больше я ничего не требую.

ШАМИЛЬ. До свиданья-же, моя радость, моя подруга, моя жена.

КЕТЕВАНА. Что-же вы не цѣлуете своей жены?

ШАМИЛЬ. О, за этимъ дѣло не станетъ! *(цѣлуетъ).*

КАЙХОСРО. Мммм... Ммм...

КЕТЕВАНА. Ну... ну... довольно, приходите поскорѣе.

ШАМИЛЬ. Сейчасъ, сейчасъ-же вернусь. *(расходятся и снова возвращаются другъ къ другу).*

КЕТЕВАНА. До свиданія...

ШАМИЛЬ. А тамъ уже не разстанемся.

КЕТЕВАНА. Никогда... Ну... Ступайте. *(снова расходятся и, остановившись, говорятъ: до свиданія!)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

(Въ трубѣ слышна баркарола, изъ трубы вылѣзаетъ трубочистъ).

КАЙХОСРО. Мм... Мм...

ТРУБОЧИСТЪ. Что это за человѣкъ, привязанный къ трубѣ?

КАЙХОСРО. Мм... Мм..

ТРУБОЧИСТЪ. Не помочь-ли ему? Можетъ быть онъ не разсердится. Помогу въ самомъ дѣлѣ! Трубочисты люди отважные. *(развязываетъ).* Милостивый государь, вы свободны теперь. Позвольте мнѣ всеуниженно благодарить васъ.

КАЙХОСРО. За что-же?

ТРУБОЧИСТЪ. За то, что вы доставили мнѣ неоцѣненный случай оказать вамъ одолженіе.

КАЙХОСРО. Да, кажется, мнѣ-бы должно.

ТРУБОЧИСТЪ. Вы не будете сердиться на меня, что я имѣлъ счастіе прислужиться вамъ?

КАЙХОСРО. Что вы?..

ТРУБОЧИСТЪ. Не обижайтесь, пожалуста! Позабудьте это. Я не хотѣлъ сдѣлать вамъ ничего непріятнаго, не хотѣлъ вну-

шить вамъ гнуснаго чувства благодарности. — Виноватъ, простите меня.

КАЙХОСРО. Не понимаю...

ТРУБОЧИСТЪ. Не мстите мнѣ только. Я бѣдный человѣкъ. Вамъ легко будетъ меня уничтожить. Трубочисты и безъ того всегда въ черномъ тѣлѣ.

КАЙХОСРО. Да что вы говорите?

ТРУБОЧИСТЪ. Я знаю, что всякое одолженіе можетъ почесться кровной обидой. Знаю, чувствую, каюсь... Не понимаю, какъ осмѣлился... *(на колѣнахъ)*. Извините меня.

КАЙХОСРО. Да помилуйте, я очень благодаренъ.

ТРУБОЧИСТЪ. Такъ вы не сердитесь?

КАЙХОСРО. Напротивъ.

ТРУБОЧИСТЪ. О благодѣтель мой, позвольте ручку поцѣловать! Я боялся, что вы меня вѣкъ не простите. Счастье мое, что вы, кажется, сегодня немножко пьяны.

КАЙХОСРО. Такъ и есть!.. И онъ туда-же! Да кто вамъ сказалъ, что я пьянъ?

ТРУБОЧИСТЪ. Ахъ! Не сердитесь только...

КАЙХОСРО. Ну хорошо, мнѣ некогда теперь. Пошелъ вонъ!

ТРУБОЧИСТЪ. Слушаю, слушаю... Вотъ истинно великодушный человѣкъ! *(убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КАЙХОСРО *(одинъ)*. Убирайся къ чорту!.. Нѣтъ, каково мое положеніе! Съ одной стороны Шамиль, съ другой — моя невѣста, а этотъ дуракъ Карапетъ спитъ-себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Нѣтъ!.. Ужь это слишкомъ, это изъ рукъ вонъ! Карапетъ, Карапетъ, дочь твою увозятъ!..

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КАЙХОСРО и КАРАПЕТЪ.

КАРАПЕТЪ. Ты опять тамъ шумишь.

КАЙХОСРО. Выходи, старый соня, ты дочь свою проспишь.

КАРАПЕТЪ *(выходя и зѣвая)*. Уа... Уа... Что тамъ такое?

КАЙХОСРО. Какъ что?.. Мало тебѣ что-ли? Шамиль привязалъ меня къ трубѣ.

КАРАПЕТЪ. Какой Шамиль?

КАЙХОСРО. Не тотъ Шамиль, а другой, новый, понимаешь?.. не нашъ, то-есть, — впрочемъ какой чортъ нашъ!.. А другой, нынѣшній... Взялъ да привязалъ... Да проснись-же, я тебѣ кажется, ясно говорю.

КАРАПЕТЪ. Такъ что-же?

КАЙХОСРО. Онъ меня привязалъ, а невѣсту уговорилъ бѣжать... И она не прочь, представь себѣ! Я былъ связанъ, а она сдѣлалась такая развязная, что и узнать нельзя. Да нуже, проснись-же!.. Онъ её любитъ, она его любитъ... А насъ съ тобой обманываетъ, какъ дураковъ.

КАРАПЕТЪ. Ты всё-таки, пьяница, никому спать не даешь.

КАЙХОСРО. Да говорятъ тебѣ, старый колпакъ, старая дрянь!..

КАРАПЕТЪ Что-же ты ругаешься?

КАЙХОСРО. Говорятъ тебѣ, что твоя дочь, твоя Кетевана, единственная твоя радость... понимаешь-ли... должна бѣжать съ байгушемъ Шамилемъ, живописцемъ Душетскаго университета; чортъ знаетъ, что онъ мнѣ тамъ нагородилъ! Ну, обо мнѣ ты не жалѣй. Да объ себѣ-то вспомни! Вѣдь срамъ будетъ по всему базару, по всему городу. Станутъ говорить, что дочь твоя убѣжала въ горы къ Шамилю. Ну подумай объ себѣ, ну что будетъ съ твоей старой головой, что ты будешь безъ дѣтей, безъ внуковъ, — одинъ старикъ, сирота, безъ помощи, безъ утѣшенія?.. Подумать со стороны страшно! Вотъ слёзы, слёзы такъ и навёртываются.

КАРАПЕТЪ *(хладнокровно)*. Ты табакъ нюхаешь?

КАЙХОСРО. Нѣтъ, не нюхаю; провались ты съ своимъ табакомъ!

КАРАПЕТЪ. Я бы табаку теперь понюхалъ: такъ спать хочется, что насилу на ногахъ стою. Какъ нарочно забылъ табакерку.

КАЙХОСРО. Вотъ поди, толкуй съ нимъ! Увезутъ у тебя дочь, — чихнешь у меня такъ, что на Навтлугѣ будетъ слышно!

КАРАПЕТЪ. Да не кричи, братецъ!.. Видишь, я вчера долго не могъ заснуть, придумалъ важное дѣло, нашелъ возможность сбавить два процента съ моего товара, въ пользу моихъ покупщиковъ.

КАЙХОСРО. Вотъ чѣмъ занимается!

КАРАПЕТЪ. Мы, армянскіе купцы, тѣмъ извѣстны, что только и думаемъ о пользѣ покупщиковъ; мы торгуемъ не изъ личной корысти, а для блага края... а выгоды наши основаны на строгой справедливости.

КАЙХОСРО. Нѣтъ... Я ужь просто ничего не понимаю! Или меня подмѣнили, или свѣтъ сталъ совсѣмъ другой... Ты мнѣ вотъ-что скажи: гдѣ я, гдѣ ты, гдѣ мы?

КАРАПЕТЪ. Какъ? въ Тифлисѣ.

КАЙХОСРО. Да это что за штуки тамъ подѣланы?

КАРАПЕТЪ. Строенія... Вотъ это биржа, вотъ это грузинскій музеумъ, вотъ это всемірная выставка, вотъ это станція желѣзныхъ дорогъ, вотъ это площадь со статуями всѣхъ благодѣтелей Грузіи.

КАЙХОСРО. И это всё распорядилась Строительная Коммисія?

КАРАПЕТЪ. Конечно.

КАЙХОСРО. Во сколько времени?

КАРАПЕТЪ. Да въ 1000 лѣтъ съ небольшимъ. Благосостояніе Грузіи начало упрочиваться въ срединѣ 19-го столѣтія.

КАЙХОСРО. Ну, а теперь мы въ которомъ году?

КАРАПЕТЪ. Будто ты не знаешь? Въ 2853-мъ.

КАЙХОСРО. Въ 2853-мъ!—Ахъ Боже мой, такъ моей невѣстѣ 1017 лѣтъ? Такъ она меня 1000 лѣтъ обманываетъ?—Нѣтъ, ужь это слишкомъ! Я думаю, съ сотворенія міра ни одна женщина такъ долго не обманывала... *(Карапетъ заводитъ ключемъ отверстіе въ трубѣ)* Ты что дѣлаешь?

КАРАПЕТЪ. Человѣка зову.

КАЙХОСРО. Ключемъ?

КАРАПЕТЪ. Ну да! Вѣдь теперь у людей экономныхъ вся комнатная прислуга исполняется машинами. Я не въ силахъ дойти до кровати: машина её сей часъ мнѣ подастъ сюда.

(изъ окна выѣзжаетъ кровать, которую подталкиваетъ машина съ колесами, пружинами). Вотъ видишь-ли? Славный камердинеръ! На Алагирскомъ заводѣ дѣлали. Ведетъ себя акуратно, безъ всякаго разстройства, и дешево стоитъ. Машина, положи меня; машина, накрой меня; машина, погаси свѣчу и отвези въ комнату. Ну, а теперь я самъ засну... *(уѣзжаетъ).*

ЯВЛЕНIЕ IX.

КАЙХОСРО и КЕТЕВАНА.

КАЙХОСРО. Нѣтъ! Это выходитъ ужь просто чортъ знаетъ что такое!.. Машинами изволитъ забавляться!.. Спитъ, какъ старый сурокъ... А старуха дочь по крышамъ рыскаетъ... Нѣтъ, я кажется самъ отъ нея откажусь... А, вотъ и она!.. Однакожь какъ она еще моложава! Кто-бы подумалъ, что ей болѣе 1000 лѣтъ! Вотъ погоди-ка, я её пугну... Прекрасно, сударыня!.. Кого вы здѣсь поджидаете?.. Что? не думали меня встрѣтить?.. Ха, ха, ха! Я все знаю... Обманщица, вѣроломная, измѣнница!..

КЕТЕВАНА. Ахъ! Отойдите пожалуста... Я ужасно боюсь пьяныхъ.

КАЙХОСРО. Да что это, они сговорились, право! Всё пьяный да пьяный. Тутъ не обо мнѣ идетъ рѣчь, сударыня. Говорятъ вамъ, что я всё знаю.

КЕТЕВАНА. Что-же вы знаете? Что я люблю Шамиля? Да я въ этомъ не скрываюсь.

КАЙХОСРО. Ну, ужь это просто безстыдство!

КЕТЕВАНА. Ну, люблю, вамъ какое дѣло?..

КАЙХОСРО. Вотъ хорошо! Мнѣ какое дѣло?

КЕТЕВАНА. Развѣ вы не знаете, что когда Грузинка полюбитъ, ничто её не удержитъ. Найдите другихъ женщинъ, которыя умѣли-бы такъ любить! Въ правахъ мы равны съ мужчинами. Но по чувству мы выше ихъ: мы направляемъ ихъ къ постояннымъ полезнымъ занятiямъ. Отчего вы не найдете никогда празднаго Грузина? Оттого, что *мы* этого не хо-

тимъ. Воспитаніе, хозяйство, любовь,—вотъ наша цѣль въ жизни, а цѣль мужей нашихъ—польза.

КАЙХОСРО. Фу! Какъ она хороша! Послушай, Кетевана... Ну, перестань шутить. Я всё забуду, всё прощу. Узнай меня только...

КЕТЕВАНА. Я васъ никогда не видала.

КАЙХОСРО. А кто-же вчера цѣловалъ вотъ эту ручку?

КЕТЕВАНА. Какъ вы смѣете?

КАЙХОСРО. Ну, не притворяйся... Прогони своего байгуша.

КЕТЕВАНА. Чтобъ я измѣнила своему слову? Никогда!

КАЙХОСРО. Да ты измѣняешь-же!..

КЕТЕВАНА. Кому?

КАЙХОСРО. А мнѣ-то.

КЕТЕВАНА. Я васъ не знаю. Отойдите пожалуста.

КАЙХОСРО. Такъ нѣтъ-же, не пущу, ни за что на свѣтѣ не пущу. Будь тебѣ хоть 100,000 лѣтъ,—я безъ тебя жить не могу.

КЕТЕВАНА. Чего-же вы хотите?

КАЙХОСРО. Не уступлю никому.

КЕТЕВАНА. Не подходите.

КАЙХОСРО. Я запру тебя въ твоей комнатѣ.

КЕТЕВАНА. Нашли вы затворницу! Силой вы ничего не сдѣлаете.

КАЙХОСРО. А вотъ увидимъ!

КЕТЕВАНА. А вотъ увидите!

КАЙХОСРО. Такъ вотъ-же, я тебѣ докажу... *(кидается на неё).*

КЕТЕВАНА. Шамиль, помоги!..

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ-ЖЕ и ШАМИЛЬ.

ШАМИЛЬ. Небойся!.. Я здѣсь.

КЕТЕВАНА. Спаси меня отъ этого человѣка.

ШАМИЛЬ. А ты опять началъ шумѣть?

КАЙХОСРО. А ты опять началъ по крышамъ таскаться? Да я у себя дома, а ты—воръ!

ШАМИЛЬ. Молчи!.. Я тебя уничтожу.

КАЙХОСРО. Нѣтъ, братъ, Кайхосро никого не боится! Грузинъ никого не струситъ. Это давно извѣстно. Защищайся, а не то убью, какъ собаку.

ШАМИЛЬ. А! драться хочешь?.. Со мной не совѣтую.

КАЙХОСРО *(кидается на него съ кинжаломъ)*. Такъ вотъ-же тебѣ!

ШАМИЛЬ *(ломая кинжалъ)*. А вотъ тебѣ.

КАЙХОСРО. Что за дьяволъ! и не порѣзался даже...

ШАМИЛЬ. А теперь убирайся прочь.

КАЙХОСРО. Никогда! Кто-бы ты ни былъ, абрекъ, Талгикъ, Шамиль, хоть самъ чортъ! Я её тебѣ не уступлю. Я буду на тебя жаловаться начальству. Я самъ не изъ послѣднихъ. Я самъ карталинскій помѣщикъ. Я самъ надворный совѣтникъ.

ШАМИЛЬ. А! ты надворный совѣтникъ!.. Такъ мѣсто твое вотъ здѣсь... Не угодно-ли сюда пожаловать? Вотъ твоя дорога!.. *(спихиваетъ его съ крыши)*.

КАЙХОСРО *(падая)*. Ой, помогите!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

ШАМИЛЬ и КЕТЕВАНА.

ШАМИЛЬ. Ну, а теперь терять времени нечего. Что-бы отецъ твой не проснулся... Надо бѣжать.

КЕТЕВАНА. Пора... Пора!.. Куда-же мы поѣдемъ?

ШАМИЛЬ. Не знаю еще... Въ Пекинъ, или въ Америку.

КЕТЕВАНА. Поѣдемъ куда нибудь лучше въ мѣсто уединенное, — въ Парижъ, напримѣръ.

ШАМИЛЬ. Въ самомъ дѣлѣ. Тамъ намъ никто не помѣшаетъ.

КЕТЕВАНА. А что, другъ мой, есть ли у тебя извощикъ?

ШАМИЛЬ. Нѣтъ еще. Да ихъ тутъ много. Сей часъ позову... Извощикъ! Извощикъ! *(Два воздушные шара влетаютъ на сцену)*.

1 ИЗВОЩИКЪ. Куда прикажете, баринъ!

2 ИЗВОЩИКЪ. Баринъ, я прежде подалъ.

1 ИЗВОЩИКЪ. Уважу, баринъ!

2 ИЗВОЩИКЪ. Останетесь довольны.

1 извощикъ. Баринъ! Вы съ нимъ не ѣздите. У него холстина протертая.

2 извощикъ. Молчи ты, лѣшій... Самъ намедни сѣдока въ Средиземное вывалилъ. Эхъ баринъ, возьмите, дешево свезу.

1 извощикъ. А куда везти?

Шамиль. Въ Парижъ.

1 извощикъ. Три цѣлковыхъ, безъ торга.

Шамиль. Врешь... Два рубля.

1 извощикъ. Хорошо... Извольте... На водку пожалуете,— садитесь. *(Шамиль и Кетевана садятся).*

2 извощикъ. Эхъ, баринъ, напрасно меня не взяли!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Кайхосро *(карабкаясь на крышу).* Нѣтъ! Погоди! Ты думалъ, что со мною раздѣлался. А вотъ я нарочно живъ остался... Даже ногъ не переломалъ... Посмотримъ еще... Ба!.. Это что за пузырь!..

Шамиль. Хорошо-ли тебѣ сидѣть, Кетевана?

Кетевана. Хорошо, мой другъ. Прощай Тифлисъ!

Шамиль. Ну, пошелъ! *(Шаръ поднимается на воздухъ).*

Кайхосро. Э—те, те, те... Я такъ и пущу! нѣтъ, извините! Не угодно-ли остаться? *(держитъ за парашютъ)*. Карапетъ, Карапетъ! Да проснись-же, старый храпунъ!

Карапетъ. Опять ты шумишь! Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Дочь мою увозятъ! Задержи ихъ.

Кайхосро. Стойте... Стойте!.. Не пущу!.. Это что такое?.. Батюшки-свѣты! Что это со мной дѣлается! Я не птица... Это по ошибкѣ, право по ошибкѣ! Съ роду не леталъ. Въ воздухъ подняло... Помогите... Не пущу... Эй, товарищи... Братцы... Что... это!.. *(улетаетъ съ шаромъ).*

Карапетъ *(вбѣгая на сцену).* Ахъ, несчастный я! дочь моя пропала. *(На крышѣ бѣгаетъ народъ въ суматохѣ. Изъ оконъ глядятъ мужчины и женщины. Всѣ указываютъ на небо).*

ХОРЪ.

Какое приключенье
Купца сразило тутъ!
Свершилось похищенье, —
Любовники бѣгутъ.
Летятъ за Океаны!
Гдѣ сыщется ихъ слѣдъ?
Лишился Кетеваны
Несчастный Карапетъ.

———

ДѢЙСТВІЕ II.

(Декорація представляетъ берегъ Чернаго Моря, на которомъ скользятъ десятками пароходы. На горахъ видны великолѣпныя виллы и сады. На первомъ планѣ мраморный дворецъ, на третьемъ другой дворецъ съ роскошными воротами. Посреди сцены дерево).

ЯВЛЕНІЕ I.

БАРТОЛУСЪ, КУПЕКФОРМУСЪ *(разбираетъ колоду картъ, сидя на скамейкѣ).*

БАРТОЛУСЪ. Кажется мои предположенія неошибочны. Вотъ 12 лѣтъ, какъ я занимаюсь объясненіемъ этихъ бумажекъ. Когда диссертація моя будетъ напечатана, всѣ карабахскіе ученые помрутъ отъ досады. Это что за шумъ?

КАЙХОСРО *(падая съ дерева).* Ой... Ой, да погодите-же... не улетайте безъ меня... Ой сорвался... Ну, что-то теперь будетъ. Часъ отъ-часа не легче... Ой... Ой...

БАРТОЛУСЪ. Вотъ съ неба свалился человѣкъ. Быть можетъ онъ объяснитъ мнѣ эту тайну. Скажи мнѣ, иностранецъ, ты ученый?

КАЙХОСРО. Ахъ! Очень, очень... ученый.

БАРТОЛУСЪ. Я такъ и думалъ. Мои догадки меня никогда не обманываютъ. Ты, можетъ быть, членъ нухинскаго нумизматическаго общества?

КАЙХОСРО. Да, я бывалъ въ Нухѣ.

БАРТОЛУСЪ. Или сотрудникъ академіи любителей древностей въ Ачхоѣ?

КАЙХОСРО. Что это онъ за чепуху несётъ.

БАРТОЛУСЪ. Говорятъ, ваши члены не со всѣмъ въ ладу между собою!

КАЙХОСРО. Нѣтъ, мои члены еще цѣлы кажется, по какому-то чуду.

БАРТОЛУСЪ. Любезный профессоръ...

КАЙХОСРО. Вотъ-те на!..

БАРТОЛУСЪ. Помоги мнѣ лучами твоего разума. Вотъ наши археологи и ученые 15 лѣтъ ломаютъ себѣ головы. Въ одной древней развалинѣ нашли странную рѣдкость. Какъ ты думаешь, что это такое?

КАЙХОСРО. Это?

БАРТОЛУСЪ. Да.

КАЙХОСРО. Это пиковая дама.

БАРТОЛУСЪ. А это?

КАЙХОСРО. Это бубновый король *(въ сторону)*. Что это, ужь не хочетъ-ли онъ со мной въ асунаси играть!

БАРТОЛУСЪ. Иностранецъ! я вижу, что ты дѣйствительно ученый. Но на какомъ языкѣ говоришь ты? Чтó значатъ эти слова—пиковый, бубновый?

КАЙХОСРО. Какъ чтó! а это иногда значитъ—козырь.

БАРТОЛУСЪ. Ты преисполняешь умъ мой удивленіемъ. Разсуди насъ. У меня есть одинъ ученый непріятель и маленькой такой ростомъ, не болѣе какъ на 2 аршина абсолютной высоты надъ уровнемъ моря или геодезическаго нуля. Представь себѣ, онъ утверждаетъ, что этими бумагами отмѣчались у древнихъ черные и красные дни. Но я уже 12 лѣтъ составляю опроверженіе противъ него. Я доказываю, что эти бумажки служили для секретной корреспонденціи между начальниками отрядовъ, въ тѣ баснословныя времена, когда люди занимались еще войной. Вотъ видишь-ли: каждая бумажка выражала іероглифъ или условный знакъ и, по прежнимъ военнымъ обстоятельствамъ края, онѣ были очень полезны, потому-что передавались лазутчиками и, такимъ образомъ, сообщали тайныя свѣдѣнія о движеніи войскъ. Это я самъ догадался, и въ доказательство написалъ уже 6 томовъ съ приложеніями и рисунками. Вотъ она наука-то что значитъ... Какъ по вашему, профессоръ... Правъ-ли я?

КАЙХОСРО. Ну нѣтъ!..

БАРТОЛУСЪ. А, такъ вы не ученый!.. Если-бы вы были ученый, вы думали-бы какъ я. Или можетъ быть вы хотите воспользоваться моимъ открытіемъ.—Чего добраго!.. А!

КАЙХОСРО. Да нѣтъ!

БАРТОЛУСЪ. Такъ по вашему, что-же это такое?

КАЙХОСРО. По нашему это карты.

БАРТОЛУСЪ. Кабалестическія.

КАЙХОСРО. Нѣтъ, простыя, какими играютъ въ ералашъ, въ цхру въ банчикъ.

БАРТОЛУСЪ. Что-съ?

КАЙХОСРО. Да и въ штосъ, пожалуй.

БАРТОЛУСЪ. Да зачѣмъ-же?

КАЙХОСРО. Да такъ, чтобъ время терять.

БАРТОЛУСЪ *(сердито).* Милостивый государь, я васъ принялъ сперва за ученаго человѣка, а теперь вижу, что вы съ похмелья шутите.

КАЙХОСРО. Ну такъ и есть.

БАРТОЛУСЪ. Не смѣйте меня дурачить. Ступайте своей дорогой.

КАЙХОСРО. Да мнѣ вовсе не до шутокъ.

БАРТОЛУСЪ. Стыдитесь, перестаньте. Ну можно-ли повѣрить, чтобъ была въ исторіи эпоха, когда люди старались напрасно время терять,—тогда какъ время—первое богатство, первый капиталъ; тогда какъ всякая минута драгоцѣнна. Хорошо, что я старикъ и ученый, а то я бы васъ проучилъ.

КАЙХОСРО. Да убирайтесь вы съ своей ученостью. Нѣтъ, вы мнѣ скажите, гдѣ я. Куда я попалъ, то есть упалъ.

БАРТОЛУСЪ. Ты здѣсь въ древней Русской лазикѣ. Впрочемъ, объ лазикѣ мнѣнія различныя. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что Русской лазики никогда не существовало. Ты читалъ Страбона?

КАЙХОСРО. Нѣтъ, не читалъ и читать не хочу. Ты мнѣ скажи, какъ называется этотъ край?

БАРТОЛУСЪ. Его называютъ Абхазія, но это ошибочно.

КАЙХОСРО. А это что за домà на горѣ?

БАРТОЛУСЪ. А это... это Петербургскія дачи.

КАЙХОСРО. Петербургскія?

БАРТОЛУСЪ. Да, сюда выѣзжаютъ изъ города подышать свѣжимъ воздухомъ.

КАЙХОСРО. Да не далеко-ли?

БАРТОЛУСЪ. Что это значитъ далеко?

КАЙХОСРО. А это что за поля?

БАРТОЛУСЪ. Это всё помѣстья. У насъ ни одинъ клочекъ земли не остается не обработаннымъ; а произведенія сбываются на этихъ корабляхъ. Казна получаетъ огромные доходы, а богаче Мингрельцевъ, Гурійцевъ и Абхазцевъ нѣтъ капиталистовъ на свѣтѣ. Люди довершили начатое Природой. Но первое сокровище—наука!..

КАЙХОСРО. Ну а это что за дворцы мраморные?

БАРТОЛУСЪ. Этотъ... духанъ.

КАЙХОСРО. Какъ духанъ?

БАРТОЛУСЪ. Духанъ... то есть гостинница.

КАЙХОСРО. А вотъ этотъ?

БАРТОЛУСЪ. Здѣсь участковое правленіе.

КАЙХОСРО. Ну давно-бы сказалъ. А я съ тобой время теряю. Только со мной нѣтъ паспорта. Впрочемъ, всё равно, деньги есть...

БАРТОЛУСЪ. Ба! паспортъ. Что это за вещь?

КАЙХОСРО. Это вещь... для удостовѣренія... Ну да всё равно... Вотъ видишъ-ли. Мнѣ надо подать въ судъ жалобу, объявленіе, о томъ, что моя невѣста бѣжала съ разбойникомъ Шамилемъ безъ позволенія начальства, о чемъ я-и подамъ явочное прошеніе. Здѣсь секретарь есть?

БАРТОЛУСЪ. Какъ-же, онъ тутъ живетъ подлѣ станковъ телеграфа.

КАЙХОСРО. Какого это телеграфа?

БАРТОЛУСЪ. Электрическаго.

КАЙХОСРО. Просто чудеса! Только знаете, не нужно-ли мнѣ предварительно познакомиться съ однимъ изъ служащихъ. Оно,

знаете, не мѣшаетъ, — можно будетъ задобрить, поговорить поусловиться...

БАРТОЛУСЪ. Да здѣсь въ Правленіи только всего одинъ чиновникъ и есть. Постучитесь въ форточку. Онъ сей часъ выйдетъ.

КАЙХОСРО. Странно, какое-же это Полицейское Управленіе съ однимъ только чиновникомъ. *(Стучится).* Г-нъ Секретарь... извините, что я васъ безпокою посреди занятій. Несчастное обстоятельство вынуждаетъ меня. Случай вышелъ такой. Вы можете мнѣ помочь, а за благодарностію дѣло не станетъ. Останетесь довольны *(выходитъ мальчикъ лѣтъ пяти, съ трубкой и подаетъ руку)* а, здраствуй душенька, что папеньки нѣтъ дома?

БАРТОЛУСЪ. Что вы? Онъ самъ писарь, а отецъ у него полезный фабрикантъ.

КАЙХОСРО. Помилуйте, въ такихъ лѣтахъ!

БАРТОЛУСЪ. Да развѣ трудное дѣло за машинами смотрѣть, №№ выставлять и приводитъ въ порядокъ статистическія свѣдѣнія. Онъ у насъ въ свободное время еще стихи пишетъ.

КАЙХОСРО. Каковъ молодецъ! Душенька, хочешь *(Бартолусъ дѣлаетъ знаки)* я тебѣ подарю барабанъ, или пряникъ. Лошадку хочешь? *(мальчикъ показываетъ носъ и уходитъ.)*

БАРТОЛУСЪ. Что вы? что вы?.. Вы ему сдѣлали кровную обиду... Вы ему взятку предложили. Виданное-ли дѣло, чтобъ чиновникъ пользовался своей службой. У насъ и примѣра тому не бывало, одно подозрѣніе даже оскорбительно... Берегитесь... Если засѣдатель узнаетъ, бѣда вамъ будетъ, онъ такой вспыльчивый. А вотъ и онъ самъ. Раздѣлывайтесь какъ знаете.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Гдѣ этотъ болванъ, который хотѣлъ подкупить мою канцелярію?

КАЙХОСРО. Кто это молодая дама?

БАРТОЛУСЪ. Это участковый засѣдатель.

КАЙХОСРО Неужъ-то!.. Я такого хорошаго засѣдателя никогда не видывалъ.

БАРТОЛУСЪ. Слово—засѣдатель происходитъ отъ древняго глагола сидѣть, тотъ кто сидитъ, — или подсиживаетъ. Хорошій засѣдатель долженъ, слѣдовательно, всегда сидѣть, то есть не терять мѣста... Объ этомъ можно написать разсужденіе. *(уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

КАЙХОСРО и ЗАСѢДАТЕЛЬ.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Милостивый государь, вы вѣроятно выпили не въ мѣру.

КАЙХОСРО. Такъ и есть... безъ этого не обойдется.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Какъ осмѣлились вы даже подумать, чтобы чиновникъ, при исправленіи своей обязанности, принялъ отъ просителя подарокъ. Гдѣ вы это видѣли!..

КАЙХОСРО. Гдѣ я это видѣлъ?.. Гдѣ бишъ я это видѣлъ...

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Молчите. Неоправдывайтесь. Какъ вамъ не стыдно!.. Предполагать въ другихъ низкія чувства, значитъ быть способнымъ на низость.—Да, обижать никто не въ правѣ. Я не стерплю обиды, нанесенной моему подчиненному. Я требую отъ васъ удовлетворенія. Защищайтесь... а не то я отрублю вамъ уши *(вынимаетъ шашку).*

КАЙХОСРО. Да погодите...

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Защищайся, говорятъ тебѣ.

КАЙХОСРО. Простите, виноватъ... Я самъ не знаю... какъ это сдѣлалось... Я нынче какъ ума лишенный... Такія горестныя обстоятельства... Несчастія помрачили разсудокъ. Ахъ, если-бы вы знали, какъ я несчастливъ!.. *(Шашка выпадаетъ изъ рукъ засѣдателя).*

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Ты несчастливъ! Что съ тобой!

КАЙХОСРО. Невѣста моя...

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Что... *(Кайхосро указываетъ на небо).* Умерла?

КАЙХОСРО. Нѣтъ... Улетѣла.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Улетѣла! Куда-же это?..

КАЙХОСРО. Не знаю, куда-то по вѣтру.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Зачѣмъ-же ты выбралъ невѣсту такую вѣтренную.

КАЙХОСРО. Всѣ женщины измѣнщицы, всѣ женщины вѣтренныя.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Ахъ нѣтъ... не всѣ, не всѣ. Есть такія, которыя способны любить постоянно, вѣчно. Если-бы я была твоей невѣстой, я тебя-бы не обманула.

КАЙХОСРО. *(въ сторону)* Какія прелестныя глаза! Что-то она на меня поглядываетъ.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Разскажи мнѣ свое горе, иностранецъ. Я даромъ что полицейскій чиновникъ, а имѣю нѣжное сердце.

КАЙХОСРО. Вчера я думалъ жениться, а нынче проклятый Шамиль улетѣлъ съ моей невѣстой.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Улетѣлъ на воздушномъ шарѣ?

КАЙХОСРО. Да!..

ЗАСѢДАТЕЛЬ. А какъ назывался шаръ!..

КАЙХОСРО. Постой... на немъ написано было: Молнія...

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Ты непремѣнно хочешь знать куда она бѣжала?

КАЙХОСРО. Очень-бы хотѣлъ...

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Ахъ! напрасно *(вздыхаетъ)*.

КАЙХОСРО. Отчего-же напрасно!.. Что это вы на фортепьянахъ хотите играть?..

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Нѣтъ, я навожу справку по электрическому телеграфу. Ты писать умѣешь по русски?

КАЙХОСРО. Почти...

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Да не надо,—я сама напишу.

КАЙХОСРО. Это опять что за дьявольщина...

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Вотъ и отвѣты получены *(развертываетъ бумажки.)* Изъ Алжира: молніи не видали... Изъ Неаполя—не видали... Изъ Парижа: останавливались, закусывали и полетѣли далѣе.

КАЙХОСРО. Далѣе Парижа! ахъ, я несчастный, несчаатный! *(плачетъ)*.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Да не плачь-же, не отчаявайся, я не могу видѣть плачущаго человѣка. Что-жь? Свѣтъ такъ созданъ.— Одна обманетъ, другая утѣшитъ!

КАЙХОСРО. Кто меня утѣшитъ!

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Разсѣйся, пойдемъ въ духанъ.

КАЙХОСРО. Что я тамъ буду дѣлать.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Здѣсь теперь, проѣздомъ, Итальянская труппа.

КАЙХОСРО. Эти еще куда ѣдутъ?

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Въ Мингичауръ, на сезонъ. Они ѣдутъ на долгихъ, по желѣзной дорогѣ, — такъ здѣсь ночуютъ. Есть у насъ свои Русскіе и Грузинскіе актеры. Я ихъ всѣхъ пригласила сегодня на вечеръ въ духанъ. Пойдёмъ съ нами, ты можешь разсѣяться. Мы заставимъ тебя позабыть про твою вѣроломную, — пойдёмъ-же туда.

Sicilienne.

Тамъ, подъ сѣнію духана
Приходи къ намъ отдохнуть;
Тамъ разсѣйся отъ обмана
И невѣсту позабудь. —
Вѣрность мечтанье пустое;
Объ невѣрной что жалѣть! —
Отомстимъ ей лучше двое,
И на зло ей станемъ пѣть.
Тра... ла... ла...

КАЙХОСРО. Тра... ла... ла...

(La reprise ensemble).

КАЙХОСРО. Да, пойду подъ сѣнь духана
И приду къ вамъ отдохнуть;
Тамъ разсѣюсь отъ обмана, —
Только милостива будь.

КАЙХОСРО. Да, если вы захотите меня утѣшить, такъ... я... съ особеннымъ удовольствіемъ.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Ну вотъ видишь-ли? Давно-бы такъ... Ты думаешь, что въ меня можно влюбиться!..

КАЙХОСРО. Ахъ, очень, очень можно... Какъ она мила!

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Какъ онъ хорошъ!..

КАЙХОСРО. Только объясните мнѣ пожалуста: какъ это Засѣдатель можетъ быть женщиной? Ну, положимъ, бываютъ иногда чиновники настоящими бабами... это случается... это

видано. Но чтобъ такая очаровательная женщина, какъ вы, была-бы Засѣдателемъ!.. Признаюсь,—это меня удивляетъ.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Чему-же вы удивляетесь! Мы живемъ въ такое время, гдѣ о правахъ своихъ никто не думаетъ, а всѣ думаютъ о своихъ обязанностяхъ, чѣмъ самыя права и опредѣляются. Происшествій, процессовъ, насилій слѣдовательно нѣтъ. Полиціи дѣлать почти нечего. Мущины заняты промышленностію, торговлей, искусствами, науками; а полицейское наблюденіе, какъ дѣло самое легкое, предоставлено женщинамъ. Ну, если и случится изрѣдка какая нибудь незначительная ссора,—кто-же можетъ усмирить лучше женщины. Не такъ-ли?..

КАЙХОСРО. А въ самомъ дѣлѣ... Глаза-то у нее какіе... просто жгутъ! Г-нъ Засѣдатель, позвольте у васъ спросить,—вы за-мужемъ?

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Нѣтъ еще. А вамъ зачѣмъ знать?

КАЙХОСРО. Такъ... я... ахъ!..

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Что-жь вы вздыхаете?

КАЙХОСРО. Я... нѣтъ... Какая прелестная у васъ ручка, г-нъ Засѣдатель.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Оставьте её... Ахъ!..

КАЙХОСРО. Да и вы тоже вздыхаете.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Я не знаю... я въ волненіи... ваше присутствіе меня смущаетъ.

КАЙХОСРО. Что вы говорите! Ахъ, неужели?

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Да перестаньте-же. Пора въ духанъ.

КАЙХОСРО (*нѣжно*). Зачѣмъ намъ въ духанъ; намъ и здѣсь хорошо.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Нѣтъ, пойдемъ-те... Гости мои здѣсь подлѣ дожидаются. Пойдемъ-же за ними. А тамъ, если вы забудете свою измѣнщицу, если вы сами не обманете, то...

КАЙХОСРО. Я могу надѣяться...

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Надѣйтесь... Ахъ, что я сказала!..

КАЙХОСРО. Не раскаявайтесь... повторите...

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Нѣтъ... послѣ... Пойдемъ-те же.

КАЙХОСРО. За вами куда угодно, хоть на Эльборусъ *(уходятъ)*. *Торжественный маршъ обходитъ сцену. Впереди военная музыка играетъ маршъ изъ Пророка. За ними несутъ флагъ грузинской труппы. За флагомъ попарно идутъ зурначи и грузинскіе актеры и актрисы. За ними флагъ Evica Italie и идутъ хористы и вся труппа италіянская. За Италіянцами флагъ «да здраствуетъ Русь!» —Идутъ танцы и русская труппа, 8 Арапповъ несутъ Кайхосро на носилкахъ; подлѣ идетъ Засѣдатель. Шествіе замыкается статистами. Актеры идутъ попарно и кланяются публикѣ, какъ въ Мольеровскихъ интермедіяхъ. Послѣ нѣсколькихъ эволюцій, шествіе входитъ въ ворота духана.*

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Декорація представляетъ великолѣпную залу. Кайхосро, Засѣдатель и всѣ актеры входятъ).

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Благодарю васъ, друзья мои, что вы такъ благосклонно приняли мое приглашеніе. Согласіе между артистами, отсутствіе мелочнаго самолюбія для пользы искусства, вотъ что отличаетъ ваше полезное сословіе. Садись сюда, прекрасный иностранецъ!.. Они тебя разсѣятъ.

КАЙХОСРО. Да нѣтъ... ихъ не надо... Я бы съ тобой... Засѣдатель... съ тобой бы хотѣлъ остаться.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. А невѣста?

КАЙХОСРО. Невѣсту я забылъ... я хочу быть вашимъ женихомъ, прелестная Засѣдательница.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Тише... осторожнѣе... послѣ... увидимъ. Начинайте, друзья мои. *(Всѣ начинаютъ вмѣстѣ)*. Что это?.. не всѣ же врознь!—Это слишкомъ знакомая музыка. Спойте что нибудь по-новѣе... *(Италіянцы поютъ pasticcio изъ разныхъ оперъ, перебивая другъ друга)*.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Хорошо, браво... Не правда-ли, хорошо?

КАЙХОСРО. Ты лучше всего на свѣтѣ... Если-бы ты знала...

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Вина!.. Подайте вина. *(Танцоры и танцовщицы выбѣгаютъ съ кубками. Танцоры ревнуютъ и прыгаютъ. Танцовщицы обворажаютъ Кайхосро и подаютъ ему кубки; послѣ этого, подаютъ кубки всѣмъ артистамъ).*

ЗАСѢДАТЕЛЬ. За здоровье нашего гостя... *(Начинается «Орія» изъ Графа Ори, при окончаніи которой танцовщицы обвиваютъ Кайхосро гирляндами. Раздаются три громовые удара. Артисты составляютъ живыя картины, которыя мѣняются при каждомъ ударѣ. При послѣднемъ, всѣ лампы тухнутъ, и артисты разбѣгаются. Остается одинъ Кайхосро — въ цвѣтахъ и съ кубкомъ въ рукѣ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

КАРАПЕТЪ *(качая головой)*. Ай, ай, ай... стыдно!.. ты опять началъ пьянствовать. Скоро-ли ты перестанешь!

КАЙХОСРО. Карапетъ!.. Ты какъ сюда попалъ?

КАРАПЕТЪ. За тобой, несчастный, тебя отыскиваю.

КАЙХОСРО. За мной! — Прошу не безпокоиться; мнѣ и здѣсь хорошо... Засѣдатель!.. гдѣ ты?..

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Здѣсь.

КАЙХОСРО. Вели его вытолкать,—я его знать не хочу.

КАРАПЕТЪ. Да выслушай.

КАЙХОСРО. Ничего слышать не хочу. Я женюсь на Засѣдателѣ. — Вели его вытолкать.

КАРАПЕТЪ. Да говорятъ тебѣ,—Кетевана отыскина.

КАЙХОСРО. Какъ... что... гдѣ?..

КАРАПЕТЪ. У меня есть братъ, который торгуетъ кутаисскими четками на мысѣ Доброй Надежды.

КАЙХОСРО. А мнѣ какое дѣло!.. Засѣдатель не уходи, вели его вытолкать.

КАРАПЕТЪ. Онъ узналъ мою Кетевану, когда она мимо летѣла,—остановилъ её, уговорилъ, усовѣстилъ,—и она согласилась быть твоей женой.

КАЙХОСРО. Слуга покорный... жениться на дѣвушкѣ, которая была на мысѣ Доброй Надежды. Засѣдатель любишь-ли ты меня?

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Какъ ты думаешь?

КАЙХОСРО. Вотъ тебѣ моя рука...

ЯВЛЕНІЕ VI.

КЕТЕВАНА. Батюшка, простите меня... Я, бѣдная, неопытная дѣвушка... я сама не знаю, какъ это случилось... не погубите меня... я знаю теперь, что женщинѣ не годится уноситься за облака, а надо дома сидѣть... Простите.

КАРАПЕТЪ. Вотъ ты у кого должна просить извиненія.

КЕТЕВАНА. Кайхосро!..

КАЙХОСРО. Ай, ай, ай!..

КЕТЕВАНА. Прости меня. — Я обѣщаюсь тебѣ, что я никогда не буду разсказывать тебѣ объ этомъ происшествіи. Вспомни, какъ ты любилъ меня.

КАЙХОСРО. Оставьте меня... Засѣдатель, не покидайте меня.

КЕТЕВАНА. Вспомни, какъ ты долго ходилъ подъ моими окнами, какъ долго не рѣшался говорить со мной. — Вспомни, когда мы познакомились на Авлабарѣ... на праздникѣ. — Я была съ тетушкой, а ты верхомъ и чуть-чуть не задавилъ насъ;—хоть-бы закричалъ — хабарда.

КАЙХОСРО. Не припоминай...

КЕТЕВАНА. Ты проводилъ насъ до дома... и въ первое Воскресенье я плясала передъ тобой лезгинку. Помнишъ-ли ты этотъ вечеръ?

КАЙХОСРО. Охъ! помню... Да Шамиль-то какъ тутъ вмѣшался?

КЕТЕВАНА. Прости... сжалься...

КАЙХОСРО. Нѣтъ!..

КЕТЕВАНА *(изъ Роберта)*. Сжалься... надо мной.

КАЙХОСРО. Нѣтъ... не могу болѣе выдержать.—Нѣтъ, Кетевана, я чувствую, что я люблю тебя болѣе жизни... Будь ты виновата, будь ты невинна,—знать ничего не хочу... Знаю только, что я люблю тебя...

КАРАПЕТЪ. И прекрасно.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. А я-то что?

КАЙХОСРО. Нѣтъ, ты меня ужъ извини.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ШАМИЛЬ. А я-то что?..

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Ты погоди; пускай сперва онъ со мной раздѣлается. Онъ взволновалъ мое воображеніе, онъ предложилъ мнѣ свою руку, а теперь на зло меня оскорбляетъ. — Я съ нимъ развѣдаюсь... *(оба теребятъ его)*.

ШАМИЛЬ. Нѣтъ, онъ со мной сперва раздѣлается.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Онъ лишилъ меня спокойствія.

ШАМИЛЬ. Онъ лишаетъ меня счастія.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Онъ умретъ отъ руки моей.

ШАМИЛЬ. Нѣтъ, отъ моей руки умретъ.

КАЙХОСРО. Да полноте... не хватайте такъ, весь кафтанъ изорвете. Ты хочешь выйдти за мужъ, засѣдательница? — На, — вотъ тебѣ мужъ, — отвяжись только.

КАРАПЕТЪ. А что-бы въ самомъ дѣлѣ!..

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Отвяжись, старая харя.

КАЙХОСРО. А я беру свою Кетевану. — Никому не отдамъ.

ШАМИЛЬ. А забылъ ты, что я Горецъ!

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Забылъ ты, что я Засѣдатель! — Эй, чапурханы! ко мнѣ на помощь.

ШАМИЛЬ. Эй, братья, горцы, сюда! Стрѣляйте въ моего недруга *(вбѣгаютъ Горцы въ окна)*.

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Стрѣляйте въ него.

КАЙХОСРО. Стрѣляйте какъ вамъ угодно, а я теперь говорю одно и тоже... Я никого не боюсь. Я женихъ Кетеваны... Я далъ ей слово... Она моя...

ЗАСѢДАТЕЛЬ. Ты не хочешь на мнѣ жениться?

КАЙХОСРО. Нѣтъ!..

ШАМИЛЬ. Ты не хочешь уступить мнѣ Кетеваны?

КАЙХОСРО. Нѣтъ!..

ШАМИЛЬ. Стрѣляйте въ него...

КАЙХОСРО. Не испугаете... Грузинъ неиспугается тысячи смертей... Прощай Кетевана!.. ой, умираю!.. *(Горцы даютъ залпъ и убѣгаютъ. Въ оркестрѣ fortissimé, которое переходитъ мало по малу въ diminuendo. Декорація представляетъ первый видъ Тифлиса, только днемъ. На послѣдней террасѣ собираются дѣвушки. Ревазъ и прочіе входятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

РЕВАЗЪ. Посмотрѣть-ка, что дѣлаетъ нашъ женихъ. Пора скоро будетъ вести его подъ вѣнецъ. Вотъ ужь дѣвушки собираются къ невѣстѣ.

1 ГРУЗИНЪ Да вотъ онъ, кажется.

Ревазъ. Ахъ, Боже мой, да онъ еще спитъ... Эй Кайхосро!.. Вставай, пора.

Кайхосро. А!.. что.. такое... выстрѣлы... Засѣдатель... шаръ... Шамиль.

Грузины *(смѣются).* Что ты бредишь!

Кайхосро. Что вы за люди?..

Ревазъ. Да проснись-же... Ты всё еще бредишь.

Кайхосро. Какъ! это всё было во снѣ!.. Всё во снѣ!.. Точно... это ты, Ревазъ. Ахъ, какой сонъ я видѣлъ.

Ревазъ. Что-жь мудренаго. Ты порядочно былъ пьянъ вчера.

Кайхосро. Ну, Богъ тебя проститъ. Только ужь, братъ, я больше пить не согласенъ. Мнѣ всё приснилось: и шары и желѣзныя дороги, — всё, объ чемъ толковали вчера... Ну, а Карапетъ гдѣ?

Ревазъ. Карапетъ ужь проснулся...

Карапетъ. Здраствуй, зятюшка, каково ночь провелъ?

Кайхосро. Благодарю... А Кетевана гдѣ?

Карапетъ. А ужь она одѣта... Вотъ выходитъ къ подругамъ. *(Кетевана выходитъ на террасу).*

Ревазъ. Ну, однакожъ, пора тебѣ одѣваться. Ступай, ступай скорѣе въ свою комнату.

Кайхосро. Такъ это всё было во снѣ!

Ревазъ. Ступай-же.

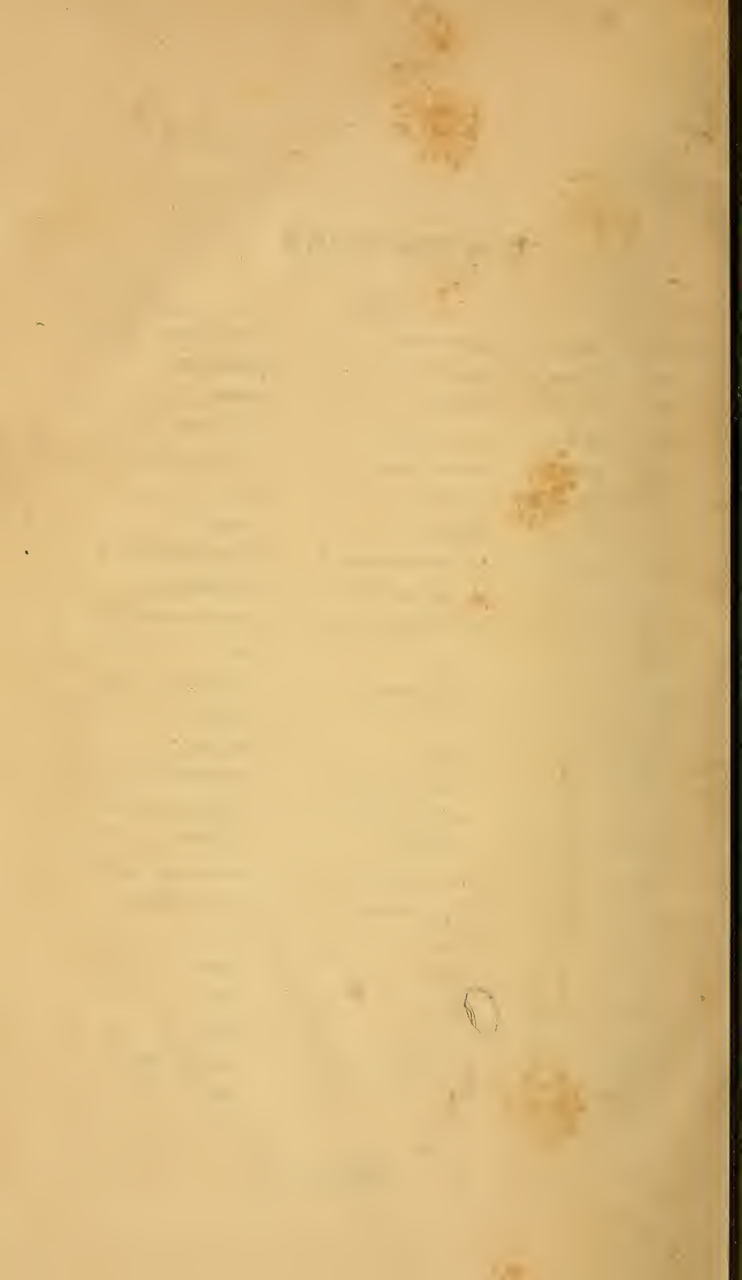
Кайхосро. Сей часъ... Вотъ надо еще одно слово сказать.

Я видѣлъ многое во снѣ,
Но главное мнѣ тó казалось,
Что вы, смѣясь, внимали мнѣ,
Что наша шутка удавалась...
Теперь не много я смущенъ;
Во снѣ легко такъ ошибаться,
Но если это было — сонъ, —
Позвольте мнѣ не просыпаться.

Гр. В. А. Соллогубъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страницы:	*Строки:*		*Напечатано:*	*Должно быть:*
16	17	св.	разказы	разсказы.
28	8	сн.	**КИКЕЛА**	**КЕКЕЛА.**
33	15	—	Сего дня	Сегодня
35	18	св.	воспнтывали	воспитывали
42	3	—	*радостно*	*(радостно.*
58	2	сн.	цѣлуст	цѣлуетъ.
96	11	—	направленіемъ я	направленіемъ и
104	8	—	художтство	художество
130	6	—	увлеченные они...	увлеченныя онѣ...
132	15	—	сму	ему
233	1	св.	Джварскимъ	Лашарисъ-джварскимъ
234	6	—	будетъ	будемъ
—	2	сн.	пшавцами;	Пшавцами;
237	4	—	неопрятинсти.	неопрятности.
240	16	св.	глазами.	слезами.
249	6	—	оставдяютъ	оставляютъ
302	13	сн.	отквовенно	откровенно
314	1	—	ся.	ея.
317	1	—	полой	полной
327	6	св.	онѣ	онъ
357	12	сн.	зняю	знаю
368	6	—	несчаатный	несчастный
371	5	св.	*Italie*	*Italia*

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
INFORMATION
CONSERVATION, INC
MAY-JUNE 1988